

Жанна Далева

Одежда
для
невидимки

Annotation

Привычной жизни приходит конец, когда случайный подарок — оберег по-своему распоряжается вашей судьбой и неожиданно закидывает вас в другой мир. Но коварной волшебной вещице этого было мало. Как вам, открыть глаза черт знает где и не увидеть... саму себя! А еще обзавестись тетушкой, найти друзей, влюбиться и, как бонус, взвалить на свои плечи заботу о пернатом паршивце с вычурным именем.

- [Жанна Долгова](#)
 - [Вместо пролога](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)

- [Часть 3](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Часть 4](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Эпилог](#)
-

Жанна Долгова
Оберег для невидимки

Вместо пролога

Незванный гость, богато одетый господин, войдя в кабинет и не дожидаясь приглашения, вальяжно устроился на стуле у стола. Затянутые в перчатки руки опирались на трость, воткнутую острым концом в пол. Неспешно огляделся и, удовлетворив свой интерес, скучающе перевел холодный взгляд на владельца дома.

— У меня к вам деловое предложение: во сколько вы оцениваете артефакт? — растягивая слова, с ленцой спросил хозяина — молодого светловолосого мужчину, который, откинувшись на спинку кресла, спокойно наблюдал за посетителем.

— Простите, но он не продается.

— Я дам хорошие деньги, вы не останетесь внакладе, — визитер подался навстречу, дернув в плохо скрываемом раздражении щекой.

— Нет. И оставим этот бессмысленный торг.

— Жаль. Я думал, вы разумный человек, — картинно вздохнул неприятный собеседник.

— Звучит, как угроза, — стараясь не показывать своего недовольства его словами, усмехнулся владелец поместья.

— Подумайте над моим предложением, — господин с тростью поднялся, собираясь покинуть комнату, — скажем... до послезавтра.

— Мой ответ вы слышали. Не тревожьте меня боле. Камердинер проводит вас.

Скептически хмыкнувшего «покупателя» провожали настороженным взглядом.

— Не надейтесь на это, — прозвучало насмешливо уже от дверей. — И лучше вам со мной не ссориться.

— Всего хорошего! — пожелали уже в закрытую дверь. — Хьюго!

— Слушаю, ваше сиятельство, — верный старый слуга замер в ожидании приказа.

— Собирай вещи, мы уходим из этого мира.

Часть 1

Глава 1

— Старый банк был красивее...

— Его часто грабили.

— Красота требует жертв.

(х/ф «Бутч Кэссиди и Санденс Кид»)

«Опаздываю. Бессовестно, катастрофически опаздываю!»

Мимо на скорости пронёсся велосипедист в бандане. Проводила его завистливым взглядом и поднажала на своих двоих. Мягкие мокасины заботливо «обняли» ступню, позволяя чувствовать комфорт и уверенность в беге. Широкая аллея через парк существенно сокращает расстояние до места службы, но не сегодня. Сегодня все против меня! Нет не все, если быть точной — конкретно один, очень медлительный водитель маршрутки! И капельку будильник, который не соизволил разбудить хозяйку в установленное время! Будильник роднее, поэтому все шишки достались шоферу, который этим утром вспомнил о правилах дорожного движения.

Встречные граждане, такие же служаки и трудяги, бодро шагают с вдохновенными лицами, будто неся самих себя бесценных на производственные подвиги. Даже собачники отгуляли своих питомцев и влились в этот марш счастливых обладателей рабочих мест и зарплаты.

Обогнав двух оживленно беседующих женщин и толстяка с портфелем, не снижая скорости свернула на боковую дорожку с выходом на улицу, застроенную офисными зданиями. Взгляд зацепился за пожилого мужчину в плаще. Он брел, никуда не спеша и заложив руки за спину, по направлению к скамейке. Бросилась в глаза его элегантная шляпа трилби из светлого фетра, сидящая на седой голове.

И тут старика как-то странно повело в сторону. Неловко взмахнув рукой, он попытался переступить ногами для лучшей устойчивости, но только еще сильнее пошатнулся и, окончательно потеряв равновесие, стал заваливаться набок.

Меня будто неведомой силой толкнуло к нему навстречу. Подхватила его под локоть, подставив плечо, и суматошно огляделась в поисках таких же, как я, сострадальцев. Увы, аллея вдруг загадочным

образом опустела...

— Тихо, тихо, дедушка, сейчас дойдем, сядем. Голова закружилась? Сейчас, сейчас... — Продвигаясь маленькими шажочками, достигли лавочки. Дед, успев крепко ухватить меня за запястье, осторожно опустился на парковую скамейку, откинувшись на реечную спинку.

— Спасибо, внучка, — с теплом в голосе сказал он, не торопясь отпустить мою руку.

— Может, скорую? — Присев рядом, заглянула в лицо мужчине.

— Старость! — отмахнулся тот небрежно от предложения.

Минуты две мы просто молча сидели. Я — не зная о чем говорить-спрашивать, а дедок — приходя в себя. Оставить его одного в таком состоянии не хватило совести.

Неожиданно старик встрепенулся и сухонькой морщинистой рукой как-то спешно и суетливо нырнул в карман своего выдавшего виды бежевого плаща.

— Возьми, внученька, в благодарность, — сказал и вложил в мою ладонь кругляш из желтого блестящего металла размером с юбилейную десятирублевую монету на потертом тонком кожаном шнурке.

— Ой, что вы, зачем? Я не возьму! Он же... золотой? — опешив, запротестовала я против такого презента.

— Возьми, говорю! — Голос старика приобрел повелительные нотки. — И ценности в нём не больше, чем в твоих копеешных серёжках! Мне будет приятно знать, что он теперь в хороших руках. Да и непростая это штучка — таурон. Сохранит жизнь он тебе. Спасет и спрячет. Подскажет и поможет.

— Что-то вроде оберега? — Улыбнулась на затейливое название. «Копеешные серёжки» неприятно царапнули слух. Но на правду не принято обижаться. Все, что могла сирота себе позволить из украшений — это маленькие гвоздики невесты из какого материала с намеком на благородный металл. — Я не верю в сказки, дедушка, — мотнула головой и вгляделась в вещицу: узор из переплетенных тонких жгутиков, словно змеиный клубок, покрывал всю поверхность подарка.

— Повесь на шею. Сейчас, — не меняя тона, повелел странный старец.

Удивленно вскинула на него глаза. Он же, не объясняя причину такого неожиданного наказания, отпустил меня и устало прикрыл веки. Не

то чтобы я брезговала, но осознание, что этот предмет уже принадлежал кому-то и висел на чьей-то шее, заставило усомниться в этичности поступка. Дед, будто услышав мои мысли, усмехнулся беззлобно:

— Не волнуйся, он давно никому не служил. Пролежал в шкатулке Бог знает сколько времени.

— Он выглядит не новым, — усомнилась в сказанном.

— У всего есть свой срок, — просто ответил старик.

— Так может, внукам?.. — Не сдавалась моя совесть.

— Один я в этом мире остался, — с грустью тихо прошептали губы мужчины.

Поверила и... просунула голову в петлю шнурка, заправив подарок под воротник блузы и спрятав от любопытных глаз под форменной косынкой-галстуком.

— Дорогой подарок, — смущенно проговорила, — мне, право, неудобно: ничего уж такого я и не совершила...

— Позволь мне самому судить о степени твоего поступка, девонька, — тоном мягким, ласковым парировал дедок.

— Спасибо, — выдавила из себя, все еще чувствуя жуткую неловкость.

— Ты беги, внучка, на работу, и так сильно опоздала из-за меня.

— А вы?.. — встрепелась, вспомнив о том, куда торопилась, но и оставлять старика одного было тревожно.

— Со мной все будет хорошо, не переживай. Позагораю вот тут немного, да и поковыляю потихоньку, мне недалече. — Блеснул серыми влажными глазами из-под опущенных ресниц. — Оберег не снимай! В безвыходной ситуации просто зажми в ладошке. Все, беги, а то без тебя начнется...

И я, не придав значения странной последней фразе старика, сумбурно простившись, побежала-понеслась, предвкушая выговор от начальства, и оттого уши мои, чувствовала, начали приобретать красный цвет позора. Третий день работаю, и такой прокол! Оправдание вроде «дедушке помогла до лавочки дойти» звучало по-ералашевски наивно и неправдоподобно для барышни двадцати двух лет с высшим образованием. Но сильнее терзала меня собственная невежественная оплошность: приняв такой подарок от незнакомца, даже не узнала, как его зовут!

Моему опозданию маленький коллектив из четырех человек

филиала большого банка посмеялся, обозвав матерью Терезой, а администратор — больше для вида — погрозила пальчиком. Не успела я с облегчением выдохнуть и погрузиться в рабочий процесс, как на весь зал громко и страшно прозвучало:

— Всем на пол, это ограбление!

Девчонки менеджеры и один единственный на этот час клиент, до конца не соображая, что происходит, с грохотом добросовестно попадали, как горох, на светлое кафельное покрытие.

Вооруженный охранник успел только схватиться за кобуру... и все. Метнувшийся в его сторону верзила с кулаком, что моя голова, уложил несчастного одним быстрым, сильным и точным ударом в челюсть.

Администратор истошно закричала.

Молодчики в количестве пяти человек в черных шапочках-масках с прорезями для глаз и рта рассердились, заторопились и приступили к отнюдь не благородному делу.

Одна я стояла оглушенная, растерянная и ничего не понимающая. Как сомнамбула заторможенно переводила взгляд с одного участника дерзкого налета на другого, пока на мою персону не обратили внимание.

— Что стоишь, корова? Упала быстро! — рявкнул один из них, сверкнув свирепо серо-голубыми глазами и навел на меня оружие, отобранное у нашего бессознательного после апперкота секьюрити.

Под дулом ИЖа медленно стала опускаться под стол. И после того, как тот самый верзила за шкварник выволок управляющего из кабинета и потащил его в хранилище, до вашей покорной слуги дошел весь кошмар и реальность происходящего.

Сидела, согнув ноги в коленях, прижавшись спиной к тумбе с ящичками для канцелярии, и наблюдала, как стремительно развиваются события. Собранность и хладнокровие налетчиков восхищали и одновременно приводили в ужас. Они организованно рассредоточились по всему помещению, контролируя каждое движение заложников и успевая при этом вытряхивать личные карманы и сумочки сотрудников на предмет содержимого. Телефоны у скулящих сослуживиц и посетителя отобрали сразу. Затем в большой пакет полетели бумажники и барсетки. Настойчиво «попросили» кассира снять с себя бриллиантовые серёжки — женщина от волнения и страха чуть мочки ушей себе не порвала!

— Две минуты! — крикнул, глядя на наручные часы, видимо, главарь, не участвовавший во всем этом беспределе.

— Ну-ка, что ты там прячешь?

Я не сразу поняла, что это именно ко мне обратился вооруженный молодчик. Подняла на него взгляд и, заикаясь, прошептала:

— Н-ничего.

И только тогда осознала, что судорожно сжимаю в кулачке подарок старика. Перед глазами появилось дуло огнестрела.

— Три минуты!

— Цацку сама снимешь или помочь?!

Находясь в каком-то пришибленном состоянии, сначала часто закивала, потом отрицательно замотала головой, ещё сильнее сцепив пальцы на обереге. «Не отдам. Мой!»

— Четыре минуты! Уходим! — прозвучал приказ.

Стоявший надо мной грабитель нервно оглянулся на своих отступающих к выходу подельников и, просвистев сквозь зубы ругательство, замахнулся пистолетом для удара.

Страх за собственную жизнь мертвой хваткой сжал сердце. Зажмурилась в ожидании страшной боли и мысленно взывала: «Божечка, пронеси!»

И тут произошло странное. Кругляш в ладони вдруг вспыхнул невыносимым жаром. Я невольно дернулась, пытаюсь разжать руку, и громко вскрикнула. Мой же личный палач, выдав ёмкое и забористое словцо, отшатнулся от меня, невольно меняя траекторию движения руки и... нажал на курок.

Глава 2

— Что ж, у каждого своё хобби.

— И какое у тебя?

— Воскресать.

(х/ф «007:Координаты «Скайфолл»)

Сомневаюсь, что этот человек собирался в меня стрелять, тем не менее это произошло. Громкий хлопок, а следом голова взорвалась от невыносимой боли и... оглушительная тишина. Вакуум — ни запахов, ни звуков. Тело не контролировала и не ощущала. Никаких эмоций — полное безразличие и отрешенность. Если это и есть «существование» умершего человека, то природа явно насмехается над душами ушедших в мир иной. Да и миром это черное ничто назвать нельзя. Медленно погружалась в эту пустоту. Последняя мысль, промелькнувшая в угасающем сознании была: «А старик обещал, что оберег сохранит и спасет...»

Тем удивительнее и необъяснимее стало мое внезапное пробуждение. Будто множеством острых игл пронзило тело от кончиков пальцев на ногах до макушки.

Сердце бухнуло тяжело — раз, другой и застучало, заработало, громко отбивая размеренный ритм. Ясно почувствовала, как кровь побежала по венам, заполняя каждый сосуд своей живительной влагой.

Мышцы судорожно сократились, да так, что меня скрючило в неестественной позе, и медленно расслабились.

В ушах зашумело до головокружения.

Первый глубокий вздох дался легко, с огромным наслаждением. Теплый воздух проник в ноздри, принес с собой запах жилого помещения и тонкий аромат смолы с примесью дыма.

Глаза сквозь неплотно закрытые веки уловили тусклый свет.

Ощутила себя сидящей, вытянув ноги, на чем-то жестком. За спиной ровная поверхность стены ли, мебели...

Эйфория, безумная радость и сумасшедший восторг наполнили все моё существо при мысли, что я жива! Я дышу!

Мозг заработал, подкинув картинки трагического происшествия

июльского утра.

Мне дали ещё один шанс? Кто-то свыше не отвернулся от неприметной, обыкновенной девчонки из маленького провинциального города?

А потом появился слух, и сквозь стихающий сердечный набат, отдающийся в ушах, стали различимы посторонние звуки.

Какая-то возня, треск одежды, суетливое шарканье ног на одном месте, сдавленный хрип, и чей-то злой голос произнёс:

— А ведь просили по-хорошему вас, милорд, дали время подумать и принять правильное решение!

За словами послышался звук удара, хруст и падение чего-то тяжелого на пол. Вздогнула и распахнула ресницы.

Зрение прояснялось медленно, вынуждая часто моргать, избавляясь от мутной пелены на глазах. Увиденное заставило тело сжаться от ужаса: в свете лампы, похожей на керосиновую, освещающей маленькую комнату, над лежащим навзничь молодым мужчиной нависал другой, со страшным шрамом через всю правую щеку. Приподняв поверженного за грудки, тот с силой тряхнул его, да так, что голова несчастного глухо ударилась о дощатый пол.

— Убивать я вас не буду, приказа такого не было, но личико подправлю. — человек с изуродованным лицом нехорошо кривобоко осклабился. — Не обещаю, что выйдет так же красиво, но я постараюсь.

— Передай своему хозяину — у меня ничего нет, — прохрипел упомянутый и не успел увернуться от удара кулаком-кувалдой по лицу, которое уже представляло собой одно сплошное месиво.

— Врете, уважаемый! — И снова удар. В сторону полетели брызги крови.

Несчастный глухо застонал и обмяк. Триумфатор же протянул руку назад, вытащил из голенища сапога нож и, приложив к виску жертвы сверкнувшее начищенной сталью лезвие, провел острием по коже, оставляя неглубокий порез.

Предвидя кошмарное зрелище, нервы мои не выдержали и я, отпустив эмоции, дала волю голосовым связкам. Заорала-завизжала так, что зазвенело в ушах. Человек со шрамом буквально отпрыгнул от парня к самой двери, уставившись в мою сторону. Сорвав голос, захрипела и «отключила сирену». Что можно ожидать от бандита, обнаружившего ненужного свидетеля своего злодеяния? Ничего

хорошего. Сделала судорожный вдох и замерла в ожидании реакции страшного незнакомца.

— Кто здесь? — Взгляд его испуганно и лихорадочно заметался по комнате. Несколько раз, не задерживаясь, скользнул по мне. — Кто здесь?! — В голосе злодея появились истерические нотки.

Я удивленно выдохнула, хлопая ресницами и не понимая, что происходит. Он что, слепой?

От першения в горле сдавленно кашлянула. Мужика перекосило от злости.

— Кто здесь с тобой, сучонок? — Мои глаза полезли на лоб. — Найду твою девку — ей не жить!

Покрывало с кровати, свисающее до самого пола, отлетело в сторону. Привстав на одно колено, человек со шрамом заглянул под неё и, не обнаружив свидетеля, поднялся с хмурой рожей. О чем-то размышляя, медленно обтер нож о штанину. Я чуть не пискнула, когда он решительно подошел к стене в шаге от меня и приложил ухо к поверхности. Неудовлетворенный ошибочностью своей догадки, разочарованно рыкнул, оскалившись, и вновь вернулся к бессознательному телу. И только склонился над ним, как...

Сдерживать кашель стало невозможно. К этому добавилось сосущее чувство голода. Как же не вовремя! Но разве ж это можно удержать?

...Мой желудок бесстрашно нарушил молчание, издав тонкий жалобный скрежет. Короткое «кхе!» вырвалось из горла следом. Все это в сочетании с моим вздохом стало, видимо, последней каплей для «бесстрашного героя».

Уставившись куда-то поверх моей головы, попятился, резко распахнул дверь и не оглядываясь выскочил из помещения. Створка, с громким стуком ударившись о стену, срикошетила и вернулась в положение «закрыто», хлопнув о косяк. Послышался быстро удаляющийся топот. Несколько долгих секунд я сидела в ступоре от такого поворота. Огляделась растерянно и обомлела: не увидела своих ног, не разглядела рук... ничего!

«Так не бывает!»

Тело, родное, теплое, материальное — чувствовала, но не видела! Пошевелила руками, ногами, оглядела себя со всех сторон... Мамочки! Да что же это? Сделалось дурно. Звон в ушах, мелькающие круги перед

глазами и слабость быстро приблизили мое состояние к глубокому обмороку.

Очнулась с тяжелой свинцовой головой. Почувствовала влагу под носом. Не сразу поняла, что это кровь. Потеряв, видимо, сознание, не удержала сидячее положение и своим клювиком ткнулась об пол. Машинально провела пальцами, стирая юшку над губой, и судорожно всхлипнула, опять ничего не увидев. Держала руку перед глазами, а смотрела на дощатое покрытие. Я прозрачная! Я невидимая! Как такое могло случиться? Впору вспомнить Герберта Уэллса и его «Человека-невидимку». Все мытарства героя и сложности по сохранению его тайны. Рыдала долго, безутешно, тихо подвывая и причитая. А потом сидела опустошенная и уставшая, глядя в одну точку.

Вяло подняла руку, коснулась пульсирующего виска и нащупала у самой кромки волос поджившую рану, края которой ощутимо стягивала засохшая кровавая корочка. След от пули? И та невыносимая боль — результат ранения? Коснулась косынки на шее — одежда и обувь на мне приняли за компанию с телом состояние незримого фантома. Факт, что осталась в банковской униформе, даже обрадовал, пробившись сквозь обрушившуюся на меня беду и безысходность. Оберег. Кругляш, чуть теплый на ощупь, скользнул в ладонь и вызвал всплеск воспоминаний, а за ними и вопросов. Странный старик все знал? Видел моё будущее? И была ли эта встреча с ним случайной? А следом насущное — как мне жить дальше?

Обвела взглядом комнату, где мне «посчастливилось» очнуться. Или вернее будет сказать «ожить». Квадратная, примерно четыре на четыре метра. Стол и два стула у окна, кровать вдоль стены. Напротив — комод-бюро с круглым зеркалом на подставке. Мебель — чистый антиквариат! В углу у входной двери вешалка-стойка для одежды на толстых изогнутых ножках. Какой-то предмет гардероба с неё свисает до самого пола. Пол... На нем мужчина, который не подает признаков жизни. Осторожно подползла к нему, прислушалась: дышит? Грудная клетка едва заметно приподнималась под одеждой в темных пятнах крови — странного вида пиджаком, больше похожем на сюртук, кои носили господа в середине-конце девятнадцатого века. Когда-то белоснежный шейный платок, повязанный выпуклым узлом на шее, в грязно-красных разводах. На лицо страшно смотреть. Губы опухли и потрескались от побоев. Из перебитой переносицы сочится сукровица.

Брови, лоб... след от ножа на виске. Костяшки на руках сбиты. По-всему, мужику со шрамом тоже дали хороший отпор. Что же мне с тобой делать, милый? Тут со своей проблемой не знаю, кому кричать «Караул!»

За окном темно. Ранее доносившийся гул голосов из-за закрытых дверей давно стих. Разобраться бы, что за место такое, да решить уже, с чем все это есть. Оглядела с жалостью «жертву рэкета» и поняла, что воскрешение даже в образе приведения не лишило меня милосердия и сострадания. Ну не могла я оставить этого человека умирать черт знает где! Черт-то знает определённо, а мне, чтобы это выяснить, надо для начала выйти из комнаты или дождаться утра, которое, скорее всего, может наступить лишь для одного из нас.

Кряхтя от натуги, надрывая спину, ругаясь сквозь зубы и обрывая руки, тащила пострадавшего до кровати. Самое сложное ждало впереди — уложить его на постель!.. Ох и тяжёл оказался уважаемый милорд! Сидела потом на стуле, чувствуя, как от перенапряжения трясутся колени, и решалась на очередной безумный подвиг.

У маклера Ника Хэллоуэя и его любимой девушки был восхитительный набор косметики. У блестящего ученого Гриффина — много-много метров бинта. У другого гения — Себастьяна Кейна — резиновая маска из жидкого каучука и очки, а у меня... шикарный, опознанный в сомнительной тряпке на вешалке длинный плащ с глубоким капюшоном и черные перчатки, обнаруженные на столе рядом со шляпой-цилиндром и тростью полуживого незнакомца.

Осторожно спускаясь по скрипучей лестнице, с опаской оглядывала открывающийся моему взору первый этаж неизвестного заведения: заставленный столами и лавками большой безлюдный зал с каменными стенами. Четыре лампы, похожие на «летучую мышь», только прямоугольной формы, свисали с деревянных балок бревенчатого потолка. Одна, еще горевшая, находилась над длинной стойкой с приставленными к ней высокими табуретами. И самый настоящий камин! Огромный, с крючком для котла!

Кафе? Кабак? Трактир, стилизованный под старину? Уж больно достоверно все выглядело. Ни дополнительных электрических светильников, ни узнаваемых противопожарных извещателей, ни камер видеонаблюдения... ничего я не обнаружила! Господи, в какую глушь меня забросило?

Вздрагнула от неожиданности, когда слева в углу зашевелилась занавесь из тяжелой ткани и из спрятанного за ней дверного проема вышел мужичок. С виду — самый обыкновенный: средних лет, коренастый, с аккуратно подстриженной бородой. Темная рубаша без воротника, жилет в клетку с блестящими пуговицами, плотно облегающий выдающийся животик. В руках он держал — вот тут мои брови поползли вверх — толстую потрепанную тетрадь и чернильницу с вставленным в неё белым гусиным пером! Ни дать ни взять купец с картины Крылова! Расположившись за стойкой, он неторопливо, принялся изучать содержимое талмуда, изредка делая какие-то пометки своим «Паркером».

— Простите, вы не могли бы мне помочь?

Глава 3

Стать невидимкой — это другое дело.

К счастью, этим искусством обладают немногие.

Принцип прост — практика трудна.

(Лобсанг Рампа «Третий глаз»)

Трактирщик испуганно вздрогнул, поставив большую кляксу на исчерченном графами листе, и пораженно уставился на меня, решившуюся наконец дать знать о своём присутствии.

— Откуда вы, госпожа, здесь взялись? Мы уже закрыты. — Мужчина с сомнением покосился на входную дверь, запертую на засов. — Как вы вошли? — Прищурился, пытаюсь хорошенько рассмотреть меня, замершую в тени толстого деревянного столба, подпирающего потолочную балку, и закутанную в длинный плащ, как в кокон.

Обращение «госпожа» несколько выбило из боевого настроя. Работники этого заведения-имитации настолько входят в сценический образ? Или я чего-то не понимаю?!

— Я прибыла вслед за вашим гостем, — почти не солгала, опустив голову и натягивая капюшон ниже, — но он тяжело заболел, и мне нужна помощь.

— Какой гость?

— Из пятого номера.

— А... тот богатый господин, что въехал после обеда? — И, дождавшись от меня кивка, продолжил аккуратный допрос. — А что с ним? Он выглядел вполне здоровым, когда рассчитывался за ужин. И почему я вас не помню?

— Возможно, вы были заняты и пропустили мой приход. — Как можно уверенней и безразличней пожала плечами. — Так могу я вас попросить об услуге?

— Какой?

— Мне бы таз с горячей водой и аптечку. А утром... впрочем... понимаете, ему в больницу надо. — Под взглядом выпученных глаз и вытянутого от удивления лица растерялась и сбивчиво проямлила: — Здесь есть рядом где-нибудь стационар? Или медпункт на крайний

случай? Позвонить от вас в «скорую» можно?

— Я понял, госпожа, только про воду, — ответил на мои вопросы мужик, находясь в крайней степени замешательства. Глаза его так и не приняли нормальную форму. — Про остальное не буду спрашивать, а вот... что такое «птечку»?

Горе, горе, горе мне! Это даже не смешно! Где я?!

— Принесите, пожалуйста, таз горячей воды, — разворачиваясь к лестнице, распорядилась раздраженно. — В вашей ночлежке даже ванной с туалетом в номере нет!

— Так э-э... купальня с уборной у нас в конце коридора, если надобно. А воду подождать придется, пока нагреется.

— Подожду, — сказала, глядя под свои невидимые ноги, чтобы не оступиться в темноте. Сзади плащ широким шлейфом подметал деревянные ступени, скрывая от недоуменного взгляда трактирщика мой феномен. Но, вспомнив об одной важной вещи, остановилась на середине пути и, чуть повернув голову, спросила: — У вас из готовых блюд что-нибудь осталось?

— Рагу из кролика и ягодный морс. Желаете?

— Желаю.

Воду пришлось ждать долго. За это время проинспектировала вещи постояльца, обнаружив в одном внутреннем кармане сюртука мешочек, стянутый шнурком из замши, а в другом портмоне с пятью бумажными купюрами неизвестного государства и еще какими-то бумагами с гербами. Внутри кошелька звякнули монеты. И тоже с незнакомой мне чеканкой. Затем раздела несчастного, оставив на нем кальсоны странного вида на завязочках по бокам и сорочку без рукавов из тонкой ткани, похожей на батист. После стука в дверь, притушила лампу и встала спиной к входу, закрывая собой болезного от любопытных глаз трактирщика.

— Уважаемый, организуйте на три дня полный пансион в этот номер, с обедом, завтраком и ужином. Еще... горячее питье. Что у вас там есть?

— Как вам будет угодно, госпожа, — пробурчал тот, недовольный ночной суетой, что обеспечила ему странная гостья. — Простите, но я вынужден поинтересоваться: кем вы приходитесь этому господину? У нас, видите ли, заведение приличное, постояльцы достойные все люди, все вписаны в книгу постояльцев.

«Приличное заведение? Человека чуть не убили у него под носом, а он заботится о моральном облике своей ночлежки!»

Возмущение уже готово было сорваться с моих губ, но...

— Сестра. — Вот так. Сказала и мысленно сама себе заплотировала. — Этого достаточно? — Повернувшись в пол-оборота, протянула на ладони в перчатке жёлтую монетку из кошелька блондина. Рука в мужском кожаном аксессуаре из тонкой кожи смотрелась потешно: с пустыми кончиками пальцев, уныло повисшими, как заячьи ушки. Трактирщик, сцапав вознаграждение, расплылся в такой лучезарной улыбке, что у меня закралось подозрение: а не сделала ли я его только что как минимум миллионером?

— Премного благодарен. Все что угодно к вашим услугам, госпожа. Желаете снять отдельный номер?

— Я останусь здесь. Без особой надобности не беспокоить. Еду оставлять у порога. Комплект чистого белья и полотенце. Горячую воду утром и вечером. — Я взяла быка за рога, пользуясь раболепным расположением ко мне хозяина.

— Все будет. — Кивая на каждый пункт моих требований, мужчина медленно отступал к двери.

Пострадавший чуть слышно застонал.

— Постойте! Моему брату нужен врач.

Бородач встал как вкопанный.

— Вы какие-то все слова говорите, мне непонятные, что я, право, теряюсь, уважаемая.

— Доктор? Фельдшер? Целитель?

— Лекарь! — Просиял дядька от догадки. — К сожалению, это надо в город ехать. А если срочно, так мы ведьму... э-э, знахарку нашу деревенскую зовем. Так что, посылать за ней?

Вздохнула: про телефон даже повторяться не буду. Здесь, как в глухой деревне староверов, видимо, отказались от всех прелестей и благ цивилизации.

«Только почему «как»? — вдруг осенило меня. — Вполне возможно, что я именно туда и попала! Этакое маленькое государство в государстве, со своим уставом и валютой!»

— Посылайте. Пусть придёт, как стемнеет.

Постояла перед дверью какое-то время, прислушиваясь к тишине за пределами комнаты. Трактир со всеми своими обитателями

благополучно почивал. Для меня же ночь с покоем и снами заказана. С тоской посмотрела на остывшее рагу в глиняной тарелке и маленький кувшинчик с напитком. Ломоть хлеба, чашка без ручки и ложка, завернутая в тканевую салфетку, — скромная сервировка на одну персону. Таз с горячей водой еще парил, создавая вокруг себя теплый воздух. Рядом свернутый валик мягкой белой материи — вместо полотенца? Опустила руку по запястье в жидкость. Очертания ладони еле просматривались, и вся плоть обрела эффект стекла. В глазах снова заципало от слез. Нащупала на груди оберег.

— Твоя работа, дружок? — Шмыгнула носом. — Как налаживать контакт будем? Что молчишь? Дед за тебя ручался, между прочим. — Рассмеялась горько: сумасшествие рядом!

Как я боялась промазать ложкой мимо рта! Движения рук сделались плавными, неторопливыми. Столовый прибор «порхал» в пространстве изящно, размерено. Кружка замирала на полпути, будто раздумывая или прицеливаясь, а потом неспешно касалась губ.

Полтергейст трапезничать изволит!

Пока жевала холодного кролика, смотрела куда угодно, но только не на свой живот. Наблюдать, как перетертые куски варятся в невидимом желудочном соке... бе-е. Сосредоточилась на бессознательном господине. Но и там вид избитого лица аппетита не добавлял. Разозлилась: «Как барышня кисейная, ей Богу! Жуй давай! Когда ты в последний раз ела?»

Вот так, через кнут, и порадовала организм довольно сносным ужином, после чего перенесла стул с тазом к кровати.

— Ты только не умирай, дорогой мой товарищ милорд. — Обозрев фронт работы и разорвав «полотенце» на три части, провела влажной тряпицей по его щеке, стирая кровавую дорожку.

Не знаю, сколько я провозилась с беднягой, но за все это время он так и не пришел в себя. Может, и к лучшему. Увидеть, как сама по себе перед носом мельтешит мокрая тряпка... Да после таких травм и удара головой об пол — к бабке не ходи, будет помешательство у бедолаги! Будет! Страшно было прикоснуться к опухшему разбитому лицу мужчины. Передо мной лежал ужас ужасный! Жаль, если останутся шрамы. У обладателя такого высокого роста и великолепного телосложения не должно быть изъяна.

Поднатужившись, оторвала от еще крепкой простыни полоску

ткани и перебинтовала его сбитые в кровь холеные руки с длинными пальцами.

— Прости, милый, это все, что я пока могу для тебя сделать, — огорченно сказала и пригладила его густую каштановую шевелюру. Красивый цвет, ровный. Касаться этих ухоженных волос было приятно. Мягкость манила запустить в них пятерню и ласкать, перебирая шелковистые пряди.

За окном занимался рассвет.

Не облачаясь в конспиративное одеяние, выскользнула в коридор изучить местную уборную на предмет комфорта. Снизу, видимо из кухни, доносилась оживленная трескотня двух женщин. Что-то негромко шлепнулось об пол, кто-то сдавленно ругнулся. От с хрустом открывшейся входной двери по проходу второго этажа потянуло сквозняком. Тяжелые шаги протопали через весь обеденный зал.

— Одила, Метка, хватит кудахтать, за работу пора! — недовольный бас трактирщика прозвучал глухо и напряженно, так, будто человек говорил, согнувшись пополам под тяжестью ноши. — Где девки? — В ответ невнятное бурчание на два голоса.

С тихим скрипом приоткрылась дверь одного из номеров за моей спиной. Я испуганно шарахнулась в сторону, прижавшись к стене. Из комнаты крадучись вынырнула невысокая девица в белой блузе и длинной тёмно-синей юбке в пол. Повязывая спешно фартук с большим накладным карманом посередине, на цыпочках пробежала мимо, обдав волной теплого воздуха, слетела с лестницы, исчезла из вида. Не прошло и нескольких секунд, как все повторилось с другим номером. Только в этот раз молодуха была ростом выше среднего, пухленькая, розовощекая, с колтуном на голове вместо прилежной косы, как у первой, прошуршала по коридору, задевая широким подолом панели. По моим ногам полоснуло тяжелой тканью. Я буквально распласталась по беленой поверхности, затаив дыхание. Не зная, какое количество персонала обслуживало этой ночью постояльцев и сколько их еще вынырнет из комнат, постояла пару минут и двинулась осуществлять утренние процедуры.

Уборная меня не впечатлила. Заменой белому другу был деревянный короб с овальной дырой в центре. Тяжелая деревянная крышка и... в общем, терпимо, но нужен личный стульчак! Купальня представляла собой клетушку с маленьким зашторенным окном и

большой железной ванной, к которой подходила широкая труба с массивным краном и не менее внушительным вентилем. Не рискнула проверять наличие воды, зная, какой звук разнесется по всему еще спящему зданию от падающей в пустой металлический «бассейн» жидкости.

Вернувшись, обнаружила перед дверью бадью с горячей водой, валик мягкой ткани и любопытный нос знакомой толстушки из-за угла. Усмехнулась: «Шпионим, значит! Как теперь в комнату попасть?» И тут просто фантастическое везение! С подоконника широкого сводчатого окна над лестницей прямо перед девицей прыгнул большой полосатый мышелов, никем ранее не замеченный. Розовощёкая дернулась от неожиданности назад, исчезнув из поля зрения, а следом послышался грохот по ступеням. Бросилась было посмотреть, не убилась ли, и затормозила, услышав чей-то залиvistый смех:

— Селма, ты ду-ура!

— Я когда-нибудь прибую этого кошака! — со злостью прошипела в ответ незадачливая шпионка и застонала.

— Улья! — Грозный окрик хозяина заведения осадил хохотушку. — Живо на кухню! Селма, за водой!

— Я ногу сломала, отец! — заныла толстуха.

— Жаль, что не шею! — отозвался «добрый» папаша.

Глава 4

*Скрывать не надо своего недуга
От двух людей: от лекаря и друга
(Аттар Фарид-ад-дин)*

Глаза не верили, ум отказывался понимать. Вид из окна очередной раз довел меня до состояния, близкого к шоку. Я запретила себе думать и рассуждать о том, как оказалась в незнакомом месте, как выжила после того выстрела, как приобрела свою невероятную жизненную форму. Но действительность с упорством медоеда подбрасывала все новые и новые сюрпризы моему измученному сознанию, подводя к хрупкой грани, за которой только замкнутый мирок помешанного рассудком. Как определить этот самый переход? В какой момент все видимое мной станет обыденным? Может быть, когда перестану удивляться и равнодушно смотреть на окружающее меня?

На улице лето. Зелёные кустарники вдоль широкой грунтовой дороги на подъезде к трактиру обильно припорошены серой пылью. Большая утоптанная площадка перед крыльцом. Справа что-то похожее на фруктовый сад. Слева каменная конюшня и еще какие-то постройки. Из окна комнаты видно, как тракт, убегая на несколько десятков метров от заведения, делает резкий поворот и скрывается за полосой леса.

Когда вдруг из этого поворота выкатила повозка, похожая на дилижанс, запряженная четверкой лошадей, остановилась во дворе и из него высыпали граждане путешественники, я только рот открыла, округлив глаза. Но когда за ней минутой позже на скорости влетела карета о двух конях!.. Ноги мои подкосились. Я все смотрела на знакомые по фильмам и картинам конструкции этих транспортных средств, тяговую силу, какие-то тюки и кованые сундуки на крыше и запятках экипажей и совершенно не замечала прибывших. Здесь меня поджидало очередное потрясение.

Определить, к какой эпохе относился стиль одежды людей, было сложно. Середина... конец девятнадцатого века? Или упрощенный вариант классицизма? Не было пышных многоярусных юбок на

женщинах, изобилия цветочков, бантиков и рюш. Наблюдалась сдержанность цвета и фасонов. Головные уборы тоже не отличались чрезмерностью аксессуаров в виде перьев и лент. От дилижанса к трактирному крыльцу неторопливо шагали две дамы в шляпках-таблетках с вуалью, а из кареты выкарабкалась женщина в возрасте, на седой голове которой красовался чепец.

Это не староверы! Не староверы! И я не знаю, как это объяснить! Присела за стол, приводя свои мысли в относительный порядок. Такой беспомощной себя ещё никогда не чувствовала. Даже когда хоронила маму...

Тихий стон хозяина номера не дал погрузиться в омут воспоминаний. Поднесла к губам несчастного кружку с морсом, оставшимся после ночной трапезы. Почувствовав влагу на пересохших потрескавшихся губах, мужчина сделал несколько судорожных глотков.

— Тихо-тихо, не надо так спешить, — поддерживая его голову за затылок, ласково проворковала.

— Кто вы? — спросил хрипло, не открывая очей. Да он бы и не смог. От побоев на веки опустился обширный отек, не позволяя ресницам даже дрогнуть. Перебитая переносица окрасила лицо вокруг глаз в страшный синюшно-черный оттенок.

— Ваша сестра, — ответила и замерла.

— У меня нет сестры, — угрюмо парировал пострадавший.

— С сегодняшней ночи есть. Можете считать меня своей личной сестрой милосердия. Вы помните, что с вами произошло вчера?

— Откуда вы взялись? — Он не собирался отвечать. Поморгала, чувствуя, что бессонная ночь «насыпала» в мои глаза песка. Веки смежались сами собой, стоило только расслабиться.

— Вы не поверите... — Устало откинулась на спинку стула, на котором сидела. — Скажите лучше, кто вы такой и где искать ваших родных, чтобы забрали вас отсюда? Вам нужен вр... лекарь. У вас, возможно, сильное сотрясение и ужасные побои.

— Виконт Карре.

— И все? Да не трогайте вы лицо руками! Лежите спокойно! Вечером придет знахарка из деревни, посмотрит ваши травмы. Что еще вас беспокоит, где болит?

— Слабость и головокружение. И кажется, ребро сломано — боль тупая в грудной клетке. Вы странно изъясняетесь...

— Я не местная. Простите, мне пришлось вас несколько раскулачить: надо было продлить проживание в этом номере и обслуживание. Я расплатилась с трактирщиком из вашего кошелька — дала желтую монетку. Боюсь, я по незнанию его таки озолотила, — вздохнула горестно.

— Дайте вашу руку! — вдруг потребовал мужчина.

Коснулась его раскрытой ладони своей. Слегка сжал, поглаживая большим пальцем тыльную сторону.

— Вы даже не из среднего сословия... — пробормотал. — Речь ваша странная, не знаете наших денег... Кто вас подослал? — Перемена в настроении больного отразилась на крепком стискивании моей длани.

Отпрянула, охнув от боли, и выдернула конечность из его захвата.

В комнату постучали.

— Госпожа, ваш заказ! — От неожиданности вздрогнула и, быстро подойдя к двери, ответила:

— Оставьте у порога, я заберу позже. — Уткнулась лбом в деревянное полотно и похлопала ресницами, прогоняя слезы обиды на незаслуженную грубость и подозрение Бог весть в чем от соседа по комнате.

— Как угодно, — фыркнул насмешливо с той стороны девичий голосок. Выждала несколько секунд, накинула плащ и, осторожно приоткрыв дверь, огляделась. Поднос с тарелками и кувшинчиком стоял сбоку от входа на табурете на стопке чистых постельных принадлежностей. Нет, ну какие молодцы! Догадались не оставлять все на полу.

— Позовите трактирщика! — прозвучал хриплый приказ со стороны кровати.

— Нет. Говорите мне, что хотели. — Подхватив споро оставленный горничной заказ, закрыла створку плечом.

— Это не для женских ушей.

— Глупости.

— Не унижайтесь сами и не унижайте меня...

— Вам надо в уборную? — осененная догадкой, перебила я его терзания.

— Боги, за что вы так со мной? — Шея виконта приобрела цвет кумача. — Что сейчас — день? Ночь?

Я недоуменно покосилась на мужчину — даже сквозь сомкнутые

веки можно определить, что вокруг тебя, светло или темно. А он... Нехорошее подозрение закралось относительно его зрения.

— Я понимаю, но, во-первых, вам нельзя вставать, да и не сможете без поддержки. Во-вторых, я не могу выйти из комнаты до ночи. А сейчас утро, — проговорила безучастно, инспектируя сервировку подноса. На двоих!

— Почему?

— На то есть причины.

— Скрываетесь от кого-то? Преступница?

— Ни первое, ни второе. Давайте отодвинем вашу проблему первоочередного значения на потом, милорд, и поедим. Вы в состоянии потерпеть немного? — Лицо моё запылало от деликатности темы.

— Вы так говорите об этом, без жеманства и стеснения... Была практика?

— Была. Сегодня на завтрак пшеничная каша и яичница с чем-то похожим на бекон. Кашу я уступаю вам. Откройте рот на сколько сможете. — Лежащий нерешительно пошевелил разбитыми губами. — Я буду осторожна, обещаю.

Холл первого этажа, он же обеденный зал, был наполовину заполнен прибывшими гостями. Между столиками сновала подавальщица и по совместительству горничная Улья. Ей иногда помогала женщина лет сорока с повязанной на голове белой косынкой. Селма, видать, взяла бюллетень по состоянию здоровья. Я поняла, что пробраться в кухню за какой-нибудь посудиною типа горшка или глубокой миски будет невозможно. Простите, дорогой виконт, но терпеть вам придется долго.

— Улья! — вкрадчивый громкий шепот раздался из-под лестницы, на которой я стояла в раздумьях.

Девчонка с подносом, пробегая мимо, остановилась и лениво обернулась через плечо, состряпав сарказм на физиономии.

— Ты уже выздоровела? Помочь не желаешь? Я с Одилой уже с ног валяюсь! Скоро подойдут еще один караван и почтовая карета!

— Ой, я еще немного полежу — нога болит, ступить больно. Попозже выйду в зал, — несчастным голосом прорыла толстуха, оставаясь в своем укрытии. — Я спросить хотела: ты её видела? Ту леди, из пятого, — тон сменился на заговорщицкий.

— Не видела, некогда мне было ждать, когда она выйдет! — Улья фыркнула и заторопилась к ожидающим её посетителям.

О как! Моя персона вызвала нешуточный интерес! А вот новость о том, что здесь останавливаются почтовые кареты, порадовала. Надо бы отправить послание родным или знакомым лорда, попавшего в бедственное положение где-то у черта на куличках!

Его милость изволили почивать после сытного завтрака и утомительной беседы со своей «сестрой». С тоской окинула взглядом кровать. Зачем я его устроила вчера прямо по центру? Проверив задвижку на двери, расстелила хозяйский плащ на полу у противоположной стены и без сил растянулась на жесткой поверхности, свернув сюртук виконта в аккуратный валик и подложив под голову. Полой накидки накрыла вечно зябнущие плечи. Поерзала, выбирая удобное положение. Глубоко вздохнула и провалилась в сон.

Открыла глаза, когда на улице уже сгустились сумерки, а комната погрузилась в неуютный полумрак. Краски растворились, и на смену им явились унылые серые тона. Спину ломило, косточки нещадно ныли от жесткого ложа. Ужин на табурете в коридоре и бадья с горячей водой ждали, когда их заберёт таинственная гостя придорожной таверны. Не спеша разожгла лампу на столе странными длинными спичками с черными головками, умылась и кое-как заплела спутанные волосы в косу. Склонилась низко к лицу лежащего больного — спит?

— Я не сплю, — тихо и как-то сдавленно, сквозь зубы, выдохнул милорд. — Когда человек долго терпит, даже упавшая капля провоцирует острую потребность, а вы, простите, плескались в воде, как будто... издевались!

Я не милосердная — я жестокая поганка!

Наплевав на конспирацию, рванула из комнаты за тарой. Любой! Какая первая подходящая на глаза попадется. Попался открытый настежь номер по соседству. Гость, стоя у окна спиной ко входу, перебирал какие-то бумаги перед горячей тут же на подоконнике лампой. Взгляд зацепился за кувшин на столе слева от постельца. Увлеченный своим занятием мужчина и не заметил, как емкость с вином медленно поплыла по воздуху через все помещение, на секунду задержалась у дверного порога и исчезла в тускло освещенном коридоре. Жидкость была безжалостно спущена в «унитаз», а кувшин торжественно предоставлен виконту.

— Вот! За неимением железной «утки» будем использовать керамическую. Надеюсь, войдет.

Немного сомневаясь в литраже, накопленном за сутки в организме «пациента», заглянула одним глазом внутрь тары.

— Вы в своем уме? — сипел аристократ, отталкивая мои руки, когда я попыталась стянуть с него кальсоны. Шея этого героя была уже не кумачовая, а бордовая. Не преуспев в своей борьбе за соблюдение норм морали, он рывком принял сидячее положение и тут же скрючился, схватившись одновременно за ребра и голову, и громко застонал от боли.

— Вот видите, к чему приводит ненужное упрямство, — поддерживая за спину, пожурив мужчину.

— Уйдите, — сквозь зубы выдавил Карре.

— Как скажете. Кувшин справа от вас. — Окончательно обиделась и вышла за дверь.

Я с аппетитом поглощала жареного цыпленка, а милорд молчал в стенку, отвернув от меня голову. Я запивала вкусный ужин морсом, а титулованная особа все так же молча давился своей злостью на сестру милосердия. Я скармливала товарищу виконту грибной супчик, а тот, с недовольной миной нехотя открывал рот и безропотно глотал, уже не пытаясь вырвать ложку из моих рук.

В дверь тихо поскреблись. А вот и ведьма явилась.

Глава 5

— Эй, брат, сегодня что?

— Вторник.

— А дата?

— Пятнадцатое.

— Чего?

— Июля.

— Год, чувак?!

— 1969.

— Спасибо! Не бойся, я не шизик.

(х/ф «Люди в черном 3»)

— А темень-то какая, — недовольно проворчала пожилая женщина, войдя в комнату и закрывая за собой дверь.

Подошла к столу, поставила на него небольшой узелок и потянулась к лампе прибавить света.

— Не надо, бабушка!

Знахарка обернулась и уставилась в угол, где сидела я, скрываясь в тени.

— Напугала, скорбная! Закуталась, что в покров траурный, и не заметишь сразу-то. Сама же позвала и прячешься, — обиженно прозвучало из уст старушки. — Что случилось, рассказывай... — И запнулась, увидев на кровати пострадавшего. Всплеснула руками, запричитала: — Ох ты ж, это кто так касатика разукрасил? Да как же это, да живой ли он?

Подошла к виконту, взяла его за руку, приложила ухо к широкой мужской груди, притихла.

— Его избили сильно и ребро, кажется, сломали. Головные боли и еще... что-то с глазами, — немного нервничая, выдала все «жалобы» постояльца и свои подозрения.

— С глазами? — недоверчиво переспросила знахарка и попыталась приподнять опухшее веко несчастного. Тот дернулся. — Не вижу сейчас ничего, днем надо смотреть, а на побои тряпицу, смоченную в настое на травках, прикладывать. Синяки сойдут быстро. Ты кто ж, жена ему

будешь? Да выходи уже из угла своего, поможешь грудь ему перевязать! Есть чем?

— Вы только не бойтесь, бабушка, — несмело сделала шаг из своего укрытия и, оставаясь в капюшоне, медленно подняла голову.

— Чего бояться-то! Уродлива, что ль? Так этим ведьму не напу... Ах, вон оно что... — протянула пораженно женщина. Молчала долго, щурилась, вглядываясь в пустоту накидки. Опустила взгляд ниже и, будто даже побледнев, нахмурилась. — Откуда это у тебя? — Протянула руку, указывая пальцем на мою грудь.

— Вы видите?! — Я вскинулась, окрыленная робкой надеждой, и почувствовала, будто дышать легче стало. Но, покосившись на милорда, тихо молвила: — Все расскажу. Давайте сначала закончим с моим братом.

Старая сварливо и недоверчиво проворчала:

— С братом, значит? Так больше я ничем помочь не могу пока. С утра приду, снадобье принесу. Поить будешь и примочки менять, чем чаще, тем лучше — быстрее спадет опухоль. Не спишь, касатик? Слышал?

— Мне с тобой поговорить надо, — подал голос больной. — Наедине, — добавил он с нажимом.

— Поговорим конечно, — покладисто отозвалась бабулька и, взяв из стопки белья на столе чистую простыню, оторвала от неё широкую полосу.

В четыре руки мы споро перетянули грудную клетку его милости. Несчастный шипел сквозь зубы и тихо мычал, когда приходилось его приподнимать и укладывать обратно.

— Выйди-ка, дева, — обернулась знахарка, накрывая виконта одеялом.

Безропотно открыла дверь и осторожно огляделась на предмет посторонних в коридоре. Вышла и неспешно двинулась к лестнице на первый этаж. Если спускаться по самой стеночке — ступени не скрипят. Обеденный зал был уже пуст. Как и вчера, одна лишь лампа освещала столешницу барной стойки, за которой трактирщик натирал тряпицей пивные кружки.

— Добрый вечер, — поздоровалась тихо.

Мужчина вздрогнул, чуть не выпустив посудину из рук.

— Я с вами, госпожа, заикой сделаюсь. Что, ведьма помогла?

— Да, спасибо. А я к вам с новой просьбой.

— Слушаю.

— Мне нужно отправить письмо. Я могу у вас попросить бумагу, конверт и... писчие принадлежности?

— Да это всегда пожалуйста! — Бородач неторопливо приблизился к высокому узкому стеллажу в углу за стойкой, выдвинул один из ящичков и протянул мне чернильницу-непроливайку, короткое белое перо с металлическим наконечником, тонкую стопку листов и большой серого цвета конверт.

Я растерянно посмотрела на трактирщика и отступила на шаг, почти растворяясь во мраке темного помещения. Взять все это из его рук — значит, выйти на свет! Проверять дядьку на крепость здоровья желания не было.

Хозяин заведения, не поняв моего маневра, удивленно вскинул брови.

Сверху заскрипели ступеньки под ногами спускающейся знахарки.

— Как Селма, Доран? — насмешливо спросила женщина и понимающе хмыкнула, оценив своим зорким глазом мою непростую ситуацию.

— Что ей будет, как кобыла носится уже, — проворчал трактирщик, все так же держа навесу принадлежности для письма.

— Пойдем-ка, девонька, проводишь старуху, — с этими словами она подошла к хозяину, сграбастала заказ странной постоялицы из его рук и направилась к выходу.

Я встрепелулась и поспешила за догадливой и находчивой бабушкой.

Стояла, вдыхала полной грудью свежий ночной воздух. Все пространство наполнилось звуками до боли знакомыми и родными: перекликались за садовой оградой лягушки; звонко трещал в кустах у крыльца сверчок; мотылёк бился о стекло, стремясь к теплу и тусклому свету, льющемуся из окна. Громко всхрапнула лошадь в конюшне. Пахло лесом, влажными травами и немного дымком. Оказывается, где-то рядом речка. Шум быстрой воды ласкал слух, сопровождая ночные шорохи и трели особым аккомпанементом.

— Так что ж случилось с тобой, дитяtko? — участливо спросила знахарка тихим голосом, отвлекая меня от любования природой.

А у меня вдруг от нахлынувших эмоций защипало глаза, в носу засвербело.

— Я не знаю, как это произошло, — готовое вырваться рыдание душило, не давая говорить. — Ничего не знаю и не понимаю, бабушка. А еще мне страшно до ужаса.

Давая выплеснуть первые горячие слезы, меня потихоньку уводили в сторону от трактира. Через дорогу, небольшую поляну, к редким, тоненьким деревцам. Остановились на берегу стремительного ручья. Бабуля заставила сесть, настойчиво надавив мне на плечи. Сама же, кутаясь в большой клетчатый платок, осталась стоять. Я расправила полу широкого плаща на влажной от росы траве, предлагая присоединиться. Ведьма благодарно кивнула и устроилась на подстилке, со вздохом облегчения вытянув ноги. Журчание воды постепенно успокаивало вновь всколыхнувшееся чувство истерии.

— Благодатно здесь у нас, тихо, красиво. За тем леском деревенька наша, Маревика. Люди у нас хорошие, незлобливые. Все друг друга знаем. Чужаки сразу примечаются...

— Почему вас ведьмой называют? — шмыгнула носом, некрасиво перебив старушку.

— Так я и есть ведьма! — рассмеялась та.

— Добрая? — задала глупый вопрос.

— Среди моих сестер не бывает злых.

— А как вы оберег мой увидели? — Наклонила голову, заглядывая ей в лицо.

Знахарка чуть улыбнулась.

— Потому, что доступно нам чувствовать, слышать, ощущать и созерцать все магическое.

Как она сказала?! Какие еще сюрпризы меня ждут? К чему готовиться?

— Магия — это сказки, выдумка! — Мозг мой упорно отказывался воспринимать слова колдуньи.

— И это говорит мне та, что пришла из другого мира? Невидимая глазу? Та, у которой на шее висит мощный таурон и вспыхивает временами так, что очам больно?

— Как вы узнали, что... — Я опешила до такой степени, что все слова забыла.

Ведьма хмыкнула самодовольно, а потом о чем-то глубоко

задумалась. А я смотрела на небо, на две чужие луны, что заливали своим светом пространство вокруг и грудь мою сдавливало, словно в тиски, от осознания, что это не сон под капельницей в реанимации! Не маленький красочный мирок, возникший вследствие приема наркотических средств! Эти две луны и я — в другом мире! По-настоящему!

— Что ты, милая, тебе плохо? — Очнулась оттого, что старушка тормошила меня за плечо.

— Земля перед глазами скачет, — невпопад отозвалась на обеспокоенный её взгляд. — Сейчас пройдет. Как зовется ваш мир? — спросила безжизненным тоном.

— Так и зовется — Планида о двенадцати драконах.

— Почему драконы? У вас есть драконы?!

— Считается, что они находятся глубоко под землей. Каждому принадлежит по одной самой высокой горе. Иногда ящеры извергают пламя, и тогда на поверхность сквозь толщу пробивается жидкий огонь. Их еще называют хранителями Планиды.

— Ну да, ну да, у нас тоже диск на трех слонах и черепахе миллионы лет лежал, а потом шариком вокруг Солнца полетел, — бормотала я себе под нос, не в силах оторвать взгляд от темной ленты ручья, будто находясь под гипнозом.

— Не пойму я, о чем ты говоришь?

— Неважно, — отмахнулась я от слов старушки. — Какой сейчас год?

— Восемьсот тридцать шестой от великого переселения.

— Как называется государство? Кто населяет вашу землю? И... кто куда переселялся?

— Ой, засыпала вопросами! — снова рассмеялась ведьма. — Поздно уже, там поди Доран заждался свою постоялицу, не закрывает трактир.

— Не топи ты свое сердце во мраке беспросветном, девонька!

Мы остановились у кромки леса, у поворота, из-за которого выныривала дорога к заведению бородача.

— Я чувствую себя опустошенной. Не знаю, что мне делать дальше? — состояние оцепенения не спешило меня покидать.

— А оберег у тебя зачем на шее висит?

— Старик, что дал его мне, говорил слова какие-то... Вспомнить бы. Что-то про «спрячет, спасет, подскажет, поможет» и наказал никогда не снимать. Я тогда и слушать-то его не хотела — все мысли о работе были, опаздывала. А потом наш банк подвергся нападению грабителей. Один выстрелил случайно из пистолета... Я видела, как пуля летит, бабушка! Разве это возможно? На такой скорости глаз не в состоянии уловить движение заряда! — все больше распалялась я, чувствуя, что оживаю. — Затем боль и темнота. Очнулась уже в комнате. Незнакомой, чужой. Там был виконт и какой-то мерзкий тип со шрамом на пол-лица. Они дрались, вернее, здоровяк просто избивал милорда. Я закричала. А потом... весь этот ужас со мной. — Нащупала пальцами кругляш, сжала в кулачке. — И он всегда теплый.

Старушка не перебивая слушала моё сумбурное излияние, то хмурясь, то задумчиво качая головой.

— Знаю, штука у тебя на груди непростая, сильная, но как она работает — не ведаю. А куда делся слуга господина? — задала она вдруг неожиданный вопрос. — Такие люди в одиночку не путешествуют — не по статусу это, да и без своей черни они — что малые дети беспомощные.

— Один он был.

— Странно, — протянула, нахмурившись. — Это ты правильно решила — письмо отправить родным касатика. Приедут — заберут болезного, и тебе полегче будет. Ввалила на себя заботу о незнакомце, когда сама нуждаешься в защите.

Простились до утра. В последний момент сунула в ладонь ведьмы желтую монетку из милордовского кошелька. Бабулька глянула, ахнула, поблагодарила сердечно и потопала по дороге. Я же так и стояла, провожая глазами ее силуэт, пока он не растворился в ночи.

Глава 6

— Ты мне помочь хочешь или будешь издеваться?

— Могу совместить.

(т/с «Форс-мажеры»)

— Я думал, вы уже не вернётесь. — Первое, что услышала, войдя в номер, был сварливый голос виконта.

— Завтра напишете письмо. Надеюсь, у вас есть кому, — сказала устало, пропустив мимо ушей недовольство бедолаги, и положила на стол выданную мне канцелярию. — Трактирщик отправит с первой же почтовой каретой.

— Боюсь, с этим будет проблема, пока я не начну видеть. Или же вам придется писать от моего имени, — выплеснули на меня язвительность вкупе со злостью.

— Я устала, ваша милость. Я не хочу больше ни о чем говорить, ни что-то решать и кого-то слушать. Всё завтра.

Расстелила плащ на том же месте, тихо вздохнула: «Пойти умыкнуть матрац, что ли, из пустого номера?».

— Что вы сейчас делаете? — спросил мужчина, прислушиваясь к шороху вещей.

— Стелю себе постель.

— На полу?

Ох, как удивился!

— Я не могу снять номер.

— У вас нет денег?

Господи, дай мне сил не сорваться на этого товарища!

— Я не могу этого сделать по другой причине, о которой вам знать необязательно! Однако не отрицаю: денег у меня нет, как и документов.

Обладатель титула замолчал, будто обдумывая что-то. Или успокоился, чего моя персона искренне желала. Я уже и положение нашла удобное, и глазки закрыла, и в дрёму блаженную погрузилась, когда потерпевший очень активно и неуклюже вдруг завошкался, отодвигаясь ближе к стеночке.

— Устраивайтесь рядом, кровать достаточно широкая. Если,

конечно, это не оскорбит ваши чувства — спать рядом с незнакомцем. Уверяю вас, ввиду его неадекватности бояться за свою честь не стоит.

Каков, а? Но приятно-о! И не подумаю кочевряжиться.

— Меня зовут Анна, — тихо сказала, растягиваясь на мягкой подстилке рядом с теплым боком милорда. — И спасибо, — уплывая в сон, успела пробормотать благодарность.

Разбудил меня его милость своим бурчанием, что устал лежать в одной позе, придавленный к стене сестринским телом. Причем в основном задней выдающейся его частью.

Утро выдалось ясное, обещаая теплый денек. Поднимающееся солнышко ласково заглядывало в оконное стекло. Сладко потянувшись, поспешила открыть раму, впуская свежий воздух и звуки проснувшейся природы. Галдел сад на тысячи звонких птичьих голосов. Тявкнула собака, зазвенела цепь со стороны конюшни. Неторопливо сошла с крыльца Ульма с деревянной кадкой в руках, наполненной ворохом белья, и свернула за угол здания. Проводила её взглядом и вздохнула: самой бы постираться не мешало... да и не только постираться. Тело уже требовало ванны или душа, но осуществить это в здешних условиях было невозможно.

— ...А ещё вы храпите, и... от вас исходит очень тонкий приятный аромат. Ничего подобного я ещё не чувствовал. Неуловимый, какой-то далекий, призрачный.

Почему-то от его слов смутилась: свой любимый парфюм никогда не считала стойким, а тут, поди ж ты, что-то да осталось от запаха двухдневной давности!

Пока я умывалась, стараясь не сильно плюхать водой в бадье, чтобы лишний раз не провоцировать вредного пациента на желание посетить уборную, меня посвящали во все минусы совместно проведенной на одной кровати ночи. И коленями-то я его испинала, и локтями истыкала, и слюнями его плечо и подушку залила, и вот теперь ещё и храпела — спать не давала. А плевать! Зато сама отдохнула отлично!

— Как вы себя чувствуете? — спросила, нависая над мужчиной. Переплетала косу и разглядывала его лицо. Порез на виске выглядел нехорошо. Страшные синие опухшие веки, губы-вареники, разбитая

бровь — все было на месте.

— Сносно.

— Вы свет видите?

— Нет.

— Плохо, — вздохнула я и помогла виконту принять полусидячее положение, подбив для удобства ему под спину подушки. — Если у вас кровоизлияние внутрь глаз, последствие так называемой контузии, то это очень опасно.

— Я могу ослепнуть?

— Будем надеяться, что бабушка поможет, — сказала тихо, а у самой сердце защемило от жалости. Офтальмологов в этом мире ещё не скоро народят, как и искусственный хрусталик, вероятно, не скоро изобретут. Все это время в знак поддержки мягко держала его за запястье.

— Напишите письмо от моего имени, я продиктую, — не спросил — распорядился милорд после долгого молчания, погруженный в раздумья о мрачных перспективах своего будущего.

Вдруг меня осенило.

— А на чем вы сюда добирались? Лошадь, карета?

— Нанял экипаж. Так что, поможете?

Сникла. Вот еще вопрос на миллион: как я это сделаю, не зная их письменности?

— Конечно, — тем не менее ответила уверенно, чувствуя себя первостатейной врушкой. Что-нибудь придумаю. — Давайте позавтракаем, ваша каша стынет.

— У меня зубы, к вашему сведению, все целые! — Губы-вареники попытались недовольно скривиться. Ну да, запах яичницы с беконом был соблазнительней, чем полужидкое варево на воде из какой-то крупы с маслом.

— Для здоровья полезно, — мстительно парировала, вспомнив его «а еще вы храпите» и поднесла ложку ко рту болезного. — Открываем рот!

Знахарка пришла, когда я закончила кормить его милость. Не глядя по сторонам, она прошла сразу к столу и начала выкладывать из котомки какие-то горшочки-баночки.

— Вижу, дела уже лучше у касатика, — произнесла жизнерадостно,

бросив взгляд на мужчину, отпивающего из кружки морс.

— Касатик сегодня изволит капризничать — не дал себя обтереть, и меню ему не нравится, — наябедничала сестра милосердия, сидя на стуле у окна без конспиративной одежды.

Старушка тихо ойкнула и с интересом уставилась... сквозь меня. Пострадавший демонстративно кашлянул пару раз. Непонятливых в комнате не было. Я, проходя мимо ведьмы на выход, коснулась её плеча. Бабушка от неожиданности чуть вздрогнула, но, надо отдать должное её нервам, не шарахнулась в сторону.

— Он не видит, — шепнула ей на ухо. Та только кивнула головой, принимая к сведению.

Сегодня утром в таверне было спокойно. Не прикатывал дилижанс с суетливыми пассажирами, не сновали горничные по номерам, меняя постели, убирая комнаты. В обеденном зале было пусто и тихо. Стоило приблизиться к лестнице на первый этаж, как со своего любимого места на подоконнике прыгнул уже знакомый кот. Развалился на верхней ступеньке, преграждая путь, тихо мурлыкнул и дернул ушами, повернув голову в мою сторону. Чувствует меня? Видит? Ведь не скажет. Подошла осторожно, присела возле усатого, погладила по мягкой шерстке. Тот только зажмурился от удовольствия и чуть слышно затарахтел.

Минут через пять открылась дверь номера, и оттуда неуверенно шагнул виконт, одетый в свои штаны и сюртук на голое тело. Под мышкой у него, поддерживая за талию, семенила старушка.

— Вот так, милоч, вот так. Потихонечку, не спешим... — стопы шатающейся из стороны в сторону парочки направились к уборной.

Я кинулась поддержать болезного с другой стороны. Поднырнув под вторую руку, крикнула и недовольно зашипела:

— Да что же вы, милорд, повисли-то не жалея сил на двух слабых женщинах, будто ноги совсем не держат!

Проняла отповедь касатика. Обратно шлепал сам, ведомый знахаркой.

— Отвар с сон-травой дала ему, пусть поспит, — бабушка поправила на веках пострадавшего две тряпицы, смоченные пахучей жидкостью из кувшинчика, что принесла с собой. И требовательно протянула руку в мою сторону.

— Что скажете? — спросила, с надеждой ожидая вердикта ведьмы и подавая ей маленький глиняный горшочек с притертой крышечкой, из которой та достала пальцем небольшое количество какой-то зеленоватой массы.

— Бессильна я здесь, девонька, — вздохнула тяжело женщина и легким движением нанесла эту кашицу на ножевую рану на виске мужчины. — Тут только маг поможет.

Я оторопело уставилась на неё.

— Но вы же тоже колдунья! Сами говорили, что видите все магическое, и потом... ведьма-знахарка... — Растерянно замолчала. В моем понимании, ведьмы — это могущественные бабки Ёжки, которые и порчу с приворотом наведут, и в жабу превратить могут, и излечить от всех напастей.

— Моих сил хватает только на приготовление снадобий да зелий, голуба, — горестно призналась та.

— А где они обитают у вас, эти суперволшебники?

— Тю, слово-то какое придумала, — усмехнулась бабуля. — Да в каждом городе найти можно. Они у нас господа все важные, по деревням не селятся. Что им делать в глуши-то этой? Ни заработка, ни славы, ни карь... как её, какрь...

— Карьеры.

— Вот-вот, её. Они университеты, видишь ли, позаканчивали, вот и мнят себя птицами полета высокого. Поэтому и надо быстрее его, — старушка указала подбородком на спящего виконта, — отсюда увозить. Записку-то отправили родным милорда?

— Нет. Его милость поручил мне это важное дело, но я... не знаю вашей грамоты. Я не смогла прочесть вывеску на трактире! Это странно — думаю на своем языке, а слова произношу... похожие на наш итальянский. А вот на родном: *«Уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блистало, короче становился день, лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась...»* — прочла тихо с печальной улыбкой, глядя в окно.

— Чудно звучит, — протянула женщина, подперев кулачком подбородок. Замолчали, задумавшись каждая о своем. Вдруг моя собеседница, восторженно спросила:

— Ты перед тем, как перенестись в наш мир, что в этот момент делала?

Нахмурилась, вспоминая подробности.

— Сейчас... — Пытаясь сосредоточиться на мельчайших деталях того злополучного утра, закрыла глаза. — Вошли грабители. Придурок в маске размахивал пистолетом... крикнул мне «Снимай цацку!» Я её в руке держала и пожелала... — Обомлев от догадки, растерянno посмотрела на ведьму. — Я пожелала исчезнуть, оказаться подальше оттуда! Вы думаете...

— А чего тут думать? Проверить нужно! — Бабулька одобрительно кивнула. — Загадывай!

Оберег лег в ладонь. Сжала кулачок, зажмурилась и мысленно выпалила: «Хочу домой!»

И... ничего. А если по-другому?

«Хочу в свой мир!» — результат тот же — сижу в номере за столом со знахаркой.

«Хочу быть видимой!» — открыла один глаз, вместо руки вижу скатерть из небеленого льна.

— Ты что загадываешь? — недоуменно спросила старушка.

— Судя по всему, невыполнимое, — ответила упавшим голосом, — или не работает.

Передо мной лег клочок бумаги с какими-то каракулями.

— Это мое имя, сможешь прочитать?

— Черт... — ругнулась с досады. Ведь если анализировать произошедшее, то получается, что сам перенос случился в критической безвыходной ситуации, а сейчас вполне себе мирная сцена беседы двух дам. И ничего мне не угрожает, и никто в меня не стреляет. И в то же время помощь мне от оберега обещали? Обещали.

Вновь смежила веки и отчаянно-ласково зашептала:

— Миленький, хороший мой, научи-помоги! Знать грамоту этого доброго мира хочу! Не оставь меня дурой невежественной в новой жизни!

Не успела пропеть-произнести последнее слово, как кругляш моментально нагрелся в руке, а в голове будто струна лопнула. Звонко, оглушительно, больно!

Глава 7

*Для того, чтобы написать письмо,
нужны двое, как и для ссоры.
(Элизабет Дру)*

Словно сквозь толщу воды в сознание проникали голоса, постепенно становясь различимее. За мужским встревоженным следовал спокойный женский. Вытянувшись во весь рост, я лежала на твердой поверхности. Открыла глаза и рывком села, уронив со лба на колени влажную тряпицу.

— Очнулась, слава богам! Как же ты меня напугала, деточка, — старушка кинула в бадью уже ненужный компресс, нащупала мое запястье и, проведя своей ладонью выше по руке, добралась до плеча. Погладила успокаивающе. — Давай помогу встать, милая. Переполошила всех своим криком.

Несильно потянула меня за предплечье вверх. Я запоздало схватилась за голову, но с удивлением констатировала ясность ума и зрения, и никаких последствий той чудовищной боли, что пронзила меня только что. Поднялась осторожно, прислушиваясь к собственным ощущениям.

— С вами все хорошо, Анна? — Виконт, приподнявшись на локте, ждал ответа, нахмутив лоб. На глазах повязка.

— Я кричала? — спросила тихо, возвращаясь на стул, с которого, видимо, рухнула на пол, создав немало шума и, как следствие, суеты вокруг себя.

— Очень громко, голуба, у меня чуть сердце не оборвалось. Доран прибежал, в дверь ломился — думал, я тут режу его постояльцев. И начала с тебя, деточка. Еле его успокоила, — так же негромко сокрушалась ведьма. — Пришлось сказать, что бородавку прижгла тебе, — прошептала она и покосилась на наострившего уши в нашу сторону мужчину.

— Может, мне все-таки скажут, что случилось? — милорд повысил голос.

— Вы же слышали: мне провели небольшую операцию, —

спокойно ответила я взволнованному господину. — Оказалось, у вашей «сестры» очень низкий болевой порог. Уже все в порядке, не стоит переживать. И простите, что потревожили ваш сон.

Виконт откинулся на подушку, удовлетворившись моим ответом. Или сделал вид, что поверил, но вопросов больше не задавал.

Бабушка подалась в мою сторону через стол и молча пододвинула знакомый клочок бумаги. Я прочтала сначала про себя, а потом пораженно выдохнула:

— Тельма?

Уставилась в довольное лицо ведьмы.

— Тельма, — с теплой улыбкой подтвердила женщина, кивнув.

— Все получилось! — произнесла одними губами, чувствуя, как вскипают слезы на глазах от непередаваемого восторга и облегчения. Сорвалась с места и заметалась по номеру.

На кровати недовольно сопел милорд. А меня переполняли эмоции, требуя выхода. Подскочила сначала к вздрогнувшей от неожиданности старушке, обхватила её лицо руками и расцеловала. Потом пришла очередь названного братца. Вот уж кто точно ничего подобного не ждал от счастливой «сестры». Он только неловко вскинул руки и замер, когда я коснулась своими устами его щеки, потом лба, а затем и губ-вареников.

Рванула на выход из комнаты. Дернула щеколду и ойкнула, чуть не прищемив себе палец.

— Я сейчас, я скоро!

— Куда ты, бедовая?

— Куда она?

Раздалось вслед на два голоса, но когда там было отвечать, если за спиной крылья!

Коридор. Лестница — вспомнить в последний момент, что по центру скрипит, а потому слететь ветерком по стеночке. Зал. Чуть не налететь на входящего с улицы молодого человека с саквояжем и успеть не дыша проскользнуть мимо в закрывающуюся дверь. Крыльцо. Вскинуть голову...

«Усталый путник» — так назывался постоянный двор.

А писать? Писать я могу? Кинулась обратно, зацепив плечом дверной косяк, и чертыхнулась-зашипела, схватившись за пострадавшее место. Сзади испуганно вскрикнули. Обернулась. В двух шагах от входа

замерла толстуха с кувшином в руках. В широко распахнутых глазах застыл ужас.

— Селма, что с тобой? Будто привидение увидела! — хохотнула Улья от крайнего столика.

Та попятилась, не отрывая взгляда с того места, где я неосторожно подала голос.

— Две-двери сами открылись, — просипела дочь Дорана.

— Отцу об этом скажи, а еще лучше — сразу дыхни на него! — скептически поморщилась подавальщица.

— Я не пила! — возмутилась розовощекая и еще больше заалела лицом.

— Это не мне мерещится дьявольщина всякая. — Подружка безразлично пожала плечами и потеряла интерес к товарке, занявшись своим делом.

— Не-ет, что-то здесь не то, — протянула Селма и, подойдя к Улье, возбужденно зачастила: — Непонятное стало твориться в доме после приезда этой госпожи в черном. Сама странная, никто её лица не видел, выходит из номера только ночью. Бесшумно. Несколько раз отца напугала. Расплатилась за постой целым империалом! Забирает заказ, только когда отходишь подальше от комнаты. Ведьма к ним уже второй день шастает и долго не выходит! Крик слышала? — Дождалась ответного кивка и с жаром продолжила: — Отец бегал, узнавал, что случилось, а ему: удалила госпоже бородавку! — Скривилась, паясничая. — Только знаю я, что от этого так не орут. Болячка, видать, пострашнее у этой, в черном.

— «Поцелуй богини»! — ахнула девчонка от страшной догадки, прикрыв рукой рот.

Селма убежденно и важно кивнула на её версию о какой-то чрезвычайно кошмарной болезни, коей я, сердешная, оказывается, страдаю.

— А вчера кувшин с вином из третьего номера исчез. Прямо во время трапезы! Гость на секундочку отвернулся к окну, а повернулся — кувшина то и нет, тю-тю! Испарился! — подхватила Улья. — Если бы ты слышала, как он выговаривал твоей матери!

— Да ты что-о... — Выпучила глаза дочь трактирщика. — Теперь вот ещё двери стали сами открываться-закрываться... с шипением! Ой-и, не чисто что-то с этой постоялицей... Никак тоже ведьма!

Я открыла рот на такое заявление.

— И любовница господина, — уверенно подытожила её подруженька.

«Браво, девы! Любовница-ведьма! Ещё версии будут?»

Заслушавшись трепом работниц, совершенно забыла, куда спешила. Но полученная информация того стоила. По сему выходит, мне надо быть крайне осторожной. Это же красавицы сейчас с удвоенным энтузиазмом продолжают слежку! Съезжать надо с этого приличного «Усталого путника». Но вот куда?

Покинув сорок, мышью взбежала по лестнице, ворвалась в комнату и... успела затормозить, чуть не сбив с ног милорда.

— Ух ты! Уже сами, без поддержки? Какой молодец! — восхищенно воскликнула, глядя, как медленно и еще неуверенно по прямой — три шага в одну сторону, разворот, три шага в другую — прохаживается виконт.

— Вашими заботами, — как-то не очень благодарно прозвучала из уст обладателя титула реакция на мой восторг.

Старушка, стоя в сторонке, виновато посмотрела в мою сторону, поджала губы и отвела взгляд. Ну и что могло случиться за то короткое время, пока меня не было?

Господин Карре остановился и, видимо потеряв ориентир, повел руками вокруг себя в поисках опоры.

— Сделайте еще один шаг вперед, и вы у кровати, — пришла на выручку я, помрачнев. — Чем опять ваша душенька недовольна?

— Вы обшаривали мои карманы?

Я опешила.

— Да, — ответила тихо, — только не обшаривала, как вы изволили выразиться, а искала какие-нибудь документы, удостоверяющие личность избитого и бессознательного человека. И да, взяла из вашего кошелька две монетки — расплатиться с трактирщиком и знахаркой, я вам говорила об этом. Больше ничего не брала, все бумаги вернула обратно. — Милорд, насупившись, молчал. — Вы что, мне не верите?

— Почему я должен верить? Кому? — Он резко развернулся ко мне, пошатнулся, но устоял. — Я не знаю, кто вы, откуда... В конце концов, я не вижу, кто живет в моем номере вместе со мной!

— Ах, вон оно что! — Разочарование и обида захлестнули меня. — Вы считаете меня аферисткой, воспользовавшейся вашим беспомощным

состоянием. Что ж, прошу прощения за... — Замолчала, поняв, что оправдываться не буду. — Можете пригласить достопочтенного Дорана, пусть он заверит состояние ваших карманов и бумажника, подтвердит количество денег и пуговиц на вашем сюртуке, а я... — Проморгалась от подступивших слез. — Думаю, хозяин этого заведения не откажет состоятельному господину в сиделке. Вот с ней и решите вопрос с весточкой родным. Прощайте.

Развернулась и распахнула дверь, собираясь ступить за порог. Бабулька из своего угла только тихо ахнула.

— Пойдите, Анна! — остановил окриком. — Пойдите. Мне тяжело сейчас понять, разобраться. Я попал в неприятную ситуацию и подозревать, согласитесь, имею право всех и каждого, пока меня не заберут отсюда. Простите, что незаслуженно обидел вас. Слепота не способствует хорошему расположению духа, и... мне все еще нужна ваша помощь. — Выделив слово «ваша», замолчал и нервно потер ладонью лоб, отчего ткань на глазах с одной стороны переместилась выше под кромку волос, перекосившись. Вот теперь виконт стал похож на неправильного пирата: с перевязью на одно око из белой тряпки.

Мои нерешительные действия в дверном проеме не остались без последствий. Из-за угла вынырнула Улья со стопкой чистого белья. Дойдя до нашего номера, сбавила скорость, глазками быстро просканировала помещение сквозь меня, «споткнулась» о фигуру мужчины в тоге из простыни, из-под которой торчали голые ноги, и с шальным выражением лица продолжила путь, до последнего выворачивая и вытягивая шею.

— Поверьте, мое положение много хуже вашего, — сказала устало и закрыла створку. — И уж если вам есть к кому обратиться, есть куда вернуться, то я, увы, не могу этого сделать. Не обижайте меня своими сомнениями в порядочности, не изливайте горечь, и мы просуществуем рядом вполне мирно и без драки, как добрые соседи, до приезда ваших родных... или знакомых, кому вы там отпишетесь.

— Вы отпишетесь, — поправил Карре. — Если успеем отправить сегодня письмо, то его получат уже завтра. Два дня — и мы избавимся от общества друг друга.

— Благодарствую, ваша милость, за доверие и приют!

Вот не знала, что слюна может быть такой горькой!

— Ну и ладненько, ну и хорошо! — ожила знахарка и заторопилась

уйти, прихватив одежду виконта. — Отдам Одиле, чтобы почистила. А тебя, голуба, я жду вечером к себе в гости. Крайний домик у дороги, с зеленой крышей.

И умчалась, оставив удивленную меня и мрачного хозяина номера, стоящего в позе античного мыслителя.

— Диктуйте! — скомандовала лежащей на кровати титулованной особе.

Я была невероятно воодушевлена! Каждое мысленное слово на русском выходило из-под пера слегка коряво, но разборчиво на языке народа, в коем государстве мне «посчастливилось» очутиться. Рука сама выводила вензелёчки, крючочки, кружочки местного алфавита из тридцати пяти букв! Для сравнения вспомнила азбуку в стихах Самуила Маршака — «Аист жил у нас на крыше... Бегемот разинул рот...» и, когда дошла до «Ягод нет кислее клюквы...», почувствовала, что это ещё не все! Будто движимый невидимой рукой, в конце стихотворного столбца «Паркер» изобразил две закорючки с петельками, похожие на английские «Y» и «R». От усердия даже высунула кончик языка — немного практики, и каллиграфию сдам на высший балл!

— Отец, я нахожусь на постоялом дворе «Усталый путник» близ деревни Маревики. Пришлите за мной карету. Все объяснения при встрече. Ваш сын Леонард Карре.

Я честно написала все, что продиктовал мужчина, а потом представила пожилого человека, который сон потерял от переживаний за своё пропавшее без вести чадо, пусть и великовозрастное. А если еще дитяtko вернётся в таком ужасном состоянии, то нетрудно представить, что ждет старика, — удар, если слаб здоровьем. Неправильно это, сухими четырьмя предложениями отписаться. Надо как-то подготовить родственников к неожиданному зрелищу.

— Может быть... — решила предложить немного «обогатить» информацией короткую записку, но меня перебили резко и непреклонно.

— Этого достаточно. Поднесите мне, я поставлю подпись.

Закусив кончик пера, сидела, глядя на конверт, в который вложила «SOS» от младшего Карре старшему, и убеждала себя в правильности своего поступка. Получив слегка отредактированное послание, главе

семейства будет тревожено, но не инфарктно.
«Здравствуйте, отец!..»

Глава 8

*Каждый день не может быть хорошим,
но есть что-то хорошее в каждом дне.
(Элис Морз Эрл)*

— Откуда вы, Анна?

— Издалека.

— Лагос? Эмер? Готуар?

— Еще дальше... — Тяжело вздохнула. Вот и наступил тот момент, когда нужна легенда.

— Из-за моря? — Мужчина даже приподнялся от подушки в глубочайшем изумлении, а я насторожилась.

— Что такого ужасного за морем, что вы так удивились? — спросила не подумав.

— Это известный факт — там не живут люди. Неосвоенные земли. И вы хотите сказать, что приплыли с Дикого континента? Я не верю вам! — Фыркнул. — Не хотите говорить? От кого вы скрываетесь?

Я усмехнулась.

— Мне и скрываться не надо, все равно никто не найдет. Не гадайте, ваша милость, я ничего вам не скажу.

— Почему? Может, в моих силах помочь вам.

— Есть уже один помощник, — недовольно пробурчала себе под нос, нащупав оберег. — Послушайте, зачем вам это знать? Через несколько дней наши дороги разойдутся — вам в одну сторону, мне в другую. День-два — и даже не вспомните обо мне.

— Скучно.

Промолчала, погрузившись в безрадостные мысли: увезут соседа, а я? Что мне делать? Жить в трактире, переселяясь из одного пустого номера в другой? Воровать еду? Переквалифицироваться в призрака, роняющего тяжелую крышку «унитаза» в уборной по ночам? Или прыгнуть на запятки буржуйской кареты и рвануть за постояльцем в его имение? В большом доме легче скрываться. Всю оставшуюся жизнь?!

Ему скучно! А мне от «веселых» перспектив выть хочется...

За окном стемнело. Бросила взгляд на трость господина Карре,

сиротливо стоящую в углу. Не помешает взять с собой. Идти через лес, да еще и по незнакомой местности... Нет, не людей боялась — зверей. У человека только зрение, у животного еще и хороший нюх. Да и мало ли, в каком диапазоне они меня увидят. Вспомнила встречу с котом — вот вам и пример!

— Вы доели? — Поднялась со стула забрать пустую тарелку у милорда.

— Отвратительная отбивная.

— Согласна. Компотик? — Впихнула в его ладонь кружку. Мои пальчики неожиданно прижали к керамическим стенкам, не давая отпустить посудину.

— Вы спешите? — вдруг севшим голосом спросил мужчина.

— Меня ждет знахарка, а вы отдыхайте.

— Надоело лежать. А возьмите меня с собой.

— Голым? — Улыбнулась.

— Дьявол!

— Письмо. — Я положила на ближайший стол конверт из темной бумаги и отступила к лестнице, встав вполборота и искоса наблюдая, как трактирщик неторопливо подошел, взял послание и вчитался.

— Графство Виннет, усадьба... Его сиятельству графу Гектору Карре? — Неподдельное изумление проскочило на лице уважаемого Дорана.

— Что-то не так с адресом? — забеспокоилась я.

Мотнул головой.

— Просто уточняю, чтобы знать, какой каретой отправлять.

— Как долго оно будет идти?

Теперь удивленный взгляд устремили на меня. Мысленно ругнулась: я ж вроде как сестра и вообще местная!

— Если утренней... то завтра к вечеру должны уже будут доставить, — задумчиво протянул хозяин заведения, подозрительно прищурившись.

— Позаботьтесь. — Решительно направилась к выходу, сбегая от неудобных вопросов. — Хорошего вечера!

— Вы надолго, госпожа?

— Если до полуночи не вернусь — запирайтесь.

— Вы никак к ведьме? Возьмите лампу, сегодня один Кин на небе.

— Что-то хотели ей передать? — Пришлось у самого порога резко свернуть налево и взять с деревянной полки, прибитой к стене, чуть тлевшую «летучую мышь».

— Моя жена поясницу потянула, а знахарка мазь делает хорошую на змеином яде. Я буду вам признателен, если она передаст её через вас.

— Ок!

— Что?

«Черт!»

Массивная дверь с лязгом захлопнулась за спиной. Прибавила огня в масляном светильнике, но сделала только хуже. Чтобы видеть дорогу под ногами, нужно было высоко поднять руку с «мышью» — неудачная идея. Спутник Планиды вполне достаточно освещал путь, чтобы не заплутать.

От поворота шагнула с колотящимся сердцем в тоннель из густых зарослей местной флоры и, пожалев об оставленной на крыльце лампе, погрузилась в гробовую тишину и прохладу. Вдохнула запах прелой листвы и коры. Мгла неприятно окутала своими крыльями одинокую путницу. Вдруг то тут, то там, меж стволов деревьев, замелькали зелёные огоньки светлячков. Глаза постепенно привыкли к крошечной тьме. Предупредительно махая герцогской тростью в сторону особенно подозрительных и страшных теней, крепче сжала пальцами плащ на груди. Скинула с головы капюшон: ткань все-таки глушит звуки, а боязливой сестре милосердия важно было, чтобы органам слуха и зрения ничего не мешало. Представила, как я выгляжу со стороны. Меня бы сейчас на лошадь — и вот вам воплощенный дьявол с прерий от Майн Рида! Нервно хихикнула и ускорила шаг.

Лес наконец закончился, и на фоне черничного неба показались первые черные треугольники крыш с трубами. И как я буду искать среди них зеленую? Помянула «добрым» словом капризного пациента палаты номер пять, который задержал меня до десятых звезд.

Крайний домик у дороги. Таких оказалось два по обе стороны. Рискнула подойти к первому и негромко кликнуть через забор хозяйку. Из темноты двора раздалось приглушенное рычание, а потом что-то огромное и лохматое с ревом кинулось на высокий и густой плетень, едва не завалив его под своим весом. Вскрикнула, шарахнулась в ужасе от чужой ограды и чуть не запустила в злобного четвероногого сторожа

трость.

— Девонька, ты ли? — Оклик знакомым голосом принес невиданное облегчение. Спотыкаясь и путаясь в полах плаща, бросилась к своей спасительнице, вышедшей из второго дома. Запричитала:

— Тельма, миленькая! Господи, что ж у вас темень-то такая! Меня чуть не сожрали! Такие зубы только у медведей бывают!..

— Я уж думала, ты не придешь, — подхватила она меня, зацепившуюся носком туфли за какую-то корягу.

— Наша милость сегодня был в ударе: то ему одно, то другое, то до туалета раз пять проводи и обратно — ножки размять. Побил все рекорды по аристократичному самодурству. А потом резиновую отбивную жевал целый час, будто нарочно время тянул...

И жаловалась, жаловалась, жаловалась — отводила душу, снимала напряжение. Не заметила, как пересекли двор и зашли в дом. Как с меня сняли грязную и влажную накидку, перчатки и посадили за стол.

— Сейчас провожу тебя в баньку, там и постираешься.

— Как вы сказали? — Не поверила своим ушам.

— В домик жарко натопленный...

— Я знаю, что такое баня, Тельма! — И счастьем моему не было конца!

— А мы сейчас ещё травок добавим...

Коварный замысел упарить меня до состояния полной отрешенности от суетного мира старуха воплотила с нездоровым энтузиазмом. Помещение наполнилось тягучим жаром с запахом смородины, ромашки и эвкалипта. Натерев меня всю какой-то коричневой кашицей, знахарка обернула тело тонкой холстиной и велела не вставать с полки, пока семь потов не сойдет.

— Изнеженная ты, девка, тонкая, что тростиночка. У нас такие только дочки аристократов бывают.

Облепленные чудодейственной массой, формы мои приняли визуальные очертания. Волосы, обмазанные зеленой желеобразной бякой, тяжелой каплей свисали с края лежака до самого пола.

— И не «бяка» это вовсе, а мыло. Сама варила с добавлением травок.

— А выглядит, как из слизней, — еле ворочая языком, пошутила я.

— И с ними, а куда ж без них, — мстительно парировала старая

Тельма, добравшись до моих ног.

По икре провели чем-то шершавым и сухим, будто песком.

— Кожу с меня снять хотите? — От неожиданности дернула конечностью. — Так и знала, что заманили к себе наивную деву, чтобы собрать ингредиенты для своих колдовских зелий.

— Лежи спокойно, языкаястая! Лишнее все удалю с тебя. До самой старости не будешь волноваться.

— А когда состарюсь, снова вырастет?

— А старухой станешь — тогда лишнее греть будет в холодную пору!

Я не выдержала — расхохоталась. Чудо, а не бабка!

Трижды окатив себя водой прохладной, родниковой, блаженно вздохнула. Чувство, будто на свет заново родилась!

— Ты глянь, чудо какое! — ахнула знахарка в восхищении. — Точно из хрусталя тончайшего сделана! Прикоснуться страшно — вдруг рассыплешься.

Жидкость стекала с мокрого полупрозрачного тела, переливаясь бриллиантовыми каплями, ловя на себе блики подрагивающего пламени от трёх толстых свечей. Красиво!

— Попадешь под дождь при свидетелях — и не найти тебе потом покоя от преследователей, милая, — вздохнула хозяйка дома, разрушив очарование момента. — Опасная у тебя сущность — для людей, нечистых на руку, ты как лакомый кусочек.

Ужасно!

— У меня очень скоро другая проблема назреет, бабушка.

— Думала я уже над этой твоей проблемой, голуба, — нахмурилась ведьма, подавая мне длинную белую рубаху. — У меня останешься?

Ох, не надеялась даже, что услышу такое!

— Останусь, — ответила тихо, боясь спугнуть удачу слишком откровенной радостью. — Спасибо вам! — Расплакалась, скорее от облегчения.

Громкий стук в дверь разрушил сон и заставил подскочить с лежанки в крохотной комнатухе, куда меня устроила на ночь знахарка с метёлками-вязанками душистых трав, развешанных под потолком и на стенах. Долбились настойчиво, истерично. Сердце почему-то трепыхнулось тревожно от нехорошего предчувствия. Выглянула из-за

занавески в нерешительности и схватилась за полы рубахи, готовая при первой же опасности скинуть её с себя. Ворча недовольно, из маленькой спальни вышла старушка и, кинув мне по пути: «Сиди тихо, не высовывайся!», прошлепала к дверям. Звякнул засов.

— Тельма, помоги! — прорыдала какая-то женщина.

— Что случилось, Метка?

— Улья... Улья утром пришла чуть живая! — Рыдания перешли в завывания.

— Да погоди ты убиваться! Объясни толком! — Ведьма завела в дом кухарку из трактира, усадила на лавку и подала ей воды. Та, всхлипывая и давясь, опустошила кружку в три глотка. Вытерла передником раскрасневшееся лицо и срывающимся голосом поведала:

— Говорила ей не ходить, так не послушала мать... Побежала вчера на ночь глядя к этому Данко, поганцу с мельницы! Под утро возвращалась лесом, да и нарвалась на чужака со шрамом через всю щёку!..

Я в ужасе зажала рот руками. Страшной догадкой накрыло меня: не о том ли человеке, что избил виконта, речь?

— ...Все выпытывал сначала о постояльцах, кто да что, а потом за горло схватил: «Не ты ли была с постояльцем три ночи назад в пятом номере?» Моей-то, ты знаешь, палец в рот не клади, вот и нарвалась на кулак. Помоги, Тельма! Девке ведь замуж выходить, а у неё лицо все... губы разбиты, кровища хлещет! Доран к старосте побежал, мужиков собирать — лес прочесывать.

И зарыдала в голос.

— Беги, Метка, к дочери, я следом.

Не успела за кухаркой захлопнуться дверь, а меня уже несло в баню, где на лавках аккуратно были разложены после стирки вещи для просушки.

— Накинь платок на плечи — буду видеть, где ты топчешься по комнате. — Ведьма протянула мне клетчатый палантин, стоило только вернуться в дом. — Гребень возьми на рукомойнике. И не мечись как кошка угорелая!

— Непокойно мне. — Заставила себя сесть на лавку у стола. Не видела — чувствовала, как мелко подрагивают на руках пальцы.

— Думаешь, тот изувер вернулся?

— Уверена. И касатик... тьфу ты, господи, милорд там совсем

один, слепой, беспомощный. Пошли уже, бабушка!

Подхватила собранную Тельмой котомку со снадобьями-мазями, сунула туда же свернутый плащ виконта и торопливо выскочила за порог.

Ведьма только охнула вслед:

— Да не спеши, мне за тобой, приткой, не угнаться! — А потом как рявкнет: — Платокними, мешокотдай!

Глава 9

— Где же вы спали этой ночью?

— На такие вопросы леди не отвечают,
потому что джентльмены их не задают.

(х/ф "Мэри Поппинс, до свидания!")

Меня всю дорогу до постоянного двора трясло от волнения и страха. Гад, сволочь, подонок! Девчонку-то за что? Вернулся, чтобы добить свидетеля? Или закончить начатое, а Улья так некстати попала на пути? В какую же историю ты ввязался, виконт Карре, что тебя преследуют с таким упорством и рвением?

Не выдержав внутреннего напряжения, уже на подходе к дому сорвалась на бег. В обеденном зале стояла тревожная, пугающая тишина и безлюдье. Неслышно было утренней суеты на кухне, окриков Дорана. И только на нижней ступеньке лестницы сидел кот. Повернул голову на открывшуюся дверь в трактир и беззвучно мяукнул, поприветствовав меня, ворвавшуюся в помещение, будто специально ждал, чтобы предупредить, пожаловаться на случившуюся в его вотчине беду. Кинулся провожать меня вверх по лестнице, ластясь и путаясь под ногами. А у меня перед порогом в номер вдруг эти самые ноги ослабли и встали как вкопанные. Боялась войти и столкнуться с непоправимым.

Привела в норму немного сбившееся после бега дыхание и потянула дрожащей рукой за ручку — заперто! От сердца вмиг отлегло. Постучала тихо и прислушалась. Милорд не открывал долго, казалось, целую вечность, вновь взвинтив мои нервы до предела.

— Кто там? — наконец услышала сиплый голос постояльца.

— Анна, — ответила негромко и вздрогнула, когда дверь неожиданно резко открылась.

Просочиться бочком в комнату мне не дала рука мужчины, закутанного в простыню. Захлопнув створку, он безошибочно и ловко, будто видел перед собой, сграбастал меня за плечи, подтянул к себе и сжал в объятиях.

— Где вы были? — с жаром выдохнул у моего уха.

Я замерла, не понимая поведения господина Карре.

— У знахарки, — ответила почему-то шепотом.

— Я всю ночь не спал. Вы не предупредили, что останетесь там до утра, — попеняли на легкомысленное поведение «сестры». — От вас пахнет травами и чистотой...

И все это было сказано мне в плечо. Чувствовала горячие губы его милости через ткань блузы. От действий милорда со мной происходило что-то невероятное: в животе скручивались спазмы, спиралью вознося искры истомы вверх, к груди.

Ладонь виконта опустилась по моей спине и замерла на пояснице в опасной близости от ягодиц. Он с ума сошел? Что за порывы необъяснимой страсти? Всегда гордилась своим хладнокровием к подобного рода лживым проявлениям внимания, а тут поплыла от одного только прикосновения горячих рук мужчины — обладателя роскошной шевелюры и великолепных внешних данных. Который даже толком не представился, ограничившись титулом и фамилией. Имя, что я указала на конверте, вслух произнесено не было!

— ...И этот еле уловимый аромат духов, который исходит от вас... волнующий, тонкий, мучительно-соблазнительный, он кружит голову, — достоин почтенный с шумом втянул воздух, отчего волосы на моем затылке встали дыбом, а тело мелко содрогнулось от приятной щекотки, — и пробуждает желание обладать вами...

Дернулась: «Что?!»

Будто холодным снежком попали за шиворот, отрезвляя и избавляя от томного наваждения.

Звук увесистой пощёчины, а следом болезненный вой постояльца огласили тишину комнаты.

— Приложите вот это к губе. — Мучаясь чувством вины и обиды одновременно, всунула в ладонь милорда тряпицу, смоченную ведьминым настоем.

— Я снова вел себя неподобающе по отношению к вам, простите, если сможете, — стараясь не шевелить кровоточащими «варениками», каялся виконт тихим голосом. — Но... я слышал, что случилось с девчонкой-подавальщицей, и подумал о вас...

— Вы волновались за меня? — Я так растерялась от его слов, что забыла о своих терзаниях.

— Что вас удивляет? Сейчас, в этом захолустье, вы для меня

единственный знакомый человек... даже можно сказать — родной, сестра!

— Так обрадовались возвращению «родственницы», что ощупали всю, дабы убедиться в целостности?

— Мне кажется, вам понравилось.

Щека виконта дернулась в попытке усмехнуться.

— Вы невыносимы! — возмутилась и, кажется, покраснела.

— Я держал себя в руках...

— Вы держали в руках мою талию!

— ...хотя, признаться, это было сложно. В вас все необычно: поведение; то, как говорите; манеры; одежда... Кстати, я успел заметить, что вы в мужском костюме. Маскировка? Не представляете даже, какой разжигаете интерес к своей загадочной персоне!

Срочно уходить от этой темы!

— У вас все ещё идет кровь. Помолчите немного.

Вынула из сжатых пальцев милорда компресс и осторожно приложила к его разбитой губе.

— Как вы думаете, этот тип еще вернётся?

— Этот человек — пёс, наёмник. Таким платят хорошие деньги за работу, — шепеляво разъяснял мне ситуацию его милость. — Каким-то образом вы помешали ему тогда довести дело до конца, а значит...

— ...он еще вернётся. Может быть, нам перебраться на время в деревню, к знахарке, пока за вами не приедут?

— Вам совсем не жалко старуху?

— В каком смысле? У неё довольно большой чердак, мы не потесним её.

— Анна, вы, видимо, не совсем понимаете, что за люди эти псы.

— Но ведь он только пугал, угрожал, но не собирался вас убивать!

— Четыре дня назад — не собирался, но кто знает, с чем он опять пожаловал?

— О, господи... Что же делать? Сидеть и ждать, когда заявится этот кошмар со шрамом?!

— Вам незачем его ждать. Уходите, — было сказано с толикой тепла и заботы.

— Что значит «уходите»? И бросить вас здесь? Вы серьезно думаете, что я могу так поступить? — возмущение вскипело, готовясь вырваться настоящим фонтаном негодования.

— Зачем молодой девушке проблемы незнакомца? Если с вами что-то случится, я не смогу простить себе этого.

— Ну... у меня есть кой-какой секрет, который, возможно, поможет нам справиться с этой с-собакой, — несмело пробормотала, потупившись, а в голове уже родился план, как можно противостоять непрошеному гостю.

— Псом, — усмехнулся виконт.

— Расскажите, за что он вас избил?

— Это семейная тайна, — нехотя ответил мужчина и замолчал, отвернув голову к стене.

— И-и? — подтолкнула милорда, потерявшего красноречие. — Честное слово, никому не скажу! — выпалила с жаром и отдала зачем-то пионерский салют.

— Если в двух словах...

— В трёх...

— ...Долгое время наш род был хранителем одного ценного артефакта. Опасная вещь. Каким-то образом о ней узнал один амбициозный аристократ-коллекционер — маг со слабым даром. И вот на протяжении многих лет он изводил нас настойчивыми уговорами продать ему таурон. Угрожал, давил, преследовал. Видимо, устал либеральничать с нами и перешел к более активным действиям...

— ...наняв наёмника, — кивнула головой, закончив его рассказ. — И попытки кражи, наверное, были?

— Были. Но безрезультатные — нечего красть.

— То есть?

— Этой вещи давно нет среди семейных ценностей Карре, как и среди сокровищ кузена.

— А почему же тогда...

— Нам не верят. — Собеседник пожал плечами и без перехода вдруг спросил: — А что значит «сестра милосердия»?

— О, — я несколько растерялась от перемены темы, — это монашеская конгре... Проще говоря — это женщины, принявшие обет послушания, целомудрия, бедности и посвятившие себя медицине, благотворительности и преподаванию. — «Господи, что я несу!» — Сиделки, утешительницы, врачевательницы ран, те, кто отдает всю свою любовь и душу нуждающимся.

— Вы приняли такой обет? — Милорд даже приподнялся на локте

от удивления.

— Нет, — весело усмехнулась.

— Но вы же только что... Впрочем, с этим разберёмся позже. Там, откуда вы прибыли, существует подобный орден? Я впервые слышу о женщинах-монахинях.

Я задумалась над ответом. Жизнь здесь меня ещё научит выборочно и осторожно излагать свои мысли, не раз и не два поучительно дав хорошего подзатыльника. Не зная обычаев, религии, норм морали и нравов этой страны, я как слепой калека буду блуждать среди зрячих, получая смешки и тычки со всех сторон. Ведьма. Главное, чтобы старушке хватило терпения и здоровья для натаскивания иномирянки в самых необходимых на первое время знаниях об этом мире.

— Анна, вы здесь? — повысил голос мужчина, обеспокоенный моим долгим молчанием.

— Конечно, куда ж я денусь, — пробормотала устало. — Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Вы расстроены, я слышу по голосу. У вас кто-то остался там... кто очень вам дорог? — Не дождавшись от меня ответа, сел, подтянув к груди одеяло. — Дайте мне вашу правую руку, — попросил его милость и протянул мне свою раскрытой ладонью вверх.

Вложила. Мои пальчики сначала слегка сжали, потом каждый перебрали массирующими движениями. Скользнули к запястью. Наткнулись на манжету от блузы, пощупали ткань. Покрутили маленькую пуговичку между большим и указательным пальцами. Хмыкнули.

— Вы не замужем и не обручены.

— Почему вы так решили?

— Нет кольца и браслета.

Я уже открыла рот — полюбопытствовать, что и в каком случае носят, но вовремя вспомнила об отсутствии легенды.

— А если я их сняла?

— Анна, — снисходительно усмехнулся виконт, — такие вещи у нас знают даже дети — помолвочное кольцо и брачный браслет невозможно снять самой. Так откуда вы?

Что же ты, моя милость, такой настырный-то?

— *Я потерялась среди миров,*

*Найти свой дом теперь, увы, не в силах.
Он где-то среди звезд, среди туманных снов...
Летит... О, Боже, я же там кота забыла!*

Прочла и улыбнулась, вспомнив студенческие шалости, когда вот такими короткими шуточными гариками перебрасывались во время лекций.

— Я от вас не добьюсь ответа? — вздохнув, спросил пострадавший после недолгой паузы. — Чьи это стихи?

— Я не помню. — Выдернула свою руку из мужского захвата и чуть не перекрестилась на радостях, когда в дверь комнаты постучали.

— Госпожа, ваш обед!

— Как вы оказались один в этом трактире? Где ваш слуга, камердинер, денщик, наконец?

Милорд что-то промышчал, старательно пережевывая мясное рагу. Я все ждала Тельму, но ведьма так и не поднялась к нам в номер. Неужели состояние Ульи настолько плохое? Да и много ли ей надо? Собственными глазами видела кулачищи меченого. Ему, чтобы избить до полусмерти слабую женщину, особо и силу-то прилагать не потребуется.

— Я получил письмо от... друга, который просил о срочной помощи и назначил встречу на этом постоялом дворе. Он просил сохранить его послание в секрете.

— И конечно же его здесь не застали.

— Нет.

— И ничего не заподозрили? Почему именно здесь, почти в сутках езды от вашего поместья, в глуши? Хороший друг?

— Когда-то мы были близ... очень близкими друзьями.

Второй раз заминку просто невозможно было не заметить, и, прежде чем мой мозг сформировал следующий вопрос, с губ сорвалось:

— Бросились на выручку даме? — От собственной догадки почему-то стало смешно. — Уму непостижимо! Это же классическая подстава, развод, как угодно! Такие методы по выманиванию объекта из дома стары как мир!

— Ну вас же не было рядом с разного рода предостережениями и советами! — выплеснул виконт на меня накопившийся скепсис.

— Простите... — Покраснев, почувствовала себя препаршиво: чего

вдруг решила козырнуть эрудицией и блеснуть интеллектом? —
Поспите немного, сегодня нас ждет бессонная ночь.

— Будем ждать гостя?

— С распростертыми объятиями!

Глава 10

— Никто не убивает никого у меня в магазине.

Только я и Зед.

(х/ф «Криминальное чтиво»)

После разговора с Карре не могла находиться в номере. Сидячее ожидание бесило. Его милость дремал после сытного обеда, а у меня с каждой минутой все сильнее скручивало внутренности в преддверии больших неприятностей. Тельма. Я сомневалась, что бабулька просто ушла в деревню после осмотра Ульи, не навестив милорда и не поговорив со мной. Возможно, с девчонкой что-то намного серьезнее, чем просто разбитая губа. Вот еще причина, из-за которой хотелось вторично расквасить нос господину аристократу. Если бы не его визит в этот трактир, жили бы себе все спокойно и счастливо. Сам был бы цел и невинные девицы не лежали бы сейчас трупиками, отходя от побоев. Не рыскал бы наёмник по округе, не искал свидетеля, то есть... меня! Решила, что могу судить-клеить мужчину, когда сама же в какой-то степени виновата в действиях меченого. Не мой ли визг нарушил оплаченную «порку» строптивому аристократу?

Сунув нос на кухню, убедилась в присутствии всех женщин на рабочем месте: Метка, заплаканная и осунувшаяся, мяла тесто, Одила мешала половником густое варево в высоком сотейнике. Не сразу заметила Селму. Девчонка сидела в углу за печью, шмыгая носом и поглядывая обиженно на мать.

— Ты на меня не зыркай! — неожиданно рывкнула жена Дорана на дочь и с грохотом опустила крышку на кастрюлю. — Принесешь в подоле, я тебе сама ноги вырву! Дрянная такая. Знала бы, чем вы с этой шалавой по ночам промышляете, давно бы под замок посадила!

Метка после этих слов ссутулилась и вжала голову в плечи.

— Я не такая дура, как Улька, — любиться с каждым, кто медяком поманит! — огрызнулась толстуха.

— Конечно, ты только за серебро продаешься! — беспощадно лупила словами свою кровиночку мамаша. — Устроили мне здесь притон! Всё, отгуляли свое, красавицы! Через три дня отец поедет в

Злавику сваху нанимать!

— Мама! — раздался обречённо-негодующий вопль розовощекой барышни в переднике.

Звякнув цепью, рыжий охранник вылез из конуры, потоптался на месте, улегся и тяжело вздохнул, уронив голову на передние лапы. Задний двор трактира оказался довольно большой территорией. Примыкал он к пышному фруктовому саду с несколькими одноэтажными постройками хозяйственного типа, огороженными аккуратным заборчиком из покрашенного в белый цвет штакетника. Аккуратные дорожки из тёсаного камня. Изумрудно-зелёный бархатистый газон. Чистота и порядок — загляденье!

Стараясь ступать тихо, по большой дуге обошла размороженного жарким днем сторожа «Усталого путника» и на цыпочках добежала до одноэтажных домиков-флигелей, где, как подозревала, проживали хозяин с семьей и их работницы — Метка с дочерью. В поисках ведьмы заглянула в каждое окно и обрадовалась, когда поняла, что не ошиблась в своей догадке — Тельма ещё не ушла!

Этот мир тоже не отличается тотальным человеколюбием и гуманизмом. В этом я в очередной раз убедилась, войдя в комнату, где обнаружилась старушка.

Замерла на пороге, оглядывая помещение, настолько плотно заставленное мебелью, что небольшой камин буквально «задышался», зажатый с двух сторон кроватями. Девчонка лежала на одной из них прикрытая до подбородка тонкой простынкой. От увиденного зажала рот рукой, сдерживая горестный всхлип. Что сказать — досталось ей хорошо. Удар, видимо, пришелся на правую часть лица, потому как вся эта сторона опухла и перекосилась. Обширная гематома под глазом, разбита губа...

Ведьма вдруг прекратила свое занятие и, чуть повернув голову, напряженно застыла.

— Это я, — шепотом обозначила свое появление.

— Задумалась и не услышала тебя, девонька, — сказала бабулька, досадливо мотнув головой.

— Как она?

Женщина тяжело вздохнула и бросила странный взгляд на пострадавшую: то ли обвинительный, то ли сострадательный, кинула в

ступку ещё несколько сухих соцветий и продолжила мять пестиком сбор в деревянной посудине.

— Да ты присядь, спит она. — Тельма указала подбородком мне на стул. — Кто будет идти — услышим. Это только ты ходишь, будто вовсе не касаешься земли ногами. — Помолчала немного, а потом выдала: — Дитя она потеряла, сердешная...

Я так и замерла в нескольких сантиметрах от мягкого сиденья, не успев присесть.

— ...Убивец этот сначала по лицу ударил. Девка упала. Мужик нагнулся, за грудки её схватил, а эта возьми да и плюнь ему в лицо! Тот рассвирепел и ногой... Что делается? Откуда у людей столько злобы? — тихо запричитала знахарка. — Как она еще до дома дошла-доползла, удивляюсь.

Улю было жалко до слез. Её мать еще жалче.

— Бабушка, а есть такая травка, которая галлюцинации вызывает?

— Галю... что? — Кажется, даже пестик в руке у старухи удивился вопросу.

— Видения, при которых человек чертей гоняет. Э-э... черти — это нечисть рогатая, — внесла разъяснение, опомнившись.

— Есть такая. А тебе зачем? — Тельма поймала в воздухе порхающий букетик из сухих дикоросов, вырвав его из моей загребущей лапки, и нахмурилась.

— Порошок нужен из этой дряни. Есть? — В нетерпении я даже подалась вперед.

— Найдем. Чувствую, задумала что-то. Рассказывай.

Перешагнув порог домика, ведьма первым делом заставила накинуть на голову платок, на плечи — уже знакомый мне палантин, на руки надеть перчатки виконта, забытые вместе с тростью во время утренней спешки. Не откладывая дело в долгий ящик, хозяйка открыла большой кованый сундук и закопалась в нем, кряхтя и шурша чем-то, позвякивая бутылками и баночками в поисках моего заказа. Схватившись за поясницу, наконец разогнулась. Маленький мешочек из плотной ткани в её пальцах привлек моё нездоровое любопытство.

— Как называется?

— Дурная красавка, — ответила женщина и глянула с укоризной, когда я сдавленно хрюкнула от смеха.

— Травка?

— Гриб. На болоте растёт. Высушивается и растирается в пыль.

Присев за стол, бабулька осторожно потянула за веревочку, стягивающую горловину своеобразного кисета для хранения далеко не табака. Я, не удержавшись, вытянула шею, пытаюсь рассмотреть его содержимое.

— Куда нос свой суёшь?! — Меня легонько шлепнули ладонью по макушке. — Чтобы свести с ума, достаточно одной ложки порошка, растворенной в жидкости...

— Боюсь, он не жажду утолять явится!

— Дослушай, торопыга! — Ведьма недовольно приструнила мой сарказм. — Если человек вдохнёт это через нос, страшные видения и образы начнет видеть, пока организм не очистится естественным путем от ядовитых веществ...

— Ага, детоксикация. — Я понятливо кивнула.

— ...Умом не тронется, но кошмары долго ещё будут мучить потом. Противоядия нет. Нос себе чем-нибудь заткнёшь, да про касатика не забудь.

— После сегодняшней облавы я вообще не уверена, что этот пёс явится. Не совсем же он идиот, чтобы соваться туда, где уже наследил. Дважды... — Вдохнула с долей сожаления — наказать гада очень хотелось. Страшно было до дрожи, но... проучить — святое дело!

— Оберег тебе в помощь, голуба!

Ближе к ночи территорию постоянного двора и окрестности неожиданно накрыло молоком-туманом — густым, белесым, непроглядным... Таинственным и тревожным. Вернулся Доран, принёс с собой запах леса, прохлады и разочарования — поиски разбойника со шрамом не увенчались успехом. Хмуро выслушав жену о состоянии дел в трактире, удовлетворенно покивал, запер заведение на засов и тяжело уселся за один из столиков. Одила метнулась в кухню за поздним ужином для дорогого супруга.

— Нашли свежее кострище возле Кривого дуба, остатки еды, перья фазаньи. Арбалетный болт в стволе застрял, глубоко. Горан, сын старосты, с трудом выдернул. Вот ведь... — ругнулся себе под нос, — одарил нечистый постояльцем. Как он там?

— Сидит в своем номере тихо. И госпожа с ним... Поскорее бы уже

избавиться от таких гостей, — прозвучало сварливо из уст женщины.

— Да уж, свои проблемы эти... пусть лучше решают подальше от «Усталого путника».

Кружку с взваром громко, с досадой опустили на столешницу.

— Неспокойно мне. — Трактирщик потер грудь ладонью. — Здесь сегодня переночую. Комната свободная есть?

— Так занято все, — хозяйка виновато развела руками, — завтра караван в Тормонд.

— Забыл. Принеси пару одеял в клеть под лестницей. — Вставая с места, Доран потянулся с хрустом и громко зевнул. — Дожил — уважаемый владелец недвижимости спит в чулане!

Устав спорить с виконтом об очередности несения караула в ожидании незваного гостя, вручила ему трость за неимением другого «оружия», пожелала спокойной ночи. Услышала в ответ ворчливое «Какой уж тут сон!» и вышла из комнаты. На площадке перед лестницей остановилась в раздумье: спуститься в обеденный зал или устроиться прямо тут, на маленьком пяточке, на «подушке» из плаща. Бдить. На фоне окна различила силуэт ночного охотника. Кот, издав короткий «мяв», мягко прыгнул мне под ноги, потерся о них и исчез в темноте, быстро сбежав на первый этаж. Без усатого стало неуютно и жутковато. Вытащила из кармана брюк мешочек с порошком и ещё раз вспомнила инструктаж от ведьмы: «Раньше времени порошок из кисета не высыпать! В случае неудачи орать во всю глотку!»

Мурзик прибежал с подарком в зубах, напугав до икоты своим бесшумным появлением и вызвав короткий приступ паники на дорогое подношение.

— Ну зачем ты мне принес эту гадость?! — чуть не плача шептала я, подошвой туфли отодвигая подальше от себя дохлую мышь. — Я не ем такое, киса! Без соли.

Передернула плечами от отвращения и сграбастала своего пушистого поклонника на руки.

— Я польщена, милый. Мне еще никто не делал таких шикарных подарков.

Теплое тельце покорно прильнуло к груди. Усатая мордочка доверительно ткнулась в подбородок. Баюкая и почесывая спинку

мурлыке, слушала ночь — ту, что была за пределами каменных стен трактира. Вот угукнула сова, ей ответила кукушка. Вязкий туман глушил звуки серенад лягушачьего хора. Под звуки природы и тихое тарахтенье компаньона успокоилась, расслабилась. Веки отяжелели, голова сама склонилась к плечу, и «дозорный», засопев, незаметно погрузился в приятную дрему.

«Анюта!» — голос, до боли родной, любимый, тревожный, вырвал из полусна, заставив в смятении открыть глаза и крепче прижать к себе вдруг начавшего вырываться кота. Подняла голову и уперлась взглядом в... сапоги!

Мамочки!

Сердце замерло на миг, а потом понеслось-заколотилось громко, суматошно, вбиваясь в грудную клетку. Передо мной на верхней ступеньке лестницы стоял меченый с ножом в руке и смотрел на извивающуюся в воздухе животинку. Но как смотрел! Эмоции, что мелькали на его страшном лице, невозможно было уловить, описать. Неверие, паника... весь набор!

Подскочила с места, как отпущенная пружина. Вместе со мной в воздух взметнулся пушистый друг. Дальше все произошло стремительно, непредсказуемо, шумно.

Мышелов выпустил когти! В мою руку! Я, вскрикнув от боли, отбросила хвостатого от себя — прямиком в вооруженного бандита. Не ожидая такого коварства от левитирующего кота, тот отшатнулся назад и, неуклюже взмахнув руками, загремел по ступеням вниз. Достигнув первого этажа, замер распластанной фигурой.

— Черт... — прошептала я на выдохе, не веря в случившееся.

Так и стояла, глядя сверху на человека широко открытыми глазами, боясь пошевелиться. Все ждала, что дядька вот-вот заворочается, встанет, поднимет отлетевший в сторону нож...

Мелькнул свет от лампы. Доран, в кальсонах и нательной рубаше, с возгласом «Какого демона!» выскочил из-под лестницы и, будучи дезориентированным спросонья, чуть не пропахал носом пол, споткнувшись о ноги лежащего ничком мужика с неестественно вывернутой шеей. Помянув еще раз нечисть, хозяин постоянного двора осторожно развернул мужчину на спину и в ужасе отпрянул.

— Спаситель всемогущий, убился!

Глава 11

— *Сколько лет, сколько зим! Ни письма, ни телеграммы, ни сигнального костра. А мы за тебя волновались!*

— *Правда?*

— *Конечно нет!*

(м/с «Настоящая кровь»)

— Уважаемый Доран, что случилось?

Кто-то прогудел низким голосом у меня за спиной. Я вздрогнула и вынырнула из оцепенения, в коем пребывала уже некоторое время, бездумно глядя на лежащего человека со шрамом. Плавнo, словно сомнамбула, шагнула в сторону, освобождая дорогу высокому седовласому мужчине в наброшенном на плечи халате поверх полосатой пижамы. Мягкие домашние туфли-тапочки на ногах у постояльца сверкнули в свете лампы серебряной вышивкой.

— Вор пожаловал, господин... — хозяин трактира поднял голову, всматриваясь в спускающегося по лестнице разбуженного гостя, — Фроуд? Вы снова в наших краях?

— Еду в столицу. — Губы собеседника пренебрежительно дернулись. — Он без сознания?

Доран вздохнул и опустил лампу к самому лицу наёмника.

— Мертв. Шею сломал. Сдается мне, что это тот, кого мы искали целый день. Чужак. Поймал сегодня работницу мою в лесу... В общем, лежит сейчас девчонка в тяжелом состоянии.

— Да что вы говорите? Но... что-то надо делать, не оставлять же его так. — Постоялец, достигнув первого этажа, склонился над телом, с интересом разглядывая покойника. — Да-а... — протянул, смерив прищуренным оком высоту лестницы, будто мысленно провёл следственный эксперимент, — нелепая смерть.

— Может, пока в холодную клеть его?.. — нерешительно предложил владелец «Усталого путника», почесывая затылок.

— Или в погреб, — кивнул, соглашаясь с самим собой, обладатель красивых тапочек.

Двое мужчин принялись неторопливо обсуждать дальнейшую

судьбу незадачливого убийцы, а я заставила себя наконец оторвать взгляд от мертвого пса. Все еще судорожно сжимая в одном кулаке мешочек с дурной красавкой, в другом — оберег, медленно направилась в комнату. Но стоило мне войти в номер, как разом обрушилось понимание свершившегося. Руки мелко затряслись, колени подогнулись, а зубы застучали в бешеной чечетке. Сжала челюсти, давась сдерживаемыми рыданиями, и рухнула на колени.

— Анна? Анна, это вы? — взволнованный голос его милости ворвался в сознание, как что-то чужеродное, лишнее в этот момент. Ответить я не могла. Смотреть ему в лицо не могла. Для меня невыносимым было присутствие постороннего, когда мозг долбила единственная мысль: я убила человека! Пусть это вышло случайно. Пусть мерзавец и заслужил наказание, но не такое же! Не лишаящее жизни!

— Я... не хотела, — сжалась, захлебываясь словами, — не хотела!..

Милорд поднялся с постели и осторожно двинулся на голос. Уткнувшись ступней в моё бедро, провел руками по воздуху, пока не нащупал голову «сестры». Опустился рядом. Руки Карре огладили мои судорожно подрагивающие плечи, притянули к себе и обняли.

— Уйди... прошу тебя! Уйди, не трогай меня! — буквально провыла и в попытке отстраниться уперлась кулачками в грудь мужчины.

— Чш-ш, тихо, тихо, все будет хорошо, — увещевал он ласково, глядя по спине.

— Ничего не... будет хорошо! Ничего! Он... мертв, понимаешь? Я убила его!

В раздражении отбросила от себя кiset с порошком, злясь, что так и не довелось им воспользоваться. Возможно, все вышло бы по-другому, и сейчас у подножия лестницы не лежал бы...

Стоило только вспомнить остекленевший взгляд наемника, как мои щеки залили горячие слезы. Уткнувшись в грудь его милости, разревелась громко и безутешно. Отпустила эмоции, и вспомнилось вдруг все разом: нерожденное дитя Ульи; ослепший Карре; перенос в этот странный мир и мой бестелесный облик; кот, которого никто не любит в этом доме, и, как ни странно, погибший злодей тоже получил изрядную долю сочувствия.

Меня подняли на руки и перенесли к кровати, усаживая себе на

колени. Покачивая, словно ребенка, виконт тихо шептал слова утешения.

— Никто не узнает, и ты забудешь, слышишь? Все пройдет. Все переосмыслится со временем. Неприятные воспоминания утекут, как вода... Ты мне потом все расскажешь, не сейчас. Не сейчас...

Убаюканная и уставшая от выплеска слишком бурных эмоций не заметила, как уснула, сидя в кольце крепких рук милорда. До самого пробуждения чувствовала теплое тело рядом. Лгнула к нему, интуитивно ища защиты. Вздрагивала и впивалась своими пальцами в предплечье мужчины, когда чувствовала малейшее его шевеление. Лишь перед самым рассветом крепкий сон окутал меня, расслабляя мышцы, унимая головную боль и даря мнимое спокойствие.

Открыть глаза — не значит проснуться. Неуютные серые сумерки опутали комнату, благодаря ненастному утру навевали тоску и дрему. После ночной истерики так и вовсе вставать не хотела, лелея состояние опустошенности и тупого безразличия. Странная вялая мысль плескалась в голове: будто и не со мной вчера страшное приключилось. Будто и не было никакой трагедии — всё фантазии, навеянные Морфеем. Чудовищные и печальные одновременно.

Запах прогорклого масла достиг моего носа. Приподняла голову — тонкую черную струйку испускал потухший фитилек через верхние отверстия в «летучей мыши». Господин виконт, закутанный в простыню, спал, сидя за столом и уронив на сложенные руки голову. Опухоль с лица уже почти спала, на месте страшных синяков проступила лиловая с желтизной колоритность. Губы приобрели нормальное состояние, но поджившие трещины ещё портили их идеальную форму.

Кто-то, шаркая ногами, прошел по коридору мимо нашего номера. Звук хлопнувшей двери, скрип колеса с улицы и громкое «Тпру-у!». Брехнула собака... Идеальную тишину этого места начали заполнять звуки нового дня. Жизнь продолжается!

— Анна, ваши родители живы? — Вопрос виконта застал врасплох.

Немного подумав, стоит ли рассказывать о себе человеку, с которым не сегодня-завтра расстанемся, решила, что ничего страшного в том нет, если открою ему часть правды.

— Мамы не стало два года назад, а отца еще раньше. Другие родственники... у нас с ними были, скажем, натянутые отношения.

— Вы единственная наследница?

Я хмыкнула и разрезала бекон в тарелке милорда на мелкие кусочки.

— Наследница без наследства. Все имущество было распродано, чтобы погасить огромный банковский кредит и закончить учебу. — В приоткрытый от удивления рот мужчины сунула вилку с наколотым на неё жареным свиным ломтиком.

— Вы учились? — Едва прожевав, поспешил он со следующим вопросом. — Позвольте узнать — на кого?

— На экономис... экономический факультет.

Вздыхнула. Вот опять, чувствую, не в ту степь угодила со своим ответом! Но слово вылетело и вызвало лишь скептическую улыбку у собеседника.

— Разыгрываете! У нас нет таких университетов и направлений, Анна. И девушки обучаются в пансионах.

— Оу, конечно, как я могла забыть. — Улыбнулась выражению триумфа на лице милорда — поймал на маленькой лжи? — Держите кружку, сегодня ягодный морс.

— Знаете, мы вчера как-то незаметно перешли на простое обращение, что сегодня это обоюдное «вы», вызывает чувство диссонанса. Позволите?

Теперь пришла моя очередь удивляться тому, как ловко у него получилось найти мою руку, не видя той, и припасть к ней поцелуем.

— Леонард?

— Анна... Нет, все равно звучит официально, — скривился Каре, — есть вариант для друзей?

— Аня, Аннушка.

— ...Для очень близких друзей? — Пальцы виконта мягко и легко пробежались до запястья и обратно.

— Анюта, — ответила и замерла, наслаждаясь мимолетной лаской, что дарил мне мужчина, изучая форму моей руки. У него была теплая, суховатая кожа на ладонях. Длинные пальцы с аккуратно постриженными ногтями и...

Неожиданно в дверь комнаты долбанули с такой силой, что мы с его милостью синхронно подскочили с мест.

— Лео! Открой, это Рихард!

— Какого дьявола ты тут делаешь?! Почему ты раздет? Что за куртуазное послание мы получили от тебя?.. — Стоило отодвинуть щеколду, как меня чуть не снёс ворвавшийся джентльмен. Злой, громкий и... умо-по-мра-чи-тель-ный! Притихла у стены за вешалкой и не могла глаз отвести от этого представителя крышесносного генома.

«Нютик, только не застони! Таких не бывает! Не-ет, это все обман зрения».

— Почему не предупредил никого о поездке? — внимательно осмотрев номер, новоприбывший впери́л в виконта тяжелый взгляд.

У него были карие глаза и темные волосы.

— Как ты сюда добирался?.. — продолжал он засыпать Лео вопросами.

Если подойти к нему вплотную, придется запрокидывать голову до хруста позвонков.

— И... что с твоим лицом? — Поток слов иссяк моментально, как только господин Карре поднялся со стула навстречу товарищу с хлыстом в стильном и безупречном дорожном костюме.

— Ты все сказал? — с холодным спокойствием выдал его милость. — Анна, позволь представить тебе моего кузена, графа Рихарда Морана.

В ответ тишина и глубокое изумление на физиономии брата милорда в простыне.

— Лео, ты здоров? — быстро придя в себя, Моран обеспокоенно коснулся плеча Карре.

— Анна, почему ты молчишь? Ты здесь? — Игнорируя гостя, его руку и его вопрос, Леонард чуть опустил голову, будто прислушиваясь.

— Дружище, ты что... правда не видишь? — прошептал ошарашенно кузен, вглядываясь в его лицо. — Пресветлые Боги, я думал... Как это произошло?

— Здесь была девушка, Рич, когда ты вошел. Где она? — Пострадавший в раздражении сбросил с себя конечность брата.

— Какая девушка?

Мое сердце подпрыгнуло и... сжалось болезненно, когда с этими словами в комнату вдруг всплыла королева красоты неопи́суемой и обладательница чарующего голоса. До чего же ущербной и убогой я

себя почувствовала, напрочь забыв, что я вообще-то невидимая и никто не может «оценить» мой внешний вид. У них тут питомник, что ли, по выращиванию людей с безупречными данными?

— Леонард, почему в таком виде? — округлив в изумлении глаза, жалобно пропела нимфа.

Ей-ей сейчас в обморок упадет, не вынеся пикантного зрелища.

— Миледи, я просил вас ждать в карете! — рявкнул Моран, обернувшись к вошедшей.

Та, хлопнув длинными ресницами, густо покраснела, бросила на него полный ненависти взгляд и вылетела в коридор, забыв закрыть за собой дверь.

— Что? — потерянно спросил мой виконт. — Ты зачем её сюда привез? Её присутствие мне неприятно и совершенно неуместно!

— Прости, так получилось, — виновато ответил кузен, глядя куда угодно, только не на брата. — Ну что я мог сделать? — Развел руками. — Это твой батюшка настоял на её компании. Ты ведь знаешь, спорить со стариком... Сам не в восторге. Где твоя одежда? Нам пора ехать, — быстро пресек он неудобную тему.

— У хозяйки. Вчера забрала в чистку. Будь добр, распорядись, чтобы принесли.

— Буду. Заодно прикажу, чтоб собрали съестного в дорогу. — Приложил ладонь к животу, прислушиваясь к себе, — Пожалуй, и нам с леди Софией стоит чего-нибудь перекусить — дорога дальняя.

Красавчик уже выходил из номера, когда услышал:

— Рихард! Встретишь там девушку невысокого роста в мужском костюме — попроси её подняться сюда.

Родственник хмыкнул:

— Тебя вроде как невеста в карете ждет.

— Это еще вопрос.

— Что «ждёт»?

— Что «невеста».

Глава 12

— Как жаль, что вы наконец-то, уходите...
(М. Жванецкий)

Леонард на ощупь дошел до кровати и, глубоко вздохнув, сел. Заставила себя отлепиться от стенки и тихонько закрыла дверь на щеколду — во избежание, так сказать, неожиданных визитеров. Присела рядышком, дотронулась до руки милорда.

— Видите, как все хорошо складывается? Завтра вас уже осмотрит лекарь, маг. Вылечат ваши глазки, обязательно вылечат.

— Где вы были? Почему ушли? — Встрепенулся тот обрадованно и вцепился в моё запястье. — Испугались этого сноба? Не стоит, право. Он бывает вспыльчив и не всегда корректен, но... Я бы не уехал, не поговорив с вами, Анна, я вам обязан жизнью. Скажите, как мне вас отблагодарить? Чем помочь? И... почему мы опять на «вы»?

— Потому что к «ты» не было времени привыкнуть. — Я пожала плечами.

В номер постучали, и приглушенный голос Селмы доложил:

— Господин, ваши вещи!

— Оставьте у порога! — торопливо распорядился Леонард и уже мне: — Поможешь одеться? Мне неловко просить, но сам я не справлюсь. Не хочу ждать брата.

— Конечно, — кивнула, поднимаясь.

Грудь вдруг сдавило от обреченной неизбежности. Я привыкла к этому мужчине. Я ощущала себя нужной, даже полезной. Мы оба ждали этот день — день расставания, и вот он настал, а на душе так горько и тоскливо, хоть плачь! Впрочем, слезы не заставили себя долго ждать. За эти четыре дня я уже столько выплакала, что удивительно, чему там ещё собираться в уголках глаз?

— Я не смогу вам завязать этот галстук как положено, — повинулась я виконту заботливо расправляя ворот его рубашки.

— Да и к демонам его, — отмахнулся от аксессуара Карре.

— Жалко плащ не успели почистить. Я его порядком изгваздала. —

Зашла за спину, подставляя рукава сюртука под вытянутые назад руки мужчины.

— Выброшу.

— Оставьте его мне. На память. — Усмехнулась грустно.

— Аннушка... — Лео резко развернулся ко мне, стоило только верхней одежде опуститься на его плечи.

— Вот ваши бумаги и деньги, — перебила его, рассовывая все по внутренним карманам.

— ...Поехали со мной!

Я испуганно воззрилась на его милость.

— Ку... да? Я не могу. — Голос мой вдруг осип, и я запаниковала. — Нет! Мне... Я останусь здесь, у Тельмы.

— Знал, что будет трудно тебя уговорить. — Милорд с досадой покачал головой, а потом неожиданно поймал мою руку, вложил в ладонь мешочек с монетами и зачастил взволнованно: — То, что ты сделала для меня, стоит много больше. Нет-нет, я не покупаю твою заботу, просто... хочу помочь. Не отказывайся, не обижай меня и... прости за... Ты знаешь. Я не забуду никогда мою добрую соседку. Как бы я хотел стать твоим другом! Возможно ли это, Анна? Возможно ли в будущем нам увидаться?

Кулачок «сестры милосердия» с зажатым в нем кошелём поднесли к губам и долго не отпускали, припав в крепком поцелуе.

— Спасибо и... — не удержала всхлип, — всего вам самого хорошего! — Последний раз невесомо проведя пальцами другой руки по волосам «брата», сдавленно прошептала: — Прощайте.

Вывалась, открыла дверь и вышла, мечтая поскорее оказаться на улице. Сбежать в сад. Затеряться среди деревьев и не видеть, как карета, запряженная четверкой лошадей, трогается в путь. Быстро дошла до лестницы и... тут же попятилась назад. На середине лестничного марша господин Моран, взирая с высоты своего роста, возмущенно выговаривал стоящему рядом трактирщику:

— Я вас, уважаемый Доран, категорически не понимаю! Какая сестра? Какая дама в чёрном? Кто и с кем жил в одном номере?

— Простите, это, конечно, не моё дело, но милорда я видел всего один раз, когда он снимал комнату. Потом общался только с этой женщиной, что назвалась сестрой и обеспокоилась лечением вашего захворавшего родственника. Сама ни на шаг не отходила от него и нас

всех заставила придерживаться строгого распорядка.

— Чем она его лечила? Как, если, говорите, она не отлучалась?

— Так знахарка наша местная приходила, ей помогала.

Рихард в задумчивости постучал кончиками пальцев по перилам, решая некий ребус из выданной информации, но, так и не придя, видимо, к разгадке, кивнул, буркнул: «Разберёмся» и продолжил подъем, оставив невозмутимого хозяина заведения за спиной. Остановившись перед «апартаментами», нервно повел шеей из стороны в сторону и одним сильным хлопком по полотну открыл дверь. Я, движимая скорее беспокойством, чем любопытством, просочилась следом за ним и тихонько отошла на прежнее место у вешалки.

— Кто писал письмо? — начал он без предисловий.

Карре недовольно скривился.

— Сбавь тон! Я попросил Анну.

— Опять эта Анна! — Моран возвел глаза к потолку. — Какая-то таинственная леди в чёрном не сходит с уст у всего постоянного двора! Я хочу познакомиться с ней! Где она? Все её видели, и в то же время... никто ничего не может сказать о ней, тебе не кажется это странным? И откуда она взялась? Почему назвалась сестрой? Смахивает на элементарное мошенничество!

— Не смей! — одернул родственника Лео и, выпрямившись, принял воинственный вид, а я из своего угла прониклась огромной благодарностью к «другу». — Что не так с письмом? Ты читал? Там всего-то четыре строчки с просьбой забрать меня отсюда.

— Четыре?! — Мне показалось, что сиятельного Рихарда сейчас порвет от еле сдерживаемого смеха, пришлось прикусить палец, чтобы не выдать — «Какого черта!» — свое возмущение. — Да батюшка твой прослезился, получив трогательное сочинение, в коем его наконец-таки повзрослевший наследник проникся уважением и сыновним пиететом к родителю!

— Шутишь, — пораженно прошептал тот.

— Если бы, — устало вздохнул собеседник, — сможешь потом сам убедиться — твое послание теперь хранится среди дорогих сердцу графа Карре бумаг.

— Она и здесь... надо же, сестра милосердия! — тепло усмехнулся Леонард в сторону.

— У-у, как тебя повело-то! — беззлобно хохотнул старший. —

Заинтриговал, ваша милость.

— Я не знаю, кто она, откуда, но бескорыстней, порядочней и невинней женщины я ещё не встречал, чтоб ты знал!

— Женщина-загадка, — прокомментировал сказанное Моран, посмотрев на родственника с какой-то жалостью.

— Оставь свой сарказм!

— Да какой там... — Красавчик вяло отмахнулся, взял со стола трость, смахнул перчатки милорда в шляпу-цилиндр и развернулся к кузену. — Ну, ты, я вижу, готов? — Похлопал того по плечу, приобнял. — Пора, брат. Ждет нас дальняя дорога. София в карете, маги в поместье, старик вызвал самых лучших, а главное — нерадивого отпрыска ждут розги!

Они ушли, а я ещё долго стояла и улыбалась сквозь слезы, как дура.

«Сердце защемила тоска словно переполненный зал,

Осушив тебя до глотка, ничего взамен не отдал.

И осталось смятение где-то в груди,

И закралось сомнение в мысли твои.

Почему и зачем столько лет

Лазерный свет, так похожий на свет от любви.

Прощай, мой друг, и в покинутом зале

Гитара печально сыграет отбой.

И вьюга споёт старый блюз на вокзале,

*И просто не в кайф расставаться с тобой»**

Сидя на стуле у окна, мяла в руках свернутый плащ господина Карре и не могла придумать, как мне уйти. С минуты на минуту могла заявиться нерасторопная Селма для уборки освободившегося номера, а тут я. Со своим маленьким скарбом, раздраем в душе и полным непониманием, почему свист хлыста и грохот удаляющейся кареты с братьями встали комом в горле и поселили глубокую печаль в сердце.

— Голуба моя, ты здесь? — Тихий голос ведьмы дошел до сознания не сразу.

— Да, — ответила, все еще находясь в печальном образе.

Бабулька оглядела комнату.

— Уехал, касатик.

— Отбыл.

— А ты что же до сих пор здесь?

— Да вот, — указала на проблему, подняв с колен накидку титулованного наследника и трясая в воздухе кошельком.

— Ох, — выдохнула женщина, — так это я удачно до Метки добежала. Как же это мы с тобой заранее не условились, как быть?

— Он к вечеру ждал... кого-нибудь.

— Уходить надо, милая, — Тельма решительно подошла, приняла из моих рук вещь, завернула в неё мешочек с деньгами, нащупала мою руку и потянула на выход.

— Чуть не забыла! — опомнилась я и, вырвавшись, кинулась к одиноко лежащему у ножки комода кисету с дурной красавкой.

— Не пригодился порошок? — Ведьма аккуратно засунула опасный ингредиент в карман платья.

— Он предпочел сломать себе шею, — прозвучало печально вразрез сказанной фразе.

Двор постоянного двора заполнили телеги торгового обоза. Подле них сустились хозяева мешков, корзин, бочонков. Распрягали лошадей и отводили их к длинным глубоким корытцам у конюшни напоить и почистить, дать свежего овса. И пока рабочие лошадки жуют свой сухпак, самым поспешить в обеденный зал, где их ждал горячий обед.

Обойдя стороной людей, чтобы ненароком ни с кем не столкнуться, ведьма торопилась в деревню, одной рукой придерживая скрученный плащ, а другой держа мою ладонь. Для надежности, чтобы я не потерялась в этой толчее.

— Мое почтение, Тельма! — От группы мужчин, стоящих кружком недалеко от крыльца, отделился рослый лысый дядька. Зацепив за рукав на ходу такого же здоровяка-отрока, как две капли воды похожего на него, потащил за собой в нашу сторону, догоняя.

— И тебе, Петрус, не хворать! — не останавливаясь, ответила старушенция.

— Ты никак к дочери Метки приходила?

Знахарка затормозила.

— К ней.

— Это правда, что девка в тяжести? — понизив голос, спросил мужик и покосился на парня.

— А тебе-то что за дело?

— Да такое, что... — Здоровяк вдруг стушевался и почесал

макушку. — Эта дубина, — вдруг он звонко хлопнул по шее стоящего рядом сына, — утверждает, что это его ребенок.

Я чуть не присвистнула. Во дает Уля! А там еще есть сын мельника! Как бы драки не случилось между желающими признать отцовство.

— Так и что? — Ведьма явно не понимала, чего от неё хотят. Я тоже.

— Жениться он надумал, — сказал как выплюнул Петрус и поморщился, видимо, от самой перспективы.

— Ежели есть дитё, так не оставлю! — прогудел хлопчик и на всякий случай отошел на шаг от батеньки.

Бабулька тяжело вздохнула, глядя с грустной усмешкой на парочку, и обронила короткое и страшное:

— Был.

— Как надолго я могу располагать твоим гостеприимством, Тельма? — переминаясь с ноги на ногу на пороге, спросила я ведьму.

— Живи, не гоню. — Знахарка пожала плечами. — Коль помогать будешь, так только в радость мне, старой, от такого соседства.

— О, это я охотно! — обрадовалась и потерла ладошки. — Давай мне фронт работы!

— Что делать-то умеешь? Обучена чему?

— Все умею: готовить, шить, вязать, с огородом там...

— А козу доить? — Хозяйка дома хитро прищурилась.

— Ой... Нет, ежели ты покажешь, попробую. Городской я житель, — ответила, рассеянно наблюдая, как старушка принялась разводить огонь в печи. — М-да, с этим вот тоже не мешало бы подружиться.

Уже привычно накинула на голову платок, подошла ближе, наблюдая за действиями Тельмы.

— Завтра проведу тебя по деревне, чтобы знала, кто где живет. Старосту Петруса с сыном Гораном ты уже видела. Их дом в самом центре поселения стоит. Большой. С петухом на шпиле. Недалеко колодец. Решишь воды принести — иди, как стемнеет. Я от заикания лечить не могу. Да и лишнюю суматоху с обделанными штанами не хочется создавать среди наших.

— А можно, я на чердаке спать буду? — хихикая после сказанного

женщиной, решилась на вопрос.

— Спи, — дала добро хозяйка и, заметив, как метнулась в сторону лестницы косынка, повязанная на голове гостыи, крикнула: — Куда побежала? Тюфяк прихвати!

Позже, сидя за столом, бабушка о чем-то размышляла, отщипывая от сдобной булки маленькие кусочки и кладя в рот. Медленно пережёвывая, смотрела в окно.

— Доран в Злавику собрался на днях, так вот мы с тобой с ним поедem, — обронила, все так же созерцая собственный двор.

— Зачем? — Кружка в моей руке дернулась от неожиданной новости.

— Торжище там есть. И лавки с женскими мелочами. Поди, когти уже, как у кота лесного!

— Да, есть такое, — с сожалением признала её правоту, пощупав отросший маникюр.

— Отведу тебя к своей старой знакомой, лавку она держит со специфическим товаром. И краска у неё славная получается!

— А что мы красить будем? — любопытствовала я.

— Тебя.

— Как? — опешила я и почему-то представила себя в образе манекена, что стоят в магазине, грязно-розового цвета и... провалами вместо рта и глаз. Ух!

— Красиво! — развеселилась ведьма.

**Песня «Прощай мой друг» Александр Иванов*

Глава 13

— *Написал резюме и расплакался: я такой классный!*
(х/ф «Третий лишний»)

Карету, при всех её достоинствах как удобного мягкого средства передвижения на дальние расстояния, иногда ощутимо потряхивало и кидало из стороны в сторону на неровных участках дороги. Леонард молча сносил все эти каверзы разбитого после дождей тракта, в то время как его спутница с охами и ахами пыталась удержаться на диванчике и не слететь на пол, под ноги молчаливого и угрюмого виконта. Сидевшая рядом с ней камеристка то и дело подхватывала под руку свою госпожу, съезжавшую на скользкой шелковой юбке с бархатной обивки, помогая той вернуться на место.

— Зачем так гнать?! — недовольный голос леди Софии вырвал Карре из его задумчивого состояния.

— Вас, миледи, разве кто-то заставлял отправляться в столь дальний путь? — с холодной усмешкой на губах спросил его милость.

— Я волновалась! — вспыхнула девушка. — Ваш отец уверил меня, что...

— Мой отец в очередной раз дал вам ложную надежду! — прервал отчаянный лепет красавицы виконт.

— Магда, заткни уши! — жестко приказала своей служанке леди, изменившаяся в лице после слов мужчины.

— Не смей, Лео! Я не позволю тебе разорвать помолвку. И если мне понадобится помощь, чтобы обуздать строптивого жениха, не сомневайся, я дойду до самой королевы!

— И это милая, нежная, кроткая девица? О, простите мне мою забывчивость, давно уже не девица и, как выяснилось, отнюдь не кроткая.

— Тебе нужна безропотная, бессловесная кукла? — залилась звонким смехом София.

— Мне нужна... — Карре осекся, понимая, что женщина напротив помимо отвращения к себе вызывает стойкое чувство опасности. Такой ни в коем случае нельзя давать даже намёка на то, какие критерии с

недавних пор стали приоритетными у виконта в отношении слабого пола.

Лживая, надменная стерва продолжала упиваться своим превосходством, поймав собеседника на растерянности и нерешительности по отношению к своим нападкам.

— Поверь, дорогой, меня не испугает даже твоя слепота! Мне нужен наследный графский титул, а не глаза. Видишь? — Она, насмехаясь, развела руками. — Я не скрываю от тебя ничего. О, прости, прозвучало грубо, учитывая твое нынешнее незрячее состояние, — жеманно протянула она в притворной жалости. — Ну не будь таким упрямым. Лучшей жены тебе все равно не найти. Связи, немалое наследство, покровительство её величества... что тебе еще нужно?

— Мне нужно, чтобы рядом со мной была любимая женщина, а не змея. — Сказано было тихо, но в голосе виконта послышалось такое, от чего попутчица поперхнулась собственным весельем и надолго замолчала.

Граф Моран, ехавший рядом на гнедом жеребце и слышавший через открытое окно кареты каждое слово, тяжело вздохнул, прикрыв глаза.

Леди София Инеску — младшая дочь графа Драгоша Инеску, была сосватана Леонарду еще в раннем детстве. Тихо ненавидящий свою нареченную, наследник Карре, достигнув прыщавого возраста, уже тогда начал взбрыкивать на любые попытки родителей свести милых детей к близкому знакомству. Так бывает — ну не пришлась она ему по сердцу! Частые посещения, общие прогулки, приемы, балы — все это вызывало у кузена холодный и злой протест. Впоследствии молодой аристократ, идя наперекор суровому и непреклонному отцу в вопросе его блестящего будущего с чудесной носительницей старой крови, пустился во все тяжкие.

София, как выяснилось многим позже, обладая ангельской внешностью, тоже не понимала, к чему, собственно, себя, королевну, ограничивать в прелестях жизни во благо какого-то гадкого мальчишки, и закрутила бурный роман с актером королевского театра — блистательным красавчиком без роду-племени. Вспыхнул громкий скандал. Приличное общество всколыхнулось — моветон!

Помолвка была на грани разрыва, если бы не вмешательство самой

принцессы Марии Леосской, к которой, каясь и терзаясь чувством вины, обратилась дева древнего рода за помощью, дабы замять неприятный случай. Какими уж доводами и обещаниями накормила София высочайшую особу, или помогла искусно сыгранная роль обманутой несчастной женщины, в будущем преданной верноподданной, но её высочество прониклась искренними переживаниями молодой аристократки. А может быть, покровительственным действиям со стороны принцессы и её участию послужило обладающее огромным капиталом «обстоятельство» в лице графа Инеску, чьи доходы от добычи железной руды ощутимо подпитывали королевскую казну немалыми налогами. Так или иначе, но уважаемому семейству было — пусть будет ре-ко-мен-до-ва-но — простить новую фрейлину её высочества и забыть все недоразумения. Да-да, примерно такую трактовку имело письмо от будущей обладательницы короны.

Леонард был вне себя от ярости и досады. Все попытки отца поговорить с сыном тихо-мирно о сложившейся ситуации заканчивались провалом. Родные люди все больше отдалялись друг от друга. Стена отчуждения росла и ширилась, и тут вдруг... это письмо о помощи, написанное по просьбе Лео рукой таинственной Анны, наполненное теплом и любовью к родителю!

Женщины в жизни младшего Карре занимали определенное место — случайного мимолетного попутчика. Брошенных, обиженных, непонятых с каждым годом становилось все больше. Потребительское отношение к прекрасному полу нисколько не смущало виконта. Совращенные добропорядочные женушки, молоденькие дворяночки, одинокие вдовушки испытали на себе, каждая в свое время, влюбленность и сокрушительное обаяние молодого повесы. И такое же сокрушительное разочарование, когда их бросали. Граф Карре пачками сжигал в камине гневные, требовательные и полные отчаянной надежды письма.

Единственный раз его милость позволил себе увлечься женщиной серьёзно. Красивой, холодной, своенравной Паулой де Фруа, вдовой из Эмера, волею судьбы-злодейки вынужденной переехать в соседнюю Триберию. Тайна её появления на землях сопредельного государства так и осталась загадкой.

Это была странная и болезненная связь. Леди Ула буквально выматывала и опустошала наследника своим безразличием и гордыней.

Она целиком и полностью завладела мыслями и телом Лео. Крутила, вертела им, как хотела. Ни замечания друзей, ни предостережения брата, ни угрозы и мольбы отца не могли выветрить из головы молодого человека ядовитый любовный туман, расплавивший его и без того дурные мозги.

Моран помнил это время, и ему было искренне жаль графа Гектора, на чью долю выпало наблюдать, как буквально сходит с ума его сын от неразделённой страсти.

А потом случилось эта необъяснимая попытка ограбления сокровищницы рода Карре, при которой хранилище-то открыть — открыли, но ничего не взяли! И не менее странное исчезновение роковой красотки после инцидента в поместье. Вот тогда, при расследовании происшествия, у всех и закралось подозрение о странном совпадении этих двух эпизодов. Леонарда только что носом не тыкали в неопровержимые факты, но он ни в какую не хотел верить доводам близких людей, всячески «препятствующим его счастью».

Нынешний внезапный отъезд наследника в неизвестном направлении вполне мог, как подозревал Рихард, быть вызван тем, что вышеупомянутая леди вновь дала знать о себе виконту, и тот, как безмозглый влюбленный юнец, понесся навстречу... неприятностям. Разукрашенная физиономия брата только подтвердила его догадку.

Шло время, и срок помолвки подходил к концу. Движимая алчными и матримониальными целями леди Инеску встретила вновь активное сопротивление со стороны виконта и «закусила удила»...

— Я устал, Рич, останови! — младший Карре требовательно постучал тростью в боковую стенку повозки.

Моран очнулся от своих дум и с удивлением обнаружил, что они проехали добрых три часа без единой остановки. За своими воспоминаниями совершенно отрешился от дороги и попутчиков. Окликнув возницу, распорядился о коротком привале, как только найдется подходящее место. Скоро съехали на небольшой пяточок рядом с трактом. Этакую неожиданную проплешину между густыми деревьями, растущими сплошной стеной вдоль этого участка дороги.

Дамы молча, но с выражением вселенского негодования выгреблись из кареты и поспешили в заросли кустарника. Кавалеры двинулись в другую сторону поляны.

— Рихард, мы должны вернуться, — не терпящим возражения

тоном сказал виконт, смахивая с лица паутину, в которую успели вляпаться мужчины, отойдя глубже в лес.

— Не понял. Куда вернуться? Зачем? — его сиятельство вытаращился на брата.

— На постоянный двор, за Анной.

— Ка... че... что?! — граф даже заикаться начал от подобного заявления. — Ты с ума сошел?!

— Я как раз сейчас в самом что ни на есть здравом уме! Никогда ни одно мое решение не было настолько верным!

— Ой ли... — откровенно засомневался кузен, заглядывая в лицо Карре, но, увидев упрямо поджатые губы, взмолился небу, сдерживая себя изо всех сил, чтобы не сорваться и не дать «этой милости» затрещину. — Боги, ну почему я должен из-за какой-то девки терпеть его заскоки!

— Потому что она не «девка»! — рывкнул Леонард, неожиданно удивив силой своего голоса брата. — Аристократка, я уверен, хоть и не созналась мне в этом. Дерзкая и в то же время кроткая; мятежная и одновременно ранимая; сильная, но слабая в своем одиночестве. Необыкновенная. Угодившая в трудную жизненную ситуацию. И ей нужна помощь!

Рихард изумленно смотрел на своего брата и друга: каким-то немыслимым образом за неполную неделю тот изменился до неузнаваемости. Что сделала эта таинственная незнакомка с лихим повесой, скептиком и грубияном? Как могла она за такой короткий период изменить мировоззрение прожженного эгоиста и циника?

Нет, здесь не чувствовались ни влюбленность, ни обожание, ни страсть. Но глубокое признание и чувственность, несвойственная кузену. Обеспокоенность судьбой незнакомки и душещипательная братская забота — вот что смутило Морана и поселило в душе жгучее любопытство. На его памяти не было такого никогда, чтобы виконт Карре так убежденно отстаивал имя женщины. Паула де Фруа в свою защиту не получала и сотой доли таких искренних и эмоциональных слов. И уж чего точно не ожидал граф, так это устроенного его милостью самого настоящего бунта!

— Вылечишь глаза и можешь возвращаться за кем угодно, — твердо и тихо произнес его сиятельство, сжав руками предплечья виконта. — Хоть весь трактир забирай! Но сейчас ты сядешь в эту

демонову карету и поедешь дальше. Без препирательств и истерик. Ты меня понял?

Леонард стоял, опустив голову, и только желваки перекатывались на его щеках от напряженной внутренней борьбы.

Тронулись в путь. Настойчивость виконта немедленно вернуться за загадочной Анной не поддавалась объяснению и искренняя тревога об этой «женщине в черном» невольно передалась и Рихарду. Чем дальше, тем смятение в душе только нарастало. Заставляло вновь и вновь возвращаться мыслями к незнакомке. Моран продолжал прокручивать в голове тяжелый разговор с кузеном и вдруг, придержав лошадь, оглянулся назад. Смутное чувство потери чего-то важного, оставленного там, на постоялом дворе «Усталый путник» посетило внезапно, укол в сердце, призывающее немедленно развернуть своего черногривого Ахалаша и нестись во весь опор обратно... спасти, вызволять, выручать. Благодарность за друга? Может быть.

И только обещание главе рода Карре как можно быстрее доставить сына домой останавливало его от неблагоразумного шага. Все это блажь, усталость и дурное настроение. Да, именно так! А еще почему-то появилось сильное — просто до зуда в ладонях — желание вытрясти из Карре-младшего рассказ о... Как он её назвал? Сестра милосердия? О ней! Во всех подробностях!

Часть 2

Глава 1

*Немного здравого смысла,
немного терпимости,
немного чувства юмора,
и можно очень уютно устроиться
на этой планете.
(Сомерсет Моэм)*

«Хлип-чав, хлип-чав, хлип-чав...»

Ночная вылазка до колодца грозила оставить меня босой навсегда. Натянув холщевые мешки на ноги, надеялась хоть немного сохранить мокасины от гибели. А сверху все льет и льет нескончаемым потоком. Очередная помывка в бане двум женщинам грозила накрыться медным тазом из-за так некстати закончившихся запасов воды. Тельма с утра планировала впрячься в возок с двумя деревянными бадьями, но уступила настойчивому предложению постоялицы о помощи и, благословив на их наречии, выпустила ее за порог на водяной промысел.

Тяжелые капли, падая сверху, нещадно лупили по макушке, прикрытой капюшоном. Ладони холодил металл ручки небольшой деревянной тачки. Ноги разъезжались по скользкой жиже на дороге. Облепленные мокрой землей «бахилы» только усложняли передвижение. Но замшевую обувь было жалко отдавать на растерзание чавкающей грязи. Это уже третья ходка! Бездонные какие-то бочки у ведьмы. Пять домов слева и четыре справа. Плетень сменялся частоколом. Двор маленький — широким. Заросший — стриженной лужайкой. Больше рассмотреть из-за пелены дождя и темени было невозможно. И вспомнились разом все известные слоганы и поговорки из моего родного мира, как нельзя кстати подходящие ситуации. «Танки грязи не боятся!» и «Русские не сдаются!» — это в одну сторону, налегке. «Врагу не сдается...» и «Любишь кататься...» — в другую. Вот с ними я и пёрла по деревне, таща за собой воз с водой, аки мул на морковку, а я на свет лампы в руках знахарки, ожидающей меня на пороге дома. Признаться честно — помогало плохо. Энтузиазм умер на

четвертом ведре, вытянутом за веревку из глубокого колодца.

— Хватит, голуба, на сегодня, — сжалась старушка, закрывая за мной калитку.

— А сколько надо ещё... до верха?.. — спросила, переводя дыхание.

— Бадеек десять, — «обрадовала» хозяйка, переливая жидкость из этих самых бадеек в объемистую тару под навесом у баньки.

Коса растрепалась, и мокрые пряди, выбившись из-под капюшона, прилипли к щекам, раздражая. Несколько раз сжала и разжала кулачки, разминая скрюченные пальцы.

— Черт, мозоли натерла. — Нащупала волдыри на ладонях. — Перчатки бы.

— Чего нет, того нет, — хмыкнула ведьма, накрыла деревянной крышкой бочку и мягко подтолкнула меня в спину по направлению к крыльцу.

— Надо было у милорда прихватизировать за компанию с плащём, — проворчала, сетуя на свою недалёковидность.

— Мазь дам — усохнут за день твои мозоли.

— Я на чердаке видела мешки сложенные, на парусину похожи. Можно попробовать из одного рабочие рукавицы сшить.

— А мы, простые люди, как-то вот всю жизнь голыми руками обходились, — получила я этакий упрек на заботу о нежной коже, не выдавшей грубой работы.

— Но если есть возможность немного поберечь себя, почему бы не воспользоваться ею? На огороде с бурьяном бороться или... Да в тот же лес, дикоросы рвать. Крапиву там всякую...

— Тоже верно, но есть травы, собираешь их, режешь в кровь пальцы. А они, травы эти, любят, когда руки к ним касаются ничем не прикрытые. Ножом, серпом если — до дома не донесешь. Почернеют листья, умрут.

— Ну, это тоже можно объяснить, как реакция сока на железо... Тш-ш, слышали? — Сквозь шум дождя донесся с улицы неясный звук.

— Что? — Тельма обернулась от печи и тоже прислушалась.

— Будто под дверью кто пищит... Вот опять!

Знахарка, махнув мне полотенцем с плеча «Спрячься», пошла смотреть. Я же, успев переодеться в сухое платье-рубаху, юркнула в клетушку за занавеской. Входная дверь открылась и тут же закрылась.

Удивленно высунула нос из своего укрытия.

— Никак к тебе гость! — раздался веселый голос хозяйки из сеней.
«Кто?»

Заморгала глазами и охнула пораженно, когда в комнату, мокрый насквозь, с опущенными ушами и несчастными глазами вошел старый знакомый!

— Мурзик! Как же ты меня нашел?

— Он у меня часто бывает. Но в этот раз уж точно к тебе бежал. Вишь, даже ливня не испугался. Любовь, она такая... — отозвалась ведьма, подавая мне тряпицу.

Завернула в неё усатого и, промокая влажную шерстку тканью, присела ближе к печке сушить поклонника. Женщина же с доброй усмешкой принялась накрывать поздний ужин.

— Останешься с нами? — спросила взъерошенного после массажа котейку, спуская с рук. — Мне целый чердак от щедрот отломился. Ух, заживем!

Накануне день выдался хлопотным. Я благоустраивала свое новое место для сна. Раскладывала и утаптывала сено, что толстым слоем устилало пол «мансарды». Собирала паутину из углов и никак не могла понять: вот не хватает чего-то!

— А где пыль? — потрясенно спросила у знахарки, чуть ли не наполовину свесившись из лючка в комнату.

— Я ль не ведьма! — был мне лаконичный ответ.

— Здорово! Хочу быть колдуньей! — На мой веселый возглас только отмахнулись, за суровостью скрывая довольную улыбку.

Затем, устроив мне короткую экскурсию по деревне, хозяйка домика с зеленой крышей поспешила к своим травам, зельям, снадобьям. А я... Я наконец познакомилась с козой, которая на этой самой крыше щипала травку! Сначала не поверила своим глазам. Но нет — живая, белая и с рогами. Ходит аккуратно по дерновой поверхности и подстригает зеленый «газон». Не могла не удовлетворить свое любопытство и обошла дом, чтобы воочию увидеть, как животное попало на столь нестандартное пастбище. Не по лестнице же! Земляной погреб — поленница — сарай — дом. Вот и весь секрет! Старушка только посмеивалась над моими восторженными причитаниями.

К ночи — так некстати — обрушилась непогода, грозя отменить поездку в Злавику. Под дождь мне никак попадать нельзя! Видя мое нервное состояние, Тельма поспешила успокоить: «Доран носа из своего трактира не высунет, пока дороги не подсохнут».

Поглаживала Мурзика, лежа на тюфяке, и слушала песню ненастья за стенами уютного жилища старой знахарки. Запах сухого сена окутывал пространство темного чердака с небольшим арочным оконцем и придавал обстановке умиротворенное романтическое настроение. Мысли текли вяло, лениво. Вспоминала свой город, маленькую квартирку в трехэтажном доме на два подъезда. Палисадник под окном тетки Верки с первого этажа с цветущими розовыми флоксами. Её потешную крохотную чихуахуа Моню. Лысого соседа, ремонтирующего у открытых ворот гаража свой вечно ломающийся драндулет, и... старика в шляпе трилби.

Кто же он такой? Знал ли он, какой силой обладал его подарок? Росла, росла во мне уверенность, что знал. Что не случайной девчонке он вложил в руку оберег. Только вот для чего? Спасти её или вернуть обратно домой магический таурон? Туда, где его создали. В мир, где существует магия и... драконы плюются огненной лавой, сидя во чреве гор. А может быть, чтобы вернулся он к семье, которой принадлежал много лет, а потом исчез. И попал к деду. Или... пропал вместе с дедом! Так же, как и я, перенёсся в другую вселенную, планету, реальность, прихватив с собой владельца.

Шум дождя внезапно стих. Тишину чистой, свежей ночи тревожила только звонкая капель, как напоминание о прошедшей стихии. Вода, стекающая тонкими струйками по скату крыши, просачивалась сквозь дерн и устремлялась к земле. Сначала веселыми ручейками, потом все медленней, медленней, пока не остались последние капли, срывающиеся вниз с большим интервалом. Выглянула луна — какая из двух, мне было неизвестно, и залила своим холодным светом деревенские крыши и макушки деревьев. Сон наконец-то стал одолевать меня, как вдруг странный звук заставил вновь открыть веки. Будто большой мотылек ударился о стекло, судорожно поскрёб лапками, затрепыхался и затих. Кот уже сидел в напряженной позе подле лежанки и не отводил своих больших глаз от окна. Ушки были наостроены, как локаторы. Кончик хвоста мелко подрагивал. Поднялась

посмотреть, что так встревожило нас обоих.

— Не, Котя, этот Маус тебе не по зубам, — констатировала очевидное, отпрянув от оконного проема, поддавшись секундному страху.

Завернувшись в свои кожистые крылышки, как в плащик, с выступа на раме вниз головой висела, слегка раскачиваясь, летучая мышь размером с мою ладонь! Нос — как вытянутое свиное рыльце. Огромные уши и глаза-бусинки, которые зажглись алым, как два огонька, недобро и противоестественно сверкнув во тьме. И так мне нехорошо стало от этого взгляда... Пробил озноб, и сердечко зачастило, выдавая легкую панику. Пока я рассматривала вампирёныша, предусмотрительно отойдя на пару шагов от стекла, тот раскрыл свою пасть и продемонстрировал мне белоснежные зубы с длинными острыми клычками. Мурзик рядом издал протяжный утробный звук. Шерсть на загривке кота поднялась дыбом, спина выгнулась. Стало по-настоящему жутко. Нетопырь вдруг расправил свои лапы-крылья, будто красуясь, показал внушительный маховый размер с когтями-крючками, пропищал противно, зыркнул на меня последний раз кровавыми глазюками и исчез в темноте ночи.

— Что это, Мурз? — Шепот хриплым звуком вырвался из горла.

Усатый перевел взгляд на меня. В больших зелёных глазах читалась настороженность. С тихим мявом отступил к тюфяку и стал утаптывать место для сна, всем видом говоря, что бояться больше нечего, существо не вернётся. А я увидела в его действиях заботу о себе: так ненавязчиво дал понять, что ситуация под контролем.

Утром ночное происшествие имело неприятное последствие. Ведьма, узнав о странном посетителе, переменилась в лице.

— Мышь с поросячьим пятакон?

— И красными глазами, — кивнула я с полной ложкой каши у рта. — Что? Какая-нибудь нечисть? — Столовый прибор дрогнул в руке.

— Нет, что ты, что ты, — поспешила успокоить меня женщина с видимым безразличием, — кушай спокойно. Эти твари только в горах водятся. А гостя ночная... мало ли как её занесло к нам. Непогода поспособствовала или ещё что.

Хотелось бы поверить, но было что-то в обманчиво-безмятежном

поведении старушки тревожное.

Мурзик, закончив со своей порцией, уже топтался у выхода на улицу, поглядывая на нас негодующим взглядом: «Долго ещё ждать?». Поднялась выпустить его, да так и замерла на пороге, открыв створку. На крыльце перед самой дверью лежала ласточка со вспоротым брюшком. Кот, подавшись было вперёд, отпрянул и с читаемым на морде недоумением уставился на «сюрприз». Весь его вид кричал: «Это не я!»

— Тельма!

— Подарочек, значит, принёс летун... — раздался за плечом злой голос хозяйки. — Знать бы ещё чей.

— Это что, как черная метка? — задала простодушный вопрос, не отрывая глаз от несчастной птицы.

— Выдумала тоже! Метка. Чья-то шутка злая, вот и все, — сказала как отрезала знахарка. Медленно, внимательно оглядела окрестности, подняла пичугу и понесла её за дом.

Чувствовала, что ведьма что-то скрывает, но пытаться не стала. Посчитает нужным, сама расскажет. А вот настроение было испорчено, но лишь до того момента, как появился новый гость.

— Выручай, Тельма! — Высокий всклокоченный рыжий парень ворвался в жилище старухи и с порога взмолился. — Мне ж завтра свататься, а тут это!..

— Напугал, демон! Чего так орёшь! — Всплеснула та руками с досады, сбившись на счете капель чудодейственного эликсира от похмелья, и развернулась к посетителю. — Гордость мужская в депрессии, что ли?

Я после этих слов чуть не сверзилась с лестницы, ведущей на чердак, где сшивала запчасти от рукавицы, устроившись удобно рядом с усадым поклонником.

— Что? Нет! — Пациент аж глаза вытаращил от напраслины. — Это! — Указал пальцем на свой правый глаз.

До чего же громкие они все, эти деревенские!

— Тю-ю, ячмень? — разочарованно протянула бабка.

— Так и что? Мне ж на смотрины! Что ж я, порченным к невесте пойду? Вчера был красавец писанный, а завтра с гноюкой на роже?

Господи, дай мне сил не заржать в голос!

— Иди сюда, — поманила ведьма хлопца, — встань лицом к оконцу.

— Ты только... чтоб быстро прошло сделай.

— Конечно, — заверила ведьма несчастного, подходя вплотную. — Голову наклони.

— Средством самым лучшим!

— Лучшее не бывает!

— И это... больно не будет?

— Нет, что ты! — успокоила она рыжего и ка-ак плюнет смачно ему в глаз! И скрученную фигу туда же. — Ячмень, ячмень, на тебе кукиш — купи топорок, отруби себе голову поперек. Все! Отцу поклон передавай.

Рыжий ошалело взирал на Тельму с высоты своего роста и хлопал ресницами. А я медленно и тихо поползла к себе на чердак, держась за живот, боясь скатиться в истерику со слезами от еле сдерживаемого смеха.

Глава 2

*— Ну, черт знает что! У меня, можно сказать,
первый раз в жизни прекрасное настроение,
почти на носу личное счастье, а здесь «Трах-бах, Вася»!
(х/ф «Суета сует»)*

Поездка в Злавику стала для меня настоящим испытанием на прочность и нервы.

Немного взволнованная предстоящим путешествием, не знала, чем занять руки. Пока Тельма выбирала себе гардероб для «выхода в свет», я раза три причесалась, пару раз пересчитала отложенное в дорогу серебро, столько же — проверила все ставни на предмет закрытия и даже успела сбегать к козе, удовлетвориться прочностью замка на калитке загона. С минуты на минуту должен был подъехать трактирщик.

— Прохладно на улице, — забежав в дом, поежилась, — ветерок неприятный.

Старушка нахмурилась, задумчиво глядя в сундук. Потом перевела взгляд в мою сторону и досадливо поджала губы.

— Околеешь, пока доедем.

— Что делать? — спросила чуть не плача и плюхнулась на лавку.

Ведьма пожевала губу, размышляя над проблемой, и решительно извлекла из своих закров пышную юбку из тяжелой ткани с широкой вышивкой по подолу. Облачилась в неё. Расправила любовно ладонями складочки.

— Уже думала не будет случая надеть, — с трепетом в голосе произнесла знахарка. — К ней еще кринолин когда-то шел. Мужу покойному уж больно не нравился этот жесткий подъюбник. И как-то раз в порыве... В общем сжег он его.

Женщина махнула рукой и отвернулась, скрывая смущение. Заторопилась нарочито суетливо с выбором верхней части туалета.

Представшая передо мной пожилая дама была похожа на... самоварную бабу-грелку! Я таращилась на это видение в объемных одеждах и не находила слов. Больше всего меня поразила пелерина из

мягкой шерстяной ткани с отделкой из черного кружева и глубоким капюшоном. Венчала ансамбль модницы плоская соломенная шляпка с атласными лентами, завязанными под подбородком в пышный бант.

— А не запаритесь? — ляпнула, что первое пришло на ум.

— Так для кого стараюсь? Будем тебя в этом наряде прятать от ветра.

— О!.. — только и способна была выдать на блестящую идею гениальной старушенции.

— Тельма! — с улицы наконец раздался зычный голос Дорана, и ведьма, прихватив плетёную кошёлку, поспешила на выход. Постоялица за ней.

И стояла я у транспортного средства, пока Тельма карабкалась внутрь, и во все глаза рассматривала раритетную для моего мира конструкцию на четырех колесах. Фаэтон? Нет, коляска четырехместная, запряженная парой лошадей, с откидным верхом! Коричневая кожа мягких сидений. Изогнутые дуги-крылья, они же — удобная подножка. Впереди, на высоких козлах, сам хозяин постоянного двора в клетчатом пиджаке, начищенных до блеска сапогах и шляпе с короткими загнутыми полями. Бодр, свеж и... надушен. Да так, что метра за три уже чувствовался аромат тяжелого парфюма.

— Поспеши, Тельма, — поторопил мужчина с кряхтением усаживающуюся на заднем диванчике бабульку, — нам еще в Ливику заскочить надо успеть.

Ведьма на секунду замерла, а потом все так же неспешно расправила на всю ширину «салона» свою необъятную юбку. Да так, что я, устроившись рядом с ней, была полностью погребена под её одеждой. Ноги прикрывал длинный подол из мягкой, но тяжелой ткани, а верхнюю часть согревало «крыло» пелерины. Прижавшись теснее к женщине, блаженно вздохнула.

— Зачем тебе в Ливику? — соизволила поинтересоваться пожилая дама и махнула величественно рукой. — Можешь трогать.

Доран через плечо покосился на неё и хмыкнул, увидев вальяжно устроившуюся знахарку, занявшую добрую часть всего нутра повозки.

— Да за покойником до сих пор никто не пожаловал! — с досадой воскликнул он. — Валяется в погребке, скоро вонять начнет! Меня Одила уже поедом ест, не позволяет его на ледник переложить ... рыба,

свиные туши, сама понимаешь.

Отчаяние трактирщика вылилось в резкий взмах вожжами. Дернул, стеганул ими по спинам лошадок, и те, обиженно вскинувшись, рванули с места. Нас с ведьмой придавило к спинке сиденья. Из-под копыт животных полетели комья еще влажной земли. Заскрипели рессоры. Обдало конским потом вперемешку с дорановским одеколоном.

— Закопал бы душегуба втихаря где-нибудь под кусточком, и все дела, — посоветовала ворчливо старуха и, почувствовав, как я вся сжалась от неприятных воспоминаний, успокаивающе похлопала меня по коленке.

— Да и закопал бы, если б не господин Фроуд — глава ремесленной артели. — Хозяин «колесницы» озадачено почесал бороду. — Принесла его тогда нелегкая! Записку в тот же день послал в Ливику... и тишина. Ни ответа, ни стражи. Да я ненадолго, заскочу в сыскную канцелярию, отдам секретарю челобитную, и пусть там решают, что им делать с самоубивцем. Ты сама-то надолго собралась в Злавику? — Оглянулся с вопросом.

— С тобой обратно.

— Кабыть не пришлось заночевать в городке, — озадаченно потер подбородок. — Что ж, доедем — обговорим вопрос. — Он кивнул и более до самого первого пункта назначения не проронил ни слова.

А у меня появилась возможность высунуть нос из складок бабушкиного парадно-выходного туалета и оглядеться. Смешанный лес по обе стороны дороги шумел, пел звонкими птичьими голосами, радовал глаз разнообразием трав. То тут, то там вспыхивали огоньками так похожие на наши купальницы маленькие бутончики ярко-оранжевых цветов. Вдруг впереди показались поля, разрезанные кривой линией грунтового тракта. Коляска выехала из тени леса и покатила по морю хлебов, выступающему из берегов, простирающемуся по земле бескрайним зеленым покровом.

Повернула голову вправо и не удержала восторженный вздох: далеко, на границе этого моря, будто утопая в колосьях, недвижимо застыли сказочными великанами две огромные ветряные мельницы, раскинувшие свои решетчатые лопасти, как крылья. Будто сошедшие с картины Васильева «Рожь».

Дыхание перехватило от этой красоты. Небо прояснилось, утих

ветер. Солнце радостно улыбнулось путешественникам, приласкав их своими теплыми лучами. Заколыхался воздух от испарений, поплыл над нивой. Запели жаворонки, перекликаясь, соревнуясь друг с другом в мелодичности, зависая высоко над землёй. Воздух стал вязким, душным. Я с беспокойством коснулась руки ведьмы.

— Жарко? — шепнула на ухо ей.

Та только благодарно улыбнулась на заботу, мотнув головой: «Нет».

Городок Ливика встретил нас на подъезде отарой овец. Сквозь плотную массу животных коляска пробивалась медленно. Потревоженные барашки блеяли недовольно, сбивались с размеренного шага, суетливо натываясь друг на друга. Два пастушка, покрикивая, сноровисто сгоняли с дороги своих подопечных, что так и норовили попасть под копыта лошадей.

Домишки в поселении были все больше двухэтажные с красными черепичными крышами. Ближе к центру вырастали еще на один уровень. Некоторые имели пристройку-флигель и небольшой садик за оградой. Но по большей степени входная дверь выходила прямо на узкий тротуар, мощный тесаным камнем.

Остановился Доран у одного такого, рядом с высоким белым строением, остроконечную крышу которого венчал сверкающий на солнце шпиль.

— Главное, чтобы на месте был, — мужчина, ворча себе под нос, спрыгнул с козел и скрылся за массивной дверью местного «отделения полиции».

— А это что за красивое белое здание? — поинтересовалась у соседки в ожидании нашего кучера.

— Городская управа. Она же дом главы городского управления, господина Бушара. Премерзкий тип, — дав характеристику мужчине, знахарка скривилась, — нет желания видаться с ним лишний раз.

— Уважаемая госпожа Тельма, если не ошибаюсь? — будто в наказание за нелестный отзыв неожиданно рядом с коляской прозвучал грубый басовитый голос.

— Чтоб ты провалился, — «чертыхнулась» на грани слышимости, отвернув голову в мою сторону. — Помяни демона... — и уже в сторону незнакомца. — Господин Бушар! — искреннее удивление и

дружелюбие расплылось на лице бабульки. — Доброго дня.

— Жива еще, ведьма? Что ты здесь забыла? — местный царёк, не соизволив ответить на приветствие, продолжил допрос, неприятно сверля глазами старуху в шляпке.

— Так проездом, уважаемый, проездом. Трактирщика жду вот... Как Кора? Как детишки? — сладкой патокой лились слова из уст женщины.

Ситуация накалялась. Я смотрела, как багровеет лощеная толстая морда городского главы, и не на шутку испугалась за хозяйку домика с зелёной крышей.

— Думаешь, своими елейными словами можешь умаслить, карга старая? Давно к тебе не навевывались гости из ковена с проверкой? Засиделась в покое и благоденствии?

— Ох, сколько злобы! — Мне не слышалась глубокая печаль в её голосе. — Ты всегда был жалок, Горст, в своей ненависти. Уж сколько лет прошло, а все брызжешь слюной, захлебываешься ядом. — Тон Тельмы сменился на снисходительный. — До сих пор не можешь забыть? Сам же себя и сожрешь изнутри, вот тебе мое слово!

— Убирайся из моего города! — выдавил сквозь зубы Бушар.

— Когда это он стал твоим? — наигранно удивилась Тельма. — Не мне ли благодаря ты просиживаешь своим задом место главы? Память коротка, соколик?! — закончила угрожающе.

Даже толстые щеки мужчины не смогли скрыть нервную игру желваков. Неизвестно, чем бы закончился этот обмен «любезностями» старых знакомых, если бы не появление нашего Дорана в компании чиновника в синей форменной одежде с серебристыми нашивками на воротнике и рукавах. Трактирщик поклонился бургомистру, чуть согнувшись, пролепетал слова приветствия и каких-то там благ его семье и попятился к повозке. И только когда перекошенный от раздражения и гнева толстяк отвлекся на служащего из канцелярии, взлетел на облучок и, разбирая вожжи, крикнул вдруг откуда ни возьмись собравшимся зевакам:

— Посторонись, зашибу! — Причмокнул звонко губами и как рывкнет отрывисто лошадам: — Но, пшли!

Народ отпрянул. Бушар то ли от неожиданного возгласа, то ли сохранения здоровья ради, несмотря на изрядный вес, отпрыгнул резвым зайчиком в сторону, налетев на подчиненного и сбив того с ног.

— Тельма, что этот сукин сын хотел от тебя? — не отрывая глаз от дороги и обернувшись вполоборота, крикнул трактирщик, когда мы отъехали на приличное расстояние от места скандала.

— Как всегда, Доран, как всегда... — туманно отозвалась старушка, погрузнев.

— У меня было желание ему в лоб дать. — За грохотом коляски, катившей по мощеной улице, моё ворчание расслышала только бабулька.

— Он страшный человек, голуба. Мстительный и коварный. Оберегая свою семью, я создала монстра. Это моя ошибка, и мне с ней жить.

После этих слов, сказанных с глубоким горьким смыслом, захотелось обнять женщину, утешить. Какие бы скелеты не вываливались из её шкафа, сейчас рядом со мной сидела просто уставшая старая ведьма с тяжелым грузом за плечами, хлебнувшая в этой жизни, видимо, немало горя. Это было видно по глубоким морщинам, прорезавшим лоб; по чистым добрым глазам; грубым, но в то же время нежным рукам; мягкому и отзывчивому сердцу.

— Люди рассказывают, что госпожа Кора отписала свое наследство, данное её батюшкой, средней сестре и детям, оставив уважаемого Горста практически без штанов, после того как поймала его в борделе. — Выехав за пределы города, хозяин постоялого двора вновь вернулся к теме злобного бургомистра. — Ох и трясло заведеньице — стекла звенели! Девки продажные потом неделю бледные ходили. Вот он и бесится. Срывается на всех, а сделать ничего не может. Сама же знаешь, что за душой у муженька не было ни медяка, ни серебряника. До сих пор не понимаю, что она нашла в нищем помощнике и письмоводителе тогдашнего главы совета? Такая барышня была видная, от женихов отбоя не было, и вот те раз — большая любовь! Отец госпожи уж как плевался, грозился без денег оставить дочурку, да и сдался. Возвысил проходимца, в чинах утвердил на пост, власть дал... Не ведал, что творил, старик. Не ведал...

— Правильно говоришь, Доран, не ведал. — Тельма еще больше помрачнела.

— А что, ведьма, правду говорят, есть зелье приворотное? — Выудив из головы интересную тему, наш возникший восторгнулся. —

Так может, и баронессу чем опоили? Али чары какие колдовские наслали?

Бабка рядом со мной нервно дернулась после этих слов, затрясла головой, глаза прикрыла, будто приходя в себя. Сказала ровно с толикой безразличия:

— Мне то не ведомо, милоч. Ты знаешь, я такими вещами не занимаюсь. Мне ещё жизнь моя дорога.

Я слушала спутников и вопреки желанию все больше подходила к неутешительному выводу: люди, события, отношения — все по единому сценарию во всех мирах!

Глава 3

— Он хороший специалист?

— О, да! У него есть визитка.

(х/ф «Анализируй это»)

Злавика была центром торговли всяя провинции. Торговали здесь все и всем. Как шепнула бабуля, при появлении ребенка на свет лучшим ему подарком в состоятельных семьях были маленькие счеты из золота с драгоценными камнями вместо деревянных костяшек. И ценность, и развивающая игрушка в одном. Вот такая своеобразная погремушка.

Что же до самого населённого пункта, то только наличие четырех толкучек на двадцать тысяч жителей уже говорило о том, что коммерсантами здесь рождаются и умирают. Торговые лавки на первых этажах зданий с красочными, завлекающими вывесками и горластыми зазывалами начинались от самого въезда в город. Тянулись вдоль четырёх главных улиц и сходились в центре славного града, на площади святого Симона — покровителя купцов, лавочников и... Спекулянты тоже, видимо, были под крылом бородатого дядьки на постаменте из серого камня. Потому как взгляд, провожающий нашу коляску, некоторых «индивидуальных предпринимателей» из открытых дверей своих магазинчиков был уж больно настороженный и оценивающий, наметанным глазом определяющий потенциального клиента.

Благодаря хорошему настроению и красноречию нашего «предводителя» на козлах, я, еще не увидев памятник защитнику и благодетелю торгового братства, знала всю его подноготную и за какие такие заслуги его возвысили до личности, чтимой человечеством и обласканной богами. Поощряемый наводящими вопросами знахарки, нашептываемыми мною ей на ухо, Доран вещал как истинный сказитель, дополняя свое повествование интересными фактами, версиями и домыслами, ходящими среди людей. И я, с любопытством глазающая на проплывающие мимо яркие витрины лавок и «бутиков», сделала единственный вывод из сказанного: Симон был самым что ни на есть честным торгашом всех времен и народов.

— Здравствуй, Аррия! — Звон колокольчика над входной дверью в

заведение госпожи Флайт слился с приветствием Тельмы и заставил резко обернуться в сторону визитеров статную красивую женщину в темно-изумрудном платье и превосходной бабеттой на голове из шикарных каштановых волос. Дама до сего момента строго и громко отчитывала за что-то... попугая в клетке! Серого. Большого. С очаровательными волнистыми перьями, возмущенно топорщившимися на его шее. Поперхнувшись последним словом, дама расплылась в доброжелательной улыбке.

— Тельма! Да неужели это ты! Боги милостивы ко мне: сама серая ведьма во владения простой торговли Аррии приползла!

— И тебе богатого мужа, — проскрипела моя старушенция и уселась на маленький диванчик у стены напротив.

Улыбка сползла с лица хозяйки лавки.

— Вот взяла и все испортила. Благодаря тебе половина кладбища только в моих мужьях! Забери свои слова обратно, сейчас же!

— А что случилось с... э-э, хозяином мясного ряда? — опешив от такого заявления, спросила удивленно знахарка.

— Под почтовую карету попал, — печально ответила собеседница.

— Юр-рген был хор-роший! Юр-рген встр-ретил ло-ошадь! — раздалось из клетки.

— Цыц! — В птицу метнули предупреждающий взгляд. — Вот и пожелала мне... «здорового», — подражая голосу старушки, передразнила дама. — Не хворал, не чихал, а итог счастливого брака один — на погост!

— Ну-у... — философски протянула Тельма, с большим интересом оглядывая комнату.

— Что «ну»? Забери, говорю! — нарочито угрожающе двинулась женщина на гостью. — Ты мне красивого — он на зеркало упал, осколком в глаз! Ты мне любящего — у того сердце не выдержало страстной ночи! Ты мне умного — он с лестницы свалился в библиотеке, шею сломал! И Юрген... — Всхлипнула, изобразив вселенскую скорбь на лице. — Хватит! Что ты ржешь, клюшка старая!

— Хорошо, дорогая, хорошо... забираю жениха назад. Чтоб тебе остаток жизни в девках ходить! — сквозь смех смогла выговорить бабулька.

— Вр-рёт! — усомнился в чистосердечности пожелания ведьмы жако.

— Покрашу в розовый цвет! А за разбитый сосуд с охрой вычту из жалованья! — пригрозили болтуну, и тот, щелкнув черным клювом и приняв обиженную позу «знать вас не желаю!», устроился на жердочке, демонстрируя свой горделивый тыл с красными перьями в хвосте.

Я же в это время, беззвучно посмеиваясь, тихо стояла в уголке, рассматривая содержимое витрины с маленькими стеклянными и деревянными баночками, наполненными какими-то порошками разного цвета. От кипенно-белого до угольно-черного. Да только коричневого и бежевого было несколько десятков оттенков! Огляделась. Стены обтянуты тканью с позолоченным цветочным орнаментом. Смотрелось очень богато, солнечно. Над прилавком с нависающей балки на покупателя «смотрели» семь разных лиц, напоминающих маски женских лиц знаменитых японских театров Но и Кёген. За моей спиной высокий стеллаж с множеством полочек, на которых лежали и стояли разнообразные вещи: кисти всех размеров; керамические кувшинчики, большие и маленькие; стопочки ярких лоскутов; свитки; расправленные веера; слепки-заготовки с лиц людей. Увиденное почему-то навело меня на мысль, что хозяйка этого заведения имеет дело с артистами, служителями Мельпомены, или... почившими, изготавливая для близких посмертные маски ушедших в мир иной. От последнего невольно поёжилась.

— Ну а теперь о цели вашего визита, уважаемая, — перейдя на официальный тон, миролюбиво пропела Аррия и, развернувшись к прилавку, скомандовала: — Верина, приготовь нам салепп*!

Из подсобного помещения за толстой портьерой вышла девушка лет шестнадцати, худенькая, рыженькая, симпатичная. Большие глаза с обожанием посмотрели на хозяйку, с любопытством — на пожилую посетительницу. Коротко поклонившись, владелица серых очей скрылась за шторой.

— Новенькая? — снимая пелерину с плеч, спросила знахарка.

— Племянница последнего мужа, — вздохнула в ответ госпожа Флайт. — Сирота. Взяла в ученицы. Посмотришь её, Тельма?

— Я и отсюда вижу, что она не ведьма. И не будет ею, — уверенно ответила старуха.

— Жаль, — досадливо поджала губы женщина, — у неё замечательно получается подбирать цвет. А как она тонко чувствует материал, характер предмета, подмечает детали... И руки из нужного

места растут. И прилежная. И не глупая. Ах, если бы ей чуточку колдовского таланта, — мечтательно протянула, — без сожаления оставила бы ей все свое ремесло.

— Куда-то собралась? — удивленно вскинула брови гостя.

— К мужьям.

— Тьфу, дура! — сплюнула моя бабулька.

— Полная! — поддакнул птиц.

— Дело секретное у меня к тебе, закрой лавку, — распорядилась Тельма, не обращая внимания на говоруна в клетке.

— Верина? — Женщина с бабеттой покосилась на дверь, за которой слышалось тихое позвякивание посуды.

— Ты ей доверяешь?

— Она умеет хранить секреты, — уверенно кивнула хозяйка лавки.

— Тогда и её помощь, возможно, понадобится. Аннушка, по...

— Пр-ришлая! Пр-розр-ра-ачная! Пр-рячется! — сдал меня с потрохами коварный питомец и закачался довольный из стороны в сторону, переступая лапками.

— ...дойди, ко мне, детка, — закончила предложение знахарка, укоризненно посмотрев на попугая.

Ну я и подошла. А дальше произошло...

Коварная Тельма для пущего эффекта знакомства перехватила мою руку и вложила её в ладонь Аррии, соединив их в подобии дружеского рукопожатия.

— Здравствуйте, — пискнула вежливая я, растерявшись от неожиданного поступка старухи.

Глаза у лавочницы округлились до поразительных размеров, глядя на свою конечность. Она, силясь что-то сказать, вдруг захрипела, закатила глаза и кулем осела на пол, потеряв сознание.

— Чего это она? — искренне удивилась ведьма.

— Истер-ричка! — гаркнул жако со своего насеста и произвел звук похожий на плевок.

— Надо воды! — метнулась я к двери в подсобку и... врезалась в выходящую оттуда Верину с подносом, заставленным чашками с горячим напитком. Звон упавшего сервиза, крик испуганной девицы, бабкин предостерегающий вопль, мой протяжный «Бли-ин!» и злорадный хохот крылатого поганца — все смешалось в общую какофонию звуков безумного мгновения!

Позже, когда гости и хозяева успокоились и расселись вокруг маленького столика в торговом зале, меня наконец представили компании по всем правилам хорошего тона. Компанию, включая попугая, представили мне. Перри Бейл Орест IX — звали говоруна! Не хухры-мухры! Это чудо при знакомстве протянуло мне лапку, которую я с трепетом и глубоким почтением слегка пожала и... расчувствовалась. Такой милый! Потребовал в ультимативной форме открыть клетку и предоставить ему отдельный стул. Я своим ушам не поверила, когда он пригрозил извести гостей и хозяев своим неподражаемым исполнением непристойных — читай, похабных — песен, если ему не позволят присоединиться к малому Совету по обсуждению большой проблемы. Моей проблемы.

Далее последовало краткое посвящение присутствующих в ту нелегкую ситуацию, в которую попала девица из другого мира. Госпожа Флайт с влажным полотенцем, повязанным вокруг головы, Тельма с немного виноватым видом, Верина с лихорадочно блестящими от любопытства глазами и я с ожогом на запястье и мокрыми пятнами от опрокинутой жидкости на брюках, тихо переговариваясь, неспешно потягивали горячий напиток со специфическим вкусом.

— Тельма, ну о чем ты говоришь! Это же не гипс и не папье-маше — это живая плоть! Здесь краска нужна мягкая, безвредная. У меня сейчас нет такой. На изготовление нужно время.

— Сколько?

Хозяйка вопросительно посмотрела на помощницу.

— Три дня, — уверенно ответила Верина.

Бабулька помрачнела.

— Я не могу столько ждать — у меня... коза!

— Оставь девочку здесь, — внесла предложение Аррия и, стянув компресс с головы, поправила прическу. — Работа предстоит кропотливая, неспешная, тонкая.

— Ты понимаешь степень риска? — вздохнула ведьма, устав спорить с подругой.

— Это твоя протеежка должна понимать, а не я.

— Тут маги на каждом углу!

— Будет сидеть у себя в комнате и носа не казать!

— А если кто проговорится? — После этого вопроса все почему-то покосились на пернатого.

— Могила! — возмущенно выпалил жако и встопорщил на шее перья.

Я молчала, наблюдала и тихонько посмеивалась над слегка ошарашенным лицом рыженькой, косящейся на «летающую» чашку с напитком. Предусмотрительно повязанная вышитая салфетка на груди предостерегала неподготовленную девушку от такого зрелища, как стекание жидкости по невидимому пищеводу.

— Голуба, что ты решишь? — неожиданно после короткого раздумья обратилась бабуля ко мне.

— Я? Я согласна.

Оказаться подопытным объектом в творческом эксперименте двух мастериц по росписи масок меня нисколько не пугало. Стало даже интересно, что из этого выйдет. Пройти сквозь пробы и ошибки искусных визажистов и увидеть результат... и свое тело. Влиться в жизнь людей этого мира на правах достойного гражданина, а не невидимой, вечно скрывающейся ото всех особы. Аррия заверила, что с документами проблем не будет — кое-кто за кое-что ей многим обязан, и этот вопрос решится быстро. Одежду, как и аксессуары, приобретем в лавке некой Герды, известной модистки и не лишенной вкуса дамы. С остальными вопросами будем разбираться постепенно, по мере их возникновения.

— Можно мне к вам прикоснуться? — склонившись в мою сторону, шёпотом спросила Верина, не сдержав любопытства.

— Попробуй, — усмехнулась я и сама первая дотронулась до её запястья.

Конопатая вздрогнула и испуганно улыбнулась.

— Вы теплая.

— Я живая.

— Я думала, вы будете как призрак — холодная и невесомая... Ой, простите! — Щёки ученицы мадам Флайт вспыхнули пожаром. — Хотите, я вам что-то покажу?

Поднявшаяся с места девчонка отвлекла от беседы двух матрон, которые уже, кажется, и забыли об остальных присутствующих.

— Куда вы? — встрепелась Аррия.

— Я хотела показать мастерскую госпоже Анне, — ответила Верина.

— Пер-ри будет рад! Пер-ри будет гад! — заволновался птиц и вспорхнул на мое плечо.

— Будет гид, — исправила питомца помощница хозяйки, хихикнула и добавила извиняющимся тоном: — Он некоторые слова путает. — Вздохнула. — Или придушивается. Идемте.

— Вот это да-а... — оказавшись в светлой комнате с большим столом посередине, заставленным всевозможными баночками-скляночками, мешочками, коробочками, кистями и другими предметами «волшебников» по преображению Золушек в принцесс, не смогла сдержать восторг на выдохе.

Стеллажи вдоль стен ломились от брикетов с гипсом, готовых заготовок и... черт знает еще чего, принадлежащего настоящим художникам. Некогда белые стены являли собой объемные полотна сумасшедшего импрессиониста-абстракциониста, воодушевленно махавшего кистью с краской, что, срываясь с инструмента, летела во все стороны, оставляя на поверхностях капли, мазки и радужные разводы. «Кувшинки» — близнецы картины Клода Моне перетекали в «Солнечное золото» Эмиля Клауса, а вокруг окна настоящее яркое буйство красок, где каждый миллиметр испещрён граффити. Глаз не оторвать!

— Это?..

— Вдохновение! — Понял мой вопрос пернатый.

— Госпожа Аррия великолепный мастер! — не без гордости призналась Верина, оглядев вотчину творца. — Мне еще учиться и учиться, чтобы достичь таких же высот. К ней даже знатные вельможи из самой столицы обращаются. Но я хотела вам показать не это. — Девчонка быстро подошла к столу и, перебрав несколько емкостей с разноцветным порошком, взяла одну. — На первое время на ваше тело можно нанести легкую пудру. Она слабо заряжена и поэтому недолго продержится. Попробуем? — А в глазах уже горел пожар исследователя. Боюсь, недалек тот день, когда эта маленькая девчонка станет основоположником боди-арта в этом мире.

— Попробуем. — Пошла навстречу рыжей. — Что мне делать? Куда встать?

— Закрой глаза и не дыши, пр-ришлая! Дур-рында будет дуть! —

проорал мне в ухо жако и взлетел на стеллаж под самый потолок.

**Салеп — Традиционный (в нашем мире), турецкий, горячий напиток. Изготавливается из высушенных клубней особых видов орхидей. Порошок заваривают в молоке или воде, приправляют специями (гвоздика, корица, имбирь).*

Глава 4

— Как чувствует себя пациент?

— Да вроде хорошо...

— Это поправимо.

(т/с «Интерны»)

Горсточка серой искрящейся пудры, взлетела с ладони Верины под напором струи воздуха, выпущенного после глубокого вдоха. Вопреки законам физики закружилась вокруг меня, поднимаясь по спирали к самому потолку, а потом, застыв на секунду, стала опадать вниз. Засверкали микроскопическими кристаллами частички волшебного порошка. Сощурила глаза и сквозь ресницы наблюдала, как, медленно опускаясь, он оседал на коже и одежде, словно притягиваемый магнитом, и постепенно покрывал каждый миллиметр моего тела. В носу защекотало. Силясь изо всех сил, чтобы не чихнуть, зажмурилась и, запоздало последовав совету Перри, задержала дыхание.

— Ой!

— Ах!

— Ох!

Последовали один за другим испуганный, восторженный и пораженный женские возгласы. Распахнула глаза и с языка сорвалось жалобное «Мамочки!»

Напротив стояла Верина, придерживая узкое и высокое, в рост человека, зеркало одной рукой, другой зажимала себе рот. В широко открытых очах читалась паника. А в отражении на меня смотрела пустыми тёмными глазницами дева жемчужно-серого цвета. Вся! От макушки до носков туфель в тусклом блеске перламутра. Серые ресницы затрепетали, хлопнули в изумлении.

— Это я теперь такая и останусь? — Мой вопрос повис в воздухе.

Тильда и Аррия каменными изваяниями застыли в дверном проеме с удивленными выражениями на лицах.

Со шкафа раздался громкий каркающий звук, похожий на смех простуженного курильщика.

— Р-рина, готовь хворостину! — выдал, «отсмеявшись», птиц и

вновь опустил на моё плечо. — Хор-рошо смотр-римся! — Вытянулся в струнку и замер.

— Зови меня Джон Сильвер, мой верный Флинт, — с горькой усмешкой сказала я пернатому.

И тут очнулись остальные присутствующие и заговорили одновременно на разные голоса.

— Девонька, ты как себя чувствуешь? — Это ведьма — обеспокоенно.

— Верина, ты с оттенком немного ошиблась. — Поучительно — владелица лавки.

— Я забыла сказать, чтобы сняли одежду! — Раздосадованно — девчонка.

— На площадь её, на площадь! Зар-рабатывать! — С возмутительным предложением — жако.

Господи, да у них тут даже домашние животные подвержены «купи-продай» лихорадке.

— Госпожа Флайт, я надеюсь, это смывается? — спросила у хозяйки.

Послунявила палец и потерла тыльную сторону ладони. Бесплезно — въелась намертво! Знахарка, обойдя вокруг меня, пощупала некогда белую, потом прозрачную, а теперь стального оттенка ткань на рукаве блузы, зачем-то понюхала, хмыкнула:

— Качественная работа.

Аррия, перебирая на столе баночки, кивнула, соглашаясь.

— У меня с магом Груном долгосрочный договор. Парень хоть и молодой, но исполнительный. И берет за работу не слишком много. Но подозреваю, что его похвальное старание зависит от благосклонности одной особы. Так, Верина? — Бросила на рыжую насмешливый взгляд. — И эту пудру он, скорее всего, заряжал, будучи под очарованием веснушек на чьем-то милом личике и... немного перестарался?

— Я все исправлю, — пискнула вконец смущенная и расстроенная неудачей помощница.

Мне даже стало жалко девочку. Хотела удивить, показать чудо и никак не рассчитывала, что свойства волшебного талька будут усилены по причине любовного помутнения спеца-воздыхателя.

— В таком случае давай думать, как это сделать, — сказала женщина, деловито оглядев меня с ног до головы, — потому как подозреваю — до завтрашнего утра ничего не изменится. Как и до послезавтрашнего.

Знахарка, присев на высокий табурет у стола, заняла позицию невмешательства, подперев рукой подбородок. Перри, покинув облюбованный «насест» на моем плече, пристроился рядом с локтем бабульки, с недоверием косясь на склянку с розовым порошком. Я устало привалилась к расписной стеночке, вспоминая яркий праздник — фестиваль красок в родном городе, прошедший буквально за неделю до злополучного события в филиале. Тогда в зрителей на площади со сцены были запущены тонны разноцветных залпов. Восторг и всеобщее веселье. Перепахканная, но счастливая молодежь. Крики, песни, смех... Возвращалась в тот вечер домой, улыбаясь изумленным прохожим и жмущим на клаксоны водителям. Не смущали синий нос, волосы с зелеными прядями и желтые руки до самых плеч, как и колоритные разводы на майке и чей-то фиолетовый отпечаток ладони на попе.

Оберег, будто почувствовав мою печаль от воспоминаний, потеплел под одеждой, согревая грудь, успокаивая, давая понять, что он все еще со мной и... пока ничего страшного для его владелицы не происходит.

— Может, нейтрализовать «слоновой костью»? На него и основа ляжет ровно.

— Его тоже уважаемый Грун касался своей магией?

— «Фиолетовый ирис» и «розовый закат». — Голова конопатой кивнула и виновато ушла в плечи.

Жако, услышав о случившейся оказии с краской, прекратил себя мучить близким соседством со склянкой, наполненной порошком ненавистного цвета, решив вообще ретироваться из помещения.

Аррия же, вооружившись широкой кистью и остатками коварного серого порошка, подошла к стене с «Солнечным золотом» и несколькими решительными мазками закрасила всю эту красоту, подготовив себе поле для эксперимента. Затем, нисколько не сомневаясь в своих действиях, подхватила из рук девчонки баночку с белым тальком, сменила творческий инструмент на чистый и твердой рукой нанесла им новый слой поверх прежнего. Любовно оглядела дело рук своих и обернулась ко мне с вопросом:

— Анна, какой у вас был оттенок кожи?

Я растерялась, а потом лихорадочно заметалась взглядом по предметам и расписным панелям, выискивая что-нибудь похожее на легкий загар.

— Вот.

Подошла к месту с «граффити» и ткнула пальчиком в кленовый лист аналогичного цвета. Не любила я свое бледное тело. Сильно просвечивающие подкожные вены на теле раньше никогда не были для меня проблемой, а в последнее время прям зациклилась на этом изъяне, стараясь прикрыть руки до самых пальчиков, пряча кисти. Грудь, покрытая синей паутинкой, вызывала сплошное расстройство. Понимала, что возвращаю в себе комплекс, но не было рядом человека, сумевшего разуверить меня в глупости мышления. И коль возникла такая возможность приобрести третий тип кожи — смуглый, европейский, то почему бы и нет!

— Хм-м, вы жили там, где жаркое светило? — В глазах Аррии промелькнул интерес. — Верина, подбери материал и приступим!

Далее пошел специфический спор у настенной палитры двух профессионалов-гримеров или художников по боди-арту, что ближе к теме, на только им известном языке.

— Пойдем, голуба, это надолго, — со вздохом поднялась с места знахарка и направилась к выходу из мастерской.

Вернувшись в торговый зал, Тельма выудила из своей кошёлки мой кошель, протянула мне. Облачилась в свою «крылатую» пелеринку, завязала ленты шляпки под подбородком.

— Уже уходишь? — с волнением спросила старушку, предвидя долгое расставание.

— В лавку к травнице хотела успеть заглянуть. И в гостиницу. Доран, надо полагать, уже снял номера... Завтра ни свет ни заря в обратный путь. А ты оставайся. Ничего не бойся, но и будь осторожна. Аррия, коль уж взялась решить твою проблему, не остановится, пока не добьется идеального результата. — Помолчала немного и вдруг вскинула на меня влажные глаза. — Я буду ждать тебя, девонька. В каком бы облике ты ко мне ни вернулась. Ведь вернёшься? — И такая щемящая надежда проскочила в вопросе пожилой ведьмы, что я, повинувшись внезапному порыву, крепко обняла эту маленькую женщину, за короткое время ставшую мне самым родным человеком в этом мире.

Мягкое, хрупкое тельце под моими руками напряглось. Бабка крикнула. Смутившись, что причинила боль, отпустила даму в шляпке со словами:

— Обязательно вернусь.

— Ну вот и хорошо, вот и славно, — улыбнулась с облегчением хозяйка домика с зеленой крышей. — Остерегайся магов, — перешла она на наставительный тон, — а лучше не выходи к людям вовсе, пока не придумаем, как спрятать твой оберег от злых глаз.

— Да куда ж я такая серая пойду?

— Так может случиться, что утром будешь вновь прозрачной. От твоего таурона можно всего ожидать.

Весь следующий день меня то и дело звала в мастерскую Верина. Подводила к окну, наносила кистью маленькие пробные штрихи сухой краски на тыльную сторону ладони поверх серой кожи. Стирала влажной тряпицей, поджимая губы, недовольная результатом. Отпускала и через несколько минут я опять слышала её быстрые шаги по направлению к моей комнате. Вновь она смешивала порошок в маленькой пиале, подсыпая по граммулечке из разных склянок, и процесс повторялся. И так до самого вечера. Я успела устать. От безделья, от неизвестности, от неловкости находиться у малознакомых людей в вынужденных гостях.

— А волосы у вас какого цвета? — как бы между прочим спросила ученица, придирчиво рассматривая очередной мазок на моей руке.

— Молочного шоколада.

— Ой, — удивилась девчонка, наморщив лоб, — это какой же?

Я улыбнулась и, взяв её за запястье с выставленным из кулачка коричневым пальцем, подняла на уровень глаз.

— Вот такой.

— Дурацкая привычка, — хохотнула та, глядя на свой измазанный перст. — Меня госпожа постоянно ругает за то, что не пользуюсь лопаткой при извлечении порошка из баночек. А мне так удобнее щепотку определить. — Пожала плечами. — Что такое «шоколад»?

— Это сладость, лакомство. Его делают из какао-бобов...

— О! — перебила меня Верина, просияв. — Я видела такие конфеты один раз у господина Персиваля в кондитерской лавке! Он

называл их... сейчас вспомню, — нахмурила рыжая бровки, — «Драконьи бобы»! Вот! Сказал, что это деликатес из Соумера. Так никто их у него покупать и не стал, несмотря на яркие обертки. — Скривила носик. — Как можно считать сладостью то, что выходит из драконов?

— То есть... из драконов? — опешила я.

— Ну-у... — многозначительно округлила глазки девчонка, давая понять об очевидном происхождении ингредиента для изготовления «гормона счастья».

— Интересная версия, — протянула, с жалостью глядя на это юное создание. — А Персиваль ваш ещё торгует такими конфетами?

— Не знаю, я давно не ходила к нему.

— Я дам тебе денежку, купишь для меня несколько штук? Попробую, что это за деликатес такой страшный. У нас, по крайней мере, это было растение с большими плодами. Так и называлось — шоколадное дерево... Ну об этом я тебе потом подробно расскажу, — отмахнулась от не столь важной темы.

— Пер-рси Пер-ри угощал! — добавил от себя невесть откуда взявшийся жако. — Пр-риторно!

— Еще раз узнаю, что улетал побираться, — запру в клетке на неделю! — Мы с конопатой синхронно повернули головы на неожиданно раздавшийся строгий голос.

Аррия в бордовом бархатном платье и с неизменной бабеттой на голове стояла в дверном проеме, придирчиво всматриваясь в «палитру» на стене.

— Как дела, Верина? — Вопрос, заданный с мягкой, ласковой интонацией, «погладил» ученицу, вызвав у той в ответ улыбку и искру безграничного уважения в глазах. — Ага, вижу.

Со взглядом, направленным на мою руку, женщина приблизилась вплотную. Я с готовностью протянула ей свою изрисованную кисть.

— Исключи белила. Разбавь «топленным молоком». И... — прищурилась, раздумывая, — пожалуй, «пески Эмера» на кончике лопатки... в твоём случае — полщепотки. — Насмешливо покосилась на свою помощницу. — Девочки, ужинать! Продолжим завтра. Птица — ты с утра в зале, встречаешь клиентов! — Она хлопнула в ладоши, приглушая три ярко горящие лампы, и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

— Пер-ри тоже хочет жр-рать! — обиженно гаркнул пернатый в спину хозяйке.

Та замерла и нарочито официально отчеканила, одарив говоруна снисходительным взглядом:

— Бейл Орест Девятый, и часа не прошло, как вы изволили откусать свою порцию каши с яблоком!

— Пер-ри любит гр-рушу! — не сдавал позиции жако.

— Верина, детка, — обратилась к рыжей Аррия, — сколько сейчас стоит попугай на рынке?

Девчонка, разгадав уловку мастерицы по воспитательному процессу своенравного питомца, тут же нашлась с ответом:

— Такого за медный заберут! Сейчас в моде все больше маленькие певчие птички — коноплянки, канарейки.

— Вот жлобы! — раздулся оскорбленный в своей уцененной гордости крылатый болтун и вымелся из комнаты.

Глава 5

*На тебя, моя душа, век глядел бы не дыша,
Только стать твоим супругом мне не светит ни шиша!..
(Л. Филатов: «Про Федота-стрельца, удалого молодца»)*

— Госпожа Анна? — громкий шепот девчонки выдернул из утренней полудремы.

— Ум... — нехотя выдавила короткий горловой звук, не открывая глаз.

— Завтрак стынет. А вы где? — голос Верины прозвучал уж больно вкрадчиво.

«Что значит «где»? На крова...»

И тут будто молнией прошибло: она меня не видит!

Рывком села на постели. Сон как рукой сняло от пришедшей мысли.

— Верина, у краски с магическим воздействием какой срок службы после нанесения?

— У неё нет срока. Театральные и посмертные маски не выцветают, не отшелушиваются и не смываются. А на остальные мы наносим простую.

— А вчера это была?..

— Заряженная. Но я не понимаю... — у девчонки растерянно дрогнул голос, — так не должно было случиться.

— Халтурщик ваш товарищ Грун! Или...

Ведьма как в воду глядела, высказав перед своим уходом предположение о своенравности оберега.

— Где сейчас госпожа Аррия? — спросила, нащупывая на стульчике рядом с кроватью свою одежду. И эта невидимая стала! Только почему, если она находилась отдельно от тела?

— В торговом зале. У неё гостя.

— Клиентка? — Из-за спешки в прозрачной блузе все никак не хотела находиться пройма, чтобы всунуть в неё свою конечность.

— Да, баронесса Сент-Олер.

— Кто-то умер? — вопрос задала, зная уже, что до праздничных карнавалов и маскарадов в честь сбора урожая в этой стране еще четыре месяца. Остается только... Черт, теперь запуталась в пуговицах!

— Нет, слава Создателям! — Рыжая всплеснула руками. — У неё намечается визит к графу Карре, то ли на помолвку, то ли на смотрины невесты для его племянника. — Из моих дрогнувших рук выпали брюки. — Миледи страдает от пигментных пятен на лице. Вот она и пришла договориться с госпожой Аррией о макияже накануне отъезда в Виннет... — трещала Верина, не видя, как я медленно опустилась на стул.

— ...Все молодится! Старухе уже шестьдесят, но после волшебных ручек хозяйки на тридцать выглядит всегда. Не оставляет надежды снова выйти замуж за состоятельного вдовца. Да помоложе выбирает себе...

Мой взгляд остановился в одной точке на стене. Голова перестала воспринимать информацию, что вылетала из уст конопатой.

Вгрызлось в мозг только сказанное девчонкой: «...невесты для его племянника». Отчего же мне так сделалось тоскливо? Отчего сердце сжалось болезненно?

Боже мой, да я видела его всего один раз! Опомнись, это случайный, мимолетный человек в твоей жизни! Вот он был — и нет его!

Попытка успокоить себя и начать мыслить здраво провалилась с треском, стоило только вспомнить мужчину с карими глазами. Каждый вечер перед сном я вызывала его романтический образ. И чего уж греха таить — ставила себя рядом. М-дя... Вернись, спасительный цинизм! Он в последнее время тихо покоился где-то глубоко внутри меня. Встряхни свою раскисшую хозяйку! И пока ты, сонный, ползешь, добираясь до мозга, покинув теплое местечко в душе, горе горькое следовало бы заесть сладким деликатесом «От Дракона». До ужаса захотелось шоколада. В любом виде. Сжевала бы даже без сахара, кусковой.

Серебряная монетка выудилась из кошель и подплыла к Верине.

— Далеко лавка этого вашего Персиваля? — Девчонка сбилась на полуслове и, непонимающе хлопнув ресницами, уставилась куда-то поверх моего плеча.

— В одном квартале отсюда.

— Этого хватит на конфеты-бобы? — Я подняла денежку на уровень её глаз.

— О, конечно! Только...

— Аррии я все объясню.

— Я мигом! Сколько взять?! — раздалось уже из коридора.

— На все! — летело ей вдогонку.

Главное, чтобы это не оказалось неслыханной удачей для уважаемого кондитера, сумевшего сбавить весь запас залежалого товара в один миг. Это утро станет тогда поистине великим праздником для отдельно взятого торгаша.

А что до господина Морана... Так лучше не думать, не вспоминать, не лелеять глупые мечты. И не шмыгать носом!

Пробралась в торговый зал, минуя мастерскую, где уединились для беседы хозяйка с гостьей. Села на диванчик в ожидании конца аудиенции баронессы. Попугай в клетке даже не отвлекся на мое появление, наводя марафет. Уныло уставилась в окно. Пасмурно. Мимо по тротуару то и дело проходят люди, спеша по своим делам. Сквозь большое задрапированное легким тюлем стекло видны их расплывчатые силуэты. Редкие конные экипажи проплывают, гремя по брусчатке подковами и колесами. Вот какой-то джентльмен, весь в черном до самого подбородка, остановился, рассматривая вычурную вывеску заведения госпожи Флайт. Читая, задрал голову, придерживая рукой цилиндр. Потоптался, оглядываясь по сторонам. Махнул тростью в сторону, и тут же к нему подскочила двуколка. Приняв пассажира, умчалась, огласив улицу хлестким звуком кнута. Я отрешилась от грустных мыслей, наблюдая жизнь незнакомого города. Появилось чувство, будто передо мной с экрана большого телевизора транслируется черно-белая хроника старой Европы конца девятнадцатого века.

Смогу ли освоиться в этом новом мире? Найти свое место? Какой смысл думать и загадывать о будущем? Если в настоящем со мной выходит такой финтибобель.

Была подсознательная уверенность, что оберег на груди ведет со мной свою, только ему известную игру. Снять его совсем я не решалась, помня наказ старика. Вернее сказать — боялась. Во-первых, потерять. А во-вторых... теплый металл дарил ощущение дружеской поддержки. С

ним даже мое одиночество переживалось не так горько.

В комнату вошли женщины.

— ...Эта виконтесса Розина прелестная девушка! Утончённая, воспитанная. Красавица! Граф будет покорён, я уверена! — воодушевленно вещала пожилая дама с симптомами желтухи на лице.

А также страшная, картавая и чересчур худая. Это вот она мужа себе ищет? Да ей же лет восемьдесят... пять!

— Я слышала, что милорд отказал уже троим! — Аррия, сложив руки на животе, с почтением взирала на милостивую госпожу, ожидая от всеведущей провинциальной аристократки пикантных подробностей на свое замечание.

— Четверым! — возмущенно фыркнула старуха. — У вас, милочка, устаревшие сведения!

— Я, если честно, не особо владею информацией о благородном семействе Моран. Полагаюсь на вашу исключительную осведомленность, — подлила сиропа в самооценку баронессы хозяйка лавки.

— Вы что же, газет не читаете? — вскинулась дама в недоумении вкупе с возмущением таким невежеством.

— Увы, колонку светской хроники не всегда удастся прочесть из-за огромного объема работы. Ах, бывает, так замотаюсь!.. — А в глазах читалось: «Да мне пофиг, что там у вас творится в заплесневелых кулуарах!»

— Это недопустимо, дорогуша! — Тон посетительницы смягчился.

— Согласна. Но я всегда рада вас видеть у себя с наисвежайшими новостями. Согласитесь, зачастую не следует верить продажным газетчикам.

Браво, Аррия! Добиться пробившегося сквозь желтизну румянца на сухой, похожей на папиросную бумагу коже баронессы, — это восхитительное искусство лести!

Донельзя довольная своим визитом клиентка ушла, оставив после себя гремучий букет из лаванды, старости и гордыни.

Вот как, значит. Рихард Моран отсеивает невест на радость титулованным сплетникам? Да только я в этот момент несказанно обрадовалась такой его разборчивости. Вот прекрасно знаю, что мне никак не светит даже на километр приблизиться к нему в качестве претендентки на руку и сердце, а радуюсь. И губы сами растягиваются в

счастливой улыбке. И уж совсем нездоровая мечта родилась в голове, чтобы и утончённая Розина получила от ворот поворот. Ревную? Смешно, но ревную!

— Доброе утро, — робко подала голос.

Мастерица вздрогнула и вытаращилась в мою сторону.

— Так, так, так. Это что же получается?..

— Вернулись на круги своя.

— Ага, понятно, — задумчиво насупилась Аррия. — Странно, очень странно... Ты завтракала? Идем, будем думать. Перри! — вспомнила она вдруг про питомца. — Еще час в клетке на карауле!

Птиц, чесавший себе шею лапкой, так и застыл с возмущенно вытянутой вверх конечностью.

«Разбор полетов» за чашечкой неизменного салапа плавно перетек в неспешный рассказ о жизни владелицы этого заведения.

Быт и работа в небольшой специфической лавке на улице Тихой строился на полном доверии между хозяйкой и её ученицей. Робкая, безотказная Верина Грайдн была покладистой и трудолюбивой девочкой с большими задатками умельца по росписи масок. Она была просто удачной находкой для овдовевшей в очередной раз предпринимательницы. Быстро вникнув в суть ремесла, рыжая с большим воодушевлением окунулась в мир, созданный талантливым художником по гриму. Училась она споро, буквально на лету схватывая тонкости мастерства, и вот наступил тот день, когда учитель с восторгом рассматривал первый самостоятельно выполненный карнавальный атрибут своего ученика.

Имея на протяжении многих лет постоянного поклонника и поставщика порошка под названием строций* из страны халвы и оазисов, Аррия Флайт при поддержке первого мужа, красавца адвоката господина Бенца, открыла лавку и наладила сначала, малоприбыльное, но постоянное производство белил как основы для тональной пудры. Товар её популярностью в городе не пользовался. К сожалению. Барышни всех мастей и титулов вдали от столичных модных тенденций не владели талантом накладывания искусного макияжа. Впору вспомнить Марфушеньку-душеньку со свекольными щеками. По рассказам мастерицы, дела обстояли именно в таком расписном

кошмаре. Утонченная изысканная дама, бывший гример королевского театра, отчаивалась недолго. Насмотревшись на «размалеванных кукол» славного города Злавика с угольно черными бровями и карминовыми губами, женщина решилась на рискованный эксперимент. Уважаемый Бай Хайрат, заезжий торговец диковинным и редким товаром, был покорен красотой вкупе с деловой хваткой мадам Флайт и крайне удивлен странным заказом на разнообразные концентрированные красители растительного происхождения. А также знаменитый кохль*! Это была уже контрабанда. Но малыми партиями и, чего греха таить, хорошо оплачиваемая, так почему бы не пойти навстречу оборожительной Аррии-Найрият*?!

— Кстати сказать, подношение в виде Перри — это попытка Хайрата ухаживать за мной в период моего первого вдовства. Подарок, который сейчас мне треплет нервы. Дерзит, хамит и препирается! Первое время было сильное желание его придушить, но... не хочу обидеть эмерского поклонника и надежного компаньона. Да и привыкла я уже к этому маленькому негодяю. Ах, а какие стихи мне посылал почтенный Бай: *«Ты мучишь жестокостью, но мне она сладостна. Подаришь ли мне когда с тобою свиданье?..»* — Хозяйка лавки, позволив себе излишнее откровение, смутилась, зардевшись, как девчонка. — Вот только четвертой любимой женой мне что-то не очень хотелось быть.

Звякнул колокольчик над входной дверью. Дежуривший в торговом зале жако проголосил приветственную речь:

— Добр-ро пожаловать в лавку Пер-ри!

Аррия, скривившись от такой наглости пернатого помощника, отставила посудину с недопитым салепом, поднялась и поспешила навстречу посетителю.

— Что это? — услышала я ее строгий возглас. — Верина Грайдн, объяснитесь!

Кинулась следом, подстегиваемая любопытством. Сунула нос в щель между портьерами, перегораживающими вход в подсобные помещения, и ахнула. Неловко переминаясь с ноги на ногу, посередине зала стояла рыжая с двумя большими бумажными кулями в обнимку. За её спиной два пацаненка, довольные до безобразия, держали еще четыре таких же и с горящими от любопытства глазенками оглядывали

помещение. Я так и думала! Бобов на весь серебряник! От неловкости готова была провалиться сквозь землю!

— Так госпожа Анна попросила, — проямлила конопатая и, водрузив ношу на прилавок, махнула ребятам сделать то же самое. — Это из кондитерской лавки господина Персиваля. Эм-м... шо-ко-лад.

Шпана, растянув губы в беззубой улыбке, последовала примеру, а потом синхронно протянула руки ладонками вверх. Аррия, находясь под впечатлением от закидона прозрачной клиентки, машинально сунула каждому по монетке из маленькой сумочки на поясе платья. Те, получив вознаграждение, гнусненько хихикнули и были таковы. Я глубоко вздохнула — моя покупка источала божественный аромат какао!

— Зачем так много? — Заглянув во все кули, хозяйка лавки в недоумении развела руками. — Что за причина такого странного приобретения?

— Кхм-м... — сконфузилась я и пискнула: — Влюбилась неудачно.

— А это?.. — женщина, казалось, потеряла дар речи от подобного заявления.

— Лекарство от глупости, — несчастно понурилась.

Нырнула лапкой в пакет, нащупала первую попавшуюся конфетину-трюфель в яркой обертке и... Жизнь снова прекрасна!

* Не путаем со щелочноземельным металлом стронцием.

* Кохль (сурьма) — декоративное натуральное средство черного или серого цвета. Используют для подкрашивания бровей и подведения глаз.

* Найрият — мусульманское имя означает освещающая, сияющая.

Глава 6

— Разрешите Вами восхищаться!

— Ваня, ты слышишь? Мной хотят восхищаться!

— Я наблюдал за вами семь дней и пришел к выводу,
что вы меня достойны!

(х/ф «Большая перемена»)

Я стояла на маленькой банкетке посреди мастерской — нагая, с убранными в высокую «фигушку» волосами — и ёжилась от неловкости и волнения. Аррия предусмотрительно попросила снять оберег и серьги, спрятав их в маленькую шкатулку. Без этих последних атрибутов почувствовала себя катастрофически неуверенно. Если таурон я уже снимала в баньке у Тельмы, то серёжки ни разу с тех пор, как мне вдели их. В десять лет. Мамин подарок на день рождения. Она сама проколола мне уши и, пряча за суетой праздничного момента неловкость за дешёвый подарок, утешала, скорее всего саму себя, что эта простота временная. Скоро настанут лучшие времена, и тогда... А для меня это был самый неожиданный, дорогой и красивый сюрприз! Воспоминания о том дне невольно вызвали ностальгию и неконтролируемую влажность в уголках глаз. Я, наверное, никогда не смогу спокойно переживать памятные моменты, связанные с прошлой жизнью в родном мире. Из-за необустроенности и неопределенности этот, параллельный, как он мне виделся, вызывали пока только безотчетный страх и растерянность. Чужие города, малознакомые люди, странные нравы, жизнь на птичьих правах...

Вчера мне вручили толстенную книгу «Хроники Планиды» — фундаментальный труд триберских, эмерских, готуарских и лагосских историков и мудрецов. Путешественников и лингвистов. Собранный материал десятилетних исследований, раскопок, справок, мемуаров воплотили в солидный том о возникновении жизни на этой планете, развитии общества, религии, монархии и главное — кто и куда переселялся. Вопрос, на который я так и не услышала вразумительного ответа от Тельмы.

Во многом хроники Планиды отличалась от истории Земли.

Динозавры здесь не топтали траву, не росли древовидные папоротники, не летали птеродактили, не падал метеорит, не было ни Ледникового периода, ни палеолита. И царь всея природы — гомо сапиенс — не произошел от обезьяны. Спорный, надо сказать, вопрос даже в нашей истории возникновения человечества.

Главу о появлении далеких предков на этой планете путем перемещения сквозь огромные пространственные врата на большой зеленый континент, которое и трактуют не иначе, как божественное деяние, милость, — перечитала два раза! Причем, как я поняла из представленных данных, в процессе такой массовой миграции всем поголовно отшибло память. Ни с какой планеты, ни по какой причине это было сделано, ни кто они такие — никто не помнил. Фантастика! А далее началось вообще что-то невероятное. Материк начал отвергать оккупантов, точно живой организм. На береговую линию то и дело обрушивались огромные разрушительные волны. Центральную часть трясло. Непрекращающиеся подземные толчки и колебания являлись причиной огромного количества жертв среди населения. Горы стали выплевывать огонь, заливая смертоносной расплавленной массой все, что успело обосноваться у их подножия. Тогда и родилась легенда о мифических животных, живших под землей, — злобных драконах, коим не пришлось по душе подобная Высшая милость. И вот тогда нашелся у них свой Моисей со всеми вытекающими. Нашлась и Земля Обетованная. С этого момента начала писаться новая история Планиды. С момента Великого переселения. Восемьсот тридцать шесть лет истории человечества на отдельно взятом материке с шестью государствами, из которых наиболее развитыми на данный момент являются четыре. Покинутую землю прозвали Диким континентом, и ни один здравомыслящий человек не решится вновь обосноваться на нем. Путешественники, отчаянные смельчаки-исследователи, авантюристы привозят оттуда новости неутешительные, страшные. Людям там делать нечего. Холодные неприступные горы, каменная пустыня, огненные реки, парящие в небе чудовища и прожорливые хищники в оставшихся островках леса.

И надо же было мне так опростоволоситься в разговоре с Леонардом, когда речь зашла о том, откуда я прибыла!

Теперь я понимала его насмешливо-укоризненный скепсис.

— Не устала, Анна? — Экскурс в историю прервал отвлеченный

голос госпожи Флайт. — Верина, принеси из кладовки еще три баночки матовой «чайной розы»!

Какой не устала! Про меня уже забыли, сосредоточившись на последних штрихах по созданию пудры, идеально подошедшей мне после многократных проб. Стою на этом пьедестале без движения уже минут двадцать, как прилежная манекенщица! Поясницу ломит, ноги норовят подогнуться в коленях, а тело то и дело заваливается на левый бок.

С самого утра третьего дня моего пребывания в доме Аррии мастерицы, предварительно вывесив табличку «Извините, приема нет», начали генеральную подготовку к преобразению бесцветной меня в меня цветную. После тщательной помывки выдали жесткую мочалку и велели тщательно натереться. Если я сама себя ещё щадила, проводя этим орудием пытки по коже в доступных местах, то Верина по моей спине прошла добросовестно, со всей ответственностью. Стесняясь орать, мычала сцепив зубы от боли. Зачем такая жестокая экзекуция? «За надом», — ответили мне.

И вот стою жду, когда начнётся сам процесс. Зеваю во весь рот.

— Можно сходить водички попить? — спросила в надежде, что отпустят немного размяться, и поняла тщетность попытки.

С кряхтением сползла на пол и побрела на выход из комнаты.

— Драпает! Драпает! — неожиданно заорал в спину жако, заставив меня резко остановиться, а художниц встрепенуться.

— Я ненадолго. — Жалобно взглянула на своих мучительниц и рванула в сторону кухни.

— Пер-ри, у этой дивы корма подкачала! — копируя чей-то мужской сиплый голос, выпалил увязавшийся за мной хвостиком Бейл Орест IX.

От подобного перла чуть водой не захлебнулась! Да как он смеет так о моем вполне себе мягком месте! Прокашлялась и, отодвинув недопитый бокал в сторону, укоризненно уставилась на летуна.

— Ты, птица-говорун, когда молчишь, ну такой прехорошенький! Но стоит тебе открыть клюв, как складывается ощущение, что с гопниками рос.

— В порту сегодня, пар-рни, будет жар-рко! Причалили флейт, шлюп, кар-ракка и фрегат! — горделиво приосанившись, выдал пернатый.

— Так ты жил у супервайзера логистического терминала?

Честное слово, само вылетело! Уронила голову на стол, сотрясаясь от неудержимого смеха. Жако минуты две переваривал услышанное.

— Пер-ри купили у грузчика Крока! — Что-то все-таки щелкнуло в этом маленьком птичьем мозгу, и в отличие от витиеватого вопроса мне дали вразумительный ответ.

Восхитилась. Умилилась. Простила дерзость. Закинула в рот шоколадный трюфель от Персиваля. Погладила по серой спинке говорливую птаху и в приподнятом настроении явилась пред очи уже ожидавших меня во всеоружии мастеров.

Трепетала на своем постаменте в предвкушении вновь увидеть волшебство с распылением пудры, аж живот сводило от волнения. После заявления Аррии «Начинаем!» прикрыла глаза, глубоко вздохнула и замерла, чуть расставив в стороны руки. Легкое дуновение из уст художницы скорее слышала, чем почувствовала. Сквозь трепещущие ресницы наблюдала, как замелькали золотые, бронзовые, серебристые искорки, кружась по спирали вокруг меня и возносясь вверх к потолку. Мелкие частицы касались кожи, вызывая легкую щекотку в особо чувствительных местах. Приятные ощущения!

— Как красиво... — восторженно прошептала Верина.

— Запоминай, девочка, — приглушенным тоном наказала ей Аррия.

— Какая вы!.. — Трепетно, на грани экстаза прозвучал голос девчонки и чуть не заставил меня широко распахнуть глаза.

— Хороший получился оттенок, — удовлетворенно прокомментировала результат их совместного труда госпожа Флайт.

А у меня ладошки зачесались от нетерпения. Хоть бы зеркало поставили напротив, как в прошлый раз, что ли!

— Уже всё? — спросила я.

Женщина хмыкнула:

— Все... Это только начало, дорогая! Сейчас Верина пройдет кистью, осветлит, оттенит где надо, и будем рисовать лицо, затем займемся волосами. Можешь смотреть.

— А... — Хлопнула ресницами, соображая: в каких это местах требуется коррекция?

— Посмотри на свои ладони.

— Ну да. — Усмехнулась, глядя на руки: обе стороны кистей были одним цветом.

— А теперь на грудь.

— Ой...

Вершинки, как таковые, не выделялись вообще!

Все остальное было удивительно и не встать, как восхитительно! Бархатистая, гладкая, без признаков шелушения и расширенных пор, с ровным цветом кожа, до которой хочется дотрагиваться и гладить. Изумительный легкий загар. Ни родинок, ни капиллярной сеточки. Даже розовый шрам выше запястья от глубокого пореза, полученного в детстве, стал незаметен.

— Вы волшебницы! — На большее меня просто не хватило.

— Полюбовалась? Присаживайся, продолжим.

Аррия указала на высокий стул. Верина набросила мне на плечи большой отрез ткани и скрепила края какой-то железной прищепкой под самым подбородком.

— Анна, — обратилась ко мне женщина, подойдя вплотную и сосредоточенно вглядываясь в лицо, — от того, насколько точно ты мне опишешь свои черты, будет зависеть твой образ. Ты понимаешь? Чтобы не сделать из тебя клоунессу. Руки можно спрятать и в перчатки, но лицо...

— Под паранджу, — грустно усмехнулась, понимая, что до меня хотят донести.

— На Соумере это называется данжап, — с улыбкой поправила госпожа Флайт. — Оглядишься. Вокруг тебя палитра красок. — Повела рукой, указывая на расписные стены. — Итак, начнем с бровей?..

Я такая симпатичная? Неправда. Я — красавица!

— Уже можно плакать? — замороженно глядя на себя в зеркало, спросила художницу.

На последнем слове горло сдавило от переполнявших меня эмоций. Несмело коснулась щеки кончиками пальцев. Легкий, едва проступающий, не отличимый от естественного румянец придал лицу свежий и здоровый вид. Исчезла моя извечная синева под глазами. Ресницы длиннющие, черные. Коричневые брови аккуратной дугообразной формы. Губы с четким контуром натурального матового оттенка розового. И главное — никакого эффекта наложенного

макияжа! Глядеть — не наглядеться!

— Нет, не принцесса. Королевна! — выпалила, прикрыв зияющие черные провалы своими пушистыми опахалами.

Польщенная Аррия скрыла удовлетворение за тихой улыбкой.

— Вот бы еще рот научиться не открывать широко и солнцезащитные очки на нос нацепить.

— Очки? — Хозяйка лавки посмотрела на меня задумчиво.

— Да, с черными стеклами.

— А это мысль! Я уже хотела предложить тебе густую вуаль, но это тоже как вариант. Правда, не знаю, как воспримут в обществе подобную угрозу нравам. Дамы не пользуются этим аксессуаром, считающимся сугубо мужским. Но ты-то ведь у нас гостя из дальних стран?! Кстати, для документов вопрос «из каких» надо будет хорошо обдумать. Пошли преображать твои волосы!

Верина уже стояла в дверном проеме с банкой краски, одурманивающе пахнущей ванилью и апельсином.

— Боже мой, какая прелесть!

Пропущенная сквозь пальцы грива шикарных каштановых волос рассыпалась по плечам. Волнистые, блестящие... Да у меня никогда в жизни таких не было! Как бы я их не мучила феном, каким бы средством не пользовалась. Укладка в парикмахерской — жалкое подобие!

— Госпожа Флайт, вы мастер с большой буквы! Я даже не знаю, как вас благодарить. Вы меня настолько преобразили и при этом оставили родное обличье, подчеркнули достоинства, а недостатки... я просто их не вижу! Даже страшно на улицу выходить — меня тетки порвут от зависти!

— О, — махнула рукой женщина с показной скромностью, — найдем охрану.

Рыжая помощница все порывалась что-то сказать, но так и не смогла произнести ни слова. Её горящий, полный восхищения и гордости взгляд говорил за неё.

— Птиц, как я тебе? — Развернулась к сидящему на столе пернатому. Мнение единственного мужчины, причем далеко не глупого, было бы интересно услышать.

Жако, разглядывая меня, склонил сначала голову на один бок,

потом на другой. А затем он сделал то, от чего даже его хозяйка открыла рот. Взлетев на мое плечо, стал клювом перебирать пряди, стараясь заправить их за ухо. И делал это так осторожно, я бы сказала — нежно, что объект его внимания и окружающие замерли от удивления и растерянности.

— Пер-ри с пр-ришлой будет жить! — Контрольным выстрелом добил всех говорун.

Глава 7

— Господи, как умирать надоело...
(х/ф «Тот самый Мюнхгаузен»)

— А с этим-то что не так? — Дама неопределённого возраста в напудренном парике с приколотым к нему сбоку кокетливым бантиком в раздражении всплеснула руками.

— Нам нужен закрытый фасон, я тебе говорила, — настаивала на своем Аррия, по третьему кругу рассматривая платья из последней коллекции «Весна-Лето» от известной в Злавике модистки, кои та беззастенчиво слизала со страниц популярных женских журналов.

— Да кому они нужны, закрытые? Нынче весь свет оголил шеи и руки до локтей. Со скандальным декольте до лопаток, а то и ниже, сейчас щеголяет вся столичная аристократия! Ты посмотри на маркизу Ренем! — Герда тыкала пальчиком в рисунок на странице печатного издания, где художник изобразил стоящую спиной женщину с бокалом в руке на каком-то великосветском рауте. Платье с приспущенными плечами, V-образным вырезом до скандального максимума, стянутой корсетом талией и пышной юбкой в пол. Черно-белая гравюра отличалась отвратительным качеством, будто вышла из неисправного копировального аппарата. Смазанные черты маркизы делали её похожей на шипастого дикобраза в юбке.

— Я не собираюсь выходить с ней в свет! Девочка больна, кому её показывать?

«Девочка» — это я. Проснувшись утром и увидев свои руки, чуть не кувыркнулась с постели — так спешила к зеркалу убедиться, что искусственно обретенный цвет тела не исчез за ночь по прихоти тауруна. Зацеловала на радостях кругляш, погладила, прижала к груди, шепча слова благодарности. И вот теперь в длинной сорочке из запасов госпожи Флайт сижу на стареньком стульчике за трехстворчатой ширмой и подсматриваю за дамами в щелочку между бамбуковыми прутьями.

— О, боги, чем же? — ахнула модистка и подозрительно покосилась в сторону декоративной перегородки.

— Душевная хвороба у неё, — вздохнула несчастно Аррия и потянулась промокнуть платочком отсутствующие слезы, — и... Даже не знаю, как тебе сказать. Поцелуй богини её настиг.

— Да ты что! Как же тебе, милая, не повезло-то так с племянницей! — искренне посочувствовала гостья художнице. — Можно я на неё гляну?

— Ой, не знаю, — с сомнением ответила женщина, — не любит она незнакомых людей.

— Я одним глазком. Не укусит же она меня?

Госпожа Герда, подстегиваемая любопытством, сделала осторожный шаг к моему укрытию, как...

— Гы-гы!.. — отрепетировано гоготнула я совершенно по-идиотски и старательно заскрипела стулом под собой.

Гостья шарахнулась в ужасе.

— Я тебя поняла, дорогая. — Модистка бодро засобиравалась, укладывая наряды в большую коробку. — Есть у меня пара подходящих платьев для твоей подопечной. И скидку хорошую сделаю... Ох, боги, боги, как же так?!

— Может быть, три подходящих найдется? — Аррия театрально заломила руки в отчаянии. — Я ведь её из Черного дома забрала буквально в чем мать родила! Ни белья хорошего, ни чулок, ни плаща!

— Обчистили ребенка, ироды! Гляну. Милая, ты уж держись.

— Буду тебе, уважаемая Герда, премного благодарна! — всхлипнула «актриса» и махнула помощнице платочком. — Верина, солнышко, проводи!

«Солнышко», бойко подскочив к гостье, ухватила короб в охапку и двинулась за госпожой в парике, спешившей покинуть «скорбную» лавку.

— Не волнуйся, Аннушка, у этой скряги даже залежалый товар такой, что хоть сейчас на прием к королеве, — деловито поправив прическу, констатировала Аррия уже нормальным тоном, как только стихли шаги в коридоре.

Герда не обманула. После обеда в лавку ввалился взмыленный нарочный с двумя объемными торбами. Сгрудив ношу посреди торгового зала, вручил Верине записку от модистки, получил от неё пару медяков и поспешил на выход, подмигнув напоследок девчонке.

Рыжая фыркнула, но успела сверкнуть глазками улыбающемуся парню.

Две блузы, два платья, две юбки и укороченный плащ-пончо с капюшоном.

Две сорочки, двое панталон, один корсет и... манти из белого кролика с широкими укороченными рукавами!

Глядя на все это дармовое изобилие, не могла собраться с мыслями. Это за что ж мне такое богатство отломилось? «Скрягу» либо накрыло духом полной и безоговорочной благотворительности, либо та решила в одночасье реализовать весь уцененный товар. И кстати, во сколько мне встанет такое «залежалое» подношение?

— Двадцать серебрянников?! Она с ума сошла?! Крохоборка! — возмущалась и кипела Аррия, изучая вещи на предмет качества, просматривая каждый шовчик, каждую петельку и далее передавая мне для примерки.

Я же только успевала натягивать то одну вещь, то другую. Комбинировать юбки с блузками, облачаться поочередно в платья, с корсетом и без оно и вздыхать — меня все устраивало. Мне нравилось все, кроме панталон. В шубку же вообще вцепилась двумя руками. Наметанный глаз госпожи Герды безошибочно определился с размером Верины, на которую и делалась ставка в отборе одежды. К счастью, внешними данными конопатая от меня не сильно отличалась. Разве что ростом ниже сантиметров на пять.

— Я, наверное, могу себе это позволить, — несмело вставила свое слово, пытаясь вспомнить количество монет в кошельке и их покупательную способность.

— Ты, может быть, и позволишь, но Аррия Флайт не настолько глупа, чтобы дать себя облапошить! — возмущенно вскинулась хозяйка. — Собираемся, девочки. Не будем откладывать в долгий ящик визит в галантерейную лавку. Посмотрите мелочи, а я в это время нанесу ответный визит нашей очаровательной меценатке.

Прозвучало многообещающе и зловеще. А по выражению лица было понятно — покушает!

— А мне не опасно гулять по улицам с оберегом? — забеспокоилась я, помня предупреждение знахарки.

— В нашем городе всего три мага и пять ведьм. Ведьм нам опасаться не стоит, а вот господ в мантиях в середняцких кварталах уже лет сто не видели, — прозвучало железобетонно уверено.

Из-под подола синей юбки, приспущенной на бедра, чтобы скрыть непозволительное мелькание неприкрытых чулками щиколоток, выныривают носки моих покрашенных в тон ткани мокасин.

В светло-желтой блузе с воротничком-стойкой и баской.

В нарытой в необъятном платяном шкафу госпожи Аррии шляпке-клош бежевого цвета, которую Верина мудрено задрапировала темно-васильковой кружевной вуалью, закрывающей моё лицо от ушей и до самого подбородка.

Чувствовала я себя во всем этом облачении не то чтобы некомфортно — непривычно. Руки то и дело тянулись расправить волны мягкого волана на бедрах, проверить, все ли двадцать пять маленьких пуговичек на лифе вдеты в воздушные петельки. Не откололась ли случайно от шляпки прикрепленная невидимками красотень, вышитая на мелкой сеточке, через которую на этот мир смотрели мои черные глазные провалы. Юбку, практически подметающую каменный тротуар под ногами, так и тянуло приподнять с боков, за я что постоянно получала легкий шлепок по рукам от идущей рядом конопаты.

Миновав пару кварталов, остановились возле лавки «Рон и Рон» с большим витринным окном, за которым висела, лежала, стояла такая нужная и важная для каждого горожанина галантерейная дребедень. От перчаток, ремней и платков до кошель, сумочек и зонтов. Текстиль и кожа радовали яркостью цвета и разнообразием. Госпожа Флайт не сбавляя скорости решительным шагом проследовала дальше по улице, а меня затянули в царство тысячи мелочей.

— Что угодно дамам? — Улыбчивый дядечка за прилавком чуть склонился в поклоне, приветствуя нас.

Второй, как две капли воды похожий на первого, бросил расправлять ленты, радужным ворохом перекинутые через кольцо, вбитое в стену, и обернулся.

— Госпожа Верина, рады видеть! Чем можем помочь?

Опустошив кошель на восемь серебряных монет, я, увешанная пакетами, довольная собой и приобретенным аксессуарным счастьем, стояла на крыльце магазинчика уважаемых Ронов в ожидании своих спутниц и изучала вывески лавок через дорогу, длинным рядом

тянувшихся вдоль всей улицы. Девчонка ускакала на минуточку в аптечный магазинчик за удивительным, по ее словам, средством на случай ежемесячных женских проблем: «Это чудо, что такое придумали наши маги-целители!» Солнце выглянуло из-за пушистого облака, приласкало, обдало теплыми лучами мостовые, черепичные крыши домов; в стеклах окон заиграли яркими вспышками зайчики. Легкий ветерок подогнал очередного белого небесного странника, который закрыл собою светило, уберегая людей от зноя.

Взгляд вдруг зацепился за что-то неясное, скоплением черных точек появившееся на горизонте. На грозовую тучу это было совсем не похоже. Саранча? Стая птиц? Подобным образом, поражая воображение своим многочисленным скоплением в небе, синхронно двигаются ткачики, выделявая в воздухе удивительную фантасмагорию, меняя траекторию полета. Завораживающее действо! То же самое наблюдалось и сейчас: хаотично перемещаясь, это нечто темной сварой летело по направлению к городу. И чем ближе приближалось, тем отчетливей становилось видно то огромное количество пернатых особей в этой летучей эскадрилье. И вот уже не я одна наблюдала за странным явлением. Прохожие поднимали головы. По тому, как менялись лица окружающих, поняла — к нам приближалось что-то опасное. Кто-то удивленно вскрикнул. Кто-то вскинул руку, указывая несведущим на приближение крылатых гостей. Среди горожан поднялся ропот. Мимо меня, тараторя наперебой, пробежала ватага мальчишек. Продавцы, привлеченные всеобщим вниманием, выходили из своих магазинчиков. Остановилась повозка, и покинувшие её пассажиры, тихо переговариваясь и беспрестанно оглядываясь на живую тучу, по мере приближения все больше раздающуюся в размерах, поспешили скрыться в ближайшей лавке.

— Что это? — Не заметила подошедшую Верину.

— Я не знаю, — растерянно ответила ей, оглядываясь на людей вокруг в поисках ответа. — Птицы? Только как-то жутковато они выглядят. И так много...

Набатов ударил колокол на ратуше, разнося по городу тревожное предупреждение. Зазвенел, загудел, накрывая всех неосознанным липким страхом перед надвигающейся катастрофой.

— Надо сходить за госпожой Ар... — Девчонка не договорила, когда улицу огласил истошный женский вопль:

— Бегите!!!

А за ним мужской:

— Мыши! Черные мыши! Прячьтесь!

Народ сорвался с места и, спотыкаясь и сталкиваясь друг с другом, понесся по мостовой подальше от опасности.

Откуда столько людей? Полупустая улица неожиданно переполнилась галдящей, вопящей, визжащей толпой. Торгаши суматошно опускали жалюзи и закрывали ставни, прячась внутри своих владений. Заржали лошади, кнутами подстегиваемые по спине своими хозяевами. Разворачивая повозки, возницы, понося всех крепким словом, стегая налево и направо, не шибко беспокоились за сохранность спин как животных, так и попадающих на пути людей. Всеобщий испуг, витавший в воздухе, уже можно было резать ножом. Поддавшись стадному чувству, Верина рванула с места, дабы присоединиться к паникующему большинству, но была схвачена мною за руку. Резко развернувшись ко входу в лавку Ронов, я дернула дверную ручку, но тщетно — «двое из ларца» уже успели забаррикадироваться. И как ни колотила рыжая по деревянному полотну вишневого цвета, открывать нам никто не собирался.

— Оставь, Рина! — одернула девчонку. — Надо уходить!

— Мы не успеем добежать до дома! — конопатая уже рыдала от страха и досады.

— Ты знаешь этот город, где можно укрыться? Подвал, сарай...

Шелест множества крыльев обрушился на нас как ураган, ожидаемо и в то же время неожиданно быстро. Крылатые бестии заполнили все пространство улицы, проносясь над головами бегущих. Нетопыри размером с чихуахуа на лету срывали шапки, шляпки с дам, вцеплялись в волосы и плечи, заставляя несчастных горожан спотыкаться и падать. Сверху посыпались осколки стекол. Ор перепуганных до смерти людей усилился, добавив к общему звучанию душераздирающие вскрики. Прижавшись спинами к двери галантерейной лавки, словно пытаюсь слиться, раствориться в ней, мы расширившимися от ужаса глазами смотрели на эту вакханалию разбушевавшихся вампиреньшей. Неосознанно зажав в ладони сквозь ткань блузы оберег, молила бога, чтобы это все поскорее закончилось.

Трех всадников, появившихся в конце улицы, за живой завесой из

черных мышей, увидела не сразу. Размахивая над головой какими-то штуками, похожими на кистени*, они скакали в нашу сторону. Крыланы, попавшие под ударную мощь металлических ядер с шипами, вращающихся с невероятной скоростью, разлетались окровавленными ошмётками, впечатываясь в стены и окна домов. Приближение троицы сопровождалось противным тонким и пронзительным писком озлобленных тварей, давящим на перепонки. Представив, что стоит только отчаянным кавалеристам поравняться с нами, и в двух глупых девиц полетят останки нечисти, стала медленно сползать на тротуар, потянув сероглазую за собой.

Как он здесь оказался? Почему один? Бог его знает! Справа из-за угла дома выскочил маленький пацаненок трех-четырёх лет и, тоненько вереща и прикрывая ладошками белокурую головёнку, понёсся по дороге навстречу конникам. Расстояние стремительно сокращалось. У меня все в груди оборвалось, когда я поняла, что мужчины, занятые своим ликвидационным делом, малыша просто не видят! Доли секунды хватило, чтобы решиться на безумство. Сорвалась с места и, не думая о последствиях, кинулась под ноги лошадям, хватая в охапку ребёнка и падая на мощеную улицу, накрыв собой хрупкое тельце.

Громкий грубый вскрик на три голоса услышала как сквозь вату. Горячей вспышкой обожгло грудь, будто кто раскаленный прут приложил к коже. Взыла, захрипела в ожидании боли от копыт, обрушившихся сверху на дурную попаданку. Меня подкинуло, отбросило сильным толчком-ударом в сторону, завертело, покатило, как бревно по неровной брусчатке. Руки, прижимавшие мальчугана к телу, только и успели переместиться ему на затылок, прикрывая от встречи с камнем. Невидимый кокон мгновенно окутал нас, что толстым матрасом, оборвав возникший в голове вопрос: почему не больно? А где-то за гранью сознания, будто из сна, истошное девчоночье «Анна!» И... все. Темнота и глухая тишина накрыли меня. Мир померк, и пугающая пустота поглотила разум.

* Кистень — гибко-суставчатое холодное оружие ударно-раздробляющего действия (довольно увесистая костяная или металлическая гирька, приделанная к ремню, цепи или веревке, другой конец которой укреплялся на короткой деревянной рукояти).

Глава 8

— Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится.

(М. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

— Тяни, тяни, вытягивай! Еще немного! — Рука пыталась удержать конец скользкого длинного ивового прута.

— Демоны тебя дери, Леонард, двумя руками хватайся! — прохрипел от натуги мужчина, упираясь одной ногой в трухлявый пенек, бывший когда-то молодой лиственницей, второй то и дело соскальзывал с мокрой травы, норовя угодить в вонючую жижу трясины.

— Сапоги сползают! — отчаянно выкрикнул виконт, обхватывая обеими ладонями срубленную ветку.

— Мне до твоих сапог... давай, давай!.. Ещё немного! Отъелся за неделю, ваша милость!

Тело несчастного потихоньку покидало гиблую лужицу, коварно замаскированную под небольшой пятачок суши, покрытый сочной зеленой травкой. Остановившись на короткий привал близ дорожного тракта, всадники и не предполагали, что буквально в нескольких шагах распростёрлось болото, скрытое густым низкорослым березняком. До города торговцев оставалась пара часов, и отдых не планировался быть долгим. Даже лошадей не распрягали. Достав из седельных сумок перекус, устроились на поваленном дереве в окружении облезлых лиственниц, как вдруг младший Карре, прищурившись глядя куда-то вглубь пролеска, сорвался с места и ушел со словами: «Сейчас вернусь». «Сейчас» длилось минут десять, и граф, забеспокоившись, кинулся искать «поганца, которому на месте не сидится». Невнятная возня, всплеск и паническое: «Рич, помоги!» чуть не довели мужчину до седых волос.

— Спасибо, брат, — выдохнул несостоявшийся утопленник, отползая подальше от топкого места.

Упал расслабленно, пытаясь отдышаться. Руки мелко тряслись. В горле стоял колючий ком, мешая говорить. Нос уткнулся в кустик

пахучего багульника. Рядом рухнул его сиятельство.

— Не за что. Какого тебя вообще сюда понесло? — Хотел рывкнуть от души, но хрипотца, скребущая горло от жажды, не дала этого сделать.

— За цветочком красивым пошел.

Рихард поднял голову и посмотрел на родственника как на идиота.

— Ты что, воды зловонной нахлебался? Где ты там цветочки видел? Не будь твоя милость после лечения, ехал бы дальше с синим глазом и плохим настроением. Романтик, — выплюнул он и вновь упал лбом в мягкий мох.

Синхронно перевернулись на спину, раскинув руки в стороны. Уставились в голубое небо. Лёгкие облака, подгоняемые ветром, творили в выси белое волшебство. Величаво проплывали невиданными животными, наползая на солнечный диск. Миг, и вот уже чей-то лик, будто слепленный из воздушной ваты, удивленно смотрит на двух незадачливых путешественников.

— Надо вставать, — лениво пробормотал Моран, прикрывая веки. — Разжечь костёр. Сушиться.

Гектор с него голову снимет, если с наследником что-то случится. И он вполне предполагал, что в этот список входили и простуда, элементарная царапина, и, не дай боги, порез! Да если бы тот только узнал, за каким демоном сорвался с места его сын, стоило чуть прийти в себя после сложного и дорогого лечения, не миновать виконту домашнего ареста! Под замком и охраной. Рихард начал подозревать планируемое бегство брата из родового гнезда, как только глаза парня прозрели. Странная задумчивость первых дней сменилась решительностью во взоре. А он уж надеялся, что Лео, попав в родные пенаты и окунувшись в обычную круговерть холостяцкой жизни, забудет про обещание самому себе вернуться за девкой. Вот ведь... присушила она его что ли? Ведьма.

Отпустить одного? Ну, нет. Одного одиночного путешествия сорвиголовы хватило с лихвой. Чуть калекой не остался на всю оставшуюся жизнь.

— О, бригантина, — проямлил Карре, указывая грязным пальцем в небо.

Напарник нехотя глянул из-под ресниц.

— Угу, а там грозовая туча против ветра идет.

Леонард скосил глаза чуть в сторону. Им понадобилась целая минута, чтобы понять абсурдность сказанного. Рывком сели, не выпуская из вида нечто, черным клубящимся туманом плывущее в их сторону.

— Что это? — спросили одновременно и переглянулись.

— Птицы? — с сомнением предположил виконт, поднимаясь с земли.

— Так много? — нахмурился его кузен, вставая рядом.

— Они снижаются. Там ведь... — пытаюсь в сумбуре мыслей вспомнить название поселения, куда стремительно направилась стая, быстро теряя высоту.

— Злавица. И это не птицы, — напряженно прошептал его сиятельство и рванул к месту стоянки, дернув за собой Карре.

— Твоя вотчина! — Вскакивая в седло своего Декара, виконт пытался представить масштаб неприятностей, связанных со встречей горожан с полчищем неадекватных мышей, в кои-то веки появившихся среди бела дня. Да еще и на таком отдалении от мест своего обитания.

Рихард бросил короткий напряженный взгляд на кузена и прищипорил верного Ахалаша.

— Поспешим!

Улицы встретили ворвавшихся в Злавику братьев тишиной и растерянностью в глазах жителей. Люди не спеша, с опаской выходили из своих укрытий. Кто с сожалением, кто обреченно взирал на перевернутые повозки с рассыпавшимся и испорченным товаром. На обрывки некогда ярких навесов и маркиз над летними кафе и торговыми лавками, теперь рваными тряпками свисающими до самой земли. На россыпь стекла от выбитых окон и витрин. На останки летучих мышей, раскиданных повсюду вперемешку с брошенными зонтиками, потерянными ботинками и женскими туфлями. Разноцветными дамскими шляпками и мужскими уборами. Париками и сумочками. Барсетками и помятыми корзинами с раздавленной провизией. Стеная и сокрушаясь, брались за уборку и ревизию добра, выжившего после налёта крылатой нечисти. Лопатами и палками добивали оставшихся в живых трепыхающихся нетопырей. Сваливали в одну кучу вместе с мусором и поджигали. То тут, то там прямо на дороге вспыхивали большие костры.

— Будто безумный ураган пронесся по городу. Куда сейчас? — оглядываясь по сторонам, спросил Карре кузена.

— К бургомистру, — очнулся Моран от унылого созерцания разгромленных улиц.

— Ваше сиятельство, что же это... да как же это? — причитал глава городского управления господин Рёдер, пятясь назад перед Рихардом, с грозным видом стремительно вошедшим в его дом в компании сына самого графа Карре. — Напасть случилась на наш город. Никто не ожидал такого!..

— Начальников всех служб, магов и пастыря через два часа собрать в ратуше, — отрывисто и четко отдал распоряжение неожиданный визитер оробевшему чиновнику.

— Будет исполнено, милорд. Сейчас же пошлю с указаниями, — глава уже более бодро поспешил уверить прибывшего в своей исполнительности. — Позвольте распорядиться насчет комнат? Отдохнете с дороги. Отобедаете. За это время горничная приведет в порядок одежду его милости.

Моран покосился на кузена. М-да... В подсохшей грязи по самые уши виконт представлял жалкое зрелище. У самого сапоги тоже не блистали чистотой, а на штанах местами красовались пятна болотной тины.

Два часа спустя его сиятельство граф Моран хмуро взирал на четырех выпотрошенных маленьких ласточек, уложенных в ряд на длинном столе в зале собраний городской ратуши.

— Мне кто-нибудь объяснит, что это такое? — Обернулся с вопросом к присутствующим.

— Позвольте, милорд, я скажу. — Из группы из трех человек в черных мантиях выступил седовласый мужчина. — Бранд Гарош, магистр второй ступени, — представился он с легким поклоном. — Смею предположить, что это некое послание или предупреждение.

— Кому? — влился в разговор вопрос Леонардо.

— Нашим достопочтимым ведьмам.

Брови графа взметнулись вверх.

— Мы подозреваем, что они посредством этих несчастных пернатых получили некий сигнал, — продолжил глава местного храма, преподобный Николас, — после чего просто исчезли из города в

неизвестном направлении. А спустя три дня случилось сегодняшнее необъяснимое нападение Черных мышей.

— Что, все исчезли?

— Увы, даже старая безногая Вильда уползла из своей норы, — с пренебрежением ответил пастор.

— Тогда как птицы оказались у вас, если по вашей версии это — тайное послание?

— О, все благодаря бдительности горожан. Двух подобрали мальчишки-газетчики, отдали стражникам. Одну — молочник. Еще одну подбросили в управление правопорядка с запиской. Уж очень необычные находки под порогом у ведьм, гадалок и знахарок обнаружались. Народ наш осторожный до фанатизма, смею заметить.

— У нас что, началась война с Ковеном? — растерянно развел руками Карре и выжидающе уставился на магистра Гароша. Кому как не магам знать творящееся в их магическо-колдовских сообществах.

Седовласый открыл было рот, чтобы ответить, но его перебил все тот же служитель храма.

— Мы не знаем, ваша милость. Будем надеяться, что это было результатом массовой инициации. Так бывает, когда сразу несколько ведьм получают силу. Случаются катаклизмы посильней нынешней. Сход лавин, сели, ураганы...

— Но вы сомневаетесь. Или знаете что-то, но ждете подтверждения. Я прав, святой отец? — Пастор не ответил, приняв вид смиренного хранителя тайн. Моран мрачнел все больше, не понимая сложившейся ситуации. — Вы послали гонцов по деревням и в Ливику?

— Да, но известий пока не было. Ждем, — ему ответил главный констебль, здоровенный детина с пышными усами и в темно-синем мундире.

— Каков ущерб? Сколько жертв? — Рихард решил оставить вопрос со странным поведением ведьм до возвращения в Виннет. Совет умудренного опытом старшего Карре ему был бы очень на руку.

— Ущерб подсчитываем, ваше сиятельство. Не считая травм и ушибов разной степени, жертв как таковых нет. Даже удивительно — эти твари, будто кто их направлял невидимой рукой, согнали прохожих со всех улиц на самую широкую и погнали до самых северных ворот.

— Никто не погиб — уже отличная новость, — с облегчением выдохнул Моран.

— Есть одна жертва! — Самый молодой из магов несмело выступил вперёд и вдруг, будто опомнившись, досадливо поморщился и тихо ругнулся сквозь зубы..

— Кто? — встрепнулся стражник, и его усы возмущенно встопорщились. — Почему мне не доложили?!

Тот молчал, уставившись в пол.

— Что же ты, Грун, замолчал? — выразив удивление, обернулся к своему коллеге седовласый Бранд.

— Некая госпожа, спасая ребенка, бросилась под копыта коней охотников за нечистью, — нехотя, не скрывая досады на себя, отчитался юноша.

Помещение заполнил ропот. Поступок неизвестной благородной дамы привел всех в недоумение с долей восхищения.

— Кто такая, выяснили? — поинтересовался флегматично Карре.

— Где она? — осведомился граф одновременно с братом.

Маг стушевался от слаженного напора сиятельных персон и отведя в сторону взгляд ответил обоим.

— Я не знаю. Я только слышал, как командир ловцов ругал своих парней за... невнимательность во время операции. Один из них отмахнулся от выговора, обозвав несчастную курицей безмозглой... простите. Еще посмеялся над странным именем пострадавшей... Что вы хотите от этих неотесанных мужланов! У них никакого сострадания ни к чему живому! — закончил с отчаянием в голосе.

— Имя не узнали случайно? — вкрадчиво спросил Моран, подозревая того в некой недоговоренности.

Молодой человек пожал плечами.

— Кажется... Ана, я не уверен.

— Как ты сказал?! — взревел вдруг побледневший наследник Гектора Карре, отчего бургомистр, позволивший себе немного расслабиться, пока идет обсуждение текущих моментов, подпрыгнул на стуле и испуганно воззрился на него.

— Лео, подожди! Это еще ни о чем не говорит! — Граф попытался перехватить сорвавшегося с места брата.

— Где это было? — Голос виконта дрогнул от переполнявшего его волнения.

— Тихая улица. Там самый большой поток людей был. Подождите, вы хотите найти её? Но это бесполезно!

— То есть?

— Я был там. Я сразу туда поспешил с лекарем, но она исчезла!

— Ну вот, все живы! — обрадованно хлопнул в ладоши бургомистр.

На него посмотрели как на ненормального.

— Вы считаете, можно остаться целым после того, как по вам потопчутся сразу три лошади? Женщине... Встать, отряхнуться и пойти домой?

Градоначальник разом скис.

— Надо найти её! — Карре решительно двинулся на выход. Его уже колотило от нервного напряжения.

— Как, Леонард? Ты даже не знаешь, как она выглядит! — Рихард не терял надежды вразумить брата.

— На ощупь! По запаху!

Он не собирался никого слушать. Он сам убедится в этом совпадении или горькой правде. Надо только отыскать эту несносную девчонку, которая — да он даже уже не сомневался, что это его Анна! — пожертвовала собой ради спасения чужого ребенка. Это в её духе.

Сейчас он мысленно составлял план поисков: лечебница и её мертвецкая, подвалы целительских пунктов. Всех. Он готов был обшаривать даже лекарские заведения для бедных. И если уж судьба будет настолько сурова и эта маленькая сестра милосердия действительно погибла, он устроит ей достойные... Нет, верить в это не хотелось. Категорически!

— Глупец! Она может быть где угодно! Где ты собрался её искать? — летело ему вслед.

— Город переверну! Из-под земли достану! — Упрямо тряхнул головой.

— Зачем так глубоко?

Карре споткнулся и замер. Напротив него стояла невесть откуда взявшаяся пожилая женщина. В простом платье, но из дорогой материи. На голове темная шаль в клетку. Печать усталости и мудрости прожитых лет на лице. Добрые, внимательные глаза.

— Вы кто? — Нахмурился, понимая, что уже слышал этот тихий ласковый голос.

Старуха улыбнулась и, не отвечая, обошла его. Приблизившись к

«высокому собранию», оглядела всех и хорошо поставленным голосом заявила:

— Я баронесса Брайт, урожденная Ньер. Бывшая подданная королевства Готуар, ныне изгнанная из страны аристократка. Вдова, знахарка... ведьма. — Сделав небольшую паузу, при которой успела насладиться вытянутыми физиономиями уважаемых господ, припечатала: — Мое имя Тельма. И мне есть, что вам сказать, господа.

Часть 3

Глава 1

— Рая, мне раньше некогда было, а теперь я вас обожаю.

— А я-то...

(м/ф «Мартынко»)

Чьи-то заботливые руки вот уже второй раз меняли влажный и холодный компресс на моем лбу. Больно было даже поморщиться, когда капля с плохо отжатой тряпицы покатилась по виску и нырнула в ухо. Острыми иглами пронзало в затылочной части при любом движении головой. Пыталась открыть глаза — не получалось. И всякий раз легкую панику останавливали мягкие успокаивающие поглаживания по плечу. Тихий голос мурлыкал то ли заговор, то ли заклинание. Нараспев, красиво.

Шелест одежды отделился от кровати, на которой я лежала, а следом с мягким стуком захлопнулась дверь. Осторожно облизала пересохшие губы. Тихо вздохнула: не догадались их смочить. Сглотнула вязкую слюну и прислушалась к своим ощущениям. Помимо моей страдающей черепушки тупой болью отдавал правый бок. Я помнила, как тяжелое копыто лошади угодило в это место. После были ещё удары, но они ощущались, как если бы меня мгновенно прикрыла боксерская макивара*. Глухие, тяжелые, но не травмирующие. А головой я все-таки успела приложиться о мостовую. Но сил поднять руки и ощупать её, несчастную, не было.

Сожалела ли я о своем поступке? Ни капли. С малышом, я была уверена, все обошлось. Страшно представить, во что бы превратилось детское тельце, попав в мясорубку из металлических подков. Обережек, мой хороший, уже в который раз ты спасаешь свою невезучую хозяйку?! Вот погладила бы тебя, да конечности мои будто приклеены к постели вдоль тела — только указательным пальчиком и могу дернуть. Сколько я уже так лежу по времени? Час? Два? День? Три раза приходила в сознание, что больше походило на тяжелое пробуждение. Кто-то приподнимал голову, давая отпить травяного отвара. Шептал слова утешения, когда я тихо стонала, не в силах вытерпеть вспышки боли. Стопроцентно сотрясение!

Приходил Перри. Не влетал, а именно являлся пешком, мелко шлепая маленькими когтистыми лапками по полу. Взбирался — видимо, при помощи клюва — по свисающему одеялу на постель и бесцеремонно прохаживался по мне туда-сюда. Что-то неразборчиво ворчал, прищелкивал клювом и пытался ущипнуть мочку уха, но был уличен кем-то во вредительстве тяжело больной и выпровожен вон из комнаты с угрозой отбывать наказание в клетке.

Меня оставляли одну, обеспечивая полный покой. Ни сиделки, ни... хоть кого-нибудь в кресле рядом, шелестящего страницами книги! Оттого чувствовала себя одинокой и еще более больной и несчастной. Вопросов скопилось немало. Самый первый: как меня, бессознательную, транспортировали в дом Аррии и кто?

И тут мысль ошпарила кипятком: а что с моим гримом?!

После такого валяния по брусчатке, наверное, весь остался на камнях мазками цвета легкого загара...

Жалко такую великолепную работу.

Тихий мужской голос, неожиданно раздавшийся за дверью, удивил и заставил насторожиться. Доктор... э-э, поправочка — лекарь? Вошел. Тяжелое дыхание, будто человек бежал. Запах, окутавший помещение, приятный, с легкой горчинкой. Затаилась, ожидая действий незнакомца. Он стоял, казалось, бесконечно долго, чувствовала на себе взгляд, слишком пристальный, который смущал и нервировал. Что ему надобно? Разлепила сухие губы и выдохнула:

— Кто вы?

Невольно вздрогнула, испугавшись, когда визитёр стремительно преодолел расстояние до кровати и, взяв мою ладонь в свои руки, припал горячими губами в поцелуе. Бухнулся коленями об пол.

— Аннушка...

«Не может быть!»

— Господи, как вы здесь оказались? — прошептала, не веря в то, что слышу его голос. Слезы сами потекли из-под закрытых век. Моментально заложило нос. Всклипнула.

— Я же обещал вернуться.

— Не понимаю зачем?

— Ты задала вопрос, на который я не знаю ответа. Моё слово? Нет, не то. Необъяснимое чувство нужности. Тебе.

А я не знала, что дальше делать, говорить. Слышать это было приятно и волнующе до ужаса. От ласкового поглаживания моей руки замешательство первого момента тихо отходило на второй план.

— Пить хочу, — шелестящим голосом информировала неожиданного визитера, решив переполох в душе перебить, отвлечь насущной проблемой. Дать себе время успокоить мятущиеся мысли и сердечную кадриль. Его милость мгновенно подскочил с места и с невообразимой нежностью помог принять полусидячее положение. Поднес ко рту чашку с отваром.

— Мы с тобой поменялись ролями, — хмыкнул. — Ты легкая, как пушинка... в отличие от меня. Я и не задумывался, каково тебе было ворочать меня, поднимать. Стыдно признаться, но я тогда даже не пытался тебе облегчить задачу. Эгоистичный мерзавец.

Последний глоток встал поперек горла от такой самокритики. Закашлялась и чуть не взвыла от прострелившей боли в затылке. Меня осторожно вернули в лежащее положение. Поправили одеяло, подтянув на груди выше. Стукнули об пол ножки стула. Совсем близко, у изголовья. Дыхание молодого мужчины коснулось виска.

— Что сейчас, день? Ночь? — просипела сквозь узкую щель между губами.

— Поздний вечер. В комнате полумрак... хочешь, я зажгу лампу?

— Нет, не нужно! — отказалась поспешно и мысленно перекрестилась: впотьмах хоть не будет видна дыра во рту.

— Как ваши глаза, милорд?

— С глазами все в порядке. Я стараниями чудо-лекарей стал видеть даже лучше, чем раньше.

Ресницы дрогнули в попытке приоткрыться и посмотреть, пусть хоть сквозь них, сквозь узкую щелочку, на бывшего соседа по номеру без синяков и одутловатости. Остались ли шрамы на виске и губах? Вдохнула разочарованно — веки будто кто склеил. Вот уж точно: поменялись местами. Мысль рассмешила. Ограничилась улыбкой и услышала то, отчего кровь прилила к щекам.

— Ты очень красивая, Анна. Я... не ожидал такого.

— Могу себе представить, — проворчала себе под нос, ощутив отчаянное смущение, — после встречи с мостовой.

— С кем? — не понял виконт.

— С вашей дорогой из камня.

— С нашей? Ах, ну да, совсем забыл, ты же... не из нашего мира.

— Что?! — Внутри так все и оборвалось: "Рассекретили!"

— Тш-ш, я имел удовольствие познакомиться с твоей тетушкой. Она все рассказала: о том, как нашла тебя, и с какими трудностями пришлось столкнуться её осиротевшей племяннице...

Мозги вот прямо зашевелились в моей голове роем сороконожек, пытаюсь расшифровать сказанное. Это кто, интересно, стал моей тетушкой? Госпожа Флайт?

— ...Но ещё больше я был поражен, когда узнал, что ты, оказывается, родственница самой баронессы Брайт. Знаменитой серой ведьмы из Готуара. Вы отлично сыграли роль в «Усталом путнике», делая вид, что не знакомы. Нет-нет, не волнуйся, я не буду выпытывать причину ваших действий. Её милость заручилась нашим честным словом, что мы не будем лезть в дела нас не касаемые. — Весело усмехнулся.

Тельма? Здесь? Что послужило столь внезапному приезду?

— «Нашим»? Кого ещё взяли за горло? — тихо спросила, пребывая в состоянии шока.

— Рихарда.

— Он тоже в... в лавке? — Голос вдруг сделался писклявым.

— Они сейчас в ратуше ведут беседы. А я вот... Как узнал, что моя милая сестра милосердия, оказывается, в двух шагах... совсем рядом... Не смог ждать. Я очень боялся не успеть. Спешил в Маревуку, а судьба столкнула нас в этом городке. Если бы не налет мышей, мы бы с тобой разминулись. И возможно, я уже никогда бы тебя не нашел. От этой мысли мне становится не по себе.

— Мне что-то плохо, Лео. Позови... те кого-нибудь, пожалуйста. — Чувствуя сильное головокружение от всех этих новостей и событий, нестерпимо захотелось остаться одной. Уложить по полочкам всю информацию, коей так щедро поделился со мной виконт Карре.

Мужчина проявил хваленую прозорливость, и после неожиданного отеческого поцелуя в лоб, пожелания хорошего отдыха на благо здоровья и заверения о скорой встрече я слушала тишину спальни.

Была ли я рада его появлению? Однозначно ответить себе не могла. Мне, безусловно, польстил поступок Леонарда, но что за ним следует? Долг платежом красен? Или... Да нет. С трудом верится, что я

заинтересовала до такой степени его милость. Не почувствовала я влечения со стороны мужчины. Скорее, братскую заботу и волнение.

Не прошло, наверное, и пяти минут, как за дверью опять послышалась какая-то возня, и возмущенный голос Верины прошипел:

— Милорд, вы не можете!

— Я не сильно побеспокою вашу гостью, уверяю.

Сердечко мое ёкнуло.

— Госпожа отдыхает. Вы нарушаете все мыслимые нормы приличия, ваше сиятельство! Достаточно на сегодня посещения его милости.

Отчаянная девчонка! Ставить на место титулованную особу, это... Что «это», не успела додумать. Дверь рывком отворилась, и возмущенный писк конопатой: «Не пуцу!» оборвался в коридоре за быстро закрытой створкой. Воцарилась тишина. Напряженная, давящая. Я даже дыхание затаила, пытаюсь понять, что делает сию минуту неожиданный визитер. Притвориться спящей? Так сердце колотится так, что слышно, наверное, на улице.

— Я слушаю вас, — прервала это невыносимое молчание.

— У нас не было возможности быть представленными друг другу раньше, — начал издалека и высокопарно, — в "Усталом путнике", а посему позвольте исправить это упущение. — Чиркнула спичка, и послышался легкий скрежет металла, как если бы открыли дверцу лампы. — Граф Рихард Моран.

И опять тишина. Чего ждем? Ответного расшаркивания? И кто вообще просил включать свет?!

Контролируя движение губ, ответила слегка раздраженно:

— Очень приятно, Анна. И я себя чувствую неуютно, когда собеседник, которого не могу видеть, держит такие паузы. Что вы хотели?

— Увидеть вас. Познакомиться. Поблагодарить. Поговорить.

— За что благодарить и о чем поговорить?

— Я вам признателен за брата. Вы совершили чудо. Не знаю, как вы это сделали, но он изменился после встречи с вами, — голос приближался, и последнее слово Рихард произнёс, уже нависая надо мной.

— Моей заслуги в том нет. Человек, находящийся практически при смерти, часто меняет свои представления о жизни, у него происходит

переоценка ценностей. Порой перед ним открывается неприглядная картина его прежних поступков, поведения. — Дыхание восстановилось наконец-то, чему способствовал спокойный и размеренный тон мужчины.

— Может быть, — задумчиво протянул Моран и коснулся моей руки сквозь рукав ночной сорочки. Провел от запястья до локтя.

— Что вы делаете? — с легкой паникой встрепенулась от неожиданного действия графа.

— Решил проверить, настоящая ли вы.

— В каком смысле? — Опешила от такого заявления.

— Красива, умна, самоотверженна, безрассудна, дерзка, — эпитеты посыпались из уст милорда, а у меня брови ползли все выше и выше, — добра, смела, бескорытна...

— Хватит! Это ну никак не походит на комплимент. — Нечаянно дернула головой и поморщилась от пронзившей боли. А я ведь и забыла о ней.

— Так какая вы на самом деле? — Вздрогнула, когда с двух сторон от моей головы в подушку уткнулись руки его сиятельства.

С языка едва не сорвалось нецензурное такое, хор-рошее словечко. Гулко сглотнула.

— Какая бы ни была, вам что за дело? И... вы вторглись в мое личное пространство — это нервирует. Отодвиньтесь, Бога ради.

Взгляд Морана осязаемо блуждал по моему лицу, тяжелое дыхание касалось губ.

— Странная и притягательная, — отрешенно выдал, игнорируя мое заявление, и, склонившись к самому уху, так что его нос уткнулся в волосы, прошептал: — Я вам голову откручу, если узнаю о привороте.

Оказывается, можно выпучить глаза, даже когда они плотно закрыты!

— Вы сумасшедший? — ошеломленно выдохнула. — Какой приворот, к чертям собачьим? Что за угрозы? Я никому не навязывалась и не просила за мной приезжать! Уйдите, пожалуйста, а? — попросила жалобно.

Граф отпрянул от меня, но далеко уходить не спешил — занял стул у кровати. Уселся, и опять молчим, слушаем дыхание друг друга.

— Вы знаете, что у него есть невеста? — Новый виток прочищения мозгов подозрительной девицы, только в этот раз решили подойти с

другой стороны. И вот странное дело: понимаю, что не смогу доказать свою непогрешимую пушистость этому упертому вельможе, не раскрыв свой главный секрет, а в глубине души жду очередного бредового обвинения. Так стоять горой за родственничка! Вот это я понимаю — братская дружба! Мне даже интересно стало, чем закончится наше «рандеву».

— Я рада за них обоих, — ответила с безразличием.

— Он бросает её и несется в какую-то деревню за случайной знакомой — чем вы можете это объяснить? Нет, я просто хочу понять!

— Вот у него и спросите, — отрезала, чувствуя, как поднимается злость на этого человека. — Ваше сиятельство, я устала от пустых разговоров. Дайте мне воды, хотя... от пустырничка бы сейчас не отказалась со всем вашим бредом!

Моран хмыкнул. Какое-то движение, и тишина. Тихий всплеск подсказал, что мне протянули чашку с питьем и ждут, когда я её приму. Вдохнула самым укоризненным образом. Догадается или нет?

Догадался. Аккуратно приподняв мою голову, мужчина помог напиться.

— Спасибо. Если у вас все с вопросами, не смею больше задерживать.

Слышно было, как за дверью кто-то уже аж приплясывает от нетерпения: граф позволил себе слишком долго находиться в комнате больной!

— А я ведь не верил ему, — пространно высказался посетитель, поднимаясь. — Что ж, как ни странно, но я удовлетворен беседой. — Взяв меня за руку, поднес её к губам. Легкий поцелуй, и удаляющиеся шаги. Но прежде чем открыть дверь, произнес: — И знакомством.

И как это понимать?

**Макивара (яп.) — тренажёр для отработки ударов. Применяется в контактных единоборствах и стрельбе из лука.*

Глава 2

— Меня не покидает мысль — что сказала бы мама?
— Она сказала бы — чтобы стать семьей,
мало быть родственником по крови, надо заслужить.
(т/с «Сверхъестественное»)

Проснувшись утром, открыла глаза — ура! — и блаженно вздохнула, улыбаясь яркому солнечному свету, заливавшему комнату на втором этаже дома-лавки Аррии Флайт. Поморгала. Огляделась. Подняла руки и удовлетворенно хмыкнула — фирма веников не вяжет! Ни одной царапинки или потертости! Удивительно!

Тихо распахнулась дверь, и вошедшая гостя развеяла тихую радость, вызвав удушливое чувство восторга.

— Тельма!

— Разбудила? — Знахарка, поставив на стол поднос с чем-то, прикрытым салфеткой, опустилась на край кровати. — Третьи сутки пошли, я уже волноваться начала. Давай будем вставать понемногу, шевелиться. Как себя чувствуешь?

— Хорошо, — с удивлением поняла, что могу двигаться и голова уже не такая тяжелая. — Сейчас хорошо. А вчера не могла веки поднять, будто их кто склеил. Если честно, испугалась не на шутку.

— Это я тебе млечным соком зрей-травы смазала.

— Зачем?

— А что б посетители твои не испугались, — ответила ведьма с лукавым смешком.

Не поверила ни на грамм! А вот то, что бабулька приложила максимум усилий к лечению меня какими-то своими чудо-средствами и наговорами, уже ближе к истине.

— Да... Был момент, когда одному из них очень хотелось заглянуть в мои честные и непогрешимые, — проворчала, поднимаясь с постели. — Хоть бы предупредили болезнь о гостях таких неожиданных, а то мало того, что слепая, так еще и парализованная... А-а, поняла: чтобы вызвать у вельмож глубочайшее сочувствие?

Легкая разминка с кряхтением после долгого лежания в одной позе вызвала веселье уже у нас обеих.

— Так тебя не обездвижь, на радостях вскочила бы с кровати к своему бывшему подопечному, и все лечение насмарку!

Верно. Имело место желание повиснуть на шее Леонарда.

— Ну, давай рассказывай. Что случилось? Почему ты приехала? — поинтересовалась у старухи, окидывая взглядом заставленный едой поднос.

— Позавтракай сначала, — улыбнулась та, как мне показалось, совсем не радостно.

— Да какой уж тут аппетит, когда вот чувствую — у тебя какая-то неприятность. Ну? — взглянула с мольбой.

— Как знаешь, — вздохнула, сдаваясь, Тельма. Видно и самой рассказать не терпелось. — Вернулась я из Злавики, а через день пожаловал ко мне гость. Маг. Да не простой, милая, и не один. Бушар, паскудник, в сопровождающих у него был. В дом не входил, да и не пустила бы я его, гаденыша — отсиживался в карете. Морда толстая, думал, не замечу его, не увижу. Гостя, что он привез, пришлось пригласить. Весь в черном, глаза-угли из-под бровей насупленных сверкнули так, что оторопь меня взяла. Разговор учтиво начал, вроде как само благодушие. Только видно: гнилой насквозь человек и душа у него темная, злая... а то и нет её вовсе. На груди под одеждой два кольца подчинения на шнурке спрятаны. Нужно рассказывать для чего? — серьезно глянула на меня знахарка и, увидев расширенные от страшной догадки глаза, продолжила. — Тростью своей с набалдашником крючковатым все углы мне разворошил: короба, одежда да посуда по всему дому летали. Боги смилостивились, на чердак не догадался слазить. Ты, говорит, ведьма, аристократа не так давно в соседней таверне лечила. Так вот, я ищу его спутницу. При ней вещь одна должна быть, давно мною потерянная, — таурон размером с империал.

Я машинально зажала в руке оберег. Волоски на руках встали дыбом.

— Доран? — Голос сел от волнения.

— Селма — дура девка, — сказала как выплюнула Тельма. — За три золотых выложила все что знала о пребывании госпожи в плаще, лица которой никто не видел. Еще и от себя приукрасила, страшилок

наплела. Про двери, что сами по себе открываются; про исчезающую посуду; про покойничка в подвале и его странном полете с лестницы; про то, что со мной знакомство водила близкое...

Я уже сидела, обхватив голову руками. Женщина замолчала.

— Карре рассказывал мне, что их семью много лет преследует один человек с требованием вернуть ему некую реликвию. Получается... мне кранты? — жалобно спросила и подняла взгляд на знахарку.

Та сидела поникшая, будто выцветшая. Опущенные уголки губ, под глазами синие тени. Кожа лица потеряла живые краски. Потускнела, иссушилась.

Я испуганно поспешила заключить её в свои объятия.

— Не надо. Пожалуйста, не надо. Я уеду куда-нибудь подальше, к тебе больше никто претензий иметь не будет, спадут все подозрения. Ты никого не видела, не знаешь. Вернёшься домой. Заживешь как прежде. Будешь лечить людей, козу доить, — зачастила сумбурно, поглаживая ведьму по спине. — Травы собирать. Мурзика привечать.

Плечи Тельмы вдруг затряслись в горьком беззвучном плаче. Я совсем растерялась. Да что же там такое случилось, что так сломило старую, но ещё бойкую женщину?

Взяв себя в руки, бабулька утерла мокрое от слез лицо тряпицей с подноса и уронила упавшим голосом:

— Нет у меня больше дома в Меривиках.

— Как? — выдохнула я ошарашенно.

— Спалили на следующую ночь.

— Господи, Боже мой! — только и смогла вымолвить. По спине пополз мороз. — А ты?..

— Меня позвал с вечера Петрус, корова у него телилась. — Усмехнулась. — Надо же... Сейчас бы уже не разговаривала с тобой, голуба.

Я во все глаза уставилась на неё. Минуты две таращилась, не находя слов.

— Кот?..

— Один раз был, когда я вернулась. Прошелся по дому, заглянул во все углы, на чердак слазил — тебя, видать, искал. Больше в гости не наведывался.

Вздохнула с облегчением. С одной стороны — хорошо, что не привязалась душой к усатому, а с другой — жалко было животинку. Не

любили его на постоялом дворе, не замечали, не ценили. Забрала бы с собой, будь у меня ясное определенное будущее. Возможно, потом... когда-нибудь. Таких преданных питомцев ценить надо. Не отдадут — украду.

— Ты думаешь, это тот маг устроил поджог?

— Я знаю, что это Бушар, подлец. Гореть ему в преисподней! — глаза старой женщины сверкнули неприкрытой ненавистью. — Помнишь ласточку на крыльце? — Я кивнула заторможенно. — Это был знак. Селеста, глава Ковена всех свободных ведьм, собирала на большой совет. Убили одну из наших, старую Асту.

— Кто убил? За что? — спросила, натягивая платье.

Высвободила голову из горловины и подставила спину Тельме в немой просьбе расправиться с бесчисленным количеством пуговиц.

— Я больше чем уверена, что это сделал тот же человек с тростью. Разыскивает он этот оберег с особой пылкостью, выходящей за рамки человечности и закона.

— Эти мыши... — начала я и осеклась в сомнении.

— У ведьм тоже порой бывают срывы. Черные мыши всегда находились на службе у Ковена. Как посыльные.

— А я думала, что это разведчики, — протянула задумчиво и отошла к окну.

— И это тоже. Они — глаза и уши совета старейшин во главе с Селестой.

— И карающая сила, — кивнула недосказанному, наблюдая через стекло за степенной жизнью городского квартала.

— И карающая сила. Редко, но бывает. Аста, оказывается, долгое время была знахаркой в имении графа Вилмара Морана, пропавшего без вести много лет назад, а после ушла в горы, в поселение ведьм-отшельниц. Она была не столько лекаркой, сколь обладала возможностью заряжать артефакты на способности. Имела скрытые, темные и другие проявления магии. Была настоящим алмазом среди обыкновенных серых ведьм, обладающих силой только исцелять да ворожить. И вот что-то мне подсказывает, что имела она отношение к твоему оберегу. Не с её ли легкой и, безусловно, талантливой руки этот кусочек сплава приобрел такую магическую силу? Ну а дальше ты уже додумай сама историю таурона Асты.

Уже и имя тебе дали, кругляшка.

— Получается, тот старик в моем мире и есть исчезнувший граф?

— Не думаю. Скорее всего, слуга.

— Почему?

— Вспомни его слова о принадлежности вещицы.

— Ох, ты ж, Боже мой, вспомнить бы... — потерла лоб, напрягая память, — «он давно никому не служил» — кажется так, и... «пролежал без дела долгое время». Он еще сказал, что «давно в этом мире один»!

— Вот тебе и ответ. Хозяина не стало. Оберег не признал мужчину, видимо, потому и воспользоваться он им не смог. Прожил на твоей родине остаток лет, неся ответственность за опасную магическую вещицу, а когда пришел и его срок, нашел человека, с которым можно было отправить таурон обратно в мир, где тот был создан. К людям, которым принадлежал.

— Интересно, что могло случиться с его сиятельством? Почему не вернулся к семье?

— Этого мы уже никогда не узнаем.

М-да, печально. И все же мне не даёт покоя настойчивое желание деда скорее отослать меня на работу. Все время подгонял — беги, беги, а то без тебя начнётся! Вот сейчас в свете нашего разговора у меня сложилось стойкое убеждение: а ведь не простой дедок-то был.

— У вас есть видящие или пророки? Я с этими вашими магическими способностями людей начинаю уже верить в оракулов. Если бы мне цыганка нагадала за десять минут до случая в банке, что ждет меня дорога дальняя в параллельный мир с ведьмами и колдунами, я бы это восприняла, скажем, как большой развод. А уж мужчины у нас подобным тем более не занимаются! Я и значения не придавала его оговорке. Что скажешь?

— Пророки? Нет, таких нет. Но вот что я тебе поведаю: сразу после Великого переселения, еще до того, как стали возникать отдельные государства, существовали общины. Одна из самых маленьких ушла, перекочевала далеко на юг. На маленький пяточок земли у моря, огороженный с трех сторон неприступными горами. Сейчас это Шудар — королевство замкнутое, не поддерживающее внешние политические и торговые связи с другими. Как принято считать, народность, которая там обитает, скатилась до уровня дикарей с варварскими законами. Возродили кровавые ритуалы, жертвоприношения... Желающих сплавать в гости было много, но редко кому удавалось вернуться

обратно. Так вот, счастливики писали тогда, что были среди шударцев особенные люди, их мало, и им поклонялись и почитали, как местных божков. И всё потому, что они могли читать какую-то... ауру человека, в которую вплетена вся жизнь от рождения до смерти. Воргулы — так их называли.

— То есть слуга мог быть воргулом. Безумно интересно, как он попал в подчинение к Моранам? — задала вопрос, ответ на который можно получить только от потомка аристократа, исчезнувшего на просторах Земли.

На «удобный случай» можно даже не рассчитывать. С его негативным отношением ко мне только и остается надеяться на лояльность, что в данной ситуации сродни чуду.

Чрезвычайно познавательный экскурс в историю материка из уст собеседницы слушала с огромным интересом. А ещё смотрела на знахарку и не узнавала её — от той маленькой старушки «божьего одуванчика», какую я знала, остались лишь одеяние и внешний облик. Сейчас же речь, осанка, движения выдавали женщину отнюдь не простого сословия, и уж тем более не деревенскую старуху. Лео странные вещи говорил... Кстати!

— Как меня нашел виконт, ты случайно не знаешь? — Развернулась от зеркала, но меня мягко придержали за плечи, отобрав щетку для волос, коей я безжалостно раздирала спутавшиеся пряди.

— Не злись. Я появилась в городе сразу после налета Черных мышей. Имея на руках неопровержимые факты, поспешила к градоначальнику объяснить причину столь внезапного нападения нетопырей. А там уж узнала, что городок почтил своим визитом его сиятельство граф Моран. Господин Рёдер неплохой человек. Я осенью лечила его старшего сына, упавшего с лошади на охоте в наших краях. Вот там и узнала, что касатик тебя разыскивает, и имеется... свидетель твоего героического подвига, — с неким сожалением проговорила Тельма, сооружая что-то загогулистое на моей голове. — В конце концов, когда-то надо было узаконивать твое существование в этом мире. И какая разница: сейчас или со временем. А так получилось даже лучше: при представителях местной власти и духовного лица. Бумаги, подтверждающие личность, у тебя уже есть — Аррия слов зря на ветер не бросает. По ним ты Анна-Лаэта Ньер.

— Лаэта — это...

— Имя матери. Ньер — имя рода. Твой отец — мой брат, барон Остун Ньер. Твои родители погибли семь лет назад в Готуаре во время восстания против произвола, творимого поборниками чистоты веры... Ну, об этом мы поговорим в другое время.

— Это правда? — спросила потрясенно, имея в виду судьбу якобы папы-мамы.

— Правда, деточка, — поняла меня знахарка... ой, нет — баронесса. Вопрос, почему, аристократка вдруг стала знахаркой и живет в глуши, не посмел вот сию секунду сорваться с языка. Да и слово «инквизиция» пусть и не прозвучало, но подразумевалось очень красноречиво со всеми вытекающими... У нас еще будет время обменяться друг с другом историями прошлой жизни.

— А я к вам вот так, панибратски. Простите, — растерянno проговорила, ощущая запоздалое угрызение совести.

— Ах, перестань! Я уже давно отвыкла от всех этих реверансов да и неважно это все... Тельма или тетушка Тельма... хм, а мне нравится, как звучит!

В руках старушки появилась серая густая вуаль, расшитая серебристым цветочным узором. Ловко прикрепив её шпильками к затылочной прическе из закрученных на затылке в некую корзиночку прядей, опустила мне на лицо.

— Зачем? Мы же в доме.

— У нас гость. Не пугайся, голуба, — усмехнулась ведьма, заметив, как я дернулась от такой новости, — мальчик казнит себя уже который день. Поговоришь с ним, пусть успокоится, а то его магия выдает такие фортели — Аррии две банки краски уже испортил. Верина тоже сама не своя. Боится тебе на глаза показаться: винила себя за неосмотрительность и беспомощность в то время, когда ты лежала на дороге, словно холодный труп.

— Не очень поняла: причем тут молодой человек? — В голове тут же пронесся эпизод с нашим крайне неудачным походом в лавку «Рон и Рон».

— Грун случайно, а может, и не случайно, оказался недалеко от вас с девчонкой. Услышал крик, узнал голос своей рыжеволосой зазнобы и поспешил на выручку. А там... пойдём, они тебе сами все расскажут-поведают. И... оставь оберег в комнате.

— Тельма, ничего не удалось спасти? — вернулась я к теме пожара,

пока шли в торговый зал, где меня ожидал полный надежды на понимание молодой колдун и воздыхатель конопатой.

— Да что там спасать! — Махнула рукой с досады. — Вспыхнуло свечой и осыпалось золой. Соседи вот только козу и успели вывести со двора.

— Жалко золото, что в мешочке осталось. Все ж немалые деньги. Да и ты сбережений лишилась.

— Как же, оставляю я такое на радость селянам! Пацанва уже на следующий день ворошила кострище в поисках интересного. Все спрятано было в тайнике в лесу. Мало ли кто проездом бывает, пока я бегаю по округе, фурункулы да заметуху* лечу.

— Куда же мы... ты теперь? — Осеклась, поняв ситуацию так, что мне наверняка дадут полную отставку в деле будущего обустройства погорелицы, пусть и ставшей в одночасье родственницей. Ведь в сущности это из-за бедовой постоялицы женщина лишилась крова и всего, что нажито за долгие годы.

— Мест много, где еще нужны хорошие знахарки и ведьмы. Одной, конечно, тяжело налаживать быт на новом месте, года уже не те. Но ведь я теперь не одна, не так ли, милая? Не бросишь старушку?

— Куда ж я без тебя?! — возмутилась самому предположению, что могу отказаться от опеки новообретенной тетушки.

Пожилая женщина улыбнулась и кивнула, соглашаясь: никуда!

— Бушару сойдет с рук его деяние? — спросила как бы между прочим.

— Ты же знаешь, я не могу чинить зло людям... — Она нарочито разочарованно вздохнула.

— Я знаю одну девицу, которая могла бы помочь, если у уважаемой Тельмы есть идея.

— Уважаемая Тельма подумает.

Мне лихо подмигнули.

Хор-рошая из нас команда получится!

*Заметуха (уст.) — диарея.

Глава 3

*Ехали цыгане — не догонишь.
И пели они песни — не поймешь.
Была у них гитара — не настроишь.
И, в общем, ничего не разберешь.
(М. Шафутинский «Бутылка вина»)*

Молодой человек в укороченном двубортном сюртуке коричневого цвета чинно восседал на диванчике и с аппетитом трескал шоколадные трюфели, запивая драконье лакомство неизменным в доме Аррии салепом. Представляю, какой приторно-сладкий букет он ощущал у себя во рту!

Перри, расположившийся напротив него на столике, заставленном чайным сервизом, ревностным взглядом провожал в последний путь каждую конфетку. Выбрав момент, лапкой подтянул стеклянное блюдо к себе. Парень, оторвавшись от чашки и заметив потуги пернатого, вернул то назад. Жако что-то недовольно прожурчал, вновь зацепил коготочками край посуды и, глядя в глаза гостю, повторил маневр. Однако ж визитер не собирался уступать Бейлу Оресту, показал попугаю кулак и вернул угощение на прежнее место. За прилавком тихо прыснула от смеха Верина, наблюдая со стороны за перетягиванием емкости с деликатесом от Персиваля. На звук её голоса юноша вскинул голову и замер, увидев в проеме с откинутой в сторону портьерой двух дам, с тем же весельем подглядывающих за комичной сценой. Спихнулся и резво подскочил с места, задев коленом столешницу. Звякнул сервиз. Переполошился птиц. Охнула рыжая.

— Госпожа, — юноша склонил голову в приветственном поклоне, — позвольте представиться, Страбор Грун, студент выпускного курса Академии магии и стихий.

— Очень приятно, — вышла в зал и в нерешительности оглянулась на Тельму: «Что дальше?»

— Он нас обожр-рал! — заорал Перри и, распутив крылья, рванул в мою сторону. Короткий полет закончился на предусмотрительно протянутой руке.

— Госпожа Анна, этот молодой человек — наш спаситель, — взволнованно затараторила девчонка, выскочив из-за прилавка, пока ведьма разгадывала мой немой призыв о помощи. — Он первый пришел на выручку, когда вас эти кони чуть было не втоптали в дорогу. Я так испугалась! И совершенно не знала, что делать! Я думала — вы погибли! Страбор... ой, простите, господин Грун, как истинный рыцарь, всю дорогу до лавки нёс вас на руках! Мы так волновались — вы были без сознания очень долго! — Глазки у рыжей заморгали, наполнились влагой. Голос становился все тише, и уже почти шепотом она продолжила: — Вас хотел осмотреть подоспевший следом лекарь, настаивал, но я не позволила. Я правильно сделала?

И такая надежда в глазах! Пришлось прижать её к себе в коротком успокаивающем объятии.

— Спасибо вам обоим.

— Смею заметить, — взял слово молодой маг, — лисса Верина была настолько убедительна в своей истерике, что господин Тауф предпочел не спорить, а тут же взялся приводить её психическое состояние в порядок. — Усмехнулся, с теплой улыбкой глядя на девушку. — Я, признаться, в первый момент не знал, что с вами обоими делать: одна лежит без сознания, другая — близка к нему же. Рад, что с вами все в порядке. Хотя... вы скрываете лицо, но я не заметил тогда каких-либо сильных повреждений.

Ох ты ж! Шляпка с вуалью, видимо, слетела с головы во время моего смертельного аттракциона.

— У моей подопечной невосприимчивость к свету, уважаемый Грун, — знахарка поспешила внести разъяснение по поводу необычной детали моего убранства и подарила укоризненный взгляд воздыхателю сероглазой: разве такие вещи говорят дамам!

— А мальчик? Мальчик-то как? — Пришел момент вспомнить о ребенке, ради которого совершался этот безумный поступок отчаянной попаданки.

— С малышом все в порядке, — отмахнулся молодой человек и проследил за жако, который решил перебраться мне на плечо, — его забрала мать. В той суете буквально на секунду отпустила руку... Боюсь, вам не избежать визита благодарной женщины, а то и всех родственников.

— Ну и славненько, ну и хорошо! — В своей излюбленной манере

ведьма тихо хлопнула в ладоши и засуетилась, устраиваясь в кресле за столиком.

— Что ж, уважаемый Страбор, больше нет причин для беспокойства, мешающих вам творить волшебство с краской? — доброжелательно спросила я, занимая место на подлокотнике рядом с тетушкой.

Верина нахмурилась, покусывая губу, будто в чем-то сомневалась.

Гость перехватил её взгляд и, набрав побольше воздуха, отпустил себя в признании:

— Я нарушил данное этой милой девушке слово не рассказывать о случившемся никому. Но на собрании в ратуше... неумышленно признался в наличии единственной жертвы. Как демон за язык дернул! Простите, если таким образом наслал на вас неприятности. Я не прощу себя, если по моей вине вы окажетесь в центре светских сплетен.

— Э... — Мое лицо под вуалью изображало крайнюю степень удивления.

Медленно повернула голову в сторону рыжей. Девчонка закашлялась, подавившись шоколадным трюфелем.

— Прознали бы газетчики, а эти умеют выуживать информацию, — пояснила та, невинно пожав плечами. — Уже на следующий день только глухой, слепой и безграмотный одновременно не знал бы о госпоже Анне Ньер, угодившей под лошадь.

— Ах... ну да, конечно. — С такими доводами я была полностью согласна, вспоминая Остапа Бендера.

И хотя таинственный маг с тростью имел, я надеюсь, обо мне весьма нечеткие сведения, предусмотрительность в вопросе раскрытия моего инкогнито не помешает. Тем более что имя Анна, как не раз уже слышала, едва ли не единственное на всю страну. Поменять от беды подальше? Оставить только Лаэту? И окончательно порвать с прошлым. Возможно, это и выход, но что-то во мне упорно сопротивлялось такому «сжиганию мостов». Как будто предаю не только своё имя, но и родину. Мой родной мир. Прошлую жизнь. Воспоминания.

Молодой человек оказался довольно мил: невысок, худощав, слегка сутул, некрасив лицом, но благородство характера и не показушная учтивость затмевали внешнюю неказистость и неуклюжесть его облика. Этаким ботан-студиозус из интеллигентной семьи... очков на длинном носу не хватает.

— Салепа? — Верина как радушная хозяйка с готовностью и заметным облегчением после разговора поднялась с места в порыве поухаживать за гостями. — Господин Страбор? Ваша милость? Бесса Анна?

Было непривычно и удивительно слышать такое обращение к себе. Бесса... видимо, от баронесса. И плечи мои непроизвольно расправились, подбородок приподнялся, и улыбка покровительственная сама растянулась — вот что значит сила слова, сдобренного титулом.

Парень покосился на полупустую вазочку с шоколадным лакомством и неуверенно кивнул. Птиц будто и ждал этого жеста. Бочком-бочком, прихватывая цепкими лапками с коготками ткань вместе с кожей, сполз по моей руке, подставленной для удобства его перемещения, и процокал по мозаичной поверхности столика напрямик к предмету его ревностного бдения.

— Не откажусь, — благосклонно согласилась старушка.

Я же...

— Нет, спасибо.

Ужасно захотелось простого черного чая! Или зеленого! Можно даже без лимона и сахара!

А еще под вуалью в помещении стало очень жарко. Чувствовала, как взмокли лоб и виски! Противный таурон, вот за что мне такие мучения?! Верни хотя бы глаза!.. И рот тоже!

— Был рад познакомиться с вами, так сказать, вживую. — Отвесив легкий почтительный поклон, व्यунош хохотнул на последнем слове, сочтя его за остроумную и необидную шутку. — Если позволите, буду счастлив вновь навестить вас.

Провожали молодого мага всей нашей девичьей гурьбой. Рыжая скромничала и розовела щеками, подавая руку для поцелуя. Ведьма поматерински умилялась. Я — завидовала и тихо вздыхала, наслаждаясь трепетным восторгом во взгляде Страбора, обращенном к Верине.

— Пр-роваливай уже! — рывкнуло у нас за спинами, и все, как один, возвели глаза к потолку от такой прямолинейной бесцеремонности пернатого. Девчонка же от стыда за питомца лицом напоминала полыхающий кумач.

Грун распахнул дверь на улицу, а там... Не может быть! Цыганский табор?!

Шумная, пестрая, энергично жестикулирующая, детьми маленькими пищащая толпа человек в пятнадцать собралась перед входом в лавку Аррии Флайт, перегородив собою добрую часть дороги. И все как один беловолосые! Что не мешало им поразительно смахивать на чернявых земных ромалэ.

Как по команде галдеж прекратился, и взоры собравшихся устремились на молодого мага.

— Это, кажется, к вам, — повернул голову тот и кинул нам через плечо, — я предупреждал.

— Хей, парень, мы хотим видеть госпожу молодую! — Вперёд вышла шикарная блондинка с огромным бюстом под красной блузой и в длинной пышной цветастой юбке в несколько ярусов.

— Меня что ли? — пискнула я испуганно, стоя за спинами знахарки и рыжей.

Страбор сделал шаг в сторону, открывая расписной компании обзор на три — ни дать ни взять — грации.

— Что вы, уважаемые, хотели? — деловито поинтересовалась Тельма у народа.

Дама с пятым размером — не меньше! — обернувшись, обвела взглядом своих сородичей и, заглушив тихий ропот небрежным взмахом руки, впилась темными как ночь глазами в баронессу.

— Ты, шувани*, никак мать её будешь? Не бойся за дочь свою — мы пришли благодарить за сына.

Вслед за этими словами кто-то протянул ей босоногого малыша. Остальные одобрительно закивали, шушукаясь и переглядываясь.

— Аннушка, не след отказывать этим людям в их сердечном порыве. Выйди сюда, милая.

Пришлось покинуть спасительный дверной проем, сделав несколько робких шагов вперед.

— Вай-я-я... — сокрушенно протянула женщина, качая головой. — Сильно лицо разбила? Яв дарИк, гожо, яв дарИк*, — поманила она меня к себе, причитая.

Я медленно подошла, испытывая на себе пристальный и сочувствующий взгляд сомкнувшихся вокруг нас родичей спасенного мною пацаненка. Вполне себе здоровенького, слегка упитанного и румяного.

— Сыр тут кхарэн? Как тебя зовут? — спросила блондинка,

пытаюсь всмотреться в мое лицо через густую вуаль.

— Анна, — ответила просто и, чтобы скрыть нервозность от такого внимания масс к своей персоне, протянула руки к мальчику.

— ТУтэ гОжо лаф*! — прицокнула одобрительно языком «цыганка», передавая мне дитя, и «ромалы» согласно загудели. — Как ты себя чувствуешь?

— Мэ шукАр*... Ой! — Захлопала глазами, не понимая, как так вышло, что я заговорила на их языке. Это ж тогда обережек мне всандалил так по мозгам, что я теперь полиглот?

Люди восхищенно заулюлюкали, закудахтали, выказывая восторг. Потянулись ко мне. Каждый посчитал за честь коснуться правого плеча молодой госпожи хоть кончиками пальцев. Малыш весело рассмеялся, запрыгал на сгибе моего локтя, поддавшись общему настрою, и чуть не сдернул вуальку. Успела в последний момент отклонить голову назад и в сторону. Тут же крепкие мужские руки подхватили мелкого разбойника и усадили на чей-то загривок.

— Хей, Кара! — неожиданно заорала у меня над ухом предводительница этого славного народца, подзывая кого-то. — Кара, ту чи дыкхЭс ада?*

Расталкивая локтями соплеменников, к нам пробралась старуха с прямыми седыми патлами до пояса. Глянув на меня снизу вверх, крикнула многозначительно, причмокнула губами, кивнула:

— Мэ дыкхАв*.

— Что, что вы увидели! — взволнованно потребовала я, стараясь перекричать разошедшихся в веселье людей вокруг.

— Под счастливой звездой ты родилась, пришла, — доверительно начала гадалка, сжав мою ладонь в своей и не отводя колдовского взгляда от моего лица. — Этот мир станет твоим домом. Дорожи другом, что привел тебя сюда, и доверься ему, когда будет совсем плохо. Вижу: любовь большая уже стоит у тебя за спиной. Прощай!

Табор уходил по дороге шумно, с песнями, приплясывая. Шутя, толкаясь и смеясь. Обнимая крепко своих спутниц за талию и пугая прохожих горожан лихим свистом. Оставив на пороге лавки госпожи Аррии три большие корзины, наполненные мехами, фруктами и вином.

«Любовь большая уже стоит у тебя за спиной... за спиной...» — звучали в голове последние слова беловолосой женщины.

Оглянулась и замерла от неожиданности.

Рихард Моран и Леонард Карре в расслабленных позах, держа под уздцы лошадей, наблюдали со стороны за моим маленьким триумфом. И глядя на них...

*Виконт тепло мне улыбался, а граф,
Сурово сдвинув брови,
Придать лицу старался больше
Сердитых красок, недовольства.
Никак опять с утра изжога!
И Анька здесь не виновата!**

** Шувани (цыг.) — ведьма*

** Яв дарИк, гожо, яв дарИк (цыг.) — Иди сюда, красавица, иди сюда.*

** ТУтэ гОжо лаф (цыг.) — У тебя красивое имя.*

** Мэ шукАр (цыг.) — Я в порядке.*

** Кара, ту чи дыкхЭс ада? (цыг.) — Кара, ты тоже видишь это?*

** Мэ дыкхАв (цыг.) — Я вижу.*

** Возникший спонтанно стих в голове героини. Бывает.*

Глава 4

— Если вы заметили, я от опасностей иногда ухожу,
но никогда не убегаю.

(х/ф «Приключения принца Флоризеля»)

— Нонтер — это маленький городок в часе ходьбы от нашей усадьбы. Сады, виноградники на холмах, река, небольшой дом. Два этажа. Моя личная резиденция. Парк. Тоже маленький, но очень уютный. Я там почти не бываю. Требуется, конечно, небольшой ремонт фасада и насаждения давно не видели ножниц садовника, но это поправимо. Анна, не отказывайтесь.

Да я, собственно, и не отказывалась. И как выяснилось, тетушка тоже не возражала, получив более чем заманчивое предложение от виконта не далее как вчера, но окончательное «согласны» и прочие детали оставила на мое усмотрение.

Расположенная в глубине домов на уровне второго этажа открытая веранда таверны, укрытая от яркого солнца и любопытных глаз вьющимся растением, похожим на клематис, усыпанным голубыми цветами, приютила трех посетителей для разговора.

Верина и Тельма остались на пороге лавки Аррии, с удивлением взирая на дары «цыган» у своих ног. Подоспевшая госпожа Флайт не сумела вымолвить ничего вразумительного и замерла в двух шагах от своей мастерской.

Грун Страбор пребывал в замешательстве: на его глазах виконт Карре возмутительно шустро подхватил под локоток растерявшуюся бессу Ньер и уволок ту вверх по улице в сопровождении его сиятельства, оставив в руках молодого мага повод от двух жеребцов.

Сидеть под откровенно насмешливым взглядом молчаливого Морана было неудобно. Вино, пирожное и чашка с напитком, напоминающим по цвету и запаху малиновый морс, — все стояло передо мной нетронутым на маленьком круглом столике. От волнения руки скручивали из тряпичной салфетки некое подобие лилии. Распускали и вновь пытались изобразить что-то похожее на голову

зайца с длинными ушками.

Рихард, не выказывая открытого любопытства, то и дело поглядывал на мои действия и по результату только коротко вскидывал бровь, пряча остальные эмоции за бокалом с хмельной темно-вишнёвой жидкостью. Наблюдал и внимал. И ужасно этим раздражал! Уж лучше бы язвил в своей манере. Отрешиться от присутствия сидящего справа мужчины не виделось возможным, когда его особая аура окутывает и пленит, будоражит и притягивает своей энергетикой. И оттого все твои движения становятся резкими и неуклюжими. И пить хочется ужасно... полцарства за стакан простой холодной воды!

— Госпожа Тельма не выказала явного нежелания переехать и... Вам ведь пока действительно некуда идти. Я ведь со всем пониманием и от чистого сердца! — отвлек меня от личных дум виконт, вернув к теме нашей беседы.

— Ну хорошо, а как вы объясните своему батюшке сей факт проживания неизвестных дам в своем доме, Леонард?

— Графу нет дела... — начал было его милость.

— Граф будет не против, если в городке появится хорошая травница и ведьма, — неожиданно перебил брата Рихард.

— Совершенно верно! — обрадовался такой поддержке Карре. — Вам там обязательно понравится!

— Да я и не сомневаюсь ... — протянула задумчиво. Оставался главный вопрос, который тормозил безоговорочную капитуляцию: это будет считаться арендой дома или нас берут на содержание? Второй вариант мне особенно не нравился. И опять же... Нам бы с ведьмой в нашем положении куда подальше схвататься, в какой-нибудь глуши, где меньше людей.

— Ну так завтра же и отправляемся!

— Завтра? — Я растерялась от такой оперативности.

— Вас что-то здесь держит?

— Нет, но...

Меня не покидали неуверенность и беспокойство. Трудно сказать, что это было, но подсознательно я была против заселения в дом Леонарда. Вот нутром чувствовала, что это плохая идея. А как сказать об этом мужчине, как объяснить, я не знала.

Машинально приложила ладонь к груди, будто ища поддержку у оберега, и разочарованно выдохнула: вещь осталась в лавке Аррии.

Поймала на себе внимательный взгляд Морана и отдернула руку.

— Я думаю, дамам будет лучше поселиться в моих родовых Бережинах, — неожиданно предложил Рихард. Мы с Лео на пару в изумлении уставились на его сиятельство. — Имение маленькое. Двухэтажный дом, старый, но надежной постройки, пруд, сад. Сейчас там проживают только кухарка и дворецкий — семейная пара. Рядом небольшая деревня. Лес — мои охотничьи угодья.

— Но это же от Виннета верхом три часа! — возмутился Карре-младший и одарил родственника свирепым взглядом.

А меня затопило такой волной облегчения, словно неотвратимая беда мимо прошла. Даже дышать легче стало.

— Вы знаете... Мы с тетушкой, пожалуй, примем ваше предложение, граф.

Моран самодовольно усмехнулся, будто говоря: «Кто бы сомневался!»

— Что ж, ваш выбор. Не смею настаивать, — огорченно произнес Лео.

Внезапно подскочил с места. Успела поймать его руку и сжать в успокаивающем жесте. Он криво улыбнулся, перехватил мою ладонь и поцеловал пальчики. Потом как-то потерянно заозирался, будто высматривая что-то, и рассеянно пробормотал:

— Прошу меня простить, я мигом!

Не успела моргнуть, как мужчина сбежал от нас, буквально скатившись с лестницы во дворик, и исчез за углом дома. За столом воцарилось неловкое молчание. Отвернувшись от соседа, увлеченно рассматривая листья местного аналога клематиса. Очень интересная дланевидная форма с девятью жилками на каждой лопасти. И цвет насыщенный зелёный, почти изумрудный... Киса Воробьянинов уже нашелся бы с темой для поддержания беседы. Его незабвенное «Какие погоды нынче стоят чудесные!..» так и пыталось сорваться с языка.

— Мой кузен вам очень нравится?

Вопрос был настолько неожиданным, что я растерялась. Молчала и хлопала ресницами.

— Нравится, — ответила наконец, не таясь, глядя ему в лицо. — На каких условиях вы пускаете нас в свой дом? Хотелось бы заранее обговорить этот вопрос. — Перевела скользкую тему на насущное.

Моран будто и не слышал меня. Сидел, разглядывал открыто.

Правый глаз слегка щурил, о чем-то размышляя.

— Поужинаете со мной? — сказал он и улыбнулся.

— Как?.. — Вот когда вот так огорошивают, мысли все становятся какими-то контуженными. И человек под стать им перевоплощается в тупицу.

— Могу я пригласить вас на ужин? — повторил, но от этого легче не стало.

В голову ничего умнее «Зачем?» не приходило. Делая вид, что раздумываю над предложением, подняла чашку с остывшим малиновым «компотом» и, слегка отведя вуальку от нижней части лица, поднесла к губам. Вкусно! Пару глотков хватило, чтобы собраться и решиться.

— Можете. Когда и где?

— Я заеду за вами.

Не свидание, нет. Я не обольщалась. Двигал мужчиной интерес другого характера. И если честно, эта опека младшего великовозрастного брата начала изрядно раздражать. Или я ошибаюсь? Сердечко-то трепыхнуться успело. Наивное. Будет вечер — будет видно, что он с собой принесет. Очередное разочарование, обиду или надежду. Тьфу ты! О чем я?! Безродная, нищая, бездомная, раскрашенная девица из другого мира! Но отказываться не стоит. Дом с мезонином в какой-то глуши нам с ведьмой был бы на первое время очень хорошим укрытием от дождя, ветра, любопытных глаз и мага с тростью.

Леонард примчался — уж и забыла о нём! — с огромной охапкой цветов. Вбежал по лестнице, глаза горят азартом — никак палисадник чей-то оборвал? — в лице решимость, руки подрагивают. То ли от волнения, то ли от возбуждения после быстрого... побега от хозяев клумбы. Протянул мне букет совершенно не галантно, буквально всучил и только тогда глубоко пару раз вздохнул-выдохнул.

— Красота какая! — искренне восхитилась я и, отринув политесы, выпалила: — Спасибо, Лео!

Розовые, желтые, белые, бордовые! Колокольчики и розы, купальница и герберы вперемешку! Точно дергал всё без разбору, что успел!

— Предлагаю прогуляться, — вымолвил рвано, нервно косясь в сторону двора.

— Забыл заплатить цветочнице? — съязвил Рихард и тоже

обернулся: со стороны улицы приближался шум и возмущенные крики людей. Да что там — целой толпы!

— Уходим отсюда. Быстро, быстро... — уже шипел виконт.

Меня подхватили под руку и потащили в сторону неприметной двери, из которой иногда выходили подавальщицы, обслуживая посетителей на веранде.

Моран нехотя поднялся, бросил на столик несколько монет и с видом, будто делает брату одолжение, последовал за нами. Оставалось открыть дверь в подсобку, как на площадку перед заведением выскочил из-за угла человек и, указывая на нас пальцем, заорал через плечо:

— Он здесь! Сюда! Уходит!!!

Первым, чрезвычайно удивив, ускорил шаг граф, неожиданно схватив меня за руку. Его брат, не ожидавший такой прыти от родственника, на мгновение опешил.

— Держи их! — ударило в спину обещанием расправы.

И мы побежали. Еще как побежали!

Слыша за собой трель свистка и топот множества ног, поддавшись бесшабашности, забыв о титулах, возрасте и приличиях. Смеясь и теряя выбившиеся из букета цветочки. По подворотням и закоулкам. Пересекая трущобы и продираясь сквозь какие-то складские помещения. Петляя, как зайцы, и натываясь на прохожих. Снося со своего пути корзины, деревянные тачки и одну будку. Прибавив ходу, улепетывали от обиженной и злой собаки. Кто-то из нас даже верещал, уворачиваясь от клацающих в опасной близости от мягкого места зубов дворняги. И было ужасно волнующе ощущать тепло ладони его сиятельства, что мягко, но крепко сжимала мою, не выпуская из захвата ни на секунду!

Очень скоро замелькали надгробные памятники и могильные плиты. Погоня осталась где-то позади. Свист и вопли особенно упертых преследователей пронесли мимо кованой ограды городского кладбища вниз по улице. Чей-то склеп радушно раскрыл железные двери в свое унылое нутро.

Мрачное полутемное помещение. Затхлость и запах сырости и прелой листвы вперемешку ударили в нос. Три лавки и каменный саркофаг с ввинченной в изголовье высокой вазой, тоже из камня, с вставленным в неё пучком сухих останков некогда красивого букета. Крохотное витражное оконце. Сквозь выбитую стекляшку в мозаике

поверх наших голов бил тонкий луч света, в котором плавали потревоженные пылинки.

Мне было хуже всех: колени тряслись и подгибались, в горле пересохло, в боку кололо, сердце заходило в лихорадочном темпе.

— Я был прав, и ты ограбил цветочницу? — спросил Моран кузена, тяжело дыша и плюхаясь на скамью. Остальные последовали его примеру.

— Хуже. Святого Симона... — У Леонарда получилось усмехнуться в ответ.

— О боги, среди бела дня проредить клумбу у памятника самому покровителю купцов?! И кто! Виконт, наследник графа Карре! Что подумают о вас люди, милорд?..

— Меня не узнали, — отмахнулся мужчина и принялся деловито наводить порядок в своей одежде, — иначе бы не погнались.

— ...Что о вас подумает бесса Анна! — Вспомнили обо мне.

— Госпожа, вам понравился мой подарок? Скажите правду, — включил обаяние аристократ-разбойник.

— Очень понравился, — не покривила я душой, пытаюсь привести в божеский вид прическу. — А вообще ситуация бредовая, господа: приличные люди, сливки общества, можно сказать, драпали от стражей, как пацанва, попавшаяся на краже яблок в саду у соседа! Но, — хихикнула, вспомнив сумасшедший кросс, — честное слово, это было здорово! Такой адреналин!

— Я рад! — Довольный виконт расплылся в улыбке и подскочил с места. — Пойду разведу обстановку.

Просканировал через узкую щель окрестности и только потом протиснулся бочком, тихо притворяя за собой дверь.

— Черт, — тихо ругнулась, начиная психовать от очередной неудачной попытки распутать безобразие на голове.

О своем внешнем виде страшно было думать. Подолом платья, казалось, собрала весь городской мусор. В волосах не хватало шпилек. Вуалька вообще перекосилась куда-то набок, открыв половину лица. Чем больше глаза привыкали к полумраку усыпальницы, тем ниже я опускала это самое лицо в тень, чувствуя на себе пристальный взгляд Рихарда. Пальцы, лихорадочно пытаюсь вернуть на место ажурный аксессуар, дрожали и путались в прядях, выискивая затерянную в шевелюре галантерейную мелочь.

Моран навис надо мной так неожиданно, что невольно дернулась, окончательно сорвав свой покров. Руки безвольно опустились. Чего уж теперь.

— Давайте я помогу.

Медленно подняла голову плотно сомкнув веки.

Рихард мягко и настойчиво вынул из зажатых пальчиков мою личную паранджу.

— Кто такой чёрт?

Замялась на мгновение.

— Там, где я жила так называли нечисть с рогами, копытами и хвостом. Озорную, игривую и... похотливую. — Улыбнулась, вспомнив свиное рыльце персонажа «Вечеров на хуторе...».

— Это преступление, скрывать за куском ткани такую красивую улыбку и глаза. Что вы прячете в них, Анна? — тихо спросил Моран, и я почувствовала, как моего лица коснулось теплое легкое дуновение, отдающее винным ароматом.

— Тайну, — вымолвила сквозь приоткрытые губы.

— Я хочу её разгадать, — прошептал в них мужчина.

Так близко, что, качни я слегка головой, и наши уста соединятся. Ресницы мои невольно затрепетали, в груди все так и обмерло. Нет, не от близости его сиятельства, а оттого, что я почувствовала на своей ноге. Легкое, живое и шевелящееся!

— Попробуйте, — сдавленно прошелестела едва слышно, ощущая, как паника накрывает меня. Крыса?!

— Начнём с поцелуя? — Разобрала еле различимый обжигающий выдох.

— Я боюсь... — пискнула сдавленно, теряя выдержку.

— Я буду нежен...

И нервы мои сдали.

— Да как угодно! — взывала сопрано. — Только уберите это! — Резко и высоко взмахнула ногой в попытке сбросить с себя грызуна.

— Дамы и господа, прошу на выход — путь сво...

Договорить Лео не дала картина, представшая ему в склепе.

Бесса Анна, стоя вполоборота к нему на каменной скамье и прижав руки к лицу, тихо попискивала, косясь под ноги скрюченному кузену, накрывшему ладонями свой пах. Меж сухой листвы и прочего мусора, едва дыша, лежала обморочная серая тварюшка.

— ...боден, — закончил виконт и заржал: — Я, брат, от её руки получил удар — звезды летели из глаз, а ты... кхм, в общем, сочувствую.

— Мое предложение остается в силе, госпожа Ньер. Ждите вечером, — ледяным тоном бросил разогнувшийся граф и, сверкнув глазами на Карре, вышел не прощаясь.

— Что между вами случилось? — растерянно спросил его милость, глядя вслед высокой фигуре кузена, быстро удаляющейся вдоль белых памятников.

Пока Лео стоял ко мне спиной, шустренько спустилась с лавки, подобрала вуальку с пола и, кое-как прикрепила её оставшимися шпильками к волосам, вернее к тому бардаку, что был у меня на голове.

— Мышь случилась.

Изрядно потрепанный букет сменил сухие цветы в каменной вазе на саркофаге.

Глава 5

— *Страх мы получим на завтрак,
а на обед — неописуемый ужас!*
(х/ф «Почти герои»)

— Голуба, откуда ты такая? — обомлела «тетушка», увидев свою лохматую «племянницу» на пороге лавки.

— По городу погуляли с господами хорошими, заглянули на кладбище... В общем, день удался, — ответила устало. — Посторонних нет?

— Нет, — успокоила ведьма. — Аррия с Вериной работают в мастерской. Перри там же, дает им советы.

— А меня граф Моран пригласил сегодня отужинать с ним, — сообщила и опустилась в кресло, расслабляясь и снимая с себя надоевшую вуальку.

— Отказала?

— Согласилась, — вздохнула обреченно, — что поделаешь, коль мозгов нет. Может, сказаться больной?

— Напиши записку, отправим с посыльным. — Старушка пожала плечами. — Хотя что-то мне подсказывает, не поможет тебе такая уловка. Примчатся оба справиться о здоровье.

— Что мне делать, Тельма? Виконт со своей гиперопекой, сиятельный с... нестерпимым желанием узнать тайну бессы Анны. После сегодняшнего происшествия в склепе ему его мужское эго не позволит сдать бастионы, а посему потребует реванша.

— А что случилось в склепе?

— Мышей гоняла. Есть жертвы. Обыкновенная земмифобия была причиной ушиба детородного органа высокого аристократа.

— Опять кучу слов непонятных наговорила.

— Сколько у вас дают за причинение вреда здоровью важного сеньора и принимают ли во внимание смягчающие обстоятельства? — продолжала самозабвенно сокрушаться. — В тюрьму очень не хочется.

— Поднимайся и иди приводи себя в порядок! — проворчала знахарка, покидая торговый зал, устав слушать вздор из уст

племянницы.

Я страдальчески заныла, откинув голову на спинку кресла.

— Господам в нашем положении не отказывают, милая, — поучительно начала баронесса, — уж удовлетвори каприз соколика, все ж не простой человек. Вот обустроимся на новом месте, они и успокоятся.

— Ты думаешь? — с сомнением хмыкнула. — И кстати, мы едем в Бежи... Берид... черт, как его... Бережины, о! Родовое имение графа Морана. В трех часах от Виннета. Его сиятельство сам предложил. Тихое, малонаселенное место. Рядом лес... Тебе же нужен лес?

— С чего такое решение? — удивилась ведьма. — Нонтер — милый городок, я там бывала.

— Не знаю, Тельма, предчувствие какое-то нехорошее у меня возникло, стоило только подумать о соседстве с усадьбой Карре.

— Внутреннему голосу надо доверять. — Бабулька согласно кивнула. — Может, оно и к лучшему. Раз так — пошла паковать вещи. Свои сама соберешь. Разжилась, смотрю, добром — коробка не хватит. Надеюсь, Рёдер нам повозку предоставит. А пусть только попробует не дать... ведьма я или нет!

Улыбнулась на брюзжание знахарки.

— Чего расселась, спрашиваю? Там твой таурон такое представление устроил, что Верине пришлось убрать его в хозяйский нестораемый шкаф! Иди успокаивай!

— Что ж ты сразу не сказала?! — Подорвалась с места.

— А чего зря панику разводить? Мигает и мигает, никому не мешает!

— Добрый день, леди... — Распахнула без стука комнату для творчества. Улыбнувшись, кивнула Аррии, сидящей за столом с гипсовой маской в руках, — не виделись с утра, — и джентльмены!

Перри в клетке встрепенулся радостно.

Рыжая, стоя у стены-палитры с кистью в руке, обернулась на голос.

— Ну наконец-то! Госпожа Анна, ваш оберег такое вытворял, такое! Проявился и как начал мигать! То пропадет, то появится!

— Открывай потихоньку, — перебила её, кивнув на местный аналог сейфа. Щёлкнул затвор.

— Что это с ним? — прошептала помощница.

Ах, если бы я знала! Присутствующие собрались у железного ящика, заглядывая внутрь.

— Будто сигнал подает, — заворожено прокомментировала мягкую пульсацию таурона девчонка.

— О чем? — забеспокоилась Флайт. — Кому?

Подоспевшая ведьма многозначительно хмыкнула:

— Придумаете тоже, наверняка он хозяйку зовет.

Немного сомневаясь в последнем предположении, коснулась артефакта. Теплый. Осторожно подняв за шнурок на уровень глаз, залюбовалась загадочным поведением «дружочка». Качнула. Влево-вправо, влево-вправо... маятником... вспыхнул-исчез... вспыхнул-исчез... Взгляд расфокусировался, улетел куда-то далеко вперед. Очертания ярких панелей комнаты вдруг сделались смазанными, будто растворяясь в тумане, и вместо них...

...Пустое помещение, каменные стены. Тусклый свет с улицы пробивается в маленькое зарешеченное окошко под потолком. Сквозь ржавые прутья просматриваются кроны деревьев и немного серого неба. Низкого, предгрозового. Сильный с порывами ветер гнет ветки, трепещет листва. Шумно, тревожно. Сыро и холодно. Оголенные плечи зябнут, но руками их не согреть, не обнять себя. На запястьях железные оковы. Режут краями кожу до крови. Жалобно звякает цепь, стоит только пошевелить ногами... в колодках.

Хочется спать. Смертельно хочется спать. Мозг уже перестал реагировать на стрекот сверчка в углу, на голодные спазмы желудка, на жажду, на боль... только холод, продирающий до костей, не дает впасть в беспамятство. И еще страх. Панический, дикий. Затаившийся в душе огромной кошмарной змеей. Зубы уже отстучали свое. Опухший язык, попавший под их неистовый степ, ищет последние крохи влаги во рту. Напрасно. Ведро с водой, такой чистой, манящей, в трех шагах. Не дотянуться.

Острый наконечник трости касается моего подбородка, надавливает требовательно, заставляет поднять голову. От укола в шею рефлекторно дергаюсь назад. Бьюсь затылком о камень и часто моргаю — пряди волос, упавшие на лицо, цепляются за ресницы, мешают открыто смотреть на человека, сидящего на стуле напротив меня. Расслабленно, нога на ногу. Не молод и не стар. Седина на висках. Худое лицо с орлиным носом. Слишком большим для маленьких серо-

голубых, каких-то водянистых и близко посаженных глаз.

— Хочешь вернуться домой? — От этого голоса, спокойного, ласкового начинает мелко трясти.

Сознание цепляется только за одно слово в предложении. Домой. В тепло, уют. Где ждут и любят.

Сиплю невнятные ругательства в его адрес. Хватает дерзости, в моем-то положении! Потуги пленницы бессмысленны: этот человек не желает слушать «бред строптивой девки». Ему нужен ответ. Конкретный.

— Скажи, где ты его спрятала, и мы отправим тебя туда, куда ты пожелаешь.

Нет, не отправит! Это знаю я, это знает он. Тогда зачем нести эту сладкую чушь? Соблазнять?

Чудовище не злится, нет. Приходит каждый день, в одно и то же время и все повторяется: садится на стул и учиняет допрос, не меняя добродушного тона...Сколько? Счет потерян после второй недели. Смысл считать, когда итог один. Я просто жду, когда он перестанет быть участливым извергом... Я жду конца.

— Я его потеряла... — Мой тихий голос жалок.

— Это я уже слышал. — Его, напротив, теперь холоден и властен.

Все верно, каждый день ответ один и тот же. Но почему-то мне не верят!

— Пожалуйста... — Начинаю плакать, потому что это невыносимо! Так не должно быть! Не со мной! — Отпустите меня, я говорю правду!

Он молча поднимается со стула и идет на выход. Его путь лежит мимо ведра. Сквозь слезы наблюдаю, как чудовище не останавливаясь делает резкое движение ногой, и емкость заваливается набок, выплескивая воду на каменный пол. Большая лужа разливается, достигая меня. Одновременно с грохотом засова бухаюсь на живот и припадаю губами к мокрой поверхности. Слизываю, всасываю в себя живительную влагу...

Шлеп!!!

Резкий звук возвращает меня в действительность. Моргнула. Состояние такое, будто резко проснулась. Тельма стоит напротив. Прямо перед моим носом сцепленные ладони после громкого хлопка,

вырвавшего меня из странного видения. Голова слегка кружится. Накатывает тошнота. Растерянно оглядываюсь. На лицах женщин выражение тревоги и беспокойства. Прекрасно понимаю, что произошло, а потому сдавленно спрашиваю:

— Долго меня не было? — Повела рукой в поисках опоры.

— О, недолго, милая, Перри успел сказать «Заморозили, злодеи!», — вздыхает с облегчением ведьма, усаживая меня на стул. — Стояла живая, на таурон глядела и вдруг будто в камень обратилась. Не сразу и поняла, что что-то не так с тобой. Птицу благодарю.

— Не думала, что подвержена гипнозу.

Досадливо покачала головой. Странному гипнозу, к слову сказать. Обычно субъект ничего не помнит, выходя из него, а я помню. Все, вплоть до мельчайших подробностей.

— Надо же, как обозвала! У нас говорят: душа ушла на время.

— Ой, девочки, мне вам такое рассказать надо! — выдавила я вымученно, потирая пальцами слегка пульсирующие виски. — Объявляю общий сбор на кухне за чашечкой са... госпожа Аррия, а у вас кроме этого, безусловно, замечательного напитка есть что-нибудь другое?

— А как же. Верина, детка, у нас остался танат? Уважаемый Бай привозил из Эмера, помнишь? Завари бессе Анне.

— И вы его будете пить? — искренне удивилась рыжая, уставившись на меня. — Он же невкусный, трава травой!

— Я рискну, — заявила, вешая подарок старика на шею. — Подождите... — ошеломленно протянула и, не доверяя своему зрению, повернулась к присутствующим, — оберег же стал видимым! А... я? — Мой взгляд в надежде метался от одной женщины к другой. Хозяйка лавки улыбнулась мягко и грустно. Девчонка неуверенно пожала плечами и скрылась за дверью в коридор. Тельма молча погладила меня по плечу.

— Увы, голуба моя, он... — кивнула на волшебную вещицу, — знает, что делает. — И уже в сторону тихо: — Надеюсь.

— Господи, да это же обычный чай! Счастье-то какое! — простила я.

Прижав к груди мешочек с высушенными листьями растения рода Камелия, вдыхала полной грудью аромат, исходящий от горячей

жидкости в чашке и распространяемый по всему помещению. Сероглазая покосилась на меня недоверчиво, поморщив носик.

— Что бы ты понимала в колбасных обрезках! — Простила я ей её дремучесть и непонимание по-настоящему вкусных и полезных вещей.

— Детонька, рассказывай уже! — нетерпеливо прервала меня знахарка, напоминая о цели нашего собрания и спуская меня с небес на землю.

Вмиг помрачнев, вернулась мысленно к видению. Со всеми подробностями, в красках и деталях изложила сцену с моим участием в страшном подвале.

— Трость у него и правда красивая, тетушка, — подвела итог рассказу и в сотый, кажется, раз задала ей вопрос: — Что же мне делать, Тельма? Отдать его сейчас истинному владельцу, значит остаться до самой смерти безглазой, безротой. Всю жизнь скрывать от людей лицо. Не отдавать... Куда бежать? На край света? К воргулам в Шудар? На Дикий континент?

Ведьма пребывала в глубокой задумчивости. Остальные подавленно молчали.

Звон колокольчика над входной дверью заставил всех дружно встрепенуться. Бросила взгляд в окно. Вечерние сумерки накрыли город. Засиделись, позабыв о времени.

— Граф Моран, наверное, пожаловал, — убито проговорила. Было уже все равно: кто пришел, зачем, к кому...

Такая дикая тоска и опустошенность навалились! Ни говорить, ни двигаться, ни думать не хотелось.

Верина кинулась открывать. Вернулась, объявляя:

— Его сиятельство ожидает госпожу Ньер. Справился, готова ли?

Прикрыла на мгновение веки.

Решайся уже на что-нибудь, Аннушка. Это твоя жизнь. Есть надежда, что граф все поймет, войдет в твое положение. Он показался неглупым человеком. Добросердечным и порядочным... Боже мой, как же страшно!

Вышла в зал, глядя себе под ноги.

— Добрый вечер.

Красивый молодой мужчина отошел, разворачиваясь от стеллажа с коллекцией художественных вещей. Сделал два шага мне навстречу.

Замер.

— Бесса Анна, вы не готовы? — В его голосе сквозило недоумение. Конечно: ни прически, ни соответствующего для выхода в свет наряда.

— Нет, — тихо прозвучал ответ. Глубокий вдох и... — Вам знакома эта вещь? — Потянула из-за ворота платья кругляш и опустила его на грудь, поднимая лицо к собеседнику.

Он не смотрел мне в глаза, его взгляд, шокированный недоуменный приковал таурон.

— Отку... кхм, откуда он у вас? — хрипит, дрожит голос Рихарда.

— Это целая история.

Подошла к мужчине.

Его рука невольно тянется к оберегу. Потрогать, ощутить, развеять сомнения, что видит именно то, что видит.

Гулко сглотнула. Губы пересохли от волнения.

— Вы хотели знать, что я скрываю в своих глазах... — начала медленно, но возникший ком в горле не дал договорить.

Широко открытыми пустыми глазницами встретила его непонимающий взор. Миг осознания длился, кажется, вечность.

Он шарахнулся от меня, будто был отброшен неведомой силой. Наткнувшись на столик, оступился и застыл в нелепой позе с выражением ужаса на лице.

Опустила ресницы и отвернулась. Да, это пугает, но не до такой же степени! Сердечко всхлипнуло и сжалось.

Шелест крыльев jako за спиной, его пронзительное: «Бздун нам не пара!» стало последней каплей.

Я мягко осела на пол, начав сотрясаться от беззвучного смеха.

Бейл Орест вдруг коршуном набросился на его сиятельство. Не ожидавший такого от мелкого безобидного питомца Моран совсем растерялся, вяло отмахиваясь от пернатого заступника. В какой-то момент его пальцы поймали шею Перри. Тот, сдавленный жесткой хваткой, повис с открытым клювом, продолжая отчаянно бить одним крылом и скребя по воздуху когтистыми лапками. Все это прошло фоном мимо меня, уже дико и безудержно хохотавшей, стоило только вспомнить перекошенную физиономию аристократа на перл jako минуту назад.

— Исп... исп... испугались, граф?! Муж... муж... мужчины, вашу мать! От... отпусти, дурак, пти... птицу — зад... задушишь!

Чьи-то теплые руки обняли меня со спины, бьющуюся в истерике, прижимая к своему телу. Смех без перехода сменило громкое и безутешное рыдание. В нем было все — и отчаяние, и обида, и страх, и страшное разочарование, и смертельная усталость.

— Оставьте нас, пожалуйста, милорд. — Голос Аррии был сух и непреклонен. Заслонив меня от ошарашенного Рихарда, добавила вполголоса: — Приходите утром, вы же видите: разговора не получится.

Сердце глупое вновь дернулось: «Сейчас отринет просьбу, подойдет, попытается объясниться...»

Звякнул колокольчик. Для меня прозвучавший гонгом. Слишком громко. Неотвратимо. Проведя жирную черту под наивными мечтами несчастной девы из другого мира.

Глава 6

— Пан атаман, кони стоят пьяные, хлопцы — запряжённые.
(х/ф «Свадьба в Малиновке»)

Я что-то ела? Не помню.

Принимала ванну? Вообще не про меня.

Кто-то что-то говорил? Утешал? Заверял? Не слушала, но прилежно кивала.

Теплым настоем из трав поили, но при этом не чувствовала ни запаха, ни вкуса.

А потом просто легла и отрешилась от всего. Впала в тягучий, беспросветный транс. Ни мыслей, ни желаний, ни эмоций.

— Может быть, дать ей пощечину? — Робкое предложение Верины даже не возмутило.

— Нюхательную соль можно попробовать. У меня осталась с лучших времен, надо поискать. — Аррия.

— Поспать ей надо. Жизнь перевернулась у девочки и понесла её без остановки по ухабам и ямам, — высказалась Тельма, кутая меня в одеяло. — Голуба, да закрывай же ты глазки наконец — нет ничего интересного на этом потолке. Сон лечит. Утро развеет горечь и печаль. Разгонит усталость и боль. Ты сильная, хорошая моя, ты справишься, — уговаривая, вещала «тетушка», поглаживая «племянницу» по руке.

С чем справлюсь? И зачем? Все пустое. Не хочу всю жизнь скрываться, шарахаться от людей. Избегать любого контакта. Не хочу!

Накрыло воспоминанием, отдаляя куда-то на периферию сознания тихие разговоры женщин у кровати.

Приглушенный свет от настенного бра освещает стол на кухне, за которым сидят двое за беседой. Кофейный аромат витает в воздухе, просачиваясь сквозь неплотно закрытые двери. Летит, достигая прихожей, где в полной темноте притаилась молодая девушка. Она подслушивает. Хмурит брови. Ей не нравится то, о чем говорят старые друзья этим поздним вечером.

— Алина, отказали в «Востоке», давай обратимся в «Капитал-

Банк»! У них и процент ниже и сроки приемлемые.

Женщина вздохнула тяжело. Звякнула ложечка о край чашки.

— Три миллиона, думаешь, хватит?

— Вполне. Чего ты боишься? Мы отобьем эти деньги за год!

— А кто выступит гарантом, Серёж?

— Я найду людей. Надежных.

— Мне нечего предъявить в качестве залога, кроме машины и квартиры. Если что-то пойдет не так... мы с дочерью останемся на улице.

— Глупости! Все будет в ажуре! Не дрейфь, подруга, надо же с чего-то начинать. Не век же тебе горбатиться на Кравцова! Ты — классный специалист. Место начальника планово-экономического отдела уже давно должно было быть твоим! А что вместо этого? Стул даже не главного бухгалтера, а его заместителя! Тебя, работника с десятилетним стажем на одном предприятии, беспардонно подвинули какие-то...

— Не трави душу...

Через неделю Векшина Алина Петровна взяла кредит в банке на сумму три миллиона рублей на ремонт и открытие маленького кафетерия. А еще через два дня совладелец, друг и директор так и не открытого предприятия общественного питания под названием «Корона» Сергей Ширяев исчез в неизвестном направлении вместе с деньгами.

Мама умерла у следователя в кабинете. «Скорая», как ни спешила, приехала слишком поздно. Сухие строки свидетельства о смерти гласили: инфаркт миокарда... Не выдержала переживаний от предательства.

А я... я тогда потеряла всякую веру в дружбу как таковую. Пример господина Ширяева наглядно показал, какой она может быть, эта дружба.

Отдалилась от подруг-приятелей. Замкнулась в себе. Боялась довериться и сама не доверяла никому. Стала тихой одиночкой — аутсайдером. Спустя время пробовала возобновить отношения с сокурсниками, но той былой открытости и простоты в общении уже было не вернуть. Так и проучилась оставшиеся два года в странной оторванности от коллектива. Меня не игнорировали, но и не спешили «делиться игрушками», как в детском саду. Не выказывали неприязни,

но и свою компанию больше не предлагали.

— Коляску подали! — возбужденный голос Верины ворвался в маленькое помещение кухни, где мы завтракали. Вяло подумалось: «Может, ошиблась в этом мужчине, и всё не так плохо?»

— Уже?! — то ли возмутилась, то ли восхитилась Тельма. — Мы же совсем не собраны!

— Что там собирать — два свертка? — мой ровный тон несколько обескуражил знахарку.

— Как же... Нет, то, что ты заговорила, это хорошо — отпустило, значит, немного. Но вот насчет свертка... Ай, сиди уж, пойду сама уложу вещи, — разозлилась вдруг ведьма, поднимаясь с места.

А мне действительно было все до фонаря. Прислали повозку — хорошо. Не прислали — ну и шут с ней. Как и со всей этой затеей переезда и пункта его назначения.

Утро принесло отнюдь не облегчение, а головную боль, чувство недосыпа и пугающее безразличие ко всему. Я ощущала себя замороженной пустотелой деревяшкой, пластиковым манекеном. Куда укажут, туда и сяду. Что дадут, то и надену. Что поставят передо мной, то и буду хлебать. В общем, апатия во всей её пугающей красе.

Не выдержав пустой взгляд гостыи в окно, Аррия ненадолго вышла из комнаты. Вернулась с саквояжем. Водрузила на стол передо мной, отвлекая от созерцания дома на другой стороне улицы.

— Анна, послушай меня внимательно. Здесь краска для лица. Не стойкая, магией не тронута. Подкрасить губы, румяна, легкая пудра. Крема для тела. Кисточки. Еще краска для волос. Хватит надолго... — Она запнулась, заметив, как на последних словах у меня невольно дрогнули губы в горькой усмешке. — Я очень надеюсь, что скоро все образуется, но... на всякий случай. Возникнет проблема, сразу же приезжай. Мой дом всегда открыт для вас с Тельмой. Бумаги, удостоверяющие личность Анны-Лаэты Ньер здесь же, в отдельном кармашке.

Я молча кивала, рассматривая блестящую застёжку на сумке.

В коридоре слышались шаги нескольких человек, снующих туда-сюда, и указания ведьмы, куда какую коробку ставить, какую выносить в первую очередь.

— Там цыгане корзину мехов оставили... — вспомнила я о дарах.

— Кто? — не поняла меня хозяйка лавки.

— Ну эти... табор белобрысых. Возьмите с Вериной какие понравятся. Зачем мне так много? А больше вас и отблагодарить-то нечем.

— Не возьму, сама оставишь ведь?

— Оставлю.

— Что ж, пойду на манто для девочки подберу шкурки. Счастья будет полные панталоны!

Я невольно улыбнулась: ну вот и земной фольклор прижился в другом мире.

И вот я стою с баронессой в окружении новых подруг перед выходом из сказочного мира масок Аррии Флайт. В дорожном костюме, кружевных перчатках в тон жакета, шляпке с маленькими полями, с которой свисала тонкая сетка в горошек, настолько частый, что у смотрящего на меня в упор невольно начинало рябить в глазах. Какое там что-то рассмотреть сквозь неё, не окосеть бы самому!

Тогда, в лавке близнецов Ронов, при выборе вуальки для моей конспирации мы с Вериной проказливо хихикали, когда у рыжей непроизвольно сошлись глаза на переносице.

Мне было по-домашнему хорошо, уютно и комфортно под одной крышей с замечательными хозяйками и большими мастерицами. Везением ли считать или невероятной удачей, что жизнь пока сталкивает меня с добрыми и открытыми людьми? Наверное, стоит поблагодарить местных богов, что оказались милостивыми к попаданке.

Прощание вышло недолгим, но очень трогательным. Девчонка не стеснясь хлюпала носом. Госпожа Флайт за последними наставлениями и строгими предостережениями скрывала волнение и печаль.

— А где Перри? — забеспокоилась я, заметив отсутствие пернатого.

— Я его видела в кухне, — протянула рыжая с сомнением и вышла из торгового зала.

Спустя время вернулась с пустой клеткой, пролепетав озадаченно: — Он дверцу сам открыл! Но... как?

— Сбежал, — безмятежно констатировала Аррия. — Воспользовался моментом, когда вещи выносили, паразит. О, не

волнуйтесь, вернется. Это не первый его побег. Дальше лавки торговца фруктами не улетит. Питомца хозяина давно не дразнил... У них есть кот разбойничьего вида, — пояснила она. — Они с первого знакомства в состоянии войны находятся.

— Жаль, — вздохнула огорченно, — уедем, не повидавшись напоследок. Вы уж его берегите. Он у вас уникальный!

Обняла хозяйку лавки, подхватила саквояж и, расцеловав конопатую в обе щеки, шагнула за порог, где нас ждал... лимузин этого времени — ландо! Большое, тяжелое, запряженное парой лошадей. Внешне оно напоминало карету. Два откидных верха смыкались посередине, превращая экипаж во всепогодное, закрытое от дождя и холода средство передвижения. Сзади коляски объемный горбок для багажа. Мягкие, из зеленого бархата сиденья и обивка салона, отделанные каретной стяжкой — капитоне. На дверце красовался герб, подозреваю, города Злавика: весы как символ торговли в кольце из колосьев пшеницы. Право слово, расщедрился бургомистр — такую «тачку» нам с баронессой подогнал!

На козлах два скучающих кучера. Значит ли это, что дорога дальняя? По моим подсчетам выходило полтора дня пути, не считая ночи, которую нам предстояло провести в каком-нибудь трактире. Оглянулась по сторонам: странно, что не подъехал Леонард, — про его брата думать вовсе не желала. Я была уверена, виконт будет сопровождать нас. Но, видимо, в планы вельмож не входило столь скорое возвращение домой. А как же проститься? Или они решили присоединиться к нам позже, по пути следования?

Находясь в некоторой растерянности, распахнула «врата» в этот передвижной образец провинциальной роскоши и шика на колесах и замерла в изумлении.

В нос ударило «ароматом» лука, рыбы и сивухи на уровне бренди — это первое, что поджидало меня внутри.

Далее, взгляд уперся в ноги, вытянутые поперек салона в пыльных сапогах.

И уж затем обескуражила сама, собственно, личность хозяина этих ног, что полулежал на одном из диванчиков, сложив на груди руки в замок и мирно посапывая в блаженном алкогольном покое.

— Здравствуйте, приехали! — вырвалось невольно.

— Какая прелесть! — восхитилась рядом подошедшая ведьма.

— Пресветлые боги! — громким шепотом изумилась Верина, просунув свой любопытный нос между нами.

— М-да, — многозначительно изрекла госпожа Флайт.

Он что, всю ноченьку пил-кутил? Мое признание так пробрало его? Сбило с ног?

— Поторопитесь, ваши милости, дорога дальняя, — осмелился нарушить наш ступор один из извозчиков.

— Господа хорошие, что ж вы барина... э-э, милорда не отвезли почивать в более удобное место? — возмутилась я для острстки.

— Не велено было беспокоить, — пробурчал мужик.

Со всеми осторожностями, дабы не задеть нижние конечности его сиятельства графа Морана, разместились с Тельмой на сиденье напротив.

Не успела захлопнуться за нами дверца, как кучер, басовито что-то рыкнув, щелкнул вожжами, и коляска тронулась с места, постепенно набирая скорость.

— Надо было откинуть верх, чтобы ветерком обдувало, иначе задохнемся, — поморщила я нос, устраивая саквояж на свободном пятачке у стенок.

— Тучи собираются, — бабулька покосилась на небо сквозь незанавешенный квадратный проем со своей стороны, — потерпим до выезда из города. Нехорошо, если люди увидят своего господина в таком виде. А там, если не будет дождя...

Вспомнив вдруг что-то, знахарка споренько полезла в свою новую кошелку. Тихо звякнули склянки. Перебрав, выудила пузырек из зеленого стекла, бросила деловито:

— Очнётся, надо заставить выпить — хмель как рукой снимет.

Голова Рихарда плавно покачивалась из стороны в сторону в такт мягкого хода повозки. Лицо расслаблено. Проступившая щетина, слегка небрежная, нисколько не портила его красивого лица, а наоборот, придавала некий шарм. Легкий беспорядок на голове. На устах играет слабая улыбка. Хорошо ему!

Чего ждать мне от его пробуждения? Прислушалась к себе. Но не уловила ни страха, ни волнения, ничего! Меня мое состояние полностью удовлетворило.

Звук подков и колес, эхом отражающийся от мостовой, неожиданно сделался более громким. Выглянула наружу. Мы двигались по кольцу

безлюдной площади, огибая серый памятник святому Симону. Трехэтажные здания своими красивыми фасадами прижимались к круглому каменному плацу, венчая важное место почитания покровителя торговли.

Свернули на прямую широкую улицу. Замелькали вывески с изображением поросячьих тушек и закрученных кренделей. Бочонки, висящие на цепях. Рогатые коровьи морды над перекрещенными топорами. Высокие пивные кружки с приподнятыми крышками. Все — настоящие произведения искусства кузнечных дел мастеров и чеканщиков!

В этом районе не в пример другим кварталам былолюдно. Многие передвигались с тележками, нагруженными товаром. Женщины с объемными корзинами и кошелками спешили наполнить их продуктами. Хлопали двери лавок, бряцали колокольчики. Звенели голоса. Утренняя тишина растворялась в шуме дня.

— Мне кажется, мы едем не по той дороге, — Тельма недоуменно нахмурилась, окидывая взглядом местность, — эта выходит к тракту на Ливику. Мы возвращаемся?

Я только пожала плечами, ровным счетом ничего не понимая. Как расценивать изменение маршрута? Нам отказали в проживании в Бережинах? Остается только ждать пробуждения аристократа, чтобы выяснить этот вопрос, или появление виконта. Ну где же он? Так искал меня, спешил, и вот те раз — в сопровождающих только пьянящий в дрова кузен.

Вскоре торговые кварталы закончились, и наше ландо выкатилось на грунтовую дорогу мимо деревянных построек. Через несколько минут начались поля и пролески. Повозка сбавила скорость и, съехав на обочину, остановилась.

— Не возьмете ли в попутчики? — улыбающееся лицо Карре-младшего появилось в оконце так неожиданно, что мы с ведьмой дружно шарахнулись от двери в сторону.

— Лео!

И тут откуда-то сверху, с крыши, очень знакомо чирикнуло:

— Пр-риплыли! Прими швартовы, кнехты* вам в глотку!

— Перри! — ахнули мы с «тетушкой» в унисон.

**Кнехты — (голланд.) (мор.) Приспособление в виде тумб на палубе судна или на пристани для закрепления канатов и укрепления снастей.*

Глава 7

— *Лучше бы ты пришёл трезвый и с деньгами,
чем пьяный и с цветами.*
(х/ф «Мамы»)

Беглеца ловили, а тот порхал, удирая от людей, вокруг ландо. И мое плохое настроение испарилось без следа, пока я наблюдала, как аристократ с помощью кучеров пытается загнать в «угол» летуна. Бейл Орест, не будучи дураком, разгадал план двуногих, совершил обманный маневр и вспорхнул на ветку ближайшего дерева.

К попыткам образумить попугая подключилась Тельма, ласково уговаривая его спуститься, в то время как я соблазняла яблоком. Леонард же угрожал оставить его без перьев или подарить первому встречному, коли таковой везунчик найдется. Он славно врал! Со словами «позволь на минуточку» отобрал у меня фрукт, сжевал его, задумчиво поглядывая на беглеца, а потом, не особо прицеливаясь, запулил в того огрызком. Снаряд пролетел мимо, но не остался незамеченным: упрямый птиц, несколько не впечатленный страшными карами, обрушил на голову милорда «высокохудожественный» жаргон такелажников и моряков всех стран и народов. За полчаса мне стало известно, что в глотку можно засунуть не только какие-то там кнехты, но и бушприт*! Бедный виконт, со слов пересмешника, должен был пять раз навернуться со сходней и шесть раз умереть, придавленным корзинами с кивиаком*! Ну и после этого непременно взять в жёны кривую кар-ракатицу Бер-рту!

Люди выдохлись быстрее серого поганца. Коротко посоветовавшись, решили оставить его в покое и продолжить путь. А уж что решит Пери — возвращаться к Аррии или ехать с нами, заняв почетное место на крыше ландо — это будет его выбор.

Кучер сложил одну половину откидного верха нашего экипажа, и дышать стало намного легче. Дождь так и не пролился, но небо продолжало хмуриться. А перед самой Ливикой вновь сделали остановку — причиной тому было пробуждение графа. Моран открыл

глаза и замутненным взором окинул пространство. Рывком сел и, тряхнув головой, застонал, схватившись за затылок. Баронесса тут же дернула за шнурок с колокольчиком, подавая сигнал остановиться. Подъехал Карре на своем жеребце, спешился. Я, дабы не смущать сиятельного в пикантный момент осознания столь неприглядного поступка, как приход в себя отнюдь не в коечке, вышла из коляски прогуляться до небольшой речки, протекающей в некотором отдалении от тракта. Думаю, любому уважающему себя мужчине было бы неловко очнуться ото сна с похмелья в обществе малознакомых женщин, одна из которых молодая девушка. А уж титулованной особе... В общем, рассудила я, это будет правильно. Рихард тоже в какой-то степени пострадавшая сторона: слишком уж я импульсивно подошла к вопросу раскрытия своей тайны в тот момент. Но и от высокородного никак не могла ожидать такой реакции. Не так уж это и отвратительно выглядит. Жутковато, да. Смотрю на себя в зеркало — Майкл Майерс*, только симпатичней в сто раз! Или это я уже привыкла и ничего кошмарного не вижу? Ни Тельма, ни Верина с Арией — никто не морщился и не шарахался в ужасе.

Близко за спиной всхрапнула лошадь. Обернулась. Его милость вел к воде под уздцы двух жеребцов. Красивых, холеных, высоких и тонконогих. Дорогуших, наверное, потому как порода была во всем их облике. От копыт до кончиков ушей. От взмаха хвоста до кивка головой.

Дождавшись, когда лошади напьются, привязал поводья к ветке тонкого деревца и подошел ко мне.

— Красивые животные, — сказала мужчине, любуясь конями. — И клички у них, наверное, должны соответствовать нраву. Содержать в себе родословную до седьмого колена.

— Мой тот, со звездочкой во лбу — Декар. Он у меня уже пять лет. Умница. Настоящий товарищ. У Рихарда — Ахалаш. Брату привезли его из Эмера. Настоящий ардонский скаун. Своенравный и гордый. Признает только кузена. И меня... по настроению.

— Он великолепен! — не покривила я душой, любуясь вороной мастью Ахалаша.

— Аннушка, — моей руки коснулась теплая ладонь Леонарда, отвлекая от любования жеребцами, — прости, что так вышло. Не успел

вас предупредить о таком... попутчике. Ночь была сумасшедшая: я волновался — нигде не мог найти брата. А утром принесли записку, что он за вами уже послал экипаж и назначил мне встречу за городом.

Глаза его милости смотрели покаянно. Уставшие, чуть покрасневшие.

— Я переживала, — ответила кротко.

— Неужели подумала, что мог оставить тебя?

— И такое в голову приходило, — вздохнула облегченно, будто сбрасывая с души груз нелепых подозрений. — Зачем мы едем в Ливику?

— Обычная инспекция. Землевладелец иногда должен являть свой лик вассалам.

— Знаешь, — пошла медленно по берегу, взяв виконта под руку и потянув его за собой, — у нас с Тельмой во время короткого визита в этот город была очень неприятная встреча с градоначальником, господином Бушаром. Он при встрече накинулся на тетушку с какими-то невнятными обвинениями. Нахамил, прилюдно оскорбил. В общем, вел себя мало того что неподобающе главе, но просто вызывающе! — самозабвенно ябедничала я на толстого борова. — Неприятный, несдержанный, бестактный тип. Неужели не было ни одной жалобы на самодурство и неадекватность чиновника?

— Не знаю, это вотчина Рихарда, — пожал плечами Карре, — но то, что ты рассказала, требует внимания. Я поговорю с братом. Неплохо было бы узнать у баронессы подробности этого инцидента: не на пустом же месте возник конфликт?

— Там какая-то старая история. И это отношение к ней длится не один год. Она добрейшей души человек! Я знаю, что ведьмы даже проклясть никого не могут! — И, сделав выразительную паузу, выпалила: — Он сжег её дом в Маревиках!

— Когда? — Вытаращился на меня Лео. — Бушар?!

— Дней семь назад. Скажу тебе больше: накануне он привез Тельме гостя. Высокого мужчину с тростью. Мага. А на следующий день, надо же такому вдруг случиться — стихийное возгорание домика знахарки! Вот так.

— С тростью... — мрачно произнёс мужчина и остановился. — Что он хотел?

— Меня искал.

— Я — кретин! Всех вас подвел под неприятности!

И долго бы он ещё стоял, сокрушался и посыпал голову пеплом, если бы не громкий всплеск сзади. Его сиятельство с голым торсом склонился над водой, умываясь, растирая мокрыми ладонями плечи и шею. Красивое рельефное тело. Аккуратно прорисованные крупные мышцы, упругий зад... Черт! Я на время даже выпала из действительности, получая эстетическое наслаждение от зрелища, забыв напрочь, что рядом стоит виконт! Поспешно отвела взгляд и потянула собеседника дальше по берегу реки.

— Помешал? — Неслышно шагая по траве, к нам приближался его сиятельство. В слегка помятой рубашке. Волосы влажные, небрежно зачесаны назад, будто пятернёй. В расстегнутом сюртуке. Взгляд ясный. Опохмелился ведьминым зельем и стоит таким огурцом свежим и вполне себе бодрым.

Посверлив немного пристальным взглядом кузена, переключился на меня. Скользя взглядом по фигуре, остановился на моих пальчиках, покоящихся на сгибе локтя Лео.

— О, господин Моран, какая приятная новость: вы пришли в себя! — недовольно бросил брату виконт. — Где тебя...

— Не при беседе! — холодно осадил родственника милорд и, скосив на того свои карие глазюки, заявил: — Пора трогаться. Приведи, будь любезен, лошадей.

— Я тебе не служка, — оскорблено проговорил Карре, но, бережно отцепив от себя мою руку, развернулся в сторону мирно щипавших травку скакунов. Я, растерявшись, колебалась секунды две. И словно не уверенная в своем решении, шагнула в сторону в попытке обогнуть стоящего передо мной аристократа. Бежать, бежать к «тётушке», прохаживающейся вокруг коляски!

— Пойдите! Простите мне мой вид, Анна. — Остановил меня Рихард, выставив руку и перекрывая мне путь. — Вчерашнее для меня было сродни немилосердному удару чем-то тяжелым по голове. Признаться, был шокирован до такой степени, что не контролировал себя, показав мужское бессилие и страх перед... — замолчал, подыскивая подходящее слово, — неведомым и пугающим в первое мгновение.

— Что говорить, прекрасно осознаю, каким зрелищем заставила вас

вчера «насладиться», — промямлила, сверля глазами землю под ногами.

— Понимаю и видел, чего вам это стоило. Не вам оправдываться. Решение открыться мне... этот жест доверия... Вам думается, я не оценил его. Это неверно. Оценил и благодарен безмерно. Вид спящего и ... немного нетрезвого спутника не испугал вас, надеюсь?

— Снимали стресс, не рассчитали с дозой — бывает. — Я пожала плечами.

— Кхм... — сконфужено кашлянул в сторону его сиятельство, — воспоминания; горечь от потери отца; амулет в чужих руках, когда живешь надеждой, что наступит когда-нибудь день и родной человек вернется, переступит порог дома... все как-то навалилось разом. Душевную боль, а не стресс, как вы странно выразились, от вида ваших пустых глазниц хотелось приглушить, утопить в спасительном хмеле.

Подняла на него глаза. Все слова застряли в горле. Наверное, если бы на его месте был Лео, я уже обнимала бы его, успокаивала. Но этот мужчина был для меня пока недосягаем. А так хотелось дотронуться, провести ладонью по голове, ощущая мягкость влажных волос. Коснуться губами виска, шепча банальные слова утешения...

— Мне жаль, — только и смогла выдавить из себя.

— Леонард знает? — спросил он неожиданно. И что он имел в виду, не надо было уточнять.

— Нет, боюсь повторения реакции. Вы, мужчины, всё-таки нежные существа! Может быть... когда-нибудь, — немного нервно уклонилась от подразумеваемого вопроса. Полюбовалась на игру желваков на небритом лице Морана и смягчилась: — Я не опасна, не смотрите на меня так.

— Как?

— Вы напряжены, будто ждете, что я сейчас выкину что-нибудь, связанное с риском для вашего здоровья. Заверяю, ваше сиятельство, я не кусаюсь, не лягаюсь, а что до глаз... Так перед вами девушка, ставшая волею оберега абсолютно невидимой. Удивлены? — Продемонстрировала кисти рук без перчаток, заметив соответствующую эмоцию на физиономии Рихарда. — Это всё грим. Краска. Макияж. Как угодно. Вот только не все можно скрыть под слоем пудры. Приходится прибегать к таким вот хитростям конспирации. — Дотронулась до вуали кончиками пальцев. — Пойдемте, нас ждут.

Мы медленно двинулись к стоящим у ландо спутникам. Мужчина

вдруг резко нагнулся на ходу, а выпрямившись, протянул мне тоненький стебелёк василька полевого. Я машинально взяла цветок, и только потом до меня дошло, что он сделал. Этот простой, будто обиденный жест так меня растрогал и впечатлил, что мысли все разом разлетелись. Их место занял тихий восторг, а в душе трепет.

— Все это странно... — нарушил недолгое молчание граф, не подозревая, какую бурю эмоций вызвал у меня своим поступком. — Этот артефакт... Он сейчас на вас?

— Стараюсь его не снимать, — ответила, от счастья продолжая улыбаться как дура. — Тот, кто мне его отдал, рекомендовал не расставаться с вещицей. Хотите еще раз глянуть? — Рихард остановился. В его взгляде читалась такая мольба и надежда, что нетрудно было понять его терзания. — Мне Тельма поведала историю таурана, — и добавила тихо: — Нет, это был не ваш батюшка, я в этом абсолютно уверена.

Мужчина понимающе кивнул.

— Позвольте?

— Конечно, — вытянула из-за ворота оберег, уложив его на ладони. — Я вам его обязательно верну, только вот...

Кругляш неожиданно ущипнул кожу жаром. Быстро, резко, словно укол. Дернуться не успела, как перед глазами вновь возникли...

...серые стены полуподвального помещения. Мужчина напротив, холодная стена за спиной и кончик трости, что ледяное острое жало, в опасной близости от горла.

— *Хочешь вернуться домой? Скажи, где ты его спрятала, и мы отправим тебя туда, куда ты пожелаешь.*

— *Я его потеряла...*

— *Это я уже слышал.*

— *Пожалуйста... Отпустите меня, я говорю правду!*

Сморгнула видение. Сколько прошло времени? Секунда? Миг? В сознании еще не растворилось последнее сказанное мной слово. По спине прокатилась волна страха. Это что, предупреждение — не снимать вещицу, не отдавать? Но страшной камеры и цепей все равно не избежать?

— ...не знаю, когда это произойдет, — закончила на выдохе начатую фразу. — Я в его власти и не могу сказать точно. Увы, —

добавила растерянно.

— Храните его у себя, тем более что он вас принял. А... почему он сделал вас невидимой?

— Мне грозила опасность. Но и потом оберег почему-то не пожелал вернуть мне прежний вид. Как его просить, я не знаю. Перепробовала уже все: и уговоры, и слезы...

— Единственный человек, кто знал, как с ним управляться, и мог бы повлиять на него — старая Аста, ведьма, но её убили. Не так давно, — проговорил Рихард, с тоской глядя на кругляш в моей руке, но не пытаюсь прикоснуться. — Вы многое не договариваете, я чувствую.

— Обещаю все рассказать. И поверьте, у меня тоже накопилось немало вопросов относительно таурона. Да и всего происходящего.

— А что происходит? — поинтересовался он с вежливым любопытством в голосе.

— Беседа не на пять минут, наберитесь терпения. — Усмехнулась, выискивая взглядом птицу. Неужели вернулся домой? — Кто-нибудь видел попугая? — спросила, подойдя к коляске.

— Пер-ри с пришлой будет жить! — раздалось изнутри.

Вот так вот! Это, по всему, его непреклонное решение. И полное ощущение, что не я его неожиданным образом приобрела, а он меня в качестве питомца!

Рихард открыл дверцу ландо и после заявления жако не удержался от насмешливой улыбки.

— Как я могу тебе верить, когда ты один раз уже предал свою хозяйку? — Ворча, влезла в салон вслед за бабушкой, приняв помощь графа, и уставилась на серого говоруна в ожидании ответа. Только поймет ли? — Боюсь, я еще не раз пожалею о своей мягкотелости... Соври уж, безбилетник, мне какую-нибудь клятву верности, что ли.

Ха! Его пернатость больше интересовали заклепки в обивке диванчика напротив! Ковырял их когтистой лапкой, пытался подцепить клювом, полностью сосредоточившись на своем занятии. Он свое слово сказал и больше этот вопрос обсуждать не собирался.

Остаток пути мы ехали не спеша. Тихо переговаривалась с Тельмой, планируя использовать визит в Ливику с пользой для дела. Ведьма была решительно настроена не оставлять поступок градоначальника безнаказанным. И как это сделать без доказательства

его вины?

Граф пересел на своего жеребца и в компании виконта ехал справа от нашего ландо, о чем-то беседуя с братом.

Сидя спиной по ходу движения экипажа, я задумчиво глядела на убегающую вдаль ленту дорожного полотна. Трава на обочине такая же пыльная, как на Земле. И грунтовая поверхность тракта очень напоминает наши проселочные дороги, с выемками от луж и трещинами. И если не думать о том, что мир чужой, незнакомый, то будто катишься у себя на родине из деревни Березняки в село Топорково...

Сердце наполнила грусть по дорогим сердцу местам.

— Вот кто так пылит?! Так пылит! — ведьма недовольно запричитала рядом со мной.

Нас догонял экипаж, оставляя за собой непроглядную серо-коричневую клубящуюся завесу из частиц сухой земли. Кучер, размахивая кнутом подгонял рябую лошадку. Коляска, очень похожая на английский вариант двуколки конца девятнадцатого века, тряслась и подпрыгивала на неровностях грунтового полотна.

Лео с Рихардом придержали коней, пропуская спешащую повозку. Поравнявшись с нами, лихач сбавил скорость, и можно было рассмотреть его пассажира. К нам было обращено лицо красивой женщины. Выгнулась бровь в изумлении, когда её взгляд наткнулся на виконта, и тут же очаровательный лик исчез, спрятавшись в темной глубине под низким козырьком откидного верха. Экипаж пронесся мимо, окутав нас дорожной пылью. Перри расчихался. Возницы сдавленно ругнулись вслед «Шумахеру». Карре сидел в седле, как громом поверженный: спина прямая, немигающий взгляд, провожающий удаляющуюся двуколку. Моран подъехал к брату и, от души двинув ему по спине рукой, гневно прорычал:

— Де Фруа уже один раз предала тебя, подвела к краю, тебе было мало? Очнись уже наконец!

— Я знаю! — огрызнулся Леонард. Посмотрел на меня и тихо добавил, полагая, что я не слышу: — Я помню. У меня теперь есть та, что остановит одним только своим существованием любую глупость, любой мой опрометчивый поступок.

Граф, проследив за взглядом кузена, помрачнел еще больше. Не помрачнел. Закаменел лицом. Стеганул Ахалаша и рванул вперед.

Василек выпал из моих ослабевших рук.
Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

*Бушприт** — горизонтальное либо наклонное рангоутное древо, выступающее вперёд с носа парусного судна.

*Кивиак** — сомнительный деликатес из протухших продуктов.

*Майкл Майерс** — герой фильма «Хеллоуин» (США)

Глава 8

*Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах.
(Вуди Аллен)*

Визит в Ливику начался с посещения лавки старьевщика, больше похожей на антикварную, так кстати нам попавшейся на одной из улочек. Надо было видеть, с каким торжеством во всем своем облике виконт вынес оттуда большую винтажную клетку из тонких деревянных прутьев. У Перри в глазах читалась в тот момент неприкрытая ненависть к милорду. Нашла коса на камень.

Далее следовало заселение в маленькую, но жутко дорогую гостиницу. Отужинали в выделенных апартаментах, после чего нас с «тетушкой» пригласили скоротать время до сна в общей гостиной для всех постояльцев. Мы с Лео расположились у камина, а Тельма с графом заняли столик, решив сразиться в скрэббл, игру для зануд, ну, или очень похожую на неё. Эрудиты лениво думали над каждым ходом и подозрительно поглядывали на нас, заинтригованные нашим заговорщическим шёпотом и тихими смешками.

Дерзкий по своей идее и довольно опасный по воплощению план по наказанию бургомистра за его преступление родился в наших с Карре головах одновременно и в полном согласии.

Я предложила привлечь внимание толстяка Бушара к очаровательной госпоже, заблудившейся в его славном городе. Заинтересовать. Заинтриговать. Ключет — удача для нас. Не поведется... На осуществление авантюры у нас был всего один завтрашний день, поэтому стоило подойти к задумке, откинув нерешительность и сомнения. Действовать нахраписто и нагло.

Моя роль сводилась всего-навсего к тому, чтобы в своей кумачового цвета шляпке неспешно прогуляться мимо ратуши в ожидании жертвы. Увидев выходящего борова, обратиться с каким-нибудь вопросом. Сойдет и «как пройти в библиотеку». Попробовала сказать томно, с придыханием — виконт проникся.

Душка Горст просто не сможет пройти мимо эффектной незнакомки, прячущей свое лицо. Нет, он не позволит изменить себе, переступить через свой похотливый характер, иначе он будет не душкой

Горстом, а примером верности супружеству! Когда Бушар таким был? Он бы и сам не ответил.

Первая часть плана была нами одобрена, детали оговорены, но что дальше?

— Ваше сиятельство, вам записка, — прервал наш мучительный мыслительный процесс вошедший служка.

— Быстро у них тут новости расходятся, — пробормотал себе под нос милорд, пробежав взглядом по строчкам послания. — От бургомистра, — сообщил он, глядя на брата, и продолжил с некоторой досадой: — Лео, я завтра днем буду немного занят, ты озаботься досугом наших милых женщин. А вот вечером нас ждут на торжественном приеме, переходящем в благотворительный ужин с... танцами. Бесса Анна, ваша милость, я прошу вас быть нашими спутницами на этом светском рауте.

Толстяк устраивает прием? Ну конечно, визит высокого гостя, хозяина этих земель, нельзя было оставлять без соответствующей помпы. Господин может обидеться: не должно встретили! Оскорбиться: меня здесь вообще ни во что не ставят? А потому днем — обязательная взбучка от начальства: «Распустились, дармоеды!», а после — праздничный стол и дискотека!

Каково же будет удивление главы, когда он среди приглашенных увидит свою случайную знакомую!

— Не думаю, что людей будет много, — поймав неуверенный взгляд ведьмы, Рихард поспешил ее успокоить. — Главы ведомств, местная аристократия и так, по мелочи...

Карре повернулся ко мне. В глазах хищный блеск. Лукавая улыбка.

— Госпожа Удача нам благоволит!

— Лео, откуда эта кровожадность на лице? — быстро зашептала я. — Убери фанатичный блеск во взоре. Ты нас выдашь сейчас с потрохами!

— Не могу, — развел руками, — азарт сильнее разума.

— Аннушка, пойду, пожалуй. — Тельма встала со своего места, отвлекая на себя внимание от кривляющегося виконта.

— Конечно, тётушка, отдыхай, — медовым голосом ответила старушке.

Граф поднялся следом.

— Я провожу.

— Незачем, ваше сиятельство, дойду, не заблужусь. Оставайтесь, молодые люди, — с этими словами знахарка покинула наше общество.

Вошла горничная. Затушила свечи на двух канделябрах из четырех, погрузив комнату в полумрак. Умеренный огонь в камине давал уютное тепло. Мягкое удобное кресло дарило комфорт, позволяя расслабиться уставшему после долгой дороги телу. Моран налил себе в бокал золотистой жидкости и, пересев на маленький диванчик, стоящий под каким-то высоким, похожим на фикус растением, откинулся на спинку, спрятавшись в тени больших овальных листьев. Мой взгляд, скрытый под ажурной вуалью, то и дело возвращался к неподвижной фигуре. Мы не могли видеть глаз друг друга, но почему-то я была уверена, что мужчина не отрываясь смотрит на меня. Чувствовала и таяла от этого ощущения пристального внимания с его стороны и возвращала ему такой же тайный интерес.

Щелк!

Виконт звонко щелкнул пальцами, возвращая меня из амурных грез к прерванной беседе.

— Я слушаю, слушаю.

— Ты была сейчас не со мной, — заметил его милость, снисходительно улыбаясь, и вновь перешел на шепот. — Анна, наш бургомистр будет на приеме не один, а с супругой, госпожой Корой, — продолжил наставлять меня Карре. — Женщиной нравственной и придерживающейся строгих моральных устоев. Будет следить за мужем, и, не дай боги, тот в открытую начнет пускать слюни на очаровательных гостей, — наш план провалится. Действуй осторожно.

— Проблема, — протянула раздосадованно. — Вот если бы кто-то её отвлек, мне всего-то нужно его вывести... А кстати, куда именно?

— В здании имеется маленькая картинная галерея.

— Намек понятен: дама пожелает посмотреть полотна известных мастеров.

— Я все время буду рядом. Достаточно намека на посягательство на честь титулованной особы с незапятнанной репутацией. И как следствие — скандал, огромный штраф, месяц тюрьмы и... пшел вон с теплого места! Таков закон этой страны. — Лео замолчал, а потом, покосившись на брата, вздохнул обреченно: — Рихард мне голову оторвет.

— С чего бы это? — возмутилась я вполголоса.

На меня посмотрели, как на глупое дитя, не понимающее очевидных вещей.

«Неужели? Он это серьезно? Рихард ко мне... Ой!...» — трепыхнулось глупое сердечко.

— Не поняла... — растерянно произнесла я, глядя, как мужчина запикивает свое грузное тело в ожидающую его коляску.

Оскорбилась не то слово! Не заметить такую кралю! Я битый час под палящим полуденным солнцем топтала тротуар перед белым зданием со шпилем в ожидании субъекта, а он... Раскрасневшийся, пышущий негодованием, вылетел пробкой из здания городского управления и, не обратив никакого внимания на эффектную дамочку, стоящую в двух шагах от входа, тут же погрузился в свой транспорт. Его сиятельство перестарался, видать, с «отеческим» ай-ай-ай, рассматривая многочисленные жалобы и прошения — а вот почаще нужно навещать свою «паству»! — и доведя городского главу до критического раздражения.

Стоило его повозке тронуться с места, заторопилась, засуетилась и, вспомнив обычную практику подзыва дрожек на Руси, вскинула руку, зычно крикнув во весь голос:

— Извозчик!

Разозлиться на нерасторопность «водителей кобыл», стоящих неподалеку, толком не дали — передо мной как из-под земли появился экипаж.

— Быстрее, Анна! — крикнул Карре, протягивая мне руку в черной перчатке.

— Не могу быстрее, у меня юбка! — посетовала, приноравливаясь к ступеньке.

Парнишка-кучер обернулся и, сверкнув глазами, тихо присвистнул, оценив мой наряд: шляпку с густой ажурной вуалью, дорогой костюм, такого же качества перчатки и зонтик в тон.

Меня ухватили за запястье и дернули так, что я ласточкой влетела внутрь.

— Трогай! — Лео вознице.

— Потеряем. Поживее, миленький, не упусти! — Я с мольбою к нему же.

— От меня не уйдет! — гоготнул весельчак на козлах. —

Держитесь!

Нас откинуло на спинку сиденья.

— Гад такой, уехал! — негодовала я, расправляя юбку. — Даже не взглянул в мою сторону!

— Я предлагал шляпку поярче, — заметил милорд.

— Да куда уж ярче? И так как стяг революции маячила посреди улицы, не захочешь — увидишь.

— Вот ты мне потом расскажешь, что такое «революция» и «стяг», а пока поведай, каков следующий шаг.

— Догоним сначала.

Наш возница «припарковался» недалеко от строения, больше похожего на скучную административную коробку.

— Что это за дом? — спросила у спутника, проводив взглядом градоначальника, скрывшегося за дверями невзрачного двухэтажного здания песочного цвета, но с вычурной вывеской «Кроличья лапка».

— Бордель. Очень дорогой, — ответил виконт.

— Ну, здорово! Мы за ним гнались через весь город, а он к лапкам приехал!

— Да еще и среди бела дня! — поддакнул его милость, приуныв за компанию. — Пошел настроение поднимать. Хорошо кузен им там всем всыпал.

— Тогда возвращаемся? — Вздохнула. — Будем готовиться к балу.

— Плохая затея, девонька, ой плохая. — Баронесса была вся в сомнениях. Я переглянулась с Леонардом. У нас закончились аргументы. — Пусть Ковен решает, что делать с Бушаром.

Время близилось к вечеру, а мы все никак не могли прийти к соглашению относительно авантюрного предприятия на тусовке местных олигархов в честь визита большого босса.

— Ну и какое наказание ему светит без доказательства вины и при отсутствии улик? Опять же свидетелей нет.

— Мне поверят, — сказала знахарка, но без особой уверенности. — Верховной я уже послала письмо. Соберется через месяц совет старейшин. Вынесут спорные дела на рассмотрение представителя королевского прокурора в герцогстве.

— Месяц? — ахнула я.

— Жрать! — гаркнул Перри из новой клетки.

— Замолчи, не до тебя! — Отмахнулась от пернатого. Надулся, отвернулся.

— И еще месяц или два у крюкотворцев на заметке. Если не потеряется, — вставил свое слово Карре.

— Я тебя не узнаю, Тельма! — Мне как вожжа под хвост попала: какой-то беспредел у них тут творится. — Пенсионерам хаты палят, и никаких гарантий справедливости правосудия! Где моя бойкая старушенция? Где любимая коварная ведьма? Еще вчера ты была решительно настроена, а сегодня... — Замолчала от осенившей догадки. — Ты его видела, да? Что он тебе сказал? Чем напугал? Та-ак... Господин Карре, — обернулась к милорду, — я сейчас с тетушкой буду разговаривать совсем не как ледя, поэтому...

— ...ваша милость, позвольте мне поговорить наедине с племянницей.

— А? Да, конечно, — согласился беспрекословно мужчина и встал с кресла. На его вытянутом от изумления лице читалось: «Вроде понимаю, о чем речь, но... ничего не понимаю!»

— Гребь быстрее! — Ядовитое от Ореста Бейла.

— Да господи!.. Лео, милый, заberi его с собой, пожалуйста! — взмолилась, теряя терпение.

Виконт от моих слов засиял ярче солнышка, подхватил клетку с жако и вышел из наших с Тельмой апартаментов.

— Не зли меня! Я в гневе непр-иятен! — донеслось до нас возмущенное из-за закрытой двери.

Я обреченно вздохнула:

— Не было печали, купила баба порося. Рассказывайте, госпожа Брайт.

— Граф Моран с утра отбыл в городскую управу и, видимо, не забыл первым делом внести своих спутниц в список приглашенных. Бургомистра очень расстроило одно имя, фигурирующее в нем. Примчался с перекошенной мордой. Потребовал встречу. Опусти все нелюбезное, сказанное им.

— Вот гад! Как он посмел? — Я задохнулась от возмущения

— Он-то? — хмыкнула знахарка. — Такое вот беспринципное чудовище. Без страха и совести.

— Зачем согласилась? — Откинула с лица на макушку надоевшую

вуаль. — Не надо было вообще к нему выходить!

— Записку прислал, а в ней три слова «Я её нашел!» — Вдруг сникла женщина.

— Кого?

— Мою дочь.

Вот это да! Почему-то этот факт очень удивил меня. За все время нашего знакомства ведьма ни разу ни словом не обмолвилась о наличии у неё детей.

— Есть. Бланка.

— И где она?

— Живет с мужем в Лагосе. Травничает потихоньку, людей лечит, растит моего внука. Супруг её, Натан, подался в гильдию каменщиков маленького портового города на юге страны.

— Почему ты не с ними?

— Потому что им пришлось бежать. Среди ночи. Быстро. Я бы их только задерживала, — голос баронессы стал жестким, холодной ненавистью пронизанным. — Горст Бушар всему виной... Это долгая история, сейчас речь о тебе. За тебя теперь боюсь, голуба. Там будут маги и главная городская ведьма! Не ходи ты на этот прием, заклинаю! Таурон чудит: то видимым становится и гореть начинает на твоей груди звездой, то еле светится. Видения посылает странные. Да что я тебя упрашиваю? — вдруг вспыхнула ведьма. — Наказ мой тебе: сиди мышью в номере и не высовывайся! Оберег на шею повесь! Вот где он у тебя сейчас, в шкатулке опять?

Я опешила. Приложила испуганно руку к груди.

— Нет, на мне он, — успокоилась, ощущая артефакт под одеждой.

— Не вижу! — На меня уставились изумленно.

Достала оберег.

— Во что ты его замотала? — Смешно округлила глаза баронесса.

— Лоскут оторвала от носового платка. Вчера вечером. Что б кожу не щипал, когда нагревается, а то «кусаться» стал часто.

Тельма смотрела на медальон у меня в руке, замотанный в тряпицу, со смесью восторга и непонимания одновременно.

— Где взяла?

— Верина пару штук подарила перед отъездом. Страбор колдовство на них наложил какое-то самоочищающее.

— Боги, — простонала Тельма, прикрывая глаза, — как все просто!

Невероятно! Я голову сломала, чем его замазать, чтобы магию скрыть, а какой-то мальчишка взял и решил нашу проблему, сам того не ведая!

— Правда не видно? — Вдохновилась я такой новостью. — А от тряпочки не фонит волшебством?

— Немного бытовой магией, но это нормально. Многие применяют подобную к одежде.

— И я могу идти на вечеринку?

— Бесса, где вы набрались таких словечек? — насмешливо пристыдила меня баронесса и, изобразив чопорность на лице, исправила: — Прием в честь его сиятельства графа Морана в ратуше с обедом и танцами... Куда побежала!

— К Лео, обрадую! Мадам Кору поручаем тебе! — сорвалась я с места, а в спину летело: «Таурон спрячь! Лицо закрой!»

Глава 9

— Я обнял мачту, как любимую женщину...

— А вы уверены, что это была мачта, а не газовый фонарь?..

(х/ф «Земля Санникова»)

Мата Хари во мне умерла, стоило только переступить порог зала для торжественных приемов ратуши города Ливика. На словах легко все дается, а попробуйте воплотить в действие план, с первого взгляда простой в своем исполнении, и в то же время сложный, потому что подобное ты никогда не проворачивала. Сомнения и страх обрушиваются на тебя безжалостной волной, сметая последние крохи бравады и бесшабашности. Смотришь в лицо жертвы твоих коварных замыслов и ощущаешь себя жалкой лицемеркой. Он держит твою руку, поданную для поцелуя, а тебя сковывает холодом позорного страха внутри. Не знаешь от волнения куда смотреть. Избегаешь прямого взгляда, будто он может в черных провалах глазниц сквозь плотный рисунок вуали рассмотреть подвох и спланированную жестокую каверзу. Нервничаешь и оттого слишком резко вырываешь ладонь, после прикосновения его жирных влажных губ. Голос дрожит, и ты заикаешься на простых фразах ответной вежливости после простого «Рад знакомству». Никудышная из меня обольстительница вышла на деле.

Обещанный обед оказался фуршетом. Зал продолговатой формы с высоченным сводчатым потолком являл собой образец аскетизма и минимализма. Несколько жестких скамеек-диванчиков по периметру помещения. Каждые метра три-четыре высокие напольные канделябры на пять свечей. Ажурные решетки на мозаичных окнах. И практически голые светло-серые стены, не считая портретного ряда на одной из них и панно на другой с изображением герба города. Трех музыкантов усадили в углу, и те пикиали какую-то спокойную приятную мелодию, звучащую на фоне гула множества голосов, создавая мало-мальский уют и развеивая ощущение холода и тоски в большом зале. Длинный стол вдоль одной из стен был заставлен блюдами с закусками, канапешками, пирожными, вазами с нарезанными фруктами и

напитками. Мимо гостей сновали проворные официанты в белоснежных рубашках и черных жилетах с переброшенной салфеткой через руку. Народу предлагалось разнообразное спиртное в бокалах и рюмках.

Лео рядом, как и обещал, не отходил ни на шаг. Поддерживая нежно под локоток, прошептал:

— Все идет как надо. Ты отлично справляешься.

С трудом до меня дошел смысл сказанного и немного отпустило. Немного. С досадой поняла, что пересохли губы под слоем блеска, горло требует влаги. С завистью посмотрела на столы, где в ассортименте стоят стеклянные кувшины с разнообразными напитками и услужливый служака наливает желающим в высокие бокалы розовую или лимонного цвета жидкость.

— У меня вместо внутренностей бланманже, а ты говоришь «хорошо»!

— На твою кротость и таинственность... оставь в покое локон, он безупречно лежит на плече... толстяк уже сделал стойку. А от твоего запаха у него, кажется, даже глаза на переносицу съехали. Не оглядываясь, он лижет тебя взглядом... О-о, как же он тебя смакует в мыслях!

— Бе-е, не надо мне этого говорить, я после его поцелуя перчатки выкину, — сдавленно пропищала, вспомнив скользнувший по пухлым губам язык и ванильное выражение лица бургомистра после этого.

— Я пытаюсь тебя подбодрить. Видишь на стене портреты?

— Кто это?

— Основатели города и предшественники Бушара. Второй слева — руки известного портретиста Дерона, если я ничего не путаю.

— Назови мне еще пару художников. Должна же я блеснуть слабой эрудицией.

— Хуммель, Маруани... Э-э...

— Хватит, мне бы этих запомнить. Фух, — выдохнула, как перед прыжком в воду, — я пошла.

Быстро оглядела просторный зал в поисках Тельмы. Убедившись, что «тетушка» уже на позиции, а конкретно — что-то увлеченно втирает госпоже Коре, направилась через зал к ликам на холстах.

С первого портрета на меня смотрел седовласый мужчина средних лет с мешками под глазами. Второй был с большими залысинами на

выпуклом лбу. Третий...

— Это Андрес Перес. Один из основателей Ливики, — раздался со спины голос господина Горста.

Покосилась на градоначальника, повернув голову, и внутренне собралась. Не робей, Аннушка! Тело толстяка подалось вперед, почти касаясь грудью моего плеча. Одутловатое лицо с красным рыхлым носом-картошкой и маленькими, утопающими в щеках глазками, приблизилось непозволительно близко, пытаясь разглядеть сквозь цветочный орнамент белой вуали мои черты. Вынужденно плавно отошла на полшага от борова. Взмахнула рукой в сторону картины, отвлекая настойчивый интерес к себе главы.

— Изумительная точность в деталях! Как правдоподобно художнику удалось перенести характер на холст. Удивительно, как он сумел передать тонкую красоту кружев, переливы шёлка, мерцание драгоценных украшений, непринужденную естественность поз. — Во заливаю! Откуда только взяла всю эту чепуху? — Если не ошибаюсь, это Дерон?

— М-м-м... да. Вы разбираетесь в живописи?

— Немного, — ответила уклончиво.

Еще один шаг в сторону, поворот, и вот мы уже стоим лицом к лицу, соблюдая дистанцию. Публика изо всех сил делает вид, что ничего не замечает. Женщины, прохаживаясь мимо в паре с мужчинами, заняты разговором, в то время как их шеи забавно вытягиваются в нашу сторону. Ушки, увешанные серьгами, от натуги хоть что-нибудь услышать неестественным образом делаются похожими на вращающиеся локаторы.

— Позвольте, покажу вам своего предшественника и моего тестя. Поистине великий был человек!

Приглашающий жест рукой, и мы не спеша двинулись вдоль стены в самый её конец.

— О, какое волевое лицо! Какой пронизательный взгляд! — восхитилась портретом худого дядьки со впалыми щеками и жиденькой длинной шевелюрой.

Удивилась, насколько не похожа госпожа Кора на отца. Восточный разрез глаз и тяжелый подбородок, скорее всего, достались ей от матери. Поразил высокий рост её милости — она почти на целую голову была выше своего мужа. Крепкая, сбитая, мощная такая тетка. Прямая

спина, горделиво вздернутый подбородок, чуть уставший умный взгляд из-под опущенных ресниц. С возрастом красота угасла, но осталась привлекательность и некоторое обаяние. И рядом недоразумение — этакий заплывший жиром боров.

— Да, барон Нонсьер был жесткий человек, но справедливый.

— Вы знаете, — повела капризно плечиком, — бесспорно, портреты достойны восхищения, но я предпочитаю натюрморты, пейзажи...

Осеклась, встретив холодный цепкий взгляд госпожи Кори. Плохо. Слишком долго задержался её муженёк рядом с незнакомкой.

Подле хозяйки вечера не увидела Тельмы. Совсем плохо.

— В здании есть небольшая картинная галерея и музей. Если пожелаете, могу устроить вам экскурсию.

Пожелаю, еще как пожелаю, только что делать с ревнивыми женами, которые глаз не спускают с нашей пары?

Лео, как назло, отвлекли беседой высокий господин с молоденькой дамочкой под ручку, закрыв от меня своими спинами. Рихард стоял вполоборота на другом конце залы и, казалось, вообще забыл о своих спутниках, слушая сразу двух собеседников, что-то ему эмоционально доказывающих. Что же делать?

— Я с превеликим удовольствием, но... похоже, вас потеряла супруга. — Бургомистр обернулся и послал второй половине слащавую улыбку.

— Это не займет много времени, и если вы подождете... — с невинным выражением лица и не отрывая глаз от её милости баронессы, вкрадчиво сообщил Бушар.

— Подскажите, где она находится, а как только освободитесь, присоединитесь ко мне. Думаю, лучшего знатока истории родного города и эксперта в области живописи мне здесь не найти, — сказала, а у самой аж челюсть свело от неприкрытой фальшивой лести.

— Через холл, по коридору. Справа будет высокая резная дверь, — проговорил градоначальник, понизив голос. Склонился к моей ручке и, судорожно втянув воздух, прикрыл глаза от нескрываемого вожделения.

Господи, как противно!

Тяжелый для глаз тусклый свет от изящных масляных ламп едва освещал просторную комнату, где присутствовали запахи полотен и

красок, дерева и извести, клея и мрамора... Запахи старины, истории и маленько... затхлости. Под стеклянными колпаками на тумбах лежали «сокровища» давно ушедшего в мир иной поколения: костяной гребень, песочные часы, предметы домашней утвари из металла, похожего на бронзу; молоточек-ледоруб со сломанной деревянной ручкой в том месте, где начинается рукоятка; помятый остроконечный шлем с открытым забралом... Экспонат заставил меня задержаться перед ним в изумлении: здесь тоже существовала эпоха средневековья? Будто попала в краеведческий музей.

Два бюста из светлого камня изображали каких-то местных знаменитостей. Между ними на стене висело большое полотно в позолоченной раме. Бородатый мужчина, сидящий на троне. Парадное и величественное изображение — вне всяких сомнений — правителя этой страны. На плечах тяжелая накидка из белого меха неизвестного мне зверя, в руке внушительный такой жезл с набалдашником из крупного красного кристалла.

А еще здесь был самый настоящий ключ от города! Из сверкающего металла, огромный, сантиметров пятьдесят в длину. Я буквально приклеилась носом к стеклу колпака, рассматривая удивительно искусную работу мастеров кузнечного дела.

На картины даже не глянула, замороженная красивым предметом, наделенным людьми определенным жизненно важным смыслом. Возможно, даже являющимся артефактом, охраняющим город от всяческих напастей, как потоп, землетрясение или нашествие крыс.

Сзади послышался звук открывающейся двери. Разогнулась, торопливо, суматошно опуская, расправляя вуаль, костеря себя за то, что расслабилась, увлеклась и забыла обо всем на свете! Ключик ей понравился!

Тихие шаги, и я замерла в нервном возбуждении.

Молила про себя Лео не опоздать, не прозевать момента!

"Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Очень надеюсь, что ты уже стоишь в коридоре, приложив ухо к деревянной створке".

От проскочившей мысли, что его там может не быть, накрыло паникой.

Стояла и боялась обернуться, слушая неспешную поступь человека в мою сторону. Сколько еще? Три-четыре метра до того, как мерзкие ладони коснутся моей спины... плеч...

Нет сил терпеть!

— Очень интересная у вас экспо... — выпалила нарочито жизнерадостно, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, и вздрогнула от неожиданности, — ...зиция, ваше сиятельство.

Каких там три-четыре! Вот он, на расстоянии вытянутой руки!

— Что вы здесь делаете? — прозвучал закономерный вопрос из уст милорда.

— Знаком... кхм-кхм, знакомлюсь с экспонатами музея, — откашлявшись, ответила еле слышно и следом задала свой, тупой по сути вопрос: — А вы?

— Искал вас, — ответил мужчина и сделал последний шаг, вставая вплотную.

Мои глаза, распахнувшись в изумлении, смотрели на графа, отмечая странное выражение лица. Красиво изогнутые губы в намеке на улыбку. Немигающий заинтересованный взгляд. Легкую щетину. И снова — красивые губы... Ничего не могу с собой поделать!

Он медленно потянулся ко мне. Пальцы прихватили край кружева и подняли, откидывая наверх, оставляя меня незащищенной перед настороженным взглядом Морана.

— Не надо, — слабо сопротивляясь его действиям, опустила голову, — сейчас сюда придет Бушар... Ой, сюда сейчас придут! — спохватилась, лихорадочно пытаюсь сообразить, что же делать? Куда девать его сиятельство? — Вам не надо быть здесь! Уходите же скорей! Боже мой, Рихард, вы же нам всю операцию провалите! — Чуть не плача, попыталась оттолкнуть его.

— Обязательно придет. — Мужчина поймал мои руки и... поцеловал. Да так, что сердце оборвалось и ухнуло куда-то в бездонную яму. Я не дышала, не жила, ничего не соображала. Мозг отключился. Руки безвольно повисли плетью. Квашня в томительном экстазе! Но до чего же это восхитительно! Без лишних слов. Без никому ненужных объяснений.

Сквозь шум в ушах услышала стук дверного полотна о стену. Резко, громко.

Моран нехотя отстранился и оглянулся через плечо.

— Ох, простите, ваше сиятельство, — дрогнул удивленный голос Кору Бушар, — простите, я не знала...

Рихард молчал, рукой прижимая мою голову к своей груди. Пряча

за широкой спиной ото всех и всего. Женщина отступила за порог, но, замявшись, решилась на вопрос:

— Я нигде не могу найти мужа. Вы случайно... не знаете, где он может быть?

Вот это уже интересно: действительно, где?

— Догадываюсь, ваша милость, — спокойно ответил ей мой рыцарь и сжал меня в крепких объятиях, когда я вздрогнула от неистового женского вопля и отборной мужской ругани где-то в недрах здания. — А вот и он.

Баронесса стремительно развернулась и практически побежала на шум. Я дернулась следом, но меня придержали и, подарив, кажется, бесчисленное количество легких поцелуев глазам, щекам, скулам, вискам, прошептали:

— Не спеши, успеем.

— Что там случилось? — просипела я. Голос меня тоже подвел.

— Бургомистр обознался, — усмехнулся граф и продолжил приятное занятие.

А мне уже все равно: какой такой бургомистр? Кто кричал? Зачем?

Заслышав громкие шаги по коридору, мужчина обреченно вздохнул, закатив глаза, и неожиданно коварно улыбнулся в предвкушении какого-то удовольствия.

— Три... два... один... и-и...

— Рич, все случилось! Никто не пострадал! Все уже там! — В комнату ворвался всклокоченный и возбужденный виконт. — Ступай, твой выход!

Меня отпустили, чмокнув напоследок в макушку — как еще осталась на ногах после такой трогательной нежности, не знаю — и, хлопнув брата по плечу, вышли из помещения со счастливой улыбкой.

— Я ничего не понимаю! Лео, объясни, что происходит? — отринув смущение перед Карре за увиденную им сцену между графом и мной, накинулась с расспросами. Отчего-то сделалось страшно.

— Аннушка, все хорошо! Все, как мы планировали: нашего градоначальника поймали за соблазнением благородной дамы!

— Кого? — выпучилась я на его милость. Я перестала вообще что-либо понимать.

— Баронессы Брайт!

— Тельмы? — Я качнулась назад и облокотилась спиной на тумбу

с ключом от города. Ноги, еще слабые после поцелуев, вообще отказывались подчиняться хозяйке.

— Это было феерично! — продолжал фонтанировать восторгом Леонард, прохаживаясь по залу. — Ты бы видела рожу этого мерзавца, когда он понял, что страстно прижимает к себе старую ведьму!..

Они все переиграли! Они все были в курсе! Но как? Как глава мог меня спутать с бабушкой? Это же невозможно! Я и ведьма. А может, там никакого соблазна не было? Бушар мог накинуться на знахарку. Ох... Не расхаживал бы тогда передо мной виконт счастливый до безобразия.

Следом кольнуло обидой. Почему мне не сказали? Я, получается, зря дергалась, волновалась. Да в конце концов, это был мой план!

Внезапная тишина отвлекла от мыслей. Перевела взгляд на Карре: вытянутое в гримасе лицо — не то испуг, не то шок.

— Анюта... твои глаза... они... А где они?

«Боже мой, вуаль!»

Глава 10

— Слушай, сбегай за моей бабушкой. Пусть придет, поможет.

— Ты что, бабушка же старенькая, ей будет тяжело.

— Она не старая. Она — пожилая.

А пожилым полезны физические упражнения.

(м/ф «Самый маленький гном»)

С утра уже вся Ливика знала о произошедшем на приеме в ратуше: высоким приказом Бушара сместили с кресла градоначальника за несоответствие занимаемой должности! Остальные подробности вечера варьировались в зависимости от статуса газеты и степени обладания информацией. Тему не обошли стороной и простые граждане — торговцы, ремесленники, служащие. Город бурлил сплетнями: одна страшнее другой.

Шушукались горничные в коридоре:

— ...Пьяный приставал к невесте виконта.

— К жене!

— Ты путаешь, не жене, а внебрачной дочери графа Карре!

— ...в койку тащил...

— ...за грудь хватал прилюдно!

— Ой, мамочки, что делается!

— ...мраморную статуэтку из рук его милости успели вырвать.

Убил бы, как есть, убил бы.

— Насмерть?!

— Нет слегка!.. А граф-то наш, не долго думая ка-ак...

— Насмерть?!

— Тьфу, заладила!

— ...вмазал главе в глаз!

— Не граф, а сама госпожа Бушар! Рука, говорят, у неё тяжелая.

Наперебой делились новостями работники кухни с зеленщиком.

— ...Да я сам видел, как его запихивали в тюремную карету!

— Ты же у Тары был!

— К Тарке после уже... Жуть! Морда красная, сам трясется, а глазищи-то, глазищи...

- ...повешают?
- Не, на каторгу сошлют.
- ...в каменоломни или на рудник.
- У девок из «Лапок» — хи-хи — сегодня траур...
- ...такого клиента лишились!

Переговаривались в гостиничном холле постояльцы.

— Послана депеша герцогу... Будут рассматривать дело о взятках, покушении на убийство... Говорят, самому графу Морану предлагал откупные!..

- Бедная, бедная госпожа Кора! Бедные детки!
- Какой позор!
- Какой кошмар!
- А кого хотел убить?
- А демон его знает...
- ...сидит в камере.
- ...ждут прокурора.
- Сам Бэгшоу будет вести дело.
- О, тогда точно тюрьма лет на двадцать!
- ...а я слышал, что он...
- ...первая любовь баронессы.
- М-да... Признаться, господа, мне уже жалко толстяка.

Я мазала синяки от пальцев борова на шее Тельмы кремом на травах и сдерживала слезы.

— Вот надавил бы сильнее и... Сволочь. Чего ты стояла, ждала? Когда совсем придушит? Сразу кричать надо было!

— Не ворчи. Сама не ожидала, что этот гад таким резвым окажется.

— Хорошо еще, что рядом со столом сцепились да подсвечник под руку попался. — Всхлипнула, обняла «тетушку», уткнулась носом в её плечо. — Что бы я без тебя делала? Одна... В чужом мире...

— Тихо, тихо, голуба. Все обошлось.

— Как он тебя не узнал-то?

— Глаза я ему застила порошочком одним коварным. Только тс-с, никому. Запрещенный он. Узнают — следом за ним отправлюсь.

— Дурная красавка? — выпалила и покосилась на Перри в клетке, чистящего свои перышки. Сытый и довольный жако сегодня был

подозрительно молчалив.

— Нет. Не спрашивай, не скажу, как называется. Знания эти тебе ни к чему — опасные они, — понизив голос, собеседница удостоила птицу таким же настороженным взглядом. Правильно: ему в первую очередь противопоказана такого рода информация.

— И как он действует?

— А так... Видит человек только то, что больше всего видеть хочет. Или подсказут, направят на нужный образ.

— Не поняла.

— Горст за тобой не сразу побежал. Его наш виконт по дороге перехватил, разговором увлек, а за беседой и выпили по бокалу. Порошок в вине растворяется быстро, даже осадка нет. Действовать начинает сразу, только от дозы эффект разный. Бургомистру указали на меня, а сказали, что это ты. Тот и пошел следом, как телок, в полной уверенности, что спешит за очаровательной незнакомкой.

— А потом морок развеялся раньше времени, и он понял, как злая ведьма его облапошила.

— Ну что ты, не сразу, — улыбнулась проказливо знахарка, — сначала он обниматься полез...

— Фу-у!

— Что «фу»? Для тебя такие сладкие да складные речи были заготовлены! Заслушалась!

— Когда успел?

— Наверняка дежурный список комплиментов для обольщения держал в голове.

— Чекисты, блин... Втихаря от меня всю операцию провели. Кору жалко.

— А что её жалеть? Она от такой обузы избавилась! Император подпишет прошение о разводе, и будет она себе жить припеваючи. А что до слухов... Так она сейчас в глазах горожан святая женщина, богами осчастливленная.

— У вас есть разводы?

— А как же, мы же не дикари какие.

— И церковь не против?.. Я имею в виду: служители веры не препятствуют расторжению брака?

— Вот слушаю тебя и бояться начинаю. Что улыбаешься? За речью своей следи! Ох, дай только добраться до поместья, будешь с утра до

вечера у меня овладевать знаниями и правами, полагающимися подданной королевства Триберии.

— Ты знаешь, а я все живу надеждой, что получится вернуться домой, — сказала тихо, не смея поднять голову. Зажала в кулачке таурон. Холодный. Неживой.

Знахарка тяжело вздохнула.

— А как же его сиятельство? — спросила мягко и кивнула в сторону столика, на котором красовался маленький презент от милорда из сиреневых цветов, очень похожих на фрезии, только мельче. Красивых. Нежных. С тонким, чуть медовым ароматом.

— Что, так видно? — Отчаянно смутилась, вспомнив горничную, деловито вставлявшую букетик в вазу, и её слова: «От его сиятельства с пожеланием доброго утра госпоже Анне».

— Порой даже слышно, — рассмеялась Тельма, потешаясь над моей кислой физиономией. — Сердца у вас обоих сбиваются с ритма, стоит только рядом оказаться.

— Шутишь! Или...

Женщина нагнулась ко мне ближе и прошептала доверительно в самое ухо:

— Открою тебе один секрет: я мать, у которой есть дочь, и только потом я ведьма.

— К его сиятельству невеста скоро прибывает. Умница, красавица. У вас, как и везде в любых мирах, заключаются чаще выгодные, политические, династические браки. Ой, да о чем речь? — рассердилась за фантазии свои глупые. — Мне в первую очередь разобраться бы с оберегом да своим обликом, а уж потом мечтать о большой любви.

— Ну, кому-то облик твой совсем не помеха. Любят за душу. Любят вопреки.

— Предают тоже вопреки, — сникла, вспомнив, к чему привела маму вера в дружбу с господином Ширяевым. Пусть она меня сколь угодно убеждала, что это всего лишь приятельские отношения, но я-то видела, как она любила и полагала, что это чувство взаимно. Оказалось, что жестоко ошибались мы обе.

— Ты добрая девочка. Ты умеешь прощать. И прошлое отпустить пора. Простила же своего графа?

— Своего... — хмыкнула скептически. — Один волшебный поцелуй, и мы, девчонки, уже живем во власти иллюзий. Строим дом,

планируем где будет стоять стол, кровать, теле... волшебный ящик с движущимися картинками... Хочешь, расскажу?

Ближе к обеду в наши с Тельмой апартаменты вошла неожиданная гостья.

— Баронесса?

— Госпожа Брайт...

— Что вас привело ко мне, моя дорогая?

— Простите, что не предупредила о визите. Я могу поговорить с вами наедине?

Час спустя я, умиляясь, наблюдала со стороны за трогательной сценой: Тельма целовала в лоб склоненную к ней голову экс-бургомисторши, а та, утирая скупую слезу, с глубоким почтением и благодарностью вкладывала в руку ведьмы пухленький мешочек из темной бархатной ткани.

Была и еще одна визитерша.

Наш послеобеденный покой и леность нарушил уверенный стук в дверь. «Тетушка», до этого дремавшая в кресле у окна, вдруг выпрямилась пружиной.

«В спальню!» — одними губами распорядилась ведьма, бросив мимолетный взгляд в мою сторону.

Стараясь ступать тихо, на цыпочках ретировалась в указанном направлении, неплотно прикрыв за собой дверь. Замерла у створки, напряженно вслушиваясь в происходящее за ней.

— Здравствуй, Серая, — чужой женский голос с хрипотцой усилил любопытство.

Это она так бабульку мою назвала?

И сомнений почему-то не было — в комнате ещё одна колдунья. Показалось мало стоять и подслушивать, мне надо было видеть, кто пожаловал в нашу временную обитель.

Сунув любопытный нос в щелочку, моргнула, узнав в дамочке красавицу из той самой коляски, что обогнала нас на дороге в Ливику!

— Вижу — ведьма под мороком. Кто такая? Зачем пожаловала? — Спокойный тон знахарки не дал обмануться в своих ощущениях: приход незваной гостьи под чужой личиной категорически не нравился Тельме. Более того — был подозрителен.

— За вещицей одной зашла.

— Это за какой же?

— За медальоном, что ты сняла с бургомистра. Отдай.

Моя баронесса хмыкнула понимающе.

— Твоих рук, значит... Испугалась, — протянула с превосходством.

— Испугалась, — не стала утверждать обратное незнакомка.

— Зачем делала его? Зачем лишала воли женщину? Сколько таких ещё висят на шеях мужей-мерзавцев?

Воцарилась тишина. Кто-то ждал ответа, кто-то не хотел сознаваться. Молчаливое противостояние двух ведьм, стоящих друг напротив друга, длилось слишком долго для моих нервов.

— Сними амулет! Хочу разговаривать с настоящей, кем бы ты ни оказалась! — повелела строгим голосом Тельма.

— Неужели не узнала? — Противный скрипучий голос резанул слух.

Госпожа Брайт неверяще вскинула голову и недобро прищурилась. Узнала.

— Уходи, Гелла — её тихий голос был непреклонен. — Ответ перед Советом держать будешь. За искалеченные судьбы. За разрушенные семьи. За запретные ритуалы. За все зло, что совершить успела за эти годы.

Стало страшно. Ведьма-отступница в пяти шагах. И не знаешь, что она может выкинуть в своем отчаянии.

— У меня есть что предложить взамен за твое снисхождение... к старой знакомой.

— Торгуешься? — усмехнулась с удивлением моя старушенция.

— Жизнь неожиданно полюбила. Свободу, — сострила гостя. — Ну, так что решишь, ваша милость?

— Мне от тебя ничего не надо...

— И даже не интересно? А если это касается твоей спутницы, с которой ты приехала? Она ведь здесь? Девочка, где ты прячешься? — с издевкой пропела прежним голосом особа, демонстративно оглядываясь по сторонам.

— Вот как... — прошелестело зло из уст госпожи Брайт. — Говори, а я подумаю: равноценен ли обмен.

— Мне известно, что таурон Асты вновь объявился в миру. Не его ли я видела на груди у милой попутчицы твоей? Кто она, Серая?

Случайная знакомая? Дальняя родственница?

— Что тебе за дело до вещицы? Ты знаешь: такие артефакты сами выбирают кому служить. Твоим уже не будет.

— Мне он без надобности, — фыркнула визитерша, — такой на шею повесить — рано или поздно головы лишишься. А я еще хочу пожить. Свое только верну. А этот таурон, знай, недолго будет принадлежать девчонке под вуалью...

От услышанного мороз по моей спине пробежался.

— Кто твой хозяин, Гелла? — вкрадчиво спросила Тельма, не дав дамочке договорить.

— У меня нет хозяина! — огрызнулась та. — Верни амулет Бушара, и разойдемся миром. Просто отдай, и я уеду из этих мест. Далеко. Очень далеко. Возможно, вернусь в Готуар.

— На костер так не терпится взойти? — поразились знахарка почти по-доброму и добавила насмешливо: — В Готуар она собралась!

— Ты не оставляешь мне выбора, Серая, — сокрушенно покачала головой собеседница.

Я моргнуть не успела, как госпожа Брайт стремительно подавшись вперед, неожиданно выкинула руку, срывая с шеи красотки шнурок с маленькой подвеской в виде серебряной пластины.

Одновременно с этим раздался короткий стук в наши апартаменты, и, не дожидаясь отклика, вошел Леонард.

Карре увидел дамочку, споткнулся на ровном месте и выдал крайнее удивленное: «Паула?»

Секундная заминка, и на глазах у всех облик гостьи поплыл, являя присутствующим страшную дряхлую старуху.

Виконт от неожиданного кошмарного действия отпрянул к стене.

Я же, наоборот, тихо вышла из своего укрытия, ведомая странным предчувствием неприятностей, грозящих знахарке.

Гостья, затравленно оглянувшись на нежеланных свидетелей её перевоплощения, с диким рыком кинулась на Тельму, целясь в лицо скрюченными пальцами. Я честно ждала какой-нибудь магической волшебной каверзы от лжеПаулы, но не банального махача!

Молчавший до сих пор Перри поднял громкий крик. Неистово хлопая крыльями, бился о прутья клетки. Яростно и остервенело, с опасением покалечить себя.

Пока я пребывала в некоем раздоре — к кому первому кидаться на

выручку, виконт с похвальной резвостью подскочил к сцепившимся дамам и, обхватив за плечи взбешенную Геллу, попытался оттащить от баронессы.

Последняя в свою очередь сделала какое-то неуловимое движение рукой, и в коллегу по цеху полетела серебристая пыль из разжатого кулачка.

Жалобно всхлипнув, визитерша вскинула голову и обмякла в руках его милости.

Милорд, которому за компанию с ведьмой случайно перепало серебристого порошка, мгновение спустя рухнул как подкошенный к ногам госпожи Брайт вместе со своей ношей.

Жако заткнулся, захлебнувшись своим истошным чириканьем, и воцарилась странная зловещая тишина.

— Весело у вас, — раздался голос Рихарда за моей спиной. Статуэтка пастушки с лютней, невесть откуда взявшаяся, выпала из моих дрогнувших пальцев, гулко стукнувшись об пол, застеленный ковром. — Кто это?

Тельма, заправлявшая в прическу выбившиеся пряди седых волос, проследила за указующим перстом графа и спокойно, будто это обыденное дело — валяющаяся в отключке посреди гостиничного номера дряхлая старуха в обнимку с бесчувственным молодым вельможей, ответила:

— Старая знакомая. Решила шантажом вытребовать одну вещицу, которую она когда-то сделала для Бушара.

С этими словами она достала из кармана платья расколотые надвое деревянные останки некогда магического артефакта.

— Что это?

— Амулет привязки, если коротко. Женщина не может уйти, подать на развод... Даже желания не возникнет.

— Как он оказался у вас? — сухим протокольным тоном сыпал вопросами Рихард.

— Сорвала с шеи Горста, пока он душил меня.

Граф нервно провел рукой по шее.

Я же не могла от «тетушки» отвести восхищенных глаз: моя бабулька дралась! Нет, не так — мастерски давала отпор, отбиваясь от взбесившейся ведьмы!

Его сиятельство присел на корточки перед лежащими. Свел брови,

рассматривая композицию из двух тел, а после окинул меня, стоящую в сторонке, с ног до головы взглядом, от которого я замерла тихой мышкой, не смея пикнуть.

— Хотела ударить? — Кивнул он на изящную фарфоровую деву, лишившуюся при падении своего музыкального инструмента. Я пожала плечами: наверное, да, хотела. — Долго мой брат будет в таком состоянии? — Переключил свое внимание на «тетушку». Та уже привела себя в порядок и присела на стульчик в смиренной позе, сложив руки на коленях и с печатью кротости на лице.

— Через полчаса очнутся. Связать надо бы Геллу. И обыскать.

— В пор-ртках ищите! — Отошёл, видимо, от шока птиц.

Кивнув и ему, и своим мыслям, Рихард рывком поднялся и, не задавая лишних вопросов, направился к выходу, бросив в мою сторону почти нежно:

— Спрячься, милая, сейчас здесь будет много людей.

Как не растаяла от этого его «милая», сказанного бархатным голосом, не знаю.

Подождал, когда я юркну обратно в спальню, открыл дверь и неожиданно нос к носу столкнулся с хозяином заведения.

— Очень кстати, господин... — замялся, вспоминая имя мужчины.

— Тайлер, милорд, — услужливо подсказал владелец гостиницы, сдерживая напивших сзади служек и горничных.

— Пошлите кого-нибудь за стражниками и начальником сыска. Надо оформить поимку... Кого мы поймали, госпожа Тельма?

— Ведьму-отступницу Геллу Флорес с амулетом сокрытия личины, — бодро отрапортовала моя боевая бабуля.

— Распоряжения отдал. Вашу дорогую гостью связал. Лео пусть еще немного поваляется, ему полезно. Баронесса спустилась в холл за... В общем, вышла. У нас несколько минут. Иди ко мне, никаких сил нет ждать. — Граф ворвался в мое укрытие и распахнул объятия.

Я не пошла, я влетела в них. Совсем потеряла голову.

Меня целовали, я отвечала. Сердечко трепетало и сжималось, просило-скулило: не останавливайся!

Дыхание сбивалось и не хватало воздуха.

Короткая пауза была дана, чтобы услышать неразборчивый шепот и ответить на него смущенной улыбкой. Это было сказочно, это было

волшебнo!

— Я вас с Тельмой завтра отправлю в поместье, — тяжело дыша, тихо сказал мужчина срывающимся голосом. — Лео сопроводит вас до места, устроит и вернется. Все, что здесь произошло, требует разбирательства и моего присутствия...

— Я понимаю.

— Не перебивай... Я вынужден буду потом следовать в Виннет. — Он смотрел на меня, и вина плескалась в его глазах. — Дядя ждет гостей, и нам с кузеном предстоит несколько дней развлекать публику... Что? Анна, что с тобой?

А со мной случилось прозрение. Кровь отхлынула от лица. Выпуталась из рук милорда, отошла на шаг.

Вот дура! Как можно было до такой степени забыться, что не вспомнить:

«...Эта виконтесса Розина прелестная девушка! Утончённая, воспитанная. Красавица! Граф будет покорён, я уверена!..»

— Вам предстоит знакомство с виконтессой Розиной? — Мой холодный тон.

— Откуда ты знаешь? — Его настороженный.

Кажется, моя сказка закончилась.

Глава 11

— Товарищ, там человек говорит,
что он — инопланетянин. Надо что-то делать...
— Звони в ОЗ.
(х/ф «Кин-дза-дза!»)

Я стояла посреди спальни и, высоко задрав голову, сдерживала слезы, рассматривая лепнину на потолке. Угроздило же тебя, Анька, втюриться! Да так, будто клеймо с именем «Рихард» на сердце поставила!

Моран был озадачен моей информированностью о грядущих событиях, связанных с приездом «прелестной девушки» Розины. Станный. Если верить словам баронессы Сент-Олер, об этом трубят все газеты. Не боялась выглядеть голословной, сослалась на услышанную из уст клиентки госпожи Аррии новость. Не дождалась ни оправданий, ни объяснений от его сиятельства. Граф с силой потер лицо ладонями, запустил их в волосы, потом выдохнул резко и молча вышел из номера, забыв закрыть за собой дверь. Меня тут же атаковали безрадостные мысли о том, как все плохо и до отвратительного смешно! Придумала себе неземную любовь после двух поцелуев.

Еще эти чертовы Бережины! Жить там и знать, что в любой момент он может нагрянуть с визитом на правах хозяина: «Хорошо ли устроились? Не нужно ли чего?» А вскорости и с молодой женой явятся проводить жиличек ...

Тьфу-ты, господи, уже и до этого додумалась!

Тельма меня не поймет, если и от этого приюта буду её отговаривать. Разве что сама не проникнется терзаниям «племянницы».

Сумасшедший день подходил к концу. Алел на горизонте видимый из окна нашего номера закат, окрашивая небо в апельсиновый цвет. Не была сильна в приметах: чего ждать от погоды? Жаркого дня? Сильного ветра? Дождя? Вот его не хотелось бы. И так в душе царили серость, сырость, уныние и полный раздрай...

После того как стражники уволокли Паулу-Геллу из наших с

Тельмой гостиничных апартаментов, примчались служки. Убрали осколки, бывшие некогда изящным предметом декора, перенесли крепко спящего Леонарда с пола на софу. Бедняга. Не успел как следует отойти от прошлой болячки, как заработал новую — удар затылком об пол был сильный. Лишь бы не сотрясение вновь. А вот ведьме повезло: падая, виконт принял её вес на себя и тем самым уберёг дамочку от ушибов.

Примостившись в уголке диванчика, не без труда приподняла голову Каре и уложила себе на колени. Перри в клетке встрепнулся и прожурчал что-то недовольное. Шикнула на него.

Нежно поглаживая разметававшиеся вихры, вспоминала наши дни на постоялом дворе. И как донимал маня своим несносным характером, и как потом жалел рыдающую на полу комнаты после несчастного случая с наемником. Как лез с вульгарными объятиями, а перед отъездом целовал руки, уговаривал и заверял, что найдет, вернется. И ведь не обманул.

Провела пальчиком по еле заметному шраму на виске. Поймала его руку, соскользнувшую вниз с края софы, и осторожно уложила ему на грудь. Заворочался. Перевернулся на бок, практически уткнувшись носом мне в живот. Затаилась, испугавшись, что потревожила сон своими прикосновениями. Но нет, чмокнув губами, Лео засопел тихо, ровно. Расслабленно откинулась на подголовник, не переставая мягко перебирать пряди его милости, и закрыла глаза. Ну почему не он в этом глупом девичьем сердце?

«Его тоже ждет невеста», — пришла в ответ горькая мысль. Будет ли он счастлив с этой нимфой Софией? Будет ли она его любить? Понимать?

Усмехнулась своим проснувшимся материнским инстинктам. Или сестринским? И ведь не солгу, если скажу, что эти вопросы меня волнуют. Наверное потому, что я его видела разным: от скверного зануды и хама до смешливого и отзывчивого друга. И уж совсем невероятная в своей дерзости мысль посетила и укоренилась: да я одна знаю его настоящего!

— Аннушка, тебе не тяжело? — спросил «настоящий» хриплым голосом куда-то в складки моего платья.

— Разбудила? — Одернула поспешно руку от его головы.

Умудрился не глядя поймать за запястье, вернуть на место.

— Продолжай. Хорошо. Боль уходит, когда ты так делаешь, — пробормотал глухо, не открывая глаз.

— Все-таки болит. Не кружится? Не тошнит? Вся болит или только в затылочной части? — зачастила с излишней тревогой, запуская пальчики в волосы и начав осторожно массировать кожу аристократической черепашки, прощупывая. Шишка нашлась, и не маленькая. Не мешало бы лед приложить.

— Да, ой, здесь... А почему болит? И почему я спал на твоих коленях?

— Не помнишь? Мы вообще-то ведьму плохую поймали и обезвредили. А тебе сонного порошка немного перепало от нашей знахарки. Извини, не успели поймать твое бессознательное тело — затылком приложился о паркет. Ты лежи пока. Я Тельму найду, она тебе отварчика какого-нибудь сделает. Приподними голову, я встану.

— Не уходи, терпимо. — Виконт ухватился за мой локоть, удерживая на месте, не поменяв при этом позы. — Эта женщина, она... Не передать словами, как я ошеломлен и раздавлен. Ухаживал за ней. Страдал. Рассорился с отцом. Страшно подумать, на какие безумства готов был пойти! Все оказалось обманом. Фальшью. Какая мерзость! — Передёрнул плечами. — Как вспомню, как обнимал, ручки целовал... Кретин! — Прижался носом к моему животу, спрятав искаженное в бессильном отчаянии лицо.

— Ну прекрати, не надо. И хорошо, что ограничился только лобызанием ручки и не пошел дальше... Или пошел?

— Богов благодарить буду до самой смерти — уберегли!

— Один раз живем! И потом, есть поговорка: будем умирать, будет что вспомнить!

Представила сценку, как морок сползает с лжеПаулы в самый пикантный момент, и противненько так захихикала.

— Давай сменим тему? Анна, я... Я считаю, сейчас очень удачный момент для рассказа.

Поняла, о чем он, и невольно вздохнула. Он прав, зачем тянуть?

— С чего же начать? — Перевела взгляд на окно. Малодушно, да, но так намного легче и спокойней. Будто облакам и деревьям сейчас открою главный свой секрет. Они не осудят, не сочтут за сумасшедшую, не посмеются, не отвернутся.

— Начни с самого начала.

— Начала? Ну, слушай. — Усмехнулась. — В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы...

— Чего-чего? Какой дух?! — перебил меня мужчина. И так жалобно он это сделал, что я рассмеялась. Тихо и от души, да со слезами.

— Ладно, — вытерла глаза, — это из Ветхого Завета. — Карре вымученно застонал, чем вызвал у меня новый приступ веселья.

— Адреналин, революция, стяг, теперь еще и дряхлый завет. А твои сестры милосердия? Ты понимаешь, что в нашем мире нет таких слов?

— Надо же, запомнил... Ты правильно заметил — в вашем мире.

Леонард замер пораженно, даже дышать перестал.

— Не может быть... — прошептал и перевернулся на спину, глядя на меня снизу вверх.

— Где-то среди бескрайнего космоса есть галактика Млечный Путь...

— Что такое космос?

— Нет, так дело не пойдет! — Покачала головой и задумалась над доступностью повествования для этого дремучего жителя Планиды.

— Там, — указала пальчиком в потолок, — среди бескрайнего моря звезд есть одна с названием Солнце, вокруг неё вращается по орбите планета Земля...

— Ты знакома с учением о звездах?!

Я даже оторопела, столько было всего в одном вопросе: и восхищение, и удивление, и неверие, и восторг. Рассказать ему об освоении... о том, как бороздят корабли безвоздушное пространство?..

Нет, рано, мозги у парня закипят.

— Слушай и молчи, все вопросы потом! — Покосилась недовольно на виконта. — Так вот, я пришелец с этой планеты. А может быть, из другой реальности, — добавила неуверенно.

Ну вот, сказала и затаилась, а когда поняла, что его милость не собирается в ужасе покидать пригретое местечко у меня на коленях и на его лице нет ничего, кроме напряженного любопытства, продолжила неспешно:

— Меня зовут Анна Ильинична Векшина...

Мужчина то мрачнел, то вдруг глаза его начинали гореть

настоящим азартом, внимая непростой истории девчонки с оберегом. Столько эмоций промелькнуло за получасовой рассказ!

— Невероятно... — выдохнул Леонард. — Мы много лет считали, что граф Моран сгинул на Диком континенте. Что именно туда его перенес таурон... Ну а куда же еще! Никто и помыслить не мог, что это будет другой мир! Невероятно!

Помолчали немного, думая каждый о своем.

— Ты хотела бы вернуться?.. — тихо задал опасный вопрос Карре, робко дотронувшись до моей руки. — Тебе здесь плохо?

— Лео, ты... — Замолчала на полуслове. — Не надо, а то сейчас заплачу. — И все-таки не выдержала. — Там у меня были дом, работа. Там могила моих родителей. Привычная дымка выхлопных газов над городом. Стиральная машина-автомат, недочитанный Мураками на тумбочке, премьеры фильмов в кинотеатре. Абонемент в бассейн, банковская карта, спуск по заснеженной трассе на сноуборде! Продавленный, но такой родной диван; красная рыбка в аквариуме! — Я уже не сидела, а мерила шагами помещение, сумбурно выплескивая на растерянного виконта набирающие обороты злость и отчаяние. — Что это? Это разве свет? — Схватила со стола лампу, потрясла ею и вновь поставила, грохнув о столешницу. — Свет — это когда подходишь к стене, и одним нажатием кнопки у тебя загорается солнце над головой! — Шлепнула ладонью по гладкой поверхности панели, как по незримому выключателю. Меня несло, и остановиться я уже не могла. — Почтовые кареты! — Подключился ядовитый сарказм. — Какие кареты, когда письма могут долетать за секунды; когда лицо собеседника с другого конца света видишь на экране монитора! Когда люди за несколько часов переносятся на самолетах в разные точки мира! Когда мужчины и женщины равны в своих правах! И ты спрашиваешь, хочу ли я вернуться? Там была моя жизнь! Пусть не сахарная, пусть гадкая порой и страшная, несправедливая и тяжелая, но это была моя жизнь! — Я наконец выдохлась и охрипла. — Это был мой мир! А здесь я кто, что, зачем и почему? Абсолютно ненужный, случайный человек...

Закончила обессиленные причитания в объятиях мужчины. Вздохнула судорожно и обмякла, отдаваясь на волю крепким рукам, что прижимали меня к сильному телу.

Как ни странно, но после такого демарша появилась легкость на

душе. И спокойствие. Будто все встало на свои места, и я сдала последний трудный экзамен.

— Если бы я мог чем-то помочь, — невнятно прошептал его милость мне в макушку.

— Я до сих пор убеждаю себя, заставляю думать, что это все не навсегда, как экстремальный отпуск на каком-нибудь острове, лишенном всяческих благ. Надо только смириться с временными неудобствами, попробовать получить удовольствие от вынужденной простоты и архаичности. Я дитя своего времени, понимаешь? Дитя прогресса и высоких технологий. Для меня вся ваша магия, как... Не доходит она до моего сознания до сих пор. — Открыто взглянула в лицо собеседника, смагивая слезы с ресниц. — Но самое кошмарное — я успела здесь, в вашем мире, влюбиться.

Карре нахмурился, осмысливая сказанное, потом вдруг улыбнулся.

— Я рад.

— Чему?

— Я рад за брата.

— Что это меняет? Он скоро будет несвободен. — Выбралась из кольца рук Леонарда.

— Это не помолвка, Анна. Это всего лишь знакомство. Рич не сказал тебе?

— Он вообще немногословен у вас. Промолчал и убежал.

— Странно... Хочешь?..

— Нет!

— А может...

— Зачем?

— Тогда...

— Лео, переживу!

— Бздун нам не пара! — напомнил о себе невольный свидетель нашего странного разговора, вставив свое коронное «фи».

— За всеми страстями про пернатого забыли. Ни одного ведь слова, поганец, не пропустил, — попеняла я на свою неосмотрительность, неблагоразумие и беспечность по поводу внезапного эмоционального срыва при говоруне-пересмешнике.

— Это всего лишь птица! — отмахнулся виконт.

— О, поверь, этот фрукт с феноменальной памятью. Запомнил все и сумеет использовать услышанное по своему усмотрению.

— Молчу за тр-ри импер-риала в день!

— Что я говорила? — Развела руками. — Еще и шантажирует!

В комнату тихо вошла Тельма с большой кружкой. Успела уловить тревогу в её глазах, промелькнувшую неясной тенью. Увидев бодрствующего Карре, знахарка натянуто улыбнулась.

— Как чувствуешь себя, касатик?

— Шишка у него на затылке большая, — ответила я за мужчину, приглядываясь к «тетушке».

— Пей, — сунула она ему в руку посудину, — отвар там. Да, вижу, что без надобности, все равно пей, не пропадать же травам. — Повернулась ко мне, рассеянно оглядела и огорошила: — Сейчас поужинаем и будем собираться, девонька. Выезжаем, как стемнеет.

— В ночь? — удивилась я.

— Что случилось? — напрягся милорд.

Распахнулась дверь, и через порог шагнул граф Моран. Серое лицо, усталый взгляд.

— Прошу прощения, дамы, перекусите в дороге. Лео, лошади готовы. Карета без опознавательных знаков. На выезде из города будет ждать такой же экипаж. На большой развилке разъедетесь в разные стороны. После моста свернёшь на старую дорогу. Она вполне пригодная для передвижения, пусть длиннее, но безопаснее. С вами будет три стражника. Я из арсенала взял тебе двуствольный капсюльный бриган. — Рихард говорил коротко, по существу, безэмоционально и оттого страшно. — Баронессу и... — осекся, посмотрев на меня, и, не отводя взгляда, продолжил: — ...Анну доставишь в поместье и останешься там до моего приезда. Ни на шаг от неё не отходи!

— Да что происходит, объясни! — взорвался Карре.

— Ведьме свернули шею. Бушар отравлен. Начальник тюрьмы исчез.

Глава 12

— Ковальски, варианты.
— Стратегическое отступление.
— Поясните...
— Мы убегаем, но мужественно.
(м/ф «Пингвины из Мадагаскара»)

Нам дали не более десяти минут на сборы.

Это было суматошно, нервно и до трясучки страшно. В саквояжи и коробка летели вещи без должного пиетета и сортировки. Не было времени расправлять и складывать. В последний момент, перед тем как захлопнулась крышка последнего «чемодана», успела выдернуть из него полосатый гостиничный халат. Не хватало прослыть клептоманкой и опозорить наших титулованных спутников.

— Не жди меня, спускайся, — бросила мне ведьма, направляясь в свою спальню с ворохом одежды в руках.

В холле первого этажа застыла у окна, наблюдая, как служки шустро таскают наши вещи вниз на улицу. Часть закрепили на крыше экипажа, часть поместили в горбок на запятках. По меркам прошлых наших средств передвижения этот черный монстр был просто огромен.

Хозяин заведения собственноручно вынес из кухни большую квадратную корзину, из которой доносились запахи съестного. Повела носом, улавливая ароматы жареной курочки и сдобы.

— Все свежеприготовленное, не извольте беспокоиться. Доброй дороги! — отвесил мужчина легкий поклон и передал плетенку усатому швейцару. Тот, подхватив другой рукой клетку с Перри, вышел к карете. Пока принаравливался, как удобней разместить довольно большую круглую «конуру» с пернатым в салоне, тот ущипнул его за палец. Зашипев от неожиданности, дядька потряс пострадавшей кистью и застыл у открытой дверцы в ожидании отъезжающих гостей. Кучер обходил четверку лошадей, в последний раз проверяя упряжь. Молодой парнишка в такой же куртке, как и возница, зажигал фонари по бокам кузова. Возбужденно переступали с ноги на ногу кони под троицей

наших охранников. Все как один в темных одеждах и вооруженные длинноствольными пистолетами под ремнями на поясе. В дополнение у каждого сбоку висела изогнутая сабля. Я бы даже сказала шашка — из-за отсутствия гарды.

Весь этот антураж со сборами навевал на меня мрачные мысли, близкие к паническим.

Громко всхрапнул Декар у коновязи.

Оглянулась на шум шагов по лестнице. Карре буквально слетел со второго этажа и, подхватив меня под руку, повел на улицу.

— Чуть сгорбись и шаркай ногами.

— Зачем?!

Удивилась необычной просьбе, но при этом послушно ссутулилась и, вжав голову в плечи, покосилась на бляху из темного металла поверх шевронов в виде трех красных скрещенных полосок на рукаве его куртки. Точно такие же нашивки успела рассмотреть на одежде нашей охраны.

— Делай, как прошу, Аннушка. Вот так, хорошо... Изображаем древнюю немочь, — прошептал и натянул мне капюшон до самого носа.

— Что еще за «цыганочка с выходом»? — проворчала, старательно изображая трясущуюся старуху.

— Некогда объяснять, — нараспев прогундосил его милость, быстро оглянувшись по сторонам и, не обращая внимания на протянутую ладонь швейцара, сам без церемоний запихнул меня в карету. Все это получилось у него так деловито и решительно, что осталось только руки отряхнуть, как после хорошо выполненной работы.

Морана же нигде не было видно. Не желает напутствовать на стелящуюся скатертью дорогу? Пожелать удачи? Стоит сейчас где-нибудь в сторонке, наблюдает за нашим маскарадом. Попытку высунуть нос наружу пресекли рыком «Не высовывайся!», да таким грозным, что меня в страхе отбросило в дальний темный угол, заставив покорно затаиться и... уставиться на женщину напротив. Она не шелохнувшись сидела рядом с клеткой черным бесформенным мешком, скрытым в густой тени салона.

— Вы кто? — севшим голосом спросила незнакомку.

— Ваша попутчица на какое-то время, — ответила она тихо и приложила палец к губам, призывая к молчанию.

«Тетушка» появилась не менее эффектно. Вышла не спеша на

крыльцо. Вроде как нерешительно потопталась на месте в свете лампы под козырьком и демонстративно поправила шляпку с... вуалью! Я вытаращилась на этот спектакль, не понимая ровным счетом ничего в этой игре уважаемых аристократов. Облаченная точно в такой же плащ, как у меня, Тельма не торопясь прошествовала к карете и, приняв помощь усатого привратника, с грациозностью молодой девы впорхнула в салон.

Слишком громко хлопнула дверца. Слишком обыденно прозвучало «Трогай!», слишком резко рванули лошади с места. И я, начиная понимать, для чего было устроено показательное выступление на пороге гостиницы, вцепилась знахарке в руку, чувствуя, как часто забилося сердце.

Так вот зачем нужны два одинаковых экипажа! Вот зачем этот маскарад с одеждой! Вот почему Леонард в форме конной стражи!

— Так надо, — коротко ответила ведьма на мой молчаливый протест.

Да что же они делают!

В животе все скрутилось узлом, и нехорошее предчувствие совершаемой страшной ошибки заползло в сознание, вызывая панику.

— Я без тебя никуда не поеду! — взбунтовалась дрогнувшим голосом.

— Ну что ты, милая, что ты, — Тельма обняла меня, утешая, — все будет хорошо...

— Нет, не будет!

— Нам нужно сбить со следа того, кто устроил на вас охоту, — глухо отозвалась «подсадная утка» из угла.

— А если он... они не поведутся на обман?

— После развилки узнаем. И... неужели я плохо сыграла роль нессы Анны? — возмутилась насмешливо баронесса.

До места встречи с близнецом нашей колымаги ехали в тревожном молчании. Колеса в последний раз прогрохотали по брусчатке, а затем мягко покатались по грунтовой дороге. Пропали фонари уличного освещения. В свете лун замелькали крыши низеньких домишек, заплатки огородов и садов. Серебром сверкнула в отдалении река. Немного пробежалась с нами параллельно, то ныряя за высокий холм, то вновь появляясь. То приближаясь, то прячась за густой растительностью.

Повернули налево и, съехав на обочину, карета остановилась возле какого-то полуразрушенного дома, чьи черные стены без крыши вырастали из земли, закрывая собой добрую часть звездного неба. Открылась дверца, и неясный силуэт мужчины вежливым голосом произнес:

— Госпожа, поторопитесь.

Тельма в последний раз меня обняла, поцеловала в лоб, высвободила свою руку из моего захвата и, прошептав «Встретимся в поместье», покинула повозку, опуская на лицо вуаль. Незнакомка осталась. Экипаж дернулся, трогаясь с места. Прильнула к мутному оконцу, но увидела только разъезжающихся всадников. Трое рванули вперед, обгоняя нас, а еще трое — вероятно те, кого я видела у гостиницы — пристроились сзади и по бокам кареты. Когда глаза немного привыкли к полумраку, я смогла рассмотреть попутчицу. Высокая. Худощавая. В темном плаще, из-под которого выглядывали ноги в сапогах. Руки спрятаны в складках накидки, выпирающей бесформенным бугром на коленях, будто под ней держали какой-то крестообразный предмет. Заметив мой интерес, женщина снисходительно усмехнулась и чуть откинула полу, явив моему взору самый настоящий арбалет. Маленький, аккуратненький. Руки так и зачесались потрогать, поддержать. С уважением подняла глаза на воительницу.

— Вы работаете в управлении стражи? — поинтересовалась, пытаюсь определить возраст амазонки. Я бы дала ей лет тридцать. С хвостиком.

Соседка улыбнулась, явно получая удовольствие от восторженности на лице девицы.

— Я из Белых ведьм. Тельма не рассказывала тебе о нас?

Еще одна ведьма! Загадочна, вооружена и очень опасна. Наемница?

— Нет. Еще не успела, — ответила, совершенно не обиравшись на добродушно-ехидный тон.

Женщина понимающе кивнула и отвернулась к окну, не желая продолжать диалог. Все правильно: она на службе, а я отвлекаю пустой болтовней.

Загремели подковы, а потом и колеса по неровному деревянному настилу.

— Мост, — подсказала воительница и, наклонившись ко мне,

быстро заговорила, глядя в глаза. — Слушай меня внимательно, девочка. Когда я открою дверь и скажу прыгать — ты прыгнешь. Не задумываясь. Не сомневаясь. Не задавая вопросов. Кусты смягчат твоё падение. Не задерживайся, сразу откатывайся от дороги подальше в лес, в траву. Затихаешь зайчиком и ждёшь сто ударов сердца. Кого бы ни увидела на тракте, кого бы ни услышала — молчишь, голову не поднимаешь. Тебя найдут. Всадница. Повтори!

— Я... — Господи, что происходит?! Моргнула, сглотнула, выпалила: — Прыгаю. Откатываюсь. Лежу с зайцами. Головой в траве. Ой! Да! То есть... — Испугалась, что меня сейчас сочтут за тупицу. — Нет-нет, я все поняла!

— Умница! — Ведьма удовлетворённо откинулась на спинку сиденья. — Ничего не бойся. Главное, при прыжке сгруппируйся и береги лицо.

— А как я пойму, что это та самая женщина? — несмело подала голос, когда колеса кареты вновь покатались по земле, покинув дребезжащий мост над шумной рекой.

— Поймешь. Она назовет тебя странным именем, которое знают только баронесса и ты.

Вот как. Это каким же, интересно?

— А как быть с птицей?

— Выпущу, если не глупый — вернется домой.

— Его дом теперь я. — Грустно посмотрела на Бейла Ореста, притихшего и нахохлившегося.

Люди — вражины: ночь на дворе, а его куда-то везут в тряской карете.

Наш экипаж вошел в крутой поворот, да так лихо, практически не снижая скорости. Кузов опасно накренило. Нелепо взмахнув руками, охнула и опрокинулась на диванчик. Клетка заскользила по обивке и была остановлена на самом краю сиденья амазонкой. Но стоило только нашей «коробчонке» выровняться, как женщина распахнула дверцу и скомандовала:

— Приготовься!

Уже?!

Меня накрыло такой неопишуемой паникой, что сердце зашло в рваном ритме. Вот как возьму и грохнусь в обморок! Безвольное тело легче перенесет экстремальную эвакуацию.

Кое-как поднялась и на трясущихся ногах добралась до выхода. Уперлась ладонями по бокам от проема и расширившимися от ужаса глазами смотрела на пролетающие мимо кусты и деревья. Трава вообще, казалось, превратилась в сплошной гладкий ковер. Не ко времени начала вычислять скорость движения. Двадцать километров в час? Тридцать? Это туда я должна сейчас сига...

— Прыгай!!!

— Что? — пискнула и неожиданно получила хороший толчок в спину.

Весь полет был как во сне. Не со мной в главной роли. Мозг фиксировал треск сучьев, глухое протяжное завывание, столкновение тела с пружинистыми ветками, а потом и с землей. Не давая себе послабления, быстро поползла, помня наказ наемницы, продираясь сквозь заросли каких-то кустов, обдирая и царапая руки о сломанные стебли. Ноги путались в длинном подоле юбки, капюшон слетел с головы, вуаль болталась сбоку на одном честном слове. Добравшись до первого дерева, упала в невысокую траву, тяжело дыша, полагая, что достаточно удалилась от тракта. Карету с сопровождением уже не было слышно. Вокруг стояла мертвенная тишина.

Когда сипы, вырывающиеся из груди, поутихли, оглядела окружающее пространство. В кронах над головой путалась одна из лун. Я нащупала под рукой сухой лист, поднесла к глазам и только тогда почувствовала запах прелости и грибов. Запах влажного ночного леса. Вечерняя роса еще не высохла, блестя бриллиантами на паутинках между тонкими стволами деревьев, ловя редкий луч ночного светила. Ни птички, ни сверчка, ни ветерка, чтоб шевелил листвой, создавая дыхание живой природы. Тем пугающе было услышать цокот копыт лошади с одиноким всадником. Все-таки за нами следили. Наверняка во всех направлениях. А я наивно полагала, что они увяжутся за каретой с Тельмой, раз увидели подходящий по описанию объект наблюдения, пересаживающийся в экипаж, выбравший удобную и короткую дорогу.

Прильнув к шее животного, седок гнал коня галопом вслед умчавшейся повозке с ведьмой и Лео... Ох, Лео! В этой суматохе с рокировкой я совсем потеряла его из вида! С кем он сейчас? С названной тетушкой или с «подсадной уткой» летел вперед на своем Декаре, отвлекая на себя внимание шпиона?

Закрыла глаза и погрузилась в тихие страдания от нелепости моего

жития. Погладила, пожалела пострадавшие руки, начавшие щипать от многочисленных царапин. Ушибленный локоть сгибался, отдавая болью. Кряхтя, кое-как расправила под собой плащ, завернулась в полы. Не меняя позы, обняла себя за плечи в ожидании поискового «отряда» в количестве одной таинственной всадницы. Как долго мне её ждать? И можно ли уже встать? Отстучало сердце сто ударов? Кто ж считал!

Хрустнула ветка. Я вздрогнула — задремала? Распахнула в страхе глаза, притаилась. Тихий шорох травы под ногами человека уже совсем близко. Или не человека, а того, кто с лапами? Лежала и не дышала.

— Джон Сильвер?

Я не поверила своим ушам!

Приподняла голову, чтобы увидеть оглядывающуюся незнакомку, бросившую тихим, настороженным голосом имя, сказанное мной однажды у Аррии! Пароль принят, ловите отзыв. Вскинула руку.

— Я здесь, Флинт!

Глава 13

— Не бывает сказок, где нет старого доброго злодея.
(т/с «Шерлок»)

Сквозь кружевные цветочки вуали ни черта не было видно! В раздражении сдернула ее с головы. Ночь, темень, а тут еще эта помеха зрению. Натянула глубже капюшон и поспешила догнать спасительницу, поманившую меня за собой к лошадям.

— Я надеялась, что мы на одной поедем, — пробормотала, с сомнением оглядывая животное, на которое мне указали. — Если честно, я совсем не... — Слово «джигит» чуть было не сорвалось с языка. — Пару раз каталась, так, для общего развития... в манеже.

Амазонка номер два, совсем еще молоденькая девчонка, посмотрела на меня, досадливо прикусив губу.

— Мы не будем спешить, вы привыкнете к ходу.

— И на том спасибо, — выдохнула с облегчением, погладив лошадь по шее и, подтянув юбку, заправила край подола за пояс.

Вставила ногу в стремя, ухватила за заднюю луку, подпрыгнула и... поскакала на одной ножке за конякой, которая решила сдвинуться с места.

— Ой-ё-ё-ёй! Тпру-у! — Запаниковала, понимая, что не успеваю нагнать животное, и грозит мне это или вывихнутой лодыжкой, или позорным шпагатом.

Ведьмочка, хихикая, бросилась мне на выручку.

Новая попытка оседлать представительницу непарнокопытных оказалась более удачной.

— Как зовут красавицу? — Потрепала по холке свою лошадку.

— Сольвик. А мою — Тара, — с улыбкой в голосе ответила девочка, на зависть легко взлетев в седло. — Я — Браска.

— Анна.

Вот и познакомились. И имя это ей совсем не подходит. Слишком она для него изящная, хрупкая...

Тронулись. Сольвик подо мной послушно и неторопливо пошла вслед за амазонкой на короткогивой кобыле.

Ехали шагом через лес, стараясь держаться тракта, и благодаря какой-то удивительной способности девчонки видеть в темноте удачно объезжали молодую густую поросль и завалы, скрывающие под собой глубокие овражки. От первой можно было лишиться глаз — и вуалька не спасла бы, а напоровшись на вторые — вообще убиться. Вместе с лошадью.

— Как долго нам ехать? — спросила, подозревая, что таким темпом добираться до усадьбы будем неделю. Не меньше.

— У озера к утру будем, а там вас встретят! — весело откликнулась моя провожатая.

Про озеро решила не спрашивать. Вообще сложилось впечатление, что меня втянули в какую-то игру, забыв рассказать о правилах. То бабкой им прикинься, то из кареты выкинули на ходу, предупредив о каскадерском трюке в последний момент, а сейчас везут неизвестно куда... Кстати!

— А кто встретит?

— Не знаю, — отмахнулась она от вопроса. — Сказали доставить и все.

— Кто сказал? — Ответ меня насторожил.

Не к магу ли коллекционеру меня сейчас сопровождают? Вот так на блюдечке с голубой каемочкой и подадут. Впилась взглядом в спину девчонки в ожидании ответа. Если что...

— Мама, — улыбнулась та через плечо.

— Чья? — опешила я.

— Моя.

— А кто у нас мама?

— Вы с ней в карете ехали.

— А-а... — У меня немного отлегло от сердца, несмотря на крепчающее чувство тревоги. Значит, свои.

— Голодны?

— Очень!

Она еще спрашивает! Корзина с провиантом укатила в карете, как, впрочем, и все остальные вещи. А главное — бесценный саквояж-несессер от Аррии Флайт, в котором находилась баночка с заживляющим кремом. Царапины на руках вздулись, являя жалкую картину, и даже чудо-краска не смогла скрыть уродливые борозды. Локоть при сгибании причинял сильную боль. Ушиб? Не страшно — до

свадьбы заживет.

Усмехнулась горько: до чьей?

Мне протянули выуженный из седельной сумки небольшой сверток из белой ткани. Развернула и застонала от счастья. Бутерброд — ломоть хлеба, кусок сала, пучок зелени, на вкус оказавшийся петрушкой — сжевался быстро. Вкусно, сытно, но мало.

Час ли два ехали, когда я почувствовала усталость и подбирающуюся коварную дрему. Голова все ниже склонялась к груди. Руки слабели и норовили упустить поводья. Глаза закрывались, не подчиняясь уже воле хозяйки держаться молодцом. На груди, под блузой, распространялось приятное тепло...

От резкой остановки чуть не завалилась на шею Сольвик. Встрепенулась. Оберег уже не теплился, а грел, с каждой минутой все сильнее и сильнее. Сонливость как рукой сняло. Заозиралась. Девчонка, прислушиваясь к чему-то, шикнула на меня: «Тихо!».

— Что? — спросила я вполголоса.

— Всадники, — ответила та и сползла с лошади.

Последовала её примеру. Браска вручила мне свои поводья и, улыбнувшись проказливо, зашептала что-то, погладив по морде сначала свою, а потом мою кобылу. Коняки замерли недвижимо, даже глаза будто остекленели, глядя в одну точку.

Это она их заколдовала, что ли? Загипнотизировала?

Пока я удивлялась, ведьмочка, пригнувшись, скользнула в сторону дороги.

— Стой! Куда? — сдавленно зашептала вслед.

— Я только гляну...

Её маленькая фигурка в доли секунды исчезла в темном лесу.

Таурон как взбесился: пульсировал жаром даже через волшебную тряпицу, в которую был замотан. Зашипела сквозь зубы и, сжав его в кулачке вместе с тканью блузы, постаралась отстранить подальше от тела. Ладонь нещадно опалило горячим укусом.

Да что с ним творится?! Если таким образом предупреждает об опасности, то зачем же владелицу жалить с такой беспощадностью? Враг двигается по дороге? Но об этом я и без его отчаянных действий понимаю. А следом вдруг испугалась: не «растворил» бы он меня, сделав вновь невидимой.

Накатил такой неосознанный страх, что меня буквально придавило

к земле.

Не знаю, сколько там было всадников, по мне так целый взвод пролетел по тракту. Мелькнул между деревьями огонь. Много огоньков-факелов растворились в ночи, унося с собой гулкий топот копыт.

Вернулась Браска. Задумчивая. Суетливая.

— Нужно торопиться... Что с вами? — Кинулась ко мне.

— Кто это был? — выдавила вымученно, поднимаясь с колен.

— Псы.

— Наемники?

— Ага. И один маг.

— Не было печали, — чертыхнулась в сторону и прихлопнула на щеке кровососущее насекомое. Мир другой — комары все те же. — Куда теперь торопиться?

— Если они карету нагонят, поймут, что вас там нет... Их много. У них опыт. Они работают лучше, чем охотники за головами! Те по одиночке, а эти всем скопом — мышь не проскочит, если лес начнут прочесывать.

— О-о-о, — запаниковала я, — лес-то большой, может, углубиться в чащу? Пусть не к утру к этому озеру подъедем, а позже... дождутся, надеюсь, нас.

— Можно попробовать, — неуверенно откликнулась ведьмочка, глядя в сторону черных и на первый взгляд непролазных кущей, — только у нас провианта — на один раз перекусить. И местами придется идти пешком: весенней бурей деревьев много повалило.

— Не проблема, главное, на голодных хищников не нарваться. — Постановила и решительно направилась к своей лошади. — Ты что с коняшками сделала? — Споткнулась, напоровшись на замороженный взгляд животных.

— У Сольвик невестин период. Стоит ей только услышать жеребцов, кричать начнет, как ненормальная, ухажеров звать. Вот и пришлось усыпить, — пояснила девчонка и погладила кобыл по мордам. Те, разом очнувшись, громко всхрапнули, вскинув головами. Затрясли ими, забили ногами, недовольные коварством сопливой колдуньи. — Вы не волнуйтесь, я со всякой тварью управлюсь! И с хищниками! — Браска придержала мою лошадку, дождалась, когда я неуклюже взберусь в седло, а затем вскочила на свою Тару и повелела: — Держитесь рядом!

— Это уж как получится, — пробурчала удрученно, разворачивая Сольвик следом за амазонкой. — За маму не волнуешься?

— Она же Белая ведьма! — ответили мне с такой возмущенной гордостью, будто одним только нелепым вопросом я оскорбила бесприкословный авторитет матери и усомнилась в непревзойденном мастерстве воительницы.

Пусть так, но там же мой Перри Бейл Орест! Беспомощный маленький птиц!

Вот о ком сердце щемило, а не о тетке, вооруженной до зубов... арбалетом.

— Мы в горку идем или мне кажется? — мучаясь одышкой, задала вопрос ведьмочке.

Изнемогая от усталости, на одном упрямстве шла, вцепившись в путлище*, продираясь сквозь заросли и буреломы дремучего леса вслед за девчонкой и её Тарой. Под ногами все чаще стали появляться то рытвины, то выпирающие корни. Лошади начали спотыкаться, что уж говорить про людей! Хотя Браске возмутительно чаще удавалось избегать встреч с препятствиями, тогда как я ни единого шага не делала, чтобы не споткнуться, не поскользнуться, не ушибиться.

— Обходим участок хвойного леса — там больше всего поваленных деревьев!

Услышала ответ девчонки и удивилась: из-за моей медлительности интервал между нами значительно увеличился. Метров пятнадцать-двадцать было точно. Как можно разобрать на таком расстоянии моё недовольное бухтение?

— Признаю, плохая была идея идти ночью, — пропыхтела я, окончательно останавливаясь. С места больше не сдвинусь! — Сами без ног останемся и животных покалечим. Предлагаю привал до утра.

— Не успеем к обеду достичь озера! — с досадой откликнулась Браска и вынужденно повернула назад, не слыша за своей спиной топот копыт и тихие стенания попутчицы.

— Плевать. Я больше не могу. Это ты, как Сакагавея*, чешешь напролом с завидной удалью, а я человек непривычный и — мне не стыдно признаться! — неприспособленный к таким марш-броскам по непроходимой местности. Вот и Сольвик со мной согласна!

Моя коняка в подтверждение слов временной хозяйки, всхрапывая,

активно кивала головой.

Осмотревшись, ведьмочка вздохнула, сдаваясь. Маленький пяточок земли, покрытый травой, меж толстоствольных великанов вполне годился для нашей незапланированной стоянки.

— Воды мало осталось, — уныло констатировала спутница, достав из седельной сумки круглую деревянную емкость, приплюснутую с двух сторон. Потрясла ею. — И родника поблизости нет.

— Мне пары глотков хватит, горло смочить, — сказала, принимая баклажку, и чуть не подавилась, когда дочь Белой ведьмы ласково поманила светлячка и тот, блеснув неоновым зеленым огоньком, приземлился ей на ладонь. А дальше началась настоящая фантасмагория! Десятки, сотни братьев ночного «фонарика» слетелись невесть откуда. Покружили немного над головами и расселись, облепили стволы деревьев вокруг нашего пристанища.

Красота-то какая!

Пока я устраивала нам мало-мальски приемлемое ложе из листьев высокого папоротника, ободрав все кущи в округе при свете маленьких жучков, амазонка расседлала животных. Затем кинула мне большой теплый плед. Потом поймала ёжика, показала его мне и, почесав брюшко зверьку, отпустила, блаженно улыбаясь, глядя, как тот, недовольно фырча, косолапо потопал в кусты. И ведь даже не свернулся клубком в руках человека! Расслабился, получая удовольствие.

— Это последнее. — Браска протянула мне сверток с остатками провизии.

— Вот и оставь на утро, — отмахнулась я от соблазна, устраиваясь на жесткой «постели». — Утоли моё любопытство, маленькая колдунья: ты хорошо видишь в темноте? Обладаешь отличным слухом? Умеешь умирять животных?.. Тебя даже комары не едят! — Возмутилась, прибив очередное насекомое на своем лбу. — Какой у тебя дар?

— Я лесовичка, — просто ответила девчонка, растягиваясь рядом, а потом вдруг звонко хлопнула в ладоши, прошуршала что-то неразборчивое и погасила «светильники». — Все, больше не будут тебя кушать.

— Спасибо, — растерянно протянула. — Только я не поняла, ты не из Белого клана?

Прислушалась к пению кровопийц вокруг нас. Будто за незримой преградой, на расстоянии вытянутой руки злилось, бесновалось

полчище голодного гнуса, недоумевая, почему не могут приблизиться к таким аппетитным дамочкам.

— Мой отец был магом-природником. — Браска сладко зевнула. — Мама говорит, что кровь родителей во мне смешалась, создав уникальное творение...

Творение чего, я так и не услышала. «Уникальная» уснула крепким сном.

Утром продолжили путь. И теперь уже мне пришлось отвечать на многочисленные вопросы ведьмочки. Слагала на ходу «сказку» о Сакагавее — «простой деревенской женщине из глухой деревни, ставшей проводником по родному краю для двух исследователей-путешественников».

Сочиняла историю о «марш-броске» — странном, но интересном словечке, якобы случайно подслушанном в детстве у готуарских воинов. Воодушевленно несла бред о своих больных глазках, которые приходится прятать от солнечного света под густой вуалью...

Измученные и голодные добрались до озера только к вечеру.

Увидев серо-голубую гладь водоема, чуть не разрыдались дуэтом от облегчения: трудный путь позади!

К месту встречи пришлось еще около часа идти вдоль берега с низким кустарником и плакучей ивой. Наше отступление вглубь леса привело к тому, что мы прилично уклонились от изначального маршрута и почти сутки блуждали, преодолевая буреломы и буераки. Где напрямки, а где по извилистым звериным тропкам. Переходя холодные ручьи и взбираясь на холмы, поросшие кедровым стлаником.

— Чувствую дым от костра! — радостно возвестила меня Браска.

Ударила пятками в бока Тары и понеслась вскачь. Мне было жалко Сольвик. Какой смысл гнать уставшую лошадь последние метры, когда и так безбожно опоздали к назначенному времени. К огню, к горячей пище хотелось сильно, слов нет! Но что за люди нас там ожидают? Только её уверенностью в безопасности и нестерпимым желанием увидеться с матерью могла я оправдать опрометчивость поступка лесовички.

Жаворонки наперебой свистели в небесной выси. Солнышко клонилось к закату, медленно опускаясь к горизонту...

Вдруг пронесся легкий ветерок. Обдул холодным воздухом.

Замолчали птицы — разом, словно резко убрали громкость в радиоприемнике. На какой-то миг показалось, что заложило уши, — такая глухая тишина окутала меня.

Вразрез с тревожными мыслями таурон сохранял спокойствие. Интуиция молчала.

Я отвела в сторону зеленую ветвь плакучей ивы, возникшей на пути, и оказалась на большом пустынном берегу.

А потом увидела человека, и... сердце подскочило к самому горлу.

Судорожно потянула за поводья, пытаюсь остановить Сольвик, но животное упрямо шло вперед, к незнакомцу.

Резко развернувшись ко мне, дядька выразил удивление на лице, сменившееся восторгом. Он держал ведмочку за шею затянутой в черную перчатку рукой, другой одновременно зажимая ей рот. Девчоночьи испуганные глаза молили: «Беги!»

— Здравствуй, милая! — выкрикнул незнакомец и дружелюбно улыбнулся.

**Путлице — ремень, на который привешивается к седлу стремя.*

**Сакагавея — молодая женщина из индейского племени северных шошонов, которая помогла экспедиции Льюиса и Кларка в 1804–1806 годах исследовать обширные земли на американском Западе.*

Глава 14

— Похоже, это самая скучная битва добра со злом в истории.
(м/ф «Смешарики»)

Взгляд лихорадочно заметался по округе, фиксируя все и всех.
Распряженная карета с распахнутыми створками.
Разбросанные вещи вокруг неё.

Небольшой костер; четыре... пять... шесть мужиков в стороне
стоят кругом, наблюдая за происходящим. Все разного возраста.
Довольные морды щерятся, ухмыляются противно.

Кони, привязанные к корявому тонкому деревцу на краю поляны.
Короткогривая Тара одна, в стороне, у самой кромки воды.

У заднего колеса кучкой сидят люди. Связанные. Потрепанные.

Парень с кляпом во рту и оторванным рукавом на куртке со
знакомыми шевронами городской стражи рвался из пут. Кровь на
правой щеке. Самый молодой и рьяный.

Среди пленных — женщина. Белая ведьма не мигая смотрела на
мужчину, удерживающего её дочь, а рядом с ней... перевернутая пустая
клетка!

Где Перри?! Что с ним?! — Перехватило дыхание. Оглядела быстро
место у костра, у кареты в поисках... чего? Перьев? Трупика? С
головорезов станется свернуть шею беззащитному и языкастому
попугайчику.

Не увидела, и это вселило надежду, что пернатого успели
отпустить, как обещали.

Сольвик, ступая медленно, склонив голову, неумолимо сокращала
расстояние между мной и незнакомцем. Будто в трансе двигается,
переступает ногами, повинуюсь чьему-то мысленному приказу:
доставить во что бы то ни стало всадницу прямо к этому типу в темных
одеждах, в объятиях которого дергалась, мычала и извивалась Браска со
связанными впереди руками.

Во рту пересохло. Мысли спутались и заметались заполошно в
поисках выхода из тупиковой ситуации.

Неосознанно освободила ноги от стремян и на ходу, держась за

седло, сползла на землю. Отпустила луку и чуть не упала. Животное, словно и не почувствовав отсутствия седока, продолжало путь дальше.

— Подойди, не бойся! — поманил меня мужчина.

Посеребренные сединой виски. Высокий. Неопределенного возраста, но не младше сорока. Спокойный, чуть надменный взгляд. Аристократическая внешность. Это и есть тот самый злой колдун?

Оберег «молчит»? Почему?! Глушит какая-то магия? Странная ватная тишина — не она ли следствие коварной волшбы?

Шагов десять — пятнадцать мнимой свободы, а потом что? Камера из видений? Цепи? Что я одна могу против него и его верных псов?

Прижала ладонь к груди, ощущая под одеждой оберег. Что же ты ничего не предпринимаешь, зараза?!

Лошадь поравнялась с дядькой и... не останавливаясь, поплелась дальше.

Я сделала шаг назад.

— Куда же ты? — почти натурально удивился мужчина.

Наемники медленно, будто на неспешной прогулке, двинулись в обе стороны по краю поляны, в попытке окружить меня, зайти сзади.

Еще шаг.

— Не надо! Стойте, не подходите! — Голос от волнения дал петуха.

Еще шаг — продолжаю пятиться.

Псы замерли, поглядывая то на меня, то на хозяина.

— Послушай, не глупи! Тебе все равно некуда бежать! Да и набегалась уже, — добавил вполголоса, и только тишина позволила расслышать его слова. — Заставила ты меня поискать тебя, девочка. Хорошо пряталась.

Браска пискнула, зажмурившись. Нежные девичьи черты исказились гримасой боли.

Наверняка от злости сдавил ей пальцами шею сзади.

— Не трогайте её, прошу вас! — всхлипнула от отчаяния.

— Хорошо, отдай мне безделушку, и я отпущу вас на все четыре стороны! Надеюсь, ты понимаешь, о чем я? — пошел на сделку маг.

Поверить? Ну нет, я не наивная дура.

Замотала головой.

— Я не могу, — прошептала, чувствуя, как по щеке покатилась слеза.

Ведь я правда не могу! В нем моя надежда, мое будущее существование.

— Почему? — Коллекционер магических артефактов продолжал талантливо играть непонятого добряка. — Это всего лишь обмен. Простой обмен маленькой вещицы на твою жизнь и жизнь этих людей.

Раненный стражник прекратил бесполезные попытки освободиться и замер. Они все там, у кареты, смотрели на меня в напряженном ожидании решения девушки, скрывающейся под вуалью и, кажется, даже не дышали.

Что же делать? Отдать? Поверить? Эти парни... ведьма... их жизни в руках Векшиной Аньки. Растерянной и испуганной двадцатитрехлетней землянки.

Непослушными руками достала из-за ворота таурон. Потянула через голову и замерла на полпути. Кожаный шнурок натянулся, впиваясь в шею.

«Оберег не снимай! В безвыходной ситуации просто зажми в ладошке...» — всплыли в памяти слова старика в шляпе трилби.

И словно воочию ощутила на затылке холод серых стен подземелья, почувствовала запах сырости и гнилой соломы.

Мелькнула перед глазами картинка из видения.

Острый наконечник трости касается моего подбородка, надавливает требовательно, заставляет поднять голову. От укола в шею рефлекторно дергаюсь назад. Бьюсь затылком о камень и часто моргаю — пряди волос, упавшие на лицо, цепляются за ресницы, мешают открыто смотреть на человека, сидящего на стуле напротив...

— Ну же, дорогая! Ты сделала правильный выбор! — подбадривал, поторапливал меня гад в перчатках и вдруг зашипел, одергивая руку ото рта девчонки.

— Не верь! Он убьет! — заорала та, срывая голос.

— С-сучка! — звонкая оплеуха свалила Браску на землю у его ног.

От вида крови под носом лесовички, лежащей без движения с закрытыми глазами, меня повело от бессилия.

Затравленно наблюдая за приближающимся магом, сомкнула дрожащие пальцы вокруг таурона.

— Я не отдам! Только не вам! — истерично пискнула, прижимая кулачок к груди.

И будь что будет! Я не героиня. И пусть мне страшно до потери сознания, но до его рожи я, надеюсь, успею добраться.

А сама молила, молила, молила:

«Если ты меня слышишь!.. Если ты живой!.. Да сделай же что-нибудь, бесполезная железка!!!»

Браска неожиданно открыла глаза, осторожно перекатилась на бок и сделала неуловимое движение ладонью по траве, будто погладила. Путы сковывали её запястья, и оттого движение получилось коротким, неуклюжим. Губы её беззвучно зашевелились.

Прорезались звуки природы. Тихий плеск воды, потрескивание костра, вздохи-всхрапы лошадей, трескотня кузнечиков...

Меня так колотило, что я не сразу почувствовала теплую волну, окатившую с ног до головы.

— Ты позволишь мне посмотреть побли... — незнакомец осекся и, побелев лицом, заорал: — Держите её!

Дернулась, отпрянула и вскрикнула то ли от испуга, то ли от счастья, не увидев движения собственной руки. Скосила глаза вниз — ни одежды, ни тела... Меня не было! Растворилась!

Ликование чуть не утопило сознание. Не время!

Наемники сначала остановились в изумлении, а потом кинулись ко мне. Вернее, к тому месту, где двумя секундами раньше я еще стояла. Заметались, зарыскали по пустому пространству.

Как отскочить успела от них, не знаю. Сработала интуиция, чувство самосохранения. Тело, напряженное до предела, рывком переместилось на несколько шагов и оказалось в опасной близости от мага. Я на мгновение растерялась, а потом не дыша обошла по дуге замершего истуканом мужчину и присела возле Браски.

— Девочка, я же тебя все равно найду, — вкрадчивый, страшный голос колдуна заставил поднять на него глаза.

Чуть склонив голову набок, он медленно вращал ею из стороны в сторону, будто прислушивался. Сощуренный взгляд сканировал пространство. Руки расставлены в стороны, пальцы скрючены от напряжения, и между ними появились серебристые тонкие, как паутина, нити.

Предчувствуя ох какие нехорошие дела от этих непонятных проявлений волшебства, рванула, задержала узел на руках лесовички. Девчонка от неожиданности отпрянула и, вытаращив глаза, открыла

рот, чтобы...

— Чш-ш... — Прижала к её губам свою ладонь и моргнула неверяще, глядя за её спину в сторону зарослей.

Сквозь подлесок пробирался, клубясь, сизый туман. Выныривал из-под нижних веток маленьких корявых елочек и, словно живой, крался по траве, стремясь к речному берегу. Накрывая собой все, что попадалось ему на пути, будь то непотушенный костер, разбросанные вокруг кареты вещи, связанные пленники...

Псы, не сговариваясь, бросились к лошадям. Колдун напрягся, не отрывая взгляда от странного незваного «гостя». Я, подавшись легкой панике, оглянулась на Белую ведьму — как она реагирует на это неправильное природное явление? Мать Браски улыбалась!

И тут...

— Пр-ридурки, медуза вам в печень! Бздун, начисти им р-рыло!

Запрокинула голову. Мой маленький герой кружил над поляной и вдруг, совершив какое-то безумное вращение, камнем упал шагах в пяти от нас в сгустившийся туман, непроницаемой белой пеленой стелющийся по земле.

Выдохнула в ужасе: «Нет!» и задергала веревку ещё активней.

— Не надо, я сама, — запротестовала ведьмочка и вцепилась зубами в неподдающийся узел.

— Только не поднимайся, туман висит низко.

Ободряюще похлопала её по руке и чуть не взвизгнула, когда рядом с моей ногой шлепнулась какая-то переливающаяся дрянь, похожая на большой желеобразный сгусток с короткими отростками-щупальцами.

— Кляксами-ловушками кидается, гад! — прошипела Браска. — Не попадись в неё — спеленает.

Она что-то ещё шептала, но я уже не слушала. Ползла на четвереньках к питомцу. Словно в живой невесомой субстанции барахталась, путаясь в юбке, разыскивая в траве краснохвостого говоруна. Все что творилось за спиной отошло на задний план.

— Вернитесь! Найдите мне девчонку! — орал колдун, буквально захлёбываясь злостью.

Испуганно заржали кони. Рискнула высунуться из призрачного укрытия. Что-то необъяснимое происходило с животными. Со стороны казалось, будто их ноги увязли в белой глине. Бедные лошади

дергались, мотали головами, по телам прокатывались волны дрожи. Граница тумана чёткой линией разрезала пространство над поляной, создавая над- и подтуманье. Псы тянули за поводья, не обращая внимания на вопли мага, били по бокам, понукали несчастных скакунов, но безрезультатно.

А туман вокруг дышал, вздыхал и обволакивал, оседал прохладной влагой на открытых участках тела.

Влага. Я прекрасно помнила, как она преобразует меня, делая хрустальной. Потому и не спешила покидать укрытие, сотканное из мельчайших частичек водяного пара.

— Псы шелудивые, вернитесь! Вы еще не отработали свое золото! — не унимался коллекционер.

— Подавись им! — один из наемников огрызнулся на заказчика, с силой ударяя рукой по крупу коня в бессмысленной попытке сдвинуть того с места.

Судя по звуку, где-то слева снова приземлилась липкая клякса.

Я опомнилась и поползла дальше.

— Паук, блин, недоделанный! — шептала себе под нос, чуть не плача, прочесывая взглядом пространство вокруг себя, насколько позволяла видимость. — Перрик, миленький, где же ты? Разве можно кого-то найти в этом молоке?

Трава, трава, кочка, камень, кочка, камень... Стоп! Не камень!

Тельце попугайчика было в коконе из полупрозрачных нитей. Этот двуногий каракурт попал-таки магической дрянью в герольда с крыльями. Трясущимися пальцами, приблизив птицу к лицу, стараясь быть осторожной, очищала, снимала с дружочка обжигающую холодом липкую гадость. Даже дурно стало от мысли, что могу не успеть, и Бейл Орест задохнется. Стоило только освободить его голову, как питомец раскрыл клюв и моргнул глазками. Живой. На радостях чуть не расцеловала пернатого, но сдержалась, сообразив, в чем он только что был.

— Дурачок маленький, не мог в засаде отсидеться? Что тебя понесло под обстрел? — ворчала, отползая с пернатым в руке... уже не зная куда. Куда-нибудь подальше от летающих снарядов со щупальцами. Совсем рядом шумно вздохнула лошадь. Я себя тут же ассоциировала с тем самым ёжиком в тумане. Мультишная ситуация, обхохочешься. Но как-то не до смеха было, когда то и дело в опасной

близости падают «бомбы» из...

Фью-ють... Чмяк!

Покосилась на распростертое нечто ядовито-зеленого цвета, которое зашипело, запузырилось, разъедая траву и впитываясь в прожженную землю. Ужас! Кислота? Каким еще арсеналом обладает колдун? Надеюсь, ядерного ничего нет.

Сменила направление, и пальцы неожиданно погрузились в песок. Тихий плеск воды впереди, казалось, руку протяни. Присела, поникла, опустив плечи.

— Ты только молчи, малыш, не выдай наше местоположение, — тихо уговаривала попугая, осторожно освобождая крылья от клейкого вещества.

Успела ли Браска освободить пленников? Колдун, по всей видимости, свою магическую гадость швырял куда ни попадая, мог и в обездвиженных людей запросто попасть.

Только подумала об этом, как послышался посторонний звук. Посторонний и очень знакомый. Уши наполнил шум, подобный шелесту множества крыльев. Он приближался сверху неотвратимым кошмаром. Запрокинула голову в попытке рассмотреть в вечернем небе предвестников чего-то зловещего — или это армия правосудия? — и ахнула. Шар, огромный живой шар из сотен, тысяч нетопырей завис над озером, скрытым туманом, не долетев несколько метров до берега.

— Куда?! — Повелительный вопль накрыл всю округу. — Правее возьмите! Да не в эту сторону, бестолочи! В воду хотите меня уронить?!

По требованию неизвестной обладательницы командного голоса дисциплинированные твари клубком переместились к центру поляны, плавно опустились и рассыпались, разлетевшись в разные стороны, оставив на земле... женщину. Маленького росточка, в простом сером платье и в цветастом платке, хитро повязанном на голове.

Незнакомка махнула рукой, и мыши, взмыв вверх, с бешеной скоростью хаотично заметались на фоне вечернего неба, аж в глазах зарябило.

— Как же я рада тебя видеть, Элиас! — Распахнула объятия прибывшая дама.

— Селеста... — сквозь зубы просвистел в ответ маг.

У меня дернулся глаз: это верховная ведьма таким оригинальным способом к нам пожаловала? Не на метле, не в ступе, а вот так,

буквально на крыльях летучего десанта.

Лицо колдуна исказилось от ненависти. Сжав кулаки, мужчина стал медленно поднимать руки и... не смог. С удивлением покосился на свои конечности. Еще раз попробовал — тот же результат. Дернулся было в сторону неожиданной гостии всем телом, да не тут-то было! Туман облепил его до самой талии, будто запаковал, как и лошадей, не давая возможности пошевелить ни ногой, ни рукой.

— Я, — лучезарно улыбнулась визитерша, — огорчен? Ой, ты знаешь, — всплеснула она руками, не давая «каракурту» ни слова сказать, — не буду долго разговоры разговаривать. Сильно ты меня взбесил, ваше сиятельство. Прямо до кровавых мошек в глазах! Скрывался, прятался — зачем? Думал, не найду? Наи-ивный. Не-не-не, не вырывайся, не получится. Да и не страшны мне твои шарики вонючелипучие.

— Отпусти, поговорим, — сдерживая ярость, просипел маг.

— Пф-ф, не буду я этого делать, — капризно фыркнула Селеста и провела ладонью по более рыхлому и прозрачному верхнему слою завесы. А тот, как ласковый котенок, требующий еще внимания, потянулся за дланью, цепляясь за пальцы, окутывая кисть женщины белесой субстанцией. — Тельма, голубушка, какой замечательный дымок у тебя получился! Ты же со мной поделишься секретом, как ты его таким сделала? Забавный! — крикнула женщина в сторону, и из-за ивовых зарослей вышла моя баронесса Брайт.

Я уже устала удивляться.

— А-а, и ты тут, старая! — Маг обернулся к знахарке. — Ненавижу. Как же я вас всех ненавижу. Мало я вас истреблял. Моя бы воля, под корень извел весь ваш ведьминский род!

После этих слов с лица верховной спала всякая доброжелательность.

— Господа хорошие, чего стоим? Вяжем, пакуем отребье псовое! — отдала она кому-то приказ.

Ох, я и не заметила, откуда и когда появилась группа людей в форме стражи. Много людей. Часть из них уже окружили не сопротивляющихся и слегка обалдевших наемников, не успевших сбежать, а часть рассредоточилась вдоль подлеска. Казалось, люди из-за разбросанных и скрытых туманом ловушек не спешат выходить на открытый участок берега. Сколько ни всматривалась, не могла

обнаружить среди них Лео. Издалека все мужчины в похожей по цвету и фасону одежде казались на одно лицо.

— Вот и хорошо, вот и славно. И нам пора, милоч. Заждались тебя крысы подвальные! — протянула зловеще. — Ребятушки, возвращаемся! — Вскинув голову к небу, верховная повелительно крикнула и, поправляя платок на голове, ворчливо добавила: — Доесть не дали. Такие аппетитные свиные ребрышки были! Поди холодные уже...

Стая рукокрылых метнулась к хозяйке, да все разом. На подлете к земле разделились на две равные части, облепили, опутали мага и Селесту и понесли, набирая высоту, напрямик через озеро в сторону далеких высоких гор. Только шарик с господином Элиасом был нестабильным, все норовил рассыпаться. Дергался из стороны в сторону, изрыгал проклятия голосом колдуна и дрыгал в воздухе торчащими из него человеческими ногами.

Вот и все.

Вздохнуть бы с облегчением, но в душе от этой встречи осталось легкое разочарование. Ни судилища, ни долгих разговоров. И пяти минут не прошло, а от мужчины, который много лет преследовал, как рассказывал Карре, их с Мораном семьи, осталось только воспоминание и липкие кляксы на земле. Донимал, подкупал, угрожал, покушался, лелеял мечты о могуществе, а они в одночасье возьми да и рассыпсы прахом. Жизнь положить на алтарь всевластия, а в результате... даже знать не хочу, что с ним дальше будет.

Думаю, у ведьм накопился солидный список его грехов.

Сидела на берегу, вяло наблюдая, как развеивается, истаивает молочный туман. Открывает взору оптимистичную картину воссоединения коллег по службе, оказания первой помощи раненым, трепетных объятий Белой ведьмы с дочерью...

Свет от зажженных факелов лишь чуть-чуть разгонял густые сумерки, выхватывая из темноты силуэты людей, лошадей, кареты...

— Аннушка! — Бегал, метался по поляне виконт.

— Голуба! Где же ты? — Оглядывалась растерянno по сторонам баронесса.

— Анна, отзовись! — молил громче всех молодой граф.

Глава 15

— Я люблю тебя, сам не зная как, почему или даже откуда.
(х/ф «Целитель Адамс»)

— ...Сбежав из Готуара, мы с дочерью остановились в Ливике. Гостевые комнаты снимали у одной хорошей женщины. Спаленка и кухня. Не хоромы, но нам двоим хватало. Жили в ладу с людьми и друг с другом. Я лечила, снадобья готовила, иногда соседу-аптекарю помогала с мазями, микстурами. Не бедствовали, но и не шиковали. Дочь подросла, помогать стала...

Под тихий скрип колес ведьма рассказывала историю своей семьи, заново переживая драму давно минувших дней. Карету чуть тряхнуло на кочке. Спящая девушка в руках Морана пошевелилась, устраивая поудобнее голову на его плече. Вздохнула. Щеку графа опалило горячим дыханием, отчего его тело покрылось приятными мурашками. Он невесомо провел ладонью по её волосам. Рука дрогнула. Нестерпимо захотелось коснуться не так, слегка, а ощутимо, чтобы почувствовать мягкость прядей. Запутаться в них пальцами. В темноте повозки трудно было определить их цвет. Пока он был для него просто темным.

Просто темным, но уже таким любимым. Некстати, не ко времени почувствовал подступающее возбуждение. С силой смежил веки и откинулся затылком на спинку сиденья.

— ...Бушара Бланка встретила случайно: аптекарю относил травяные смеси и столкнулась с ним на пороге лавки. Начались преследования. Настойчивые, наглые. Бесстыдные предложения довели кровинушку до того, что она от каждого прохожего шарахалась. Все глумливые ухмылки да понимающие взгляды ей мерещились. Столько лет прошло, а как вчера было...

Тельма замолчала, задумавшись. Её никто не торопил. Все понимали: женщине нелегко вспоминать не самые приятные моменты прошлой горькой жизни.

— У тебя руки затекли, давай я Аннушку подержу, — потребовал Леонард еле слышно, боясь нарушить тишину.

Рихард упрямо мотнул головой: «Нет».

— ...Дочь боялась за порог выпустить, вот до чего довел нас, подлец, но взаперти все время держать не будешь, — продолжила знахарка. — Подружки гуляют, с парнями знакомятся. Отпустила на праздник Стужи. А там молодежь забавы ради гонки по снежной дороге устроила. Вот в одни санки моя Бланка с каменщиком Натаном и прыгнули. А вылезли из них уже держась за руки... влюбленные.

Рассказчица опять замолчала.

— Госпожа Брайт, — Карре нетерпеливо поерзал. Не потому, что спешил услышать конец повествования старой баронессы, а потому, что все казалось: брат держит Анну как-то... неуклюже. Да и излишне крепко его рука обвивает талию девушки, не позволяя той дышать свободно. И сама её поза у него на коленях, с его точки зрения, неудобная. Вот он бы... — что было дальше?

Женщина очнулась от своих дум. Достала платочек и вытерла влажные от слез глаза.

— Горст собрал молодчиков — уж не знаю, из друзей или бандюков каких нанял, только подловили они Натана недалеко от нашего дома и избили до полусмерти. Соседи наткнулись на тело, принесли ко мне. Бланка почернела вся, как его увидела. Тут я и поняла, что Бушар не даст им спокойно жить, не позволит быть счастливыми. Вылечила я парня и, как только тот встал на ноги, дала свое материнское согласие на брак и ночью, тайно, отправила подальше от этого чудовища. В чужую страну.

Рихард почувствовал, как голова девушки после сказанного Тельмой сильнее вжалась ему в плечо. Он подозревал, что она проснулась уже давно, но не собирался ни видом ни словом давать понять об этом другим спутникам. И ей. Единолично, эгоистично пользуясь моментом близости. Наслаждаясь её расслабленностью, трогательным доверием, тихим дыханием. Их маленькой тайной на двоих и... запахом. Только ей принадлежавшим ароматом. Этот душистый оттенок... он ведь так явственно его почувствовал еще тогда, в номере трактира «Усталый путник»! А потом как одержимый пытался уловить его во всем, что его окружало. И не находил.

— Позвольте предположить: поди огорчился писарь подобному коварству, — хмыкнул виконт.

— До сих пор помню его холодные пальцы на шее. Найду, говорит, украду, увезу — все равно моей будет. Страшный. В глазах злость

лютая. Пока громил мне все в комнате, я из тайничка порошок тот самый, что давеча использовала на балу, достала, да дунула в морду его ненавистную.

— И что же вы ему сказали после? — подал голос его сиятельство.

— А то и сказала, что отрада у него есть, любит его и он её до безумия. Что если женится на ней, станет большим человеком, богатым. Надо всего-то очень постараться понравиться её батюшке. Он ведь не из простых, как вы знаете.

— Да, я помню. Обнищавший баронский род. Четвертый сын. Его секретарем-то взяли по протекции старого друга милорда Нонсьера.

— Ох, милые, такой камень на душу я себе тогда положила, думала, не снять вовек! Свою семью спасала, а чужую искалечила. Дочь бургомистра Кора хоть и не отличалась покладистостью да духовностью и воспитание совсем не пуританское имела, только не заслужила она такого мужа.

— Насколько я знаю, она вас простила. — Лео, отдернув шторку, всмотрелся в темноту за окном. — Мне кажется, мы подъезжаем.

— Сказала — обиды не держит, — согласилась знахарка. — Детки у них славные получились, как бы там ни было.

— Вы поедете к дочери? — Карре сверкнул глазами на брата: рука последнего уж больно фривольно опустилась чуть ниже Аннушкиной талии!

— Не знаю, это племяннице решать. А я без неё уже никуда не поеду.

— Тельма, — неожиданно подала голос девушка и тихо, жалобно застонала.

— Что болит, милая? — Старушка встrepенулась, обеспокоенно вглядываясь той в лицо.

— Голова. Сил уже нет терпеть... — еле слышно прошептала, облизав пересохшие губы.

Морану этот стон по сердцу резанул. Он переживал и нервничал оттого, что ничем существенным помочь не может, как только держать на руках, предостерегая от болтанки во время хода кареты.

— Вот глупая, зачем же терпеть-то! — разозлилась знахарка, полезла в свою кошелку и передала Леонарду флакончик с каким-то зельем. — Ваша милость, помогите её напоить.

— Ей точно станет легче? — проявил излишнее сомнение

встревоженный братец графа, прикладывая горлышко склянки к губам страдалицы.

— С этой вещицей у неё на шее ни в чем нельзя быть уверенным, касатик, — вздохнула старушка горестно.

— Что вы ей дали?

— Снотворное.

— Ослабь хватку — раздавишь девочку! — шипел в спину кузену виконт, следуя по пятам.

Старый дворецкий поспешил открыть перед хозяином со странной ношей на руках дверь большого двухэтажного дома. Склонил голову в почтении. Ответил теплой улыбкой на приветствие молодого наследника графа Карре, щурясь от ярких лучей восходящего дневного светила. Охнул, когда тот панибратски хлопнул его по плечу.

— Как здоровье, Тибор?

— Да ничего, кряхтим помаленьку, ваша милость, то там кольянет, то тут стрельнет, в целом бодры и веселы, на погост не торопимся.

Лео хохотнул и галантно пропустил вперед Тельму.

Офра — кухарка и горничная в одном лице — встречала прибывших в просторной передней. Волнуясь, мяла белый фартук. С интересом и легким беспокойством не таясь рассматривала незнакомок.

— Добро пожаловать в Бережины. — Присела в коротком книксене. — Рады вашему приезду, милорд. Комнаты для вас и ваших гостей всегда готовы, — частила, мысленно сокрушаясь, что не успели подмести подъездную дорожку от мелкого сора и подрезать слишком разросшиеся кусты у крыльца. Неожиданным для них с мужем оказался в этот раз визит владельца имения, да еще и в такую рань! — Прошу вас, я провожу.

Заторопилась следом по лестнице наверх, догоняя Морана со спящей девушкой на руках, который только кивнул на ходу и, не останавливаясь, свернул в гостевое крыло.

— Я сам, Офра. — Притормозил у одной из открытых дверей. — Устрой госпожу Брайт.

— Конечно, ваше сиятельство.

Женщина, бросив любопытный взгляд на ношу хозяина, удалилась обустроить вельмож, гадая: кто эта особа? Немного, но все же повидала она гостей в этом доме за все время службы на молодого

господина, но чтобы он кого-то носил на руках, да еще так трепетно прижимал к груди — никогда!

Осторожно сняв плащ с лежащей на кровати девушки, потянулся к её ногам скинуть ботиночки на невысоком широком каблучке. Замер, обхватив пальцами задник из жесткой кожи. Вспомнил вдруг болезненный удар в пах, что нанесла ему эта ножка. Усмехнулся: а ведь он её даже не собирался целовать в том склепе! Подразнить — да. Посмотреть на реакцию. Посмеяться потом... может быть. Уязвить. Что-то толкало его тогда к поступкам низким, неблагородным. Сам себе потом противен был.

И тут неожиданно понял: зависть это была! Самая настоящая зависть. К простым, бесхитростным отношениям между ней и Лео, одновременно нежным и дружеским.

— Рич, как она? — Шепот брата за спиной нарушил ход мыслей.

— Все так же... — ответил, ставя обувь Анны у кровати.

— Ты что, раздевать её собрался?! — Шипящий возглас, пропитанный негодованием, раздался над самым ухом Морана.

— Что ты хотел? — спокойно парировал его сиятельство и укрыл спящую легким покрывалом.

— Офра завтрак подала. — Его милость, казалось, выдохнул с облегчением, убедившись в нравственности поступка родственника.

— Составь компанию баронессе, я не голоден. Заодно попросишь у неё какую-нибудь примочку свести синяк.

— Не голоден он, — проворчал кузен недовольно, развернувшись к выходу из гостевых покоев. — А то я не знаю, что ты ничего не ел со вчерашнего обеда. Я вернусь позже, подменю тебя... И нет, я буду в укор тебе ходить и светить им! — Невольно дотронувшись до скулы, он болезненно поморщился.

— Иди уже! — раздраженно отмахнулся от назойливого виконта граф, желая поскорее остаться с девушкой наедине.

Дождался, когда закроется дверь, и перенёс кресло ближе к ложу. Долго сидел, откинувшись на спинку, и рассеянно блуждал взглядом по расслабленному телу бессы.

Анны-Лаэты Ньер.

Племянницы баронессы Брайт...

Ньеры... Ньеры...

Что-то крутилось в голове, связанное с этим именем. Что-то цепляло своей неправильностью.

Но как же... Вот же оно! Остун Ньер!

Морана даже холодный пот прошиб от своего открытия.

Готуар.

Десять лет назад главный храм истинных богов этой страны возглавил Цестий Милостивый, став верховным жрецом.

Настали темные, страшные времена для королевства. Ведьмы перестали быть в почете. Более того, они подвергались гонению и истреблению.

Море крови, пытки, костры... Но чаще жрецы просто отбирали силу у женщин, иссушая тело, оставляя пустую оболочку. Останки превращали в прах и развеивали по ветру.

Горстка аристократов пыталась достучаться до слабого, безвольного короля, который стал марионеткой в руках чудовища, убеждая правителя в неправомерных, абсурдных, возмутительных деяниях храмовников.

Цестий немедленно обратил свой взор на бунтарей, предателей... и их жен. Две из которых были ведьмами. Лаэта Ньер и Тельма Брайт.

Баронессу Брайт ценой своей жизни спас муж, переправив её с дочерью в Триберию, подальше от ярости Цестия.

Та в свою очередь незадолго до бегства умудрилась тайно доставить до границы с Лагосом двадцать женщин и тем самым спасти от неминуемой гибели клан Белых ведьм. О, этот поступок одно время был популярной темой в кулуарах и среди равнодушных людей слыл беспримерным подвигом титулованной особы.

Лаэта не пожелала оставить супруга и... погибла вместе с ним. Но!

Моран вгляделся в лицо Анны.

— Кто же ты? — прошептал, ища схожие черты с изображениями четы Ньер на портретах, виденных им когда-то в альманахе представителей аристократии Готуара, погибших в неравной борьбе с последователями жреца-фанатика, хранившемся в библиотеке при Академии Тормонда.

Рихард запустил пальцы в шевелюру, напрягая память.

Её милость — красивая белокурая женщина и барон Остун — русоволосый мужчина с серыми глазами.

И самое главное... Нет, он точно помнил: у них не было детей! Ни

в одной исторической хронике не упоминалось о наличии наследников у казненной семьи.

Так откуда же ты взялась, бесса Анна? Откуда на твоей шее таурон семьи Моран, который сначала привел тебя ко мне, а потом чуть не отобрал?

От воспоминаний о прошедшей тревожной ночи уже знакомо заняло под ложечкой. Первый раз он ощутил это неприятное и болезненное чувство у озера, когда среди людей у кареты не увидел девушки. Браска, дочь Белой ведьмы, только глазами хлопала: «Стояла и вдруг исчезла... Ранена? Не знаю...»

Что значит — исчезла?!

Такое всепоглощающее отчаяние охватило его, что стало трудно дышать.

Метался как одержимый по поляне, звал, молил, заставил стражников прочесать подлесок вдоль и поперек. И тут...

«Не мог таурон вернуть Анну в её мир?» — Тихий вопрос Лео, заданный ведьме, пригвоздил его сиятельство к месту.

«Мог», — обреченно прошептала баронесса и отвернулась от виконта, скрывая боль, искажившую старческое лицо.

Что?..

Рихард минуты две стоял пораженный случайно услышанным.

«Ты знал, откуда она, и молчал? — оттащив за грудки кузена в сторону, шипел граф, вглядываясь тому в глаза. — Куда вернуть? Какой другой мир?!»

«Отцепись! — вспыхнул Карре, сбрасывая с себя руки Морана. — Я сам только вчера об этом от неё услышал! А теперь спроси себя: почему она доверилась в первую очередь мне, а не тебе? Может быть, потому, что когда ей было плохо, тебя рядом не было? Или, может быть, потому, что у тебя язык узлом завязывается, когда нужно объяснить с девушкой?»

Не договорив, Леонард получил мощный удар кулаком в челюсть и, с трудом удержавшись на ногах, воззрился с обидой на брата.

«Ты совсем идиот!» — Потер ушибленную челюсть и, подхватив оброненный потухший факел, двинулся на обидчика.

«Господа, не время расписывать друг другу физиономии! — Разгорающийся конфликт остановила Белая ведьма, указав рукой в

сторону темных зарослей. — Смотрите!»

Сотни, тысячи крохотных святащихся точек вспыхнули в ночи среди растительности и, приманенные девчонкой-лесовичкой, полетели к берегу. словно над землей плавно порхали зеленые сверкающие феечки из сказки.

«Эти найдут... Если она еще здесь», — уважительно кивнула Тельма.

«Кажется, там!» — Браска обрадованно подпрыгнула на месте и бросилась туда, где светлячки, собравшись особенно плотной массой, устроили настоящую фантасмагорию. Ведьмы и милорды кинулись следом.

Под обрывистым бережком, нависающим над узкой песчаной полосой с раскидистым пышным пучком высокой травы, в углублении, как в норке, свернувшись калачиком, лежала она. В этот момент все как-то разом выдохнули с облегчением: «Жива!»

У Морана мелькнула мысль: в этой тьме ошибочно можно было принять человека, закутанного в плащ, за небольшой валун. И просто пройти мимо!

Упал на колени перед девушкой и, осторожно развернув её лицом к себе, мягким движением руки убрал налипшие на лицо пряди волос. Анна вздохнула рвано и подняла веки. Сверкнули в расширенных зрачках яркие звездочки, отражая свет мельтешащих жучков-фонариков. Заиграли блеском бриллиантов слезы в уголках глаз и утопили белки в соленой влаге. Самых красивых глаз в мире!

Он потом, при свете дня, рассмотрит цвет любимых очей, запомнит каждую крапинку, каждый лучик. Пересчитает все реснички. А пока он целовал эти невозможно прекрасные глаза и запоминал вкус её слез. Будто лопнула натянутая до предела струна в груди, позволяя чуть-чуть расслабиться, отогнать подступившие страх и отчаяние после странного диалога между кузеном и ведьмой.

Никуда она не исчезла! Вот она, во плоти, дрожащая в мокром от росы плаще. Тонкая, хрупкая. Такая смелая и такая ранимая.

Лео прав — он идиот! И получил виконт по морде не за свои слова, резкие и справедливые, а за то, что медлил и не развернул коней сразу, как только понял: их кавалькаду, сопровождающую повозку с Тельмой, никто не преследует. Группа наемников, замеченная еще в городе,

против ожиданий не купилась на виртуозный подлог с объектом их пристального внимания. Не успеет Белая ведьма посадить девушку в лесу, не перестрахуйся — не держал бы он её сейчас в своих объятиях...

Крякнул жалобно пернатый под накидкой, прижатый Анной руками к своей груди, приводя всех остальных склонившихся над ними в чувство. Загомонили наперебой.

«Деточка!..»

«Нашлась!..»

«Аннушка, ты цела?»

«Люблю тебя...»

«А как зовут птичку?»

Слова сорвались с его языка и утонули в потоке простых, бессмысленных и банальных фраз брата и ведьм. По лицу девушки было не понять: услышала ли она его?

«Я хочу домой...»

Рихард смог прочитать по губам просьбу, сказанную очень тихо. А потом она мучительно застонала, и лицо исказила гримаса боли.

Больше не медля ни минуты, поднял бессу на руки и быстрым шагом направился к карете.

«Уже отправляемся, милая, потерпи...»

О каком доме она говорила? Тогда смысл просьбы прошел мимо его возбужденного мозга, но сейчас все ранее сказанное или случайно оброненное ею складывалось в картину, поражающую воображение.

Отъезд в Виннет маячил наказанием свыше, но это было неизбежной необходимостью. Неделя. Всего одна неделя для разрешения вопроса, требующего его личного присутствия. Каррестарший не обрадуется выбору племянника, и Рихарда ждет трудный разговор. Но он готов. Готов бороться за свое счастье.

Часть 4

Глава 1

— Если он на чём настаивать будет, не кочевряжьтесь.

— Вы что это, в дурном смысле?

— В нём.

— Да вы что? Я девушка порядочная.

— Вот поэтому и говорю: не кочевряжьтесь!

(х/ф «О бедном гусаре замолвите слово»)

— ...Я не хочу, не желаю иметь от этой потас... детей! — Полный отчаяния шёпот был слишком громким в череде невнятного шелеста голосов, прорывающихся сквозь дрему, и окончательно разбудил меня. — От самого факта, что придется ложиться с ней в постель, выворачивает наизнанку. Чувство гадливости возникает при взгляде на неё и стоит вот тут, у глотки.

Голос Лео оборвался, на последнем слове. Представила, как виконт при этом ткнул двумя пальцами себе в шею над кадыком, наглядно демонстрируя степень неприязни к женщине.

— Не вижу трагедии. Она не мыслит жизни без столичного общества, ты прекрасно себя чувствуешь в своем имении. Живите себе спокойно каждый в своем мире.

— Рич, тебе мало того позора, коим она покрыла нашу фамилию? Теперь еще пойдет слава обо мне как о муже-рогоносце?

— Переживешь. К тому же у тебя будет отличный повод разорвать брачные узы, ссылаясь на многократные измены второй половины и нарушение ею супружеских клятв, данных перед богами.

— А в случае...

— А в случае её решения остаться подле молодого мужа предложи ей изначально такие условия совместной жизни, что она, не консумируя брак, сбежит от тебя, не успеют высохнуть чернила в храмовой книге. О, действительно предложи ей морское путешествие в качестве свадебного подарка.

— Её не укачивает, — убито констатировал мужчина.

Нездоровое, жадное, чисто женское любопытство разгоралось. Коль разговор идет о браке, то, следовательно, Карре не желает иметь

ничего общего с невестой — красавицей Софией. Отчего же такая неприязнь? Я ведь никогда его не спрашивала о ней.

— Скоро наступит время штормов, — убежденно вещал Моран его милости. — Уверен, перспектива болтаться на корабле в обнимку с ведром не приведет её в восторг. Подумай, тут вариантов много, время у тебя еще есть. А через год подашь на имя короля прошение о разводе.

— Тогда уж сразу на Дикий континент. На экскурсию. Может, потеряется где.

Послышался тихий смешок обоих братьев.

Ого! Какие кровожадные планы вынашивают коварные злодеи! После этого мне еще больше захотелось узнать историю нимфы с длиннющими ресницами и чарующим голосом.

— Что делает баронесса?

— Она с Офрой на кухне, варит снадобья. Птица с ними, развлекает их песней... про какой-то остров Чанга. И что жить там легко и просто. Насколько я знаю, у нас таких нет.

Я не выдержала и улыбнулась.

— Чунга-Чанга, — уточнила, открывая глаза.

Лео от неожиданности дернулся так, что ножки кресла проехали по паркету.

— Аннушка... — подался он ко мне всем своим радостным настроением.

— Сходи за Тельмой, — непререкаемо распорядился его кузен, перебивая на полуслове.

— Вот ты... — возмутился было Леонард, но все-таки вышел, оставив нас одних.

Его сиятельство аккуратно взял мою ладонь двумя руками, поцеловал и начал легонько поглаживать пальчики.

— Долго я спала? — уставилась на макушку мужчины, склонившегося надо мной.

— Обед уже прошел.

Рихард поднял лицо и устремил на меня взгляд, в котором читалась такая вина, что мне даже стало его жалко.

— Что?.. — в беззвучном вопросе шевельнулись мои губы.

В чем он себя винит?

— Я не успел.

— Куда? — Удивилась, подмечая и усталые глаза, и темные круги

под ними, и легкий беспорядок на голове. Не спал уже больше суток?

— К озеру. Понадеялся на... Впрочем, он уже получил за то, что медлил. — Скривившись от досады, бросил взгляд в сторону закрытой двери, за которой скрылся родственник.

— Ничего не понимаю, вы, кажется, вообще не должны были следовать за нами, — проговорила растерянно.

— Когда мне доложили, что за твоей каретой выдвинулся целый отряд наемников во главе с магом... Анна, я просто не мог оставаться на месте и ждать неизвестно чего.

— Но все ведь обошлось.

— Ты не понимаешь, — разочарованно помотал головой Моран.

Я ждала его следующих слов, пояснения, а он молчал, прижавшись губами к моей ладони.

— Не понимаю, — согласилась, чувствуя, что начинаю злиться. — Послушайте, я не привыкла к недомолвкам. Не понимаю полунамеков. Сама предпочитаю изъясняться открыто и... В конце концов, ответьте: что означают ваши знаки внимания? — выпалила и поразилась своей смелости.

Граф посмотрел на меня как-то странно и тихо сказал:

— Я всегда старался избегать банальных слов. Не хочу уверять тебя в приторной чепухе. Просто позволь мне и дальше ухаживать за тобой с самыми серьезными намерениями.

Вот так вот. А как же банальное «люблю тебя»? Думает, не слышала, не поняла? Даже сквозь ужасную головную боль, что преподнес мне оберег, слова, сказанные тихо, средь общего гама, но с таким отчаянием, я прекрасно разобрала. И из чьих уст они прозвучали — тоже. Он, наверное, и сам не ожидал от себя такого, а сейчас решил сделать шаг назад. Неуверен в себе? Боится напугать своим признанием деву, пришедшую в полное сознание?

В голове заполошно метались мысли. С языка рвались какие-то нелепости и откровенная глупость.

Рихард ждал моего ответа, а я почему-то медлила и отстраненно подмечала свое состояние: лежу на узкой кровати, ничего не болит, не колет, не ноет. Отлично выспавшаяся. В той же одежде, мятой и грязной. Пальцы свободной руки нервно теребят край легкого покрывала подо мной. Прическа наверняка представляет собой взрыв на макаронной фабрике! Господи, от меня такое амбре сейчас исходит!

Булькнуло в животе, жалобно запищало, засосало от голода.

— Я отвечу, обязательно отвечу, — суетливо подорвавшись с постели, затараторила смущенно. Подол платья закрутился вокруг ног. Неуклюже стала выпутываться из плена ткани, чертыхаясь. — Где тут у вас ванная комната? Я сейчас, я мигом, вы только никуда не уходите! — зачем-то добавила, окончательно утонув в конфузе.

Озадаченный моим поведением граф поднялся с кресла, пересек комнату и распахнул дверцу, частично скрытую за ширмой. Поблагодарила и прошлепала босиком мимо его светлости в предложенное помещение, опустив голову, скрывая полыхающее лицо.

Глянула на себя в зеркало и разрыдалась от счастья. От внешнего своего вида, пусть и растрепанного. От облегчения, что краска Аррии осталась на мне искусно наложенным макияжем. От кошмара на голове! От всего разом!

Таурон вернул мне меня! И глазки! И зубки! Это ли не повод для несказанной радости?

Оберег был вынут из-за пазухи и расцелован. Облобызала желтый металлический кругляш со всех сторон, заливаясь слезами и хлюпая носом.

— Спасибо! Спасибо, родненький!

Кувшин с остывшей водой и таз на узкой и длинной тумбе ничуть не огорчили. Глубокая ванна-монстр у противоположной стены испугала своими размерами и удивила отсутствием кранов. Правильно: откуда в отдаленном поместье водопровод? Радуйся, Нюрка, и этому минимализму и аскетизму.

— Анна, тебе что-нибудь нужно? — взволнованный голос Морана раздался с той стороны деревянного полотна.

Замерла со стянутой до середины бедра юбкой и быстро огляделась.

— А... мне бы халат какой!

— Голуба, я твои вещи за ширмой оставила, — ответили мне голосом Тельмы. — Спускайся в столовую! Ваше сиятельство, пойдемте и вы. Завтрак пропустили, обед пропустили, — ворчание ведьмы удалялось от комнатки с большой медной ванной на фигурных ножках. — Никуда она не денется из этого дома, чего её караулить...

Маленькая уютная столовая в деревенском стиле вмещала в себя

стол со стульями на шесть персон; буфет из красного дерева, заполненный всевозможной посудой; камин и полку над ним с расписными тарелками и подсвечниками, справа от очага — кресло с большим клетчатым пледом с кистями, небрежно перекинутым через спинку. По центру комнатки, на полу из широких темных досок под цвет посудного шкафа — невзрачный на первый взгляд ковер с преобладанием пурпура. Мне понравилась эта этническая простота.

На стол подавала невысокая женщина в опрятном фартучке и чепце с рюшами. Встретившись с моим заинтересованным взглядом, она улыбнулась.

— Офра, это госпожа Анна. Анна, это Офра — хранительница дома, — представил нас граф, вставая с того самого кресла.

— Да-да, а такжестряпуха, горничная, экономка и супруга Тибора — дворецкого, сторожа, конюха и садовника. — Женщина лукаво стрельнула глазками в сторону хозяина.

— Намекаешь на повышение жалования или на отсутствие помощников? — Граф вопросительно заломил левую бровь.

Кухарка махнула рукой.

— Да нам ли жаловаться на оплату, ваше сиятельство? Но вот от двух пар рук не отказались бы. Пока дом пустовал, справлялись сами...

— Я тебя понял, — кивнул Моран, не дав ей договорить, — сходишь в деревню, наймешь людей от моего имени. Бессе Ньер и баронессе горничных...

— Что вы, что вы! — запротестовала я. — Нам... — споткнулась об укоризненный прищур Рихарда, — одной горничной на двоих достаточно будет.

Выбрала золотую середину. Обошлись бы и без служанок вовсе, но не по чину теперича, не по чину. Будем соответствовать.

— Какую пожелаете, госпожа? Помоложе, постарше?

— Опытную и порядочную, — ответил за меня владелец поместья и отодвинул стул, демонстрируя светское воспитание. — Прошу к столу, Анна.

— Зачем мучили себя голодом?

Отрезая кусочек от отбивной, сетовала на напрасную жертву со стороны сидящего напротив мужчины. Столовые приборы позвякивали

о тарелки с одинаковым энтузиазмом, отправляя в рот вкусную еду.

— Боялся пропустить твоё пробуждение, — невозмутимо ответил граф, отпивая из высокого красивого бокала.

— Напрасно. А если бы я проспала до завтрашнего утра, а то и вечера?

Уставилась в пустую тарелку — не наелась.

— Анна, зачем ты прячешься за этим сарказмом? — Вытерев рот салфеткой, он несколько раздраженно отбросил её в сторону. — Тебе претит моё признание? Я сам... — и добавил жестким тоном: — Вдруг стал неприятен тебе?..

Закончились муси-пуси, стоило только вывести из минорного состояния титулованную особу. Куда делся ночной нежный, трепетный влюбленный?

— Нет. Очень даже приятен. Настолько, что хотелось бы знать, чем закончатся эти ухаживания с самыми серьезными намерениями? Чтобы потом не чувствовать себя брошенной душой, не страдать, не собирать себя из осколков.

Моран, явно начиная злиться, поводит из стороны в сторону нижней челюстью. Дернул шеей.

— Никогда, — начал медленно, доходчиво, — ни за одной юбкой я не бегал...

— Тут мы с вами похожи в своих пристрастиях: я тоже, знаете ли, за штанами вприпрыжку никогда не скакала и не собираюсь.

— ...И только с тобой случилось необъяснимое, потому что с первого взгляда на таинственную незнакомку душа перевернулась, и сердце погнало кровь, отравленную неиспытанным до того момента чувством!

— Красиво, — прошептала я, не в силах скрыть изумления от такого страстного монолога.

— Что?

— Красивое признание, — сказала, погрузнев, — только вы забыли об одном маленьком факте, милорд. В отличие от вашей скорой гостьи, я — никто. Чужеземка без имени и паспорта. Как фантом, то испаряюсь, то проявляюсь. Живу одним днем, потому что не знаю, что будет завтра. Потому что не чувствую себя здесь своей, нужной, полезной. Потому что просто в один момент я могу исчезнуть из этого мира так же, как и появилась!

Стул из-под Морана отлетел к стене. Секунда — и меня вздернули с места, поставив на ноги. Охнула, когда пальцы Рихарда крепко вцепились мне в предплечья. Стояли друг против друга на расстоянии вытянутой руки. Глаза в глаза. Его неистово-умоляющие. Мои немного испуганные, но непокорно-упрямые.

— Да мне все равно откуда ты! Хоть со звезды, хоть с острова с дурацким названием Чанга! — рывкнул граф. — Сними артефакт!

Моргнула. Не ожидала такого категоричного приказа.

— Зачем?

— Сними, и все сомнения тут же развеются!

Я вдруг вспомнила, как обещала вернуть таурон истинному хозяину по первому требованию, но...

— Нет.

Принципиально этого не сделаю! Пусть сначала вернется ко мне из поместья Карре весь. Целиком и полностью.

Его сиятельство, сдерживая новый эмоциональный взрыв, закрыл глаза и втянул с шумом воздух через нос. Запрокинул голову. Постоял так несколько секунд и, медленно выдохнув, уже спокойно выдал:

— Трусиха.

— Я?! — задохнулась от возмущения. Задержалась в попытке вырваться из захвата. — Конечно, это же я, не желая отвечать на неудобные вопросы, сбегала от вас. Это я напивалась в стельку, увидев вместо глаз черные провалы! Это я...

— У тебя светло-карие глаза. Крапинки болотного цвета ближе к зрачку. Когда ты улыбаешься, на правой щеке появляется ямочка. — От низкого бархатного голоса впала в ступор. От нежных интонаций подогнулись колени. — Шрам на верхней губе. Маленький, почти незаметный, только поцеловав тебя, можно его почувствовать...

— Я упала в детстве на горке. На полозья от санок, — прошептала пораженно и машинально коснулась кончиком языка знакомого рубчика.

— ...А я был полным кретином. Ты права — я боялся. Своих чувств. Своих ощущений. самого себя не понимал. Прости меня, милая. Прости, что дал повод для сомнения. Останься со мной.

— В качестве кого? — Спустилась... нет, рухнула с небес на землю.

— А как в твоём мире делают предложение девушке? — Моран

нахмурил лоб и улыбнулся криво и чуть виновато.

С ума сошел? Какое предложение? Мы знакомы-то...

— А когда вы едете в Виннет? — напонила так, между прочим, о грядущем событии. Если вдруг забыл.

— Невозможная женщина, — сокрушенно покачал головой его сиятельство граф Моран.

— Здравомыслящая, не уплывающая в нирвану от мужского обаяния, харизмы и ничем не подкрепленных обещаний! Да, я такая. Офра!

— Слушаю, госпожа! — выпрыгнула из кухни стряпуха. Да так быстро, будто стояла под дверью все это время.

А может, и стояла.

— У меня от содержательной беседы с милордом аппетит вновь разыгрался. Можно повторить все то, что недавно ели?

— Конечно, — всплеснула она руками и расплылась в довольной улыбке, — сию минуточку! Все будет!

— Не спеши! — крикнул ей вслед опомнившийся Рихард, притянув меня к себе и, скользнув ладонью на мою шею сзади, сказал усталым тоном: — Я не сделал одну вещь.

— Какую? — Растерялась от такой резкой смены настроения.

— Не поцеловал свою будущую невесту.

— Куда же вы так спешите, сударь, я еще не дала согласия. — Упрямо поджала губы.

— Я буду настойчив и нетерпелив. Очень нетерпелив. И это, — поднял руку перед моим лицом, — теперь будет храниться у меня.

— Нет!.. — обомлела я, дотронувшись до груди, где ещё несколько минут назад чувствовалось тепло от оберега. И который сейчас раскачивался на шнурке, зажатом в пальцах Морана. Когда успел? Как? Слезы обиды и бессилия навернулись на глаза. — Зачем вы так? За что?!

— Я верну. Когда попросишь отпустить, потому что разлюбила.

Стояла в нежных, но крепких объятиях Рихарда, и появление в столовой переговаривающихся людей и хлопанье крыльев слух отстраненно воспринимал как нечто ничего не значащее, очень-очень далекое, неважное.

— Рич, примчался гонец с депешей из Ливики. Завтра прибывает

Бэгшоу... О-о, целуйтесь, целуйтесь, это подождет.

— Какая прелесть! Первая ссора!.. — умилилась ведьма.

— Что за остров такой Чанга? Жена, где у нас была старая карта мира? — громко прошептал Тибор.

— И мне никого блин не надо, лишь бы ты ходила голая р-рядом!

— Перри! — осуждающе ахнула Тельма.

— Птичка жр-рать хочет! — жалобно курлыкнул пернатый.

— Просила же, не заходите туда! — слезно причитала Офра.

Глава 2

— *Знаете это чувство: стоишь на краю обрыва, и тянет прыгнуть вниз?... У меня его нет.*
(х/ф «Пираты Карибского моря»)

Его сиятельство отобрал у меня оберег и уехал в ночь.

В промежутке между этими событиями обозвал своей невестой и поцеловал в столовой на глазах у всех.

Потом недолго о чем-то говорил с Тельмой за закрытыми дверями кабинета.

Отдал какие-то дополнительные распоряжения слугам.

Отписал буквально на ходу краткое письмо дядюшке и, вручив его посыльному, прибывшему из Ливики, отправил с оказией в Виннет.

Расстроил Лео, обязав сопровождать себя на встречу с высоким судебным чиновником, прибывающим в город, в котором произошло черт знает что. Возвращаться одному в родовое поместье желания у виконта не было, потому тот смиренно пошел готовить лошадей, хотя, сдается мне, с удовольствием остался бы в Бережинах.

Выудил меня из кресла у камина все в той же столовой, где я сидела, находясь в каком-то оцепенении от всего произошедшего, и, выведя через запасную дверь на задний двор, пытался что-то объяснить без свидетелей. Но ввиду моего подавленно-заторможенного вида оставил попытку и просто крепко обнял.

Уткнувшись носом в плечо Рихарда, невидящим взором смотрела на желтую бабочку с черными точками на крыльях, перелетающую с одного цветка на другой. Удивилась отстраненно: вечером дневных красавиц и не увидишь, а эта не спешит присоединиться к товаркам в тени деревьев, под листвой, в коре, под крышами сараев... Небольшая аккуратная клумба, огороженная по кругу низким деревянным штакетником, выкрашенным в белый цвет, пестрела разноцветьем. Деловито жужжал шмель, копошась в махровой серединке розовой герберы... Тоже припозднился?

— Анна, ты слышишь меня? — шепнул граф мне на ухо.

— Слышу.

Мужчина отстранился, ловя мой взгляд. Я не хотела встречаться с ним глазами. Боялась того, что он в них прочтет. Горечь сожаления от его поступка, сродни предательству? Попросил бы, я бы сама отдала вещицу. Или не отдала? Скорее второе. Слишком уязвимой я себя чувствовала без таулона на шее.

А может быть, боялась показать смятение, непонимание мотивов столь стремительного, порывистого признания или душевную тревогу и сердечное беспокойство за свою дальнейшую жизнь, если вдруг он не вернется. Еще хуже, если вернется, но уже чужой.

— Не смей думать, что я эгоист. Не злись, что забрал артефакт, не обижайся. У меня есть оправдание такому поступку. Я встретил женщину и понял простую вещь: исчезни она вдруг из этого мира, и моя жизнь превратится в абсолютное проклятие.

— Разве так бывает? — Голос мне отказал, и слова вырвались с хрипом. — Я сейчас чувствую себя героиней какого-то бульварного романа, в котором события разворачиваются столь стремительно, что вот только на первой странице правила балом жгучая ненависть, а на второй уже читаю, как рулит любовь до гроба. Жизнь — она другая.

— Оказалось, бывает, — еще тише сказал мужчина, будто страшился собственных выводов или боялся вспугнуть едва открывшийся факт, что сейчас подобно той желтой бабочке мог стремительно исчезнуть, раствориться в выси, улететь и навсегда покинуть яркий цветник. — Дождись меня. Я приеду за тобой. М-м, — вымученно зажмурился, дернул головой, — не знаю как скоро. Сколько продлится разбирательство в Ливике, не знает никто. Потом срочно в Виннет. Анна, этот визит виконта Бикерстаффа с дочерью планировался очень давно, и я обязан быть подле дяди. Обязан поставить старика перед фактом, что нашел свою... судьбу, прежде чем он начнет переговоры с его сиятельством о... Нет, нет, нет, не бледней! Я не допущу никаких сделок!

Снова кивнула, думая о странной просьбе, прозвучавшей в начале его длинного монолога. «Дождись меня...» Теперь я точно никуда не денусь без оберега, чего бояться-то?

Все понимаю и принимаю объяснения. Но сердце противится, сжимается, не хочет отпускать и в то же время безумно желает, чтобы поскорее уехал. А еще я до смерти не хотела лишаться таких теплых и надежных объятий. Что творится со мной? И как же хочется плакать!

Да черт бы меня взял! Стою, ломаюсь тут как дура!

Поддавшись порыву, обхватила руками шею мужчины и буквально повисла на нем, уткнувшись носом ему в шею. Заговорила отрывисто, горячо:

— Я буду ждать. Сильно-сильно. Сколько надо. Каждый день. Только приезжай. И пиши. Обязательно пиши. Обо всем! О каждой мелочи. Все, что у вас там происходит. Мне нужно это знать. Я хочу это знать. Мне так будет спокойней. Господи, как плохо, что нет телефонов в этом вашем архаичном мире! И пожалуйста, пожалуйста, если вдруг поймешь, что ошибся в своём выборе, дай знать. Не хочу лжи.

— Бесса Анна, вы уж совсем плохо так обо мне не думайте, — усмехнулся Моран, зарываясь лицом мне в волосы.

Открыв рот для ответа, я вдруг поежилась от неожиданного и неприятного чувства тревоги. Оно тяжелым камнем образовалось в груди и мешало сосредоточиться на какой-то навязчиво скребущей мысли. Мотнула головой из стороны в сторону, избавляясь от невесть откуда взявшегося сигнала своего подсознания, уловить причину возникновения которого так и не смогла.

Они уехали на закате. До Ливики путь, как оказалось, неблизкий. Верхом по новому тракту скакать братьям придется около трех часов.

Виконт, держа под уздцы Декара, подошел ко мне попрощаться... с надеждой на скорую встречу.

— Будьте осторожны, — негромко напутствовала его милость.

— Не скучай, Аннушка, и ничего не бойся. Здесь спокойные места. Лес чистый. Ни разбойников, ни хищных зверей.

— Лео, я хотела тебя попросить: вы иногда посматривайте на таурон. Он временами начинает вести себя странно.

Карре непонимающе воззрился на меня.

— Ты отдала его кузену? Зачем?

Отвела взгляд и глухо проронила:

— У меня не спрашивали.

Мужчина возмущенно оглянулся на графа, поправляющего в десятый, кажется, раз седельные сумки на Ахалаше.

— Зря он так... — с досадой пробормотал Леонард. — А я все смотрю на тебя и не пойму, чем ты так расстроена.

— Мне с оберегом было как-то спокойно. Всегда ощущала его

незримую поддержку что ли, его тепло. Ничего, я привыкну к его отсутствию, — поспешила сгладить напряженный момент.

А сама понимала — не в этом дело: не в спокойствии и не в привычке.

Одна коллега по работе мне как-то сказала: все мужчины любят целоваться. А на прощание, так это всегда обязательно. Не знаю, насколько верно это утверждение, но гадать подойдет — не подойдет Рихард ко мне, перед тем, как прыгнуть на коня, не пришлось. Стремительных четыре шага — и вот моих губ уже касаются его. Теплые и мягкие. Нежные. Легкое касание, а такое содержательное!

Глядя вслед удаляющимся братьям, с печалью и легкой тревогой поняла: надо жить дальше. Терпеть мир, в который меня занесло, привыкать к нему — выбора-то все равно нет. Мне его просто не оставили. Пока вот так, на условиях гостя в барском доме, но и не сидеть сложа руки, а потихоньку решать проблему с жильем и занятостью.

И ждать.

— Пойдем, голуба, — мягким голосом позвала меня Тельма. Обняла за плечи и развернула в сторону дома. — В баньку наведаемся?

— Она здесь есть? Какое счастье! — воодушевилась я и вздохнула, сбрасывая с плеч напряжение от долгих проводов и тяжелых разговоров.

Засыпала с мыслью о моих мужчинах и проснулась с ней же. Как добрались до места? Не встретили ли каких уродов на ночном тракте? Думал ли Моран обо мне в пути? И что думал?

Чертыхнулась: глупости ванильные всякие лезут в голову. Отвлеклась на неясный шум, доносившийся с улицы. Сначала дернулась, услышав громкий конский всхрап, — неужели вернулись? Но, разобрав несколько незнакомых голосов, успокоилась. Подошла к окну. Откинув полупрозрачную занавеску, открыла его, впуслав свежий утренний ветерок в комнату. Перегнулась через подоконник. Интересно же!

Две подводы, груженные мешками, корзинами и бочонками, как раз разворачивались на подъездной дороге. Три мужика, следуя за Тибором, тянули лошадок за повод в объезд здания на задний двор. Незнакомая женщина средних лет стояла в сторонке, у большого вазона с цветами,

нервно оправляла платье, отряхивала подол и, заметно волнуясь, все оглаживала волосы, убранные в пучок на затылке. На крыльцо вышла Офра.

— Здравствуй, Донна. А где Мирта?

Как я поняла — это наши горничные.

— Сейчас подойдет, — выпрямилась та, сцепив пальцы под грудью. — Ты хоть скажи: эти гости милорда такие же змеи, как была тут одна месяца два назад?

Я чуть из окна не вывалилась.

Что и говорить, новость неприятная. Ну так и он — парень видный, холостой. Имел полное право... Да, имел. Все это было до меня... Сказал, что любит. Все. Выброси, Анька, из головы въедливую мысль, подтачиваемую глупой ревностью.

Тельму нагнала уже на входе в столовую. Остановились рядом на пороге, глядя в некотором недоумении на пустой стол. Ведьма демонстративно повела носом в сторону кухни.

— Ничего не понимаю. Завтрака не будет?

Покосилась на знахарку: быстро же она вжилась в роль аристократки.

— Рано еще. Может быть, не ждали, что так рано проснемся? — несмело выдвинула версию такой «заботы» о постоялицах.

— Какой рано! В холле часы пробили семь раз минут двадцать назад. Что за шум?

— Кажется, продукты привезли. Я видела: груженные телеги на задний двор покатали.

Баронесса хмыкнула и двинулась к запасному выходу из дома. Она что, серьезно собирается устроить головомойку кухарке? Поспешила за ней. Прямиком через столовую, далее через маленькую кухоньку. Вошли в широкий коридор с двумя открытыми настежь дверьми в темные помещения с лестницами вниз. Тут же обнаружился выход на задний двор. Из одного проема повеяло студеной прохладой. Надо полагать — погреб или подвал для хранения продуктов. Из второго нас, сунувших туда свои носы, обдало сухим теплым воздухом с примесью пыли, муки и сушеных грибов. Скрипнула дверь на улицу, распахнулась, и вошел согнувшийся от тяжести здоровенный мужик с большим мешком на плечах.

Мы с Тельмой слажено посторонились, пропуская дядьку в подземные кладовые. Тот, уже занеся ногу через порог, вдруг остановился и, чуть развернувшись к нам, вымолвил:

— Вы, госпожи хорошие, здесь хозяйками будете?

— Мы, уважаемый, — приветливо ответила моя бабулька.

Мужчина выпрямился, прижав спиной ношу к косяку. Оглядел нас с ног до головы с любопытством и толикой недоверия. Сделал какие-то свои выводы насчет двух дамочек, не представляющих опасности, и выдал:

— Возьмите в услужение мою Мирту. Дочку. Сирота она, осталась без мамки. Но девка хорошая, трудолюбивая и сплетни не привыкла разносить по округе, как эта сорока Донна — баба болтливая, вздорная.

Мы с Тельмой недоуменно переглянулись.

— Я поговорю с девочкой... э-э...

— Брук меня зовут, — поспешил представиться дядька.

— ...Брук. — Баронесса кивнула, принимая во внимание сказанное. — Не волнуйтесь, не обидим вашу кровиночку.

— И на том благодарствую, — прогудел он, ухватился удобнее за мешок и продолжил спуск, скрипя ступеньками.

— Донну эту видела. На первый взгляд — чистоплотная, приятная, но... действительно не держит язык за зубами, — сдала я с потрохами языкастую тетку.

— Держи его! Что же творит, окаянный! — неожиданно раздался крик с улицы.

Нас со знахаркой мгновенно вынесло на задний двор. Двое крестьян бросили торбу и бочонок, не успев спустить на землю с телеги, и рванули на шум, поднятый Офрой. Оглушенные птичьим гвалтом, доносившимся от добротного деревянного строения и огороженного сеткой большого загона для выгула птицы, мы с «тетушкой» поспешили разобраться с происходящим.

Первое, что пришло на ум от увиденного — петушины бои! Самые настоящие, за главенство над пеструшками. В воздух взметалась сухая земля, летели во все стороны перья и зерно из корытца. Куры, истерично кудахтая, перебегали с места на место, держась подальше от драчунов. В какой-то момент клубок из сцепившихся пернатых рассыпался, и Тельма ахнула:

— Перри!

— Ой, дура-ак... — протянула я укоризненно, соотнеся размеры соперников. — Он же тебя сейчас затопчет, Орест, убирайся оттуда, ненормальный!

Никого не замечая, ничего не слыша, опустив головы и взъерошив на загривке перья, шли друг на друга два петуха, один из которых папский*, с растопыренными в стороны крыльями. Огромный белый предводитель несушек и маленький серый жако.

Кой черт его понесло в птичник?!

Мужики у ограды веселились вовсю, подзадоривая забияк. Офра металась вдоль сетки, заламывая руки.

— Тибор, что ты стоишь, что стоишь? Убьет ведь! Клювом по темечку... ой-и, где же мы такую диковинку возьмем?!

Муж кухарки стоял в стороне и с хитрым прищуром чесал затылок. По-видимому, он не прочь был сам насладиться зрелищем, а то и ставочку сделать на победителя, коим, к бабке не ходи, безусловно стал бы вояка со шпорами.

Миг — и пернатые сошлись грудью. Петух с боевым кличем, попугай с гортанным резким криком. У меня сердце ёкнуло. Покалечит хозяин территории пришельца, как есть покалечит.

Смазанная тень метнулась справа от меня, и не успела я ничего понять, как бойцов сверху накрыл большой сачок. Худенькая невысокая девчонка с силой удерживала длинное древко, прижимая к земле бьющихся питомцев, запутавшихся в орудии рыбаков.

Мужики возмущенно уставились на неожиданного рефери.

— Вот откуда ты взялась, а? — Сплюнули с досадой и побрели к обозам заканчивать разгрузку телег.

— Ты и есть Мирта, дочь Брука? — Ведьма, склонив набок голову, как-то с интересом смотрела на новое действующее лицо.

Та кивнула, поглядывая на неведомую птаху, выуженную из ловушки и зажатую в крепких руках Офры.

— Госпожа Тельма, вам в услужение я пригласила двух наших, деревенских. В гостиной еще Донна ждет. Возьмете обеих или...

— Донну отправьте обратно, — заторможенно проговорила баронесса. Глаза её странно заволокло мутной пеленой. Мирта медленно развернулась лицом к знахарке и стояла, словно загипнотизированная, не в силах разорвать зрительный контакт. — Кто была твоя мать? — Та не спешила раскрывать семейный секрет. —

Отвечай, дитятко, — продолжала допрос моя старушенция, понизив голос. У меня от её напряженного хриплого тона побежал мороз по коже.

Девушка побледнела, тяжело сглотнула и чуть слышно ответила:

— Серая ведьма.

Подбородок у неё затрясся, глаза наполнились слезами. Мы с Офрой незаметно переглянулись. Ситуация была больше, чем непонятная.

— Как звали?

— Вилма.

— Вы что это здесь?.. — грубый голос Брука вклинился в таинственный диалог.

Тельма сморгнула, возвращая глазам ясность, и... тепло улыбнулась перепуганной до смерти Мирте.

— Иди, деточка, с Офрой. Мы берем тебя на службу, милая.

Та с сомнением покосилась на кухарку, на меня, на отца и, склонив голову, побрела за нашей стряпухой в дом. Пери, возмущенно крикнувший, был мною проигнорирован. И грозила ему в наказание клетка до конца дня! А неча лезть, куда не надо. Или соперников бы выбирал себе под стать.

Здесь и сейчас происходило что-то поинтересней поступка скандалиста с красным хвостом.

— Что случилось с матерью девочки? — переключилась знахарка на замершего в удивлении мужчину.

— Что за дело вам, госпожа? — Крестьянин оцетинился.

— Ты женился на ведьме и еще спрашиваешь, какое мне до этого дело? У твоей дочери со дня на день начнется инициация!

Мужик поперхнулся воздухом и закашлялся.

— Я... откуда мне было знать? У нас на всю округу только одна травница простая.

— Что случилось с матерью? — настойчиво повторила вопрос её милость.

— Умерла при родах.

— Ведьма?! — не поверила Тельма.

Я тоже засомневалась. Из рассказов «тетушки», одаренные хоть крупницей магии женщины обладали хорошим здоровьем, выносливостью и иногда долголетием. Последнее зависело от силы

дара.

— Она бежала из Готуара, — пояснил поникший мужик, — из подвалов храма истинных богов... Раненая перешла границу. Жрецы измывались там над ними... Ездил к родичам, а на обратном пути нашел её на обочине без сознания. Выходил, но от её силы остались крупницы. Так вот и стали жить вместе. Через два года родилась Мирта, забрав у матери жизнь.

— Ясно... — коротко бросила госпожа Брайт. — Ей надо к Селесте, в горы. Там помогут и научат. У тебя дочь будет сильной ведьмой. Очень. Не волнуйся, вернется к тебе через пару лет.

Дядька тяжело вздохнул, смиряясь с неизбежным.

— Когда?

— Найди мне летучую мышь. Любую. Хоть лесную, хоть домовую. Послание отправлю верховной. Потом расскажу, что делать дальше, куда ехать, но не раньше, чем сила в ней раскроется. Иначе не довезешь. В этот момент рядом с девочкой ведьма должна быть. Я помогу. Все понял, уважаемый? Ступай.

Вот это да!

Все это время я стояла, практически не дыша. Боясь сделать лишнее движение.

— Что с тобой, голуба? — усмехнулась Тельма, заметив мой ошарашенный вид.

— Ты что, просто посмотрела и определила, сильная колдунья будет или нет? Это твое такое сканирование, сказать по правде, несколько пугает. Честное слово, я уже думала, ты что-то опасное в ней увидела.

«Тетушка» лукаво улыбнулась и, не ответив на вопрос, потянула меня в дом.

— Пошли кормить нашего забияку, пока он не извел Офру похабными ругательствами.

Из открытого окна несло:

— Подавись р-ромом, стар-руха!

— Да что же это такое? Какой-то не пойми что... — охала возмущённо домоправительница. — Клюв замотаю!

— Гар-рпун тебе в... хр-р...

— Довякался, — хмыкнула я довольно.

**Словосочетание «папский петух» на латыни звучало как: «папагалл» — попугай. В основном это были жако и неразлучники.*

Глава 3

*Это письмо получилось таким длинным,
потому что у меня не было времени написать его короче.
(Блез Паскаль)*

Три дня в Бережинах прошли в освоении территории и дома. Познакомившись с помещьем, нашла для себя много интересного, необычного... непривычного. Начиная с людей, окружающих нас с Тельмой, и заканчивая разными милыми мелочами, присущими эпохе, в которую попала. Но самым большим сюрпризом было чердачное помещение, оборудованное под маленькую обсерваторию! Это я, конечно, громко о том закутке с креслом, столиком на колесиках и самым настоящим телескопом! Или старинной, в позолоченном корпусе, подзорной трубой, направленной вверх. На удобной трехногой подставке, длинной, из двух подвижных частей-колен. Вспомнился разговор с Лео, где я плела ему о космосе. Он тогда ни словом не обмолвился об увлечении брата. Не знал?

Распахнула ставни. Чердак-мансарда, а простор открылся, будто с высоты. Дух захватило! Воздух прозрачный, высь бесконечного голубого неба. Поля вдалеке неровными заплатками наплзали друг на друга. Слева от дороги, убегающей вдаль мимо небольшого села, карабкающегося на холм, огромным бескрайним пятном стоял темный лес. И все дышало утренней свежестью, духом свободы и радостью жизни.

Направив на поселение оптический прибор и отрегулировав его, с интересом рассматривала деревянные избы с соломенными крышами. Копашение крестьянского люда во дворах и за их пределами. Уклад незнакомого народа. Два пацана, толкаясь и пинаясь, о чем-то спорили у плетня. Ватага малышни выскочила из-за угла чьего-то дома и припустила по улице от дородной тетки с хворостиной. Бежали, придерживая подолы рубашонок, из которых горохом сыпалась в дорожную пыль зеленая яблочная мелочь — ранетка. Мужик колот дрова. Две бабы разговоры разговаривали у круглого каменного колодца. Одна все рукой махала в сторону графского помещья...

Усмехнулась. Гости его сиятельства долго еще будут притчей во языцех. Уж всю округу облетела новость, что не взяли на работу такую хорошую, работающую женщину, как Донна, отдав предпочтение одной Мирте — какой-то сопливой девчонке!

После завтрака прискакал гонец с посланием для бессы Анны. А я, признаться, уже начала сомневаться, что дождусь.

«Сто тысяч роз к твоим ногам, милая моя Анна!

Прошло три дня, а я уже скучаю. Меня не покидает твой очаровательный образ с нежной улыбкой, который витает надо мной...

Коряво вышло, да? Прости, не силен в письмосложении, но, видят боги, я старался...»

Хихикнула. Перечитала еще раз. Понюхала уголок письма и окончательно развеселилась: изысков высокого стиля здесь, видимо, не придерживаются, не используют надушенную бумагу.

«Сижусь в гостинице безвылазно. Рихард пропадает в канцелярии. Ведутся дознания свидетелей известных тебе событий. Бэгшоу лютует.

Прибыла глава ковена. Селеста грызется с прокурором — отказывается выдавать королевскому суду мага.

Неизвестно, сколько продлится это безобразие. Члены городского совета мрачными тенями выходят из ратуши уже за полночь. Брату достается больше всех...

Рич скрывает эмоции, но я чувствую, что он сильно нервничает из-за непредвиденной задержки.

Анна, он безумно переживает и без конца думает о девушке, оставленной в далеком поместье.

Я знаю, что говорю: видел, как он порой уходит мыслями глубоко в себя, хмурится и в то же самое время тихо улыбается, беззвучно произнося твое имя...

Две строчки от тебя, Анна, и мир заиграет красками для его сиятельства! С лица сойдет печать тоски...

А я придавил дверью палец! Он распух и похож на толстую сосиску! Посему прошу прощения за каракули.

Меня тоже надо пожалеть...

*Где же моя сестра милосердия, когда она так нужна мне?
Искренне твой, Леонард Карре»*

И смех и грех: виконт палец прищемил! И Рихард... «думает о девушке». Улыбнулась и простила, что не сам написал. Дуться бессмысленно и глупо. У них там сейчас такая каша варится, что графу можно только посочувствовать.

Пока парнишка-почтальон приходил в себя от трехчасовой скачки и радовался мясному пирогу от Офры, помчалась в кабинет Морана сочинять ответ. Ждут ведь. У меня вряд ли получится так виртуозно преобразовать мысли в слова, а потом ещё сложить их в загогулистое предложение, как у Лео в начале письма. Мы дети кратких смс-сообщений, сжатых фраз.

Обмакнула перо в чернила и... Приехали! Как начать-то?

«Привет» — нет.

«Здравствуй... те, мальчики... мои дорогие» — не то.

«Я пишу тебе с приветом...» — эпистолярный жанр загнулся в припадке, а у меня от нервного смеха дернулась рука и большая клякса расплзлась по листу.

Перевела дыхание. Откуда это волнение? Словно они будут оценивать мой уровень интеллекта по первым строчкам послания.

«Сегодня день начался с приятного — получила от вас весточку!

Спасибо!

Бережины — замечательное место! Здесь так хорошо, что порой кажется, что попала в сказку. С добрыми людьми, с красивой природой, с чувством родного дома. Ничто не может омрачить моего настроения, кроме разве одного — мне очень не хватает вас обоих.

Лео, мне очень жаль твой пальчик, правда. Надеюсь, перелома нет.

А еще надеюсь, что поблизости живет лекарь!!!

Рихард, душевного спокойствия тебе и терпения. Я верю, споры, конфликтные ситуации, неурядицы — всё скоро разрешится, и вы сможете продолжить свой путь, который в итоге приведет ко мне, в маленький уголок покоя с названием Бережины. Я жду и скучаю.

Целую. Анна.

P.S. Ваше сиятельство, обнаружила на чердаке одну интересную вещицу! Позволено ли мне будет иногда пользоваться ею? Ночное небо

над Планидой — это фантастика!

Р.Р.С. Спешу успокоить тебя, Лео: Перри нашел новый объект для своих нападок. Теперь курятник является ареной для петушиных боев».

С письмом от виконта мне была передана маленькая плоская коробочка, перевязанная розовой лентой. Этот сюрприз я оставила на потом. Хотела отправить гонца в обратную дорогу и тогда уже спокойно открыть подарок, забравшись с ногами в кресло в уютном уголке на чердаке. Душила в себе любопытство, оттягивала пикантный момент. Дотерпелась до того, что видела, как дрожат пальцы, извлекая из упаковки шарфик из очень тонкого полупрозрачного мягкого шелка. Воздушный. Подобно ярко-голубому облаку он лег мне на плечи и вызвал обильные слезы. Я так прониклась этим простым, незамысловатым подарком, что не сразу заметила кое-что необычное на дне коробки. Сухой березовый лист был прикреплен за черешок к картонной карточке золотой булавкой с жемчужной головкой.

«Даже не видя твоих глаз, я знал, что они прекрасны. Знал, что губы сладки, а улыбка нежна. Если бы не мышь!..»

Мышь?!

Закипела работа мысли. Взгляд метался от текста записки к древесному листочку и обратно.

Это что же, Рихард этот аксессуар хотел мне подарить уже тогда, в день нашего незабываемого марафона по Злавике? Получается, что так. И грызун, и шелест «мусора» с берез под ногами в том склепе...

На обед я спускалась с красным носом, губами-варениками и опухшими от слез глазами. И пусть не очень красивая, зато счастливая и в шарфике!

— Приходил уважаемый Брук, пока ты писала письмо, принес трех летучих мышей, — сказала баронесса Брайт, нарушив молчание за столом. — Одного рукокрылого я отправила с мальчишкой нашим касатикам. Что зазря людей гонять в такую даль с посланиями, когда с этой работой хорошо справится летун.

— Здорово, — кивнула, находя идею более чем удачной. Опять же скорость доставки посланий в разы увеличится, — в нашем мире когда-то почтальонами работали птицы — голуби, — за спиной из клетки что-то недовольно прожурчал жако, — только они увозились от хозяина и от гнезда и возвращались к ним же. Каждая птица имела свое

направление, а как же вампирёныши находят адресата?

— Капля магии и... ласковое слово, — улыбнулась ведьма.

— Какое? Я все равно не понимаю: ты послала его к Селесте, к примеру, и он, ни разу там не бывавший, полетел? Найдёт, не заблудится, не сойдет по каким-то своим причинам с намеченного маршрута?

В самом деле было очень интересно: в чем секрет?

— Мыши служили ведьмам ещё до великого переселения. Их родина Дикий континент. Приручение летунов началось там. А когда люди покидали материк — зверушки последовали за ними. У них уже в инстинктах заложено стремление помогать нам, как ты говоришь — колдуньям. Стоит сказать только одно слово, и бескорыстный помощник будет у тебя на службе столько, сколько ты пожелаешь.

— Ну а...

— Все рукокрылые чувствительны к магии. И еще они очень хорошо знают, где находится самая большая стая. Стая черных мышей. В горах. Там же, где и ковен во главе с верховной. Мирта, детка, выйди к нам, не стой в коридоре! — окликнула знахарка девочку, всматриваясь в полутемный проход между столовой и передней. В дверном проеме показалась горничная. — Что ты хотела, милая?

— У ворот женщина с ребенком. Спрашивает, не сможете ли вы её принять?

— По какому вопросу, не сказала? — удивилась старушенция.

— Её сын болен. Давно уже страдает. Наша травница что только не делала, ничего не помогает. А я... рассказала ей о вас. — Голос девочки скатился до еле слышного шепота.

— И правильно сделала, — подбодрила Тельма её, совсем было поникшую. — Проводи её в гостиную.

Мне осталось только вздохнуть завистливо: вот и тетушке работа нашлась по душе.

Мирта ходила хвостиком за моей бабушкой. Хорошая она, эта будущая ведьмочка, но странная. На меня смотрела настороженно, всегда исподлобья. На вопросы отвечала неохотно, будто выдавливала из себя. Это начало раздражать, и не играло роли, что, возможно, такому поведению есть причины. Чувствуя накатывающее недовольство, я разворачивалась и уходила, порой так и не дождавшись

ответа. Тельма смотрела снисходительно на демарши «племянницы», словно знала подоплеку моего психоза. Анна Векшина тоже знала.

Лишь только приближался вечер, как приходили грустные мысли, воспоминания о прошлой жизни, которые никак не хотели покидать меня, и какая-то необъяснимая тревога подкрадывалась незвано-непрощено и ворочалась в груди тяжелым комком, не давая долго заснуть.

А еще элементарно хотелось завести подругу. Да хоть бы в лице дочери Брука, почему нет? Вот такое неожиданное желание. В прежнем мире не имела ни с кем настолько близких приятельских отношений, так может, стоит попробовать здесь? Если бы остались в Злавике, с Вериной стали бы хорошими подружками. Девочка тянулась ко мне, да и сама была открыта для людей, проста в общении, наивна и светла душой. Мирта совсем другая. Скрытная, зажата, чрезмерно скромна и пуглива.

— Не обижайся на неё, голуба, — сказала Тельма, связывая пучки лекарственных трав, собранных нынче утром на лугу за усадьбой.

— Я не обижаюсь, только почему она от меня шарахается? — недоумевала я, отрывая соцветия у ромашек.

— Ну, были тут прежде гости из знати, не очень лояльные к низшему сословию. И руки распускать любители находились, и оскорблением не гнушались. Вот и остерегается она тебя пока, дай ей время.

— Сволочи... — пробурчала себе под нос.

Сама была не так давно такой же, к людям настороженной. Причины разные, поведение одно.

— Когда в лес пойдём? — решила я сменить тему беседы. — Хочу дикого винограда.

— Откуда знаешь, что есть? — Брови знахарки взлетели вверх.

— Мальчишки деревенские в кузовке несли вчера, видела в подзорную трубу.

— А меня возьмете с собой? — неожиданно прозвучал скромный голос от дверей в кухню, заставив меня вздрогнуть. — Я места хорошие знаю, где винограда много... и грибов, и ягоды лесной.

Ведьма бросила мне многозначительный взгляд.

— Конечно, возьмем! — радостно отозвалась я, быстро сориентировавшись в немом посыле баронессы. — Кто же нашим гидом

по здешним кладовым природы будет, если не ты?

Девочка просветлела лицом и подарила мне красивую радостную улыбку.

Вот и чудненько!

В кухонное оконце что-то тихо стукнуло, коготочками пошкрябало, хлопнуло по стеклу крыльями.

— О, это наш летун! — кинулась я из комнатки, отряхивая на ходу руки.

Третье! Третье письмо за четыре дня! Вчера ждала до самого вечера. Выскакивала каждый час на улицу, обходя дом вокруг, глазами высматривая нетопыреныша размером с ладонь. Напрасно...

Сняв с лапки почтальона маленький холщовый мешочек, вытряхнула на ладонь скрученное в трубочку послание и... колечко из белого блестящего металла с прозрачным граненым камешком, ослепительно сверкающим на солнце.

Вздыхнула, задержала дыхание и расправила бумажный рулончик. Мелкий красивый почерк. Буквы заостренные и очень ровные, с нажимом вниз. Как же он отличался от того, что в двух письмах ранее, — круглого, размашистого, с легкой небрежностью, в духе характера виконта Карре.

Выдохнула, почувствовав, как учащенно забилося сердце. И причина тому — первое послание от Рихарда!

«Аннушка, лучик мой ясный, закончились разбирательства в Ливике.

Скачем с Леонардо в Виннет, а душа...

Душа рвется совсем в другую сторону, туда, где сейчас ты.

Сделали короткий привал и, пользуясь случаем, пишу тебе.

Так печально, что не сможем увидеться ещё долго!

Мансарда в полном твоём распоряжении, милая. Бойся сквозняков!

Береги себя ради того, кто тебя любит больше всех на свете и мечтает сделать счастливою...

Храни тебя боги, моя радость.

Обнимаю нежно, Рихард Моран».

— Опять р-рыдает! — голосил Перри, летая по дому. — Р-рому ей плесните, р-рому!

Шмыгнула носом.

«Ей проще быть невидимкой,
Подумаешь, мир не заметит слез.
Кому-то пусть глупо и дико,
А вот для неё это всё всерьёз,
Ответ на главный вопрос...»*

**Город 312 «Невидимка»*

Глава 4

— *Ведьма! Ей-Богу, ведьма!*

Свят круг, спаси, свят круг, сохрани... Сгинь!

(Н.В.Гоголь «Вий»)

Лес в Бережинах ничем не отличался от земного смешанного. С лиственными и хвойными деревьями, всевозможными кустарниковыми и лианообразными растениями, похожими своими зелеными плодами и двуцветными листьями на актинидию. Единственная отличительная черта — размер плодов. Крупнее в разы, мясистей и на вкус кислее лайма.

Виноград самый обыкновенный, дикий. Когда увидела длинные, гибкие, напоминающие корабельные канаты лианы, взбирающиеся вверх по деревьям и цепляющиеся своими усищами за соседние растения, обомлела. От недостатка солнечного света кусты забрались под самую крону лесных великанов. Ягоды сочными желтоватыми гроздьями соблазнительно выглядывали из-под листвы с резными краями, висели метрах в четырех-пяти от земли. Чтобы добраться до них, нужно было обладать умением лазать по деревьям не хуже макаки. Сноровкой и бесстрашием... коими я не обладала, но удостоилась чести рискнуть жизнью.

— Мирта, ты мельче и легче меня! Попробуй, я подстрахую, — попыталась я откреститься от этого безумства, а будущая ведьмочка при этом округлила в ужасе глаза и побледнела лицом. — Тянуть жребий бесполезно, да? — Скисла, поняв тщетность попытки. — Что же у вас все не как в других мирах-то! Виноград и тот висит черт знает где...

— А как в других? — Глаза девчонки блеснули любопытством.

— Да пониже будет, — попеняла себе за болтливый язык, высматривая, на каком дереве особенно крупные гроздья и в большем количестве. — Вот что он туда вскарабкался? От кого?

Тельма только посмеивалась, сидя на травке и перебирая в своем лукошке корешки и травки. Даже не делая попыток вмешаться или отговорить от затеи!

Вздохнула и, выбрав ствол покорявее да поветвистее, критически оглядела себя: какая я молодец, что под юбку одела свои родные, любимые брючки! Сняла более привычный дамам этого времени предмет гардероба, вручила Мирте и, привязав веревкой к талии тару, полезла, декламируя и стеная:

— Это как-то совсем уж не вяжется со статусом бессы... А кисти сочные как яхонты горят... Ай! Лишь то беда — висят они высоко... Черт! Отколь и как она к ним ни зайдет... Хотя видит око... Блин, сучок острый! Да зуб неймет... Я его уже не хочу! Как я спустаться буду?!

Что делают с нами соблазн и самая малость азарта? Надолго я запомнила это восхождение!

Наградой были полная корзина спелого лесного лакомства и... оцарапанные руки и трясущиеся колени. А горящие в восхищении глаза дочери уважаемого Брута?

Молчаливый восторг поднял мою самооценку до небес... которые вдруг затянуло серыми тучами. Подул ветер, тревожа макушки деревьев. Шумно задрожала листва над головой. В лесу стало сумрачно и неудобно.

— Да откуда что взялось? Ничего же не предвещало! — Ведьма переполошилась, сноровисто закидывая свою добычу обратно в кузовок. — Поспешим, девоньки! Надо успеть добраться до дома! — И первая рванула по тропе, по которой пришли.

Не успели. Ветер неожиданно стих, буквально на несколько секунд, а потом обрушился с такой яростной силой, что уши заложило от звуков, принесенных стихией. Капля за каплей, и крупный ливень устремился вниз с высоты — не укрыться, не убежать! Косой дождь пробивался сквозь листву, от души лупя по спинам и головам нечаянных любителей природы.

На смену серым тучам приползли черные, тяжелые, насыщенные влагой до отказа. Вокруг стало совсем темно. Мокро. Холодно. Страшно.

— Сюда! — выкрикнула Мирта и резко свернула с тропинки к высокой ели с раскидистыми ветвями-лапами.

Оскальзываясь на мокрой траве, мы с тетушкой последовали за ней в худо-бедно, но укрытие.

— Что пригорюнились, голубки? — жизнерадостно спросила Тельма, выжимая платок с головы и перекрикивая шум дождя и

ветра. — Посмотрите, какая красота! Какая мощь!

— Ага, мощь, — вяло ответила я и с подозрением покосилась на баронессу.

Радоваться мне совсем не хотелось. В промокшей одежде я моментально замерзла, да так, что кончиков пальцев не чувствовала. Наверняка и губы посинели. Колотил мелкий озноб, и подбородок начал трястись, стоило только расцепить челюсти. Но волновало больше не моё состояние, а бабульки. Много ли надо пожилому человеку, чтобы простыть и слечь с температурой, ревматизмом?

Ствол за спиной гудел после каждого нового порыва немилосердной бури. Сверху к ногам сыпались мелкая труха, хвоя и шишки. Еще зеленая листва срывалась с деревьев, уносилась по ветру и падала в траву, придавленная тяжелыми каплями. Деревья, и молодые и старые, кренило к земле. Березы гнуло дугой, так что они почти касались верхними ветками земли.

— Это надолго, — досадливо вымолвила девчонка, глядя на небо сквозь густые еловые лапы. — До усадьбы час ходьбы. — Огляделась, нахмурившись, будто пыталась сориентироваться на местности.

— Пчхи! — громко, не по-аристократически чихнула моя ведьма.

— О, началось! — уныло прокомментировала я первые признаки переохлаждения баронессы.

Мирта обеспокоенно и виновато присмотрелась к женщине.

— Если вернуться на ту поляну, где собирали виноград, и пройти дальше по тропе, она выведет нас к старому охотничьему домику. Это будет намного ближе, чем до Бережин... Минут за десять добежим, — добавила девчонка неуверенно.

— Ага, осталось только по лесу бегать в такую погоду, ноги ломать, — проворчала я, стараясь не очень громко отбивать дробь зубами. — И я не уверена, что госпожа Тельма готова к марафону.

— Ну, быстрый шаг я вам обещаю, — продолжала та излучать оптимизм.

Скептически оглядела её: мокрые спина и плечи; подол юбки тяжелым от воды полотном облепил ноги; голова не покрыта... Загубим старушку.

Только подумала, как раздался ужасный продолжительный треск и поперек тропинки, по которой шли, рухнуло дерево, ломая все на своем пути.

— Ого! — воскликнула я скорее изумленно, чем испуганно, потому что испугаться не успела: мощный лесной великан, вывернутый стихией с корнем, послужил выстрелом стартового пистолета — мы побежали!

Подхватив знахарку с двух сторон под руки, рвались к обещанному укрытию, встречая грудью сбивающий с ног ветер и холодный колющий дождь, хлеставший по лицу.

«Избушка на курьих ножках» нас встретила не очень приветливо. Распахнутыми ставнями, окнами без стекол, покосившейся крышей, почерневшими от времени бревенчатыми стенами и заросшим высоким бурьяном входом. Да так, что и двери видно не было. Буквально вломившись в некогда временное пристанище охотников, вздохнули с облегчением и, оглядевшись, даже воспрянули духом: в единственной большой комнате имелся очаг! Целехонький, с железным крюком для подвешивания котелка и дровами, сваленными в неаккуратную кучу сбоку от источника тепла и света.

— Здесь еще холоднее, чем на улице, — пожаловалась я, растирая плечи и подмечая на удивление легкий беспорядок давно заброшенного дома.

Мирта кинулась вслепую шарить руками по полкам, висящим на стенах по всему периметру помещения.

— Где-то здесь... я помню, было... сама же оставляла... Есть! — пискнула торжествуяще и достала небольшую металлическую коробку. — У нас будет тепло! — радостно возвестила, демонстрируя выуженные оттуда их странные длинные палочки-спички.

Очередной порыв ветра, подхватив ставню, с силой ударил ею о решетчатую пустую раму. Все невольно вздрогнули и...

— Анна, не стой столбом, закрывай окна! Мирта, поищи утварь и какие-нибудь тряпки!

Команды от баронессы летели направо и налево, подгоняя нас, подстегивая. Когда я вернулась в дом, очаг уже вовсю занялся веселым жарким огнем.

— Снимайте все с себя!

На найденной девчонкой и протянутой через всю комнату веревке повисли брюки, юбки, блузы, чулки... нижнее белье. Бабулька содрала с нас все, сама оставшись в нательной рубаше до колена.

— Ну что, может, виноградику поедим? — спустя какое-то время

скромно предложила я раздетой и разомлевшей компании, сидящей на низенькой длинной лавке у очага.

Взгляд неотрывно следил за пляшущими языками пламени, лижущего поленья. Шум дождя и завывание ветра в щелях между закрытыми ставнями слышны были просто фоном, отдельно от звука, который издавал живой, веселый, золотистый огонь. Стрельнула искрой дровина. Я машинально чуть подобрала вытянутые ноги. Ступни уже горели от жара печи, но не было никакого желания двигаться!

Навалилась сонная нега. Словно сама богиня Дрема обняла трех женщин за плечи, убаюкивая.

«Сколько времени прошло с тех пор, как вошли в лес?» — думала вяло, рассеянно и равнодушно подмечая стихающий свист и вой ветра за стенами избы. Лишь дождина продолжал что есть мочи лупить по крыше.

Вообще странные у них в этом мире погодные явления. Вспомнился ливень, когда я в деревне таскала воду для бани. Тогда дождь лил с небес на землю, будто небожители перевернули ушат, полный до краёв. Два дня хлестал, не переставая и не ослабевая. Без грома и молний...

Вспомнила туман в окрестностях «Усталого путника», густой как молоко, непроглядный. Когда Доран вернулся из леса поздним вечером, тот словно живой пытался проскочить в приоткрытый дверной проем, «хватая» за пятки человека, будто пес приبلудный. Юркнуть следом, успеть попасть в помещение, в тепло, пока никто не видит, и ему не преградили путь, закрыв эту самую дверь.

Вернулась мыслями ко времени: «Часа три сидим, интересно? Вышли из дома около десяти. Час добирались до поляны, часа полтора там были, это точно. Здесь... пусть будет три... Выходит — четыре часа пополудни, а на улице темень, как ночью. Нас наверняка потеряли в поместье. И есть уже хочется... Сосет под ложечкой.

Тельма, сидевшая справа от меня, сипло всхрипнула, уронив голову на грудь.

— Что-то мне нехорошо, — прошептала с другой стороны дочь Брука.

Развернулась к девочке, приложила ладонь к её лбу.

— Холодный. Ненормально холодный! Тебе бы лечь... —

Суетливо поднялась с места, скинув с плеч старый стеганый то ли плед, то ли одеяло, обнаруженное в деревянном коробе рядом с грубо сколоченным лежаком. — Тельма, Мирте плохо!

А девушка уже заваливалась набок, потеряв опору в виде меня. Ведьма вскинулась заполошно. В четыре руки успели поймать потерявшую сознание соседку по лавке.

— Боги всемогущие, не иначе как началось! — Знахарка встревожилась, ощупывая девчонку. — Голуба, давай, давай, взяли её, понесли до лежанки!

— Подожди секунду... — Кинулась к деревянной конструкции, заменяющей кровать в старом охотничьем домике. Расстелила на голых досках единственную постельную принадлежность, которой все трое, греясь у очага, прикрывали голые спины от гулявшей за ними прохлады. Подхватили с двух сторон беспомощное тело будущей ведьмочки, крикнули — тяжелая! — понесли...

— Что началось? — запоздало спросила «тетушку», протягивая ей сухую одежду с веревки. — Инициация?

— Превращение нашей гусенички в бабочку, — кивнув, пространно ответила старушка, споро расправляясь с пуговицами на блузе и не отводя взгляда от этой самой «гусенички».

— Ух... — только и сказала я на это, впрыгивая в брюки.

Мирта лежала в своем состоянии, похожая на покойницу. Бледность с лица постепенно сползала на грудь и дальше. Будто из девчонки кровь выкачивали — неприятное и жуткое зрелище. Тельма сидела рядом, внимательно наблюдая за этим изменением в организме невольной подопечной.

— Это нормально? — Голос мой дрожал от волнения.

— У всех по-разному.

Баронесса провела ладонями по синюшным рукам девочки от плеч до запястья, будто делаясь своим теплом с ней.

— Ты знаешь, что с ней дальше будет?

— Справимся, — невпопад, но уверенно сказала бабулька.

Мне стало страшно. Как это у них все происходит? Может, они впадают в безумие. А если испытывают ужасную боль? Или захлебываются истерикой... Господи, ну почему сейчас её организм вдруг решил, что настала пора? Сейчас, когда мы находимся в тесном

пространстве!

Однозначно после сказанного Тельмой стоит ожидать чего-то этакого. И я не уверена, что готова спокойно наблюдать за всеми этими превращениями в настоящую ведьму, если все, о чем нафантазировала, сбудется.

— Помоги мне! Держи её за ноги! — закричала «тетушка», подскакивая и крепко хватая Мирту за плечи. — Началось!

Я буквально легла поперек неожиданно заколотившихся нижних конечностей дочери Брука, обхватив их руками. Черт, черт, черт!.. Перед глазами промелькнули кадры из «Вия», где бледную панночку трясло после первой ночи отпевания, стоило только закричать петухам. Зажмурилась, боясь увидеть тот же безумный взгляд, многообещающий оскал, не улыбку, и поднятый пальчик, грозящий нам с Тельмой близостью расправы. Девчонке бы еще веночек на голову, и образ сложился бы.

Раздался нечеловеческий вой, от которого волосы на затылке встали дыбом. Так некстати и сильно захотелось в уборную! И я себя очень хорошо понимала: от такого ужаса люди не только мочат штаны...

Перебивая гортанный мученический крик Мирты, моя ведьма запела. Громко, монотонно, проникновенно. Что-то о силе, о природе, о любви, о духах. Нескладная песнь звучала порой торжественно, а порой нежно. Страдалицу то выгибало дугой, и скрежет зубов резал слух, то отпускало, и тогда лихорадка становилась сильнее. Да так, что пятки её колотились по деревянному настилу.

Я не знаю, сколько продолжался этот кошмар, как вдруг неожиданно скрипнула входная дверь. В комнату ворвался холодный воздух, и свет от факелов метнулся к лежанке. Заскрипели доски пола в унисон топоту множества ног. Над головой затрещала горящая пакля. Чьи-то сильные руки оторвали меня от Мирты, отодвинули в сторону.

— Держись, доченька! Держись, милая! — Мое место занял мужик. От него пахло дождем и лесом. Тревогой и безграничной любовью к своему дитя.

Я стояла за его спиной, окруженная несколькими людьми. На мои плечи кто-то накинул тяжелую теплую куртку. Наверное, меня так же трясло, как девочку, — не чувствовала. Настолько увиденное выбило из колеи неокрепшее сознание гостыи из другого мира...

— Все, все... Отпусти, Брук, — усталый голос госпожи Брайт снял общее напряжение, витавшее вокруг лежака с обмякшей, но уже не такой белой как смерть перерожденной колдуньей.

С мокрым от слез лицом, растерянный и счастливый одновременно, мужчина поднял глаза на Тельму.

— Это то, о чем вы говорили?

Та кивнула. Брук перевел тревожный взгляд на Мирту и, будто опомнившись, поспешно скинул с себя плащ. Накрыв нагую дочь от взора набившихся в домик односельчан, только и сказал охрипшим голосом: «Спасибо».

— Обыскались вас, — прогудел рядом со мной чей-то бас.

Покосилась на обладателя низкого тембра. Молодой здоровенный детина в одной рубахе смотрел пристально и хмуро. Смутил невольно. Догадалась, что его куртка на мне сейчас: плечи в районе локтей и ширина такая, что меня раза три в неё завернуть можно.

— К господам хорошим гость пожаловал, в поместье дожидается, — голосом Тибора заметили от входа.

— Кто? — Оглянулась на нашего дворецкого.

— Сказал, хороший знакомый. Молодой и чересчур скромный. — Мы с «тетушкой» вопросительно уставились друг на друга. — Ваша птица его по темечку успела тюкнуть и обозвала проглотом. Так-то дословно: «Прячьте все, обожрет, пойдете по миру!»

Глава 5

*Ах, зачем я такой уродился,
Или даром я небо копчу,
Меня девушки хорошие не любят,
А плохих я и сам не хочу.
(из к/ф «Небесный тихоход»)*

— Осторожно, госпожа, не споткнитесь... Позвольте, я вам здесь помогу... — Владелец баса и внушительных габаритов успевал раздвигать попадающиеся на пути ветки и поддерживать меня под локоток, стоило только оступиться на мокрой, заваленной лесным мусором тропе.

Буря от души повеселилась над окрестностями Бережин. Такие завалы оставила после себя, что ни пройти ни проехать! Размытый дождем путь под уклон являл собой труднопроходимую дорожку. Скользкую и кое-где изрытую глубокими шрамами — следствием стремительных водных потоков. Выстроившись длинной вереницей, люди двигались по направлению к усадьбе, спеша покинуть темный мокрый лес. Как выяснилось, Тибор, наш дворецкий, первый забил тревогу, когда ни через час, ни через два после начавшейся стихии наша девичья троика не появилась на пороге дома. Побежал в деревню, поднял людей. Брук возглавил поисковый отряд, и, вооружившись лампами и факелами, мужики рванули прочесывать графские охотничьи угодья. Нас нашли бы и раньше, если бы они не двинулись цепью в другую сторону, к сторожке лесника, ошибочно полагая, что Мирта поведет нас туда. Построенный несколько лет назад новый дом смотрителя стоял на приличном расстоянии от той развалюхи, в коей нам посчастливилось укрыться от непогоды. Отец девчонки потом долго сокрушался о своей недогадливости: сам же показал дочери старую хибару! Знал, что та во время своих вылазок за грибами-ягодами обязательно приходит в этот домик. Посмеивался над ней, когда она упрямо не желала признавать отслуживший верой и правдой дом бесполезным скоплением бревен. Выгребала мусор, то и дело наносимый ветром и животными. Сама нарубила дров... Для чего? На

этот вопрос пожимала плечами: он же еще стоит, пригодится. Вот и пригодился.

— Ходер! — крикнул кто-то в голове вереницы. — Впереди завал! Не пройти!

Мой сопровождающий вскинулся, нахмурился.

— Обойти можно? — рявкнул он в ответ на всю округу так, что уши заложило.

— Кто у нас лесник? Где ты там плетешься? Иди сам глянь!

Люди остановились. Смотритель угодий поспешил вперед, ловко лавируя между мужиками, кривой шеренгой выстроившимися на тропе. Я запоздало спохватилась: его куртка!.. Так и осталась висеть на моих плечах, согревая. Оглянулась, высматривая «тетушку» среди незнакомых лиц. Встретилась глазами с Бруком. Мужчина всю дорогу нес девочку, закутанную в длинный плащ, на руках, крепко прижимая к груди свое сокровище. Мирта после «припадка» погрузилась в сон, пугающий меня своей крепостью. Да как бы сильно Морфей не околдовал человека своими чарами, тряска от ходьбы, разговоры людей рядом — причем не всегда тихие — поневоле пробудишься.

Из-за плеча Брука показалась голова Тельмы. «Значит, следом идет», — вздохнула успокаиваясь.

Ведьма протянула руку, коснулась лба девочки, кивнула на какой-то вопрос её отца. Захотелось к знахарке поближе, да где там! Между нами шесть или семь человек уставших, промокших мужчин. Шагнуть с тропы, чтобы обойти их... Покосилась на ветви и кусты, блестящие от дождевых капель, и пришлось смириться с моим местоположением в колонне.

Впереди раздался звук топоров, треск сучьев, ругань.

— Оттаскивай!

— Не ори, хватай за другой конец!

— Да куда, дурень... на ногу уронишь!

— Ты глянь — зайчатинка!

— Пришибло?

— Не, защемило меж стволами!

— Держи, а то убежит!

— Не убежит с перебитой лапой-то!..

— Все! Можно идти!

Я устала так, что двигалась на голом упрямстве. Поскорее бы

добраться до уютного дома, ванны, горячей пищи... кровати. Откуда ни возьмись, напугав, вынырнул хозяин куртки. Вновь пристраиваясь справа от меня, услужливо прикоснулся к моему локтю. Идущий следом за мной парень хихикнул:

— Ходер, не сломайся от усердия. Не твоих хлебов мука.

— Дальше тропа уж совсем плохая, госпожа, — прогудел лесник, не обращая внимания на зубоскала.

— Долго еще? — не скрывая усталости, спросила у добровольного «телохранителя».

— Немного осталось. Утомились? Давайте на руки возьму!

И протянул эти самые руки с готовность подхватить меня.

— Что вы, что вы, не надо! — Шарахнулась от мужчины, сконфуженная неожиданным предложением. Взгляд упал на пояс Ходера. Вернее на то, что висело на его бедре, привязанное к ремню. Голодный желудок неприятно сжался: примотанная веревкой, свесив вниз передние лапки, жалким трупиком болталась окровавленная тушка крупного серого зайца.

— Что поделаешь, госпожа, — правильно расценив выражение моего лица, философски развел руками лесник. — Случается. В урагане, подобном этому, бывает и поболее жертв среди лесных жителей. — Чуть помедлил и расстроено молвил: — Хотел вам отдать. Хороший зверь, упитанный. Рагу из него получилось бы... Раз так...

— А вы его Тибору отдайте, — не желая обижать отказом, предложила мужчине.

Лесник просиял.

— Ежели угодно будет госпоже, я и оленинки свежей доставлю к столу, кабанятины. Фазанов не желаете?

— Я не очень охоту уважаю. Мне зверей жалко, — сказала, отвернувшись от неприятного зрелища изуродованного зверька.

— Да как же... — растерял свой пыл здоровяк. — Мы здесь только охотой и живем. Его сиятельство не возбраняет это дело. И сам с господами приезжает птицу и другую живность пострелять. Порой столько набьют! Да все больше ради забавы. Нехорошо это... — начал да осекся на полуслове лесник, видимо вспомнил, кому высказывать свое «фи» решил. — И спутницы их все больше с восторгом на это дело смотрели, сами в компании с мужчинами по лесам скакали.

«Ну вот, опять барышни...» — подумала с неприязнью. И в груди

заныло тоскливо. И... письмо, наверное, ждет меня с утра, дожидается...

— Фазана попробовала бы. Так и быть, куплю у вас птицу.

— Чего?

Ходер смешно вытаращился на меня, а я мысленно чертыхнулась: ну ты дура, Анька! Осталось обидеть человека или того хуже — заплатить за то, что и так принадлежит хозяину, чьей дорогой гостьей являюсь.

— Простите, я хотела сказать, что мы с баронессой будем вам благодарны, но и в ответ обязательно чем-нибудь одарим. Так уж принято в тех краях, откуда я родом.

— А-а... ага, а я уж подумал...

— И часто у вас бывают такие бури? — сменила тему, перебив мужчину, сглаживая неловкую сцену.

— В год аккурат два-три раза. Когда на нас нападет, когда крылом заденет. Под Ливикой весной лес знатно покосило.

— Да, я видела. — Вспомнила наш путь с Браской.

— Говорят, пространство близь гор особенно наполнено магией. Это те, где поселение ведьм, знаете? Вот и творятся у нас тут дела погодные странные и необъяснимые.

Кивнула, принимая такой ответ. Непростые горы. Аномальные.

Как хорошие приятели топали рядом, переговариваясь вполголоса, не замечая, что лес вокруг стал реже. Над головой открылось небо. Одна из лун стала выныривать из-за верхушек елей все чаще. Пропитанный влагой душный воздух сменился легким, свежим.

— Вот уж и дом ваш, — с ноткой грусти в голосе сказал Ходер, когда мы вышли на открытую местность.

В стороне усадьба ждала своих гулён освещенными окнами первого этажа, горящими фонарями на подъездной дорожке и крыльце. А меня так некстати, то ли от глубокого облегчения, то ли от радости великой, что закончилась наконец наша экстремальная вылазка за виноградом, повело в сторону, будто пьяную. Не успела понять, что такое со мной, как вдруг почувствовала отрыв от земли, короткий полет, и я уже восседаю на руках лесника. Теплое дыхание мужчины погладило щёку. Под зарослями на лице, оказывается, скрываются очень даже приятные черты, добрый смешливый взгляд.

Вот тебе, Аннушка, ухажер новый организовался! Бородатый,

плечистый, глазами лучистый.

— Я себя неловко чувствую, — смущенно пробормотала, пытаюсь сползти на землю. — Вы бы лучше баронессе помогли. Пожилой женщине тяжелее пришлось — такой путь преодолеть!

Лесник мельком глянул через плечо.

— Зря беспокоитесь, её милость очень даже резво идет за нами, ни на шаг не отстала. А вот вас уже ноги не держат, я же вижу и... уж простите меня, туфельки ваши совсем не для таких походов. Небось промокли насквозь.

— Промокли, — вынуждена была согласиться, чувствуя, как сильно растоптана любимая обувь. — Жалко, хорошие были мокасины. Здесь таких нет. — Вздохнула горестно.

— Будут, — уверенно кивнул головой мужчина и крикнул в сторону: — Стаф! Ну-ка иди сюда!

Что-то ворча себе под нос, нас нагнал давешний зубоскал.

— Чего надо?

— Посмотри на туфельки госпожи. Сможешь такие же пошить?

Парень изогнул шею, пытаюсь рассмотреть в темноте изделие из замши на моих ногах, качающихся в такт движения лесника.

— Вы сапожник? — с надеждой спросила у весельчака.

— Кожевенник он, — ухмыльнулся бородач. — В столицу посылали его на учебу к мастеру, а он через год вернулся в одних штанах. Но вы не волнуйтесь, госпожа, руки у него золотые. Ну что ты там разглядываешь так долго? — прикрикнул на Стафа Ходер.

— Да не вижу я толком! — огрызнулся парень в ответ.

— Ну так сними! Домой придешь — рассмотришь.

— А... Позвольте! — У меня от такой наглости дар речи пропал. Ну ничего себе! На ходу раздевают! — Подождите!.. — попыталась возмутиться, провожая глазами правый мокасин, перекочевавший в руки сапожника-недоучки.

— Чудные какие, подошва в пупырышках... — последнее, что я услышала, прежде чем юноша растворился в темноте.

Недоуменно воззрилась на лесника. Тот невозмутимо покосился на меня.

— Вот только не ругайтесь. Будут у вас через два дня новые. Еще лучше, чем были.

Поверим на слово.

Чем ближе подходили к усадьбе, тем медленнее шел Ходер. Словно хотел растянуть удовольствие от такой приятной ноши, или вовсе не желая расставаться с ней. Под ногами громко чавкало при каждом его шаге. Большое пространство перед усадьбой, поросшее низкой травой, напиталось, насытилось влагой после бури, превратившись в заливной луг.

Вот уже и Брук догнал и перегнал, шествуя широко — брызги из-под подошв во все стороны. Тельма мелко часто просеменила, держась у отца Мирты в фарватере. Мужики обходили нас с двух сторон, стремясь поскорее выйти на дорогу из этого «болота».

Поблагодарив селян за беспокойство, разошлись в разные стороны. Ведьма впереди с корзинкой, как предводитель; Брук с девчонкой на руках; Ходер со мною; дворецкий замыкающий — к воротам усадьбы. Поисковый отряд из крестьян в количестве... на одиннадцатом впотьмах сбился со счета — шустро двинул к деревне.

И кухарка, встречая нас в передней, заламывая руки и причитая, не знала к кому бросаться первому.

— Все глаза проглядела! Ужасов напридумывала! Ходер, где же вы их нашли? Холодные, голодные! Разутые!

Тельма непонимающе пробежалась взглядом по ногам всей честной компании. Наткнувшись на мою босую ступню, округлила в удивлении глаза и припечатала:

— В баню! Офра, голубушка, устрой отца с дочерью в свободных покоях.

— Я провожу, — опередил супругу Тибор и повел мужчину с девочкой за собой наверх по лестнице.

— Спасибо, — поддавшись порыву, чмокнула своего носильщика в щеку, чем окончательно смутила его, и без того растерявшегося от такой бурной встречи стряпухи и титулованных барышень. — Можно отпускать. — Заерзала нетерпеливо на руках мужчины.

Аккуратно поставив меня на пол, мой герой откланялся и уже собирался выскользнуть за дверь, как был остановлен громким криком:

— Пр-ритопали!

Источник резкого голоса слетел откуда-то сверху мне на плечо и устоялся на бородача. У лесника же лицо и вовсе вытянулось от изумления. Впервые, видать, птицу такую чудную лицезреет.

Говорящую! И Орест был бы не Орестом, не выдай свое коронное неугодному его пернатой особе:

— Пр-роваливай!

Ох, как запылали у меня уши!

— Простите его! Такой уж он нам достался, — бросилась оправдываться за Перри перед смотрителем охотничьих угодий.

Ходер улыбнулся понимающе и, чуть подавшись ко мне всем корпусом, громко прошептал:

— Не желаете обменять этого болтуна на певчую птичку? У меня пара чудных коноплянок есть!

Жако встрепенулся так воинственно, что я думала — бросится в драку с лесничим, посмевающим заикнуться о подобном возмутительном предложении.

— Нет, благодарю, этот попугайчик стал мне дорог как друг. — Погладила по спинке пернатого, успокаивая.

— Я бы тоже очень желал стать для госпожи...

— Анна.

— ...Анны другом. Буду рад вам служить, если понадобится помощь в прогулке по лесу. Покажу места такие, о которых ни один бережинец не знает. И... реполовов* я все-таки для вас придержу, — закончил он, многозначительно посмотрев на нахохлившегося Бейла Ореста.

Намытые, распаренные, накормленные, далеко за полночь сидели в столовой. Тельма перетирала травы, собираясь сделать какой-то укрепляющий настой для Мирты. Я же, не в силах сдвинуться с места, потягивала душистый горячий ягодный напиток и клевала носом, слушая из уст старушки рассказ о наших приключениях для домоправительницы.

— Офра, письмо было? — с надеждой в голосе спросила стряпуху.

— Нет, бесса Анна, — огорчила та своим ответом.

Два дня не прилетал рукокрылый посыльный. И мысли лезли в голову самые разные. Чаше от «пропал мышонок в когтях хищной птицы» до... В общем, это «до» было обыкновенным девичьим страхом и сомнением, заполнявшим голову вопросами. Сначала безобидными: «Может быть, что-то случилось?», «Может, нет времени?», «Возможно, погряз в проблемах, связанных с гостями»... А следом возникали более тревожные: «А что, если моя любовь мне изменяет?», «А если письма

перехватили?» Ну и совсем уж крайне неприятная мысль: «Эта Розина пришлось ему по сердцу, и он... забыл обо мне!»

Но знала, не стоит в любом случае из этого маленького снежка лепить огромный снежный ком, разрушающий всех и вся на своем пути. Подожду.

— А где человек, который приехал утром? — подскочила я на стуле, вспомнив вдруг о визитере.

— Совсем забыла! — всплеснула руками женщина. — Примчался, да. Верхом. Молодой, высокий, худой. Ждал долго, волновался. Устал сидеть в гостиной, испросил разрешения дом посмотреть. Так и что ж, смотрите на здоровье. Я всего на минуточку отвлеклась, и тут беда приключилась... Оступился на лестнице, да как загремит вниз...

У меня внутри все обмерло: еще один на моем счету?

— ...Ногу подвернул! Не могу ступить, говорит. А тут этот ураган... И Тибор ушел... Я же не посмею парню в приюте отказать: а вдруг не просто так пожаловал к вам, а с вестями важными? Напоила его отваром да в покоях дальних на первом этаже устроила. Стеснительный. От помощи отказался, сам всю дорогу до комнаты на одной ножке скакал. Сбор у вас, госпожа Брайт, хороший — спит он уже, наверное десятый сон видит. Утром свидитесь.

— Он представился? — спросила ведьма.

Кухарка сложила на столе перед собой руки, задумалась, наморщив лоб.

— Имя у него странное. Не наше, не триберийское...

— Страбор? — подсказала я, догадавшись, о ком речь.

— Он самый, — обрадовалась Офра. — Страбор Грун. Я же говорю: не наших он краев!

— А чьих? — Мне стало интересно, откуда будет молодой маг.

— Из Готуара он родом, — тихо ответила мне ведьма.

* *Реполов* — второе название коноплянки.

Глава 6

— Доктор, а нельзя ему сделать клизму литров на восемь, чтобы о глупостях некогда было думать?
(т/с «Сваты»)

— Тетушка, ну что там, растяжение? — спросила я, глядя на бледного мага.

— И так больно? — Тельма, не ответив мне, продолжала гнуть и крутить ступню Страбора под разными углами, совершенно не заботясь о чувствах несчастного.

Тот зашипел сквозь зубы и поморщился.

— Прошу вас, осторожно! Подозреваю, у меня подвывих?

— Возможно, — неуверенно протянула знахарка. — Как же вас так угораздило, молодой человек? — поинтересовалась она, оставив конечность болезного в покое, и откупорила глиняную баночку, из которой вырвался резкий запах ментола.

— Все моя невнимательность, — вздохнул юноша, наблюдая сквозь опущенные ресницы за плавными движениями ведьмы, втирающей целебную мазь в кожу на его ноге.

— Какими же судьбами вы к нам? — вежливо-учтиво поинтересовалась я у страдальца.

— Срок моей практики истек, следовало вернуться в академию. Верина, узнав, что я уезжаю, просила передать вам посылку.

— Этот тракт не ведет в столицу, — сухо отозвалась баронесса.

— Не смог отказать в просьбе девушке — пришлось сделать небольшой крюк, — развел руками адепт.

Тельма хмыкнула:

— Пять часов верхом — это «небольшой»? А впрочем, что вам, молодым, шальным да легким на подъем... — Закончив процедуру, поднялась. — Пойду приготовлю отвар. К Мирте еще заглянуть надо. Аннушка, останешься?

— Да, хочу расспросить о наших мастерицах, — сказала рассеянно, удивленная непонятной холодностью «тетушки» в отношении гостя. Не замечала в доме Аррии за ней такого. При знакомстве с парнем она

была более дружелюбно настроена. Что изменилось?

— Молодому магу я бы не советовала сегодня вставать. Отлежитесь у нас денька два. Вам время позволяет?

— Конечно! — с готовностью откликнулся Грун. Слишком радостно. — До начала занятий еще целых полторы недели!

Ведьма поспешно отвернулась, скрывая нахмуренные в задумчивости брови, и вышла из комнатки, оставив настежь открытую дверь. Вернее сказать, она её будто специально распахнула во всю ширь. Я присела на освободившийся стул у кровати.

— Рассказывайте, — обратилась к гостю, не заикливаясь на странном поведении «тетушки», стоило нам войти в выделенные ему покои. — Как там Верина? Госпожа Флайт?

— О, у них все отлично! Переполошились, правда, сильно, когда их питомец пропал, но, получив от вас письмо, успокоились и... посочувствовали вам. — Больной усмехнулся. — Если вас не затруднит, подайте мне сумку, там для вас гостинец.

Потянулась, не вставая, к предмету из потертой кожи, очень похожему на ранец, сиротливо притуленному у ножки стола. Тяжелый. Внутри негромко звякнуло стекло. Ойкнула, испугавшись, что слишком резко дернула на себя заплечную торбу, и оттого могло повредиться что-то хрупкое в её недрах. Поймала на себе мимолетный обеспокоенный взгляд хозяина вещи.

— Простите. Проверьте, ничего не разбилось?

— К счастью, нет, — проинспектировав содержимое сумки, ответил Страбор и, как мне показалось, выдохнул с облегчением. — Вот, — он подал мне небольшой предмет квадратной формы, обернутый коричневой бумагой, — это вам просили передать.

Сняв упаковку, в изумлении уставилась на красочную коробку с изображением пестрых птичек. Открыла и улыбнулась. Шоколадные трюфели! Потянула носом и тихо застонала в блаженстве.

— Верина, ты чудо! Угоститесь? — Протянула упаковку парню.

— Нет, благодарю, — мило смущаясь, отказался тот от «драконьих бобов».

Шурша юбкой, в покои зашла моя бабулька с большой кружкой. По комнате поплыл запах трав и меда. Заставив выпить Груна больше половины теплого настоя, ведьма решительно потянула меня на выход.

— Ты мне нужна, Аннушка. Молодому человеку следует

отдохнуть, — непререкаемым тоном заявила она на мой вопросительный взгляд.

— Тельма, что происходит? — потребовала объяснений у женщины, войдя в столовую.

Та смотрела на меня и молчала, будто решая, говорить или нет.

— У нашего гостя нет ни растяжения, ни вывиха, ни подвывиха. Он здоров как лось!

— Что? — Я обомлела. — Зачем он тогда...

Осеклась и рванула обратно в комнату к «больному», поинтересоваться — так, на всякий случай, к чему он устроил этот спектакль, но была остановлена словами ведьмы:

— Не ходи, он спит.

— Я не понимаю. — В растерянности плюхнулась в кресло у камина.

— И я пока не понимаю. Не нравится мне все это, голуба. Что у тебя в руках?

— Ах, это... — «вернулась» я в реальность, — шоколад от Верины.

— К конфетам даже не прикасайся!

От такой неожиданности выпучилась на «тетушку».

Она понимает вообще, о чем меня действительно просит?! Нет, приказывает!

А потом до меня дошло, и я, сама не веря в то, что сейчас скажу, прошептала:

— Ты думаешь, он их отравил? Зачем?!

Тельма не ответила, но посмотрела так, что пробежал мороз по коже, и коробка, лежавшая на коленях, вдруг почудилась свернувшейся ядовитой змеей.

Если подумать, в чем-то баронесса права — выглядит этот визит более чем подозрительно. Во-первых, нет никакого письменного послания от мастериц. Ни даже маленькой записочки! Во-вторых, что можно было делать на лестнице, чтобы ни с того ни с сего свалиться с неё? Трезвому и здоровому. Вот если бы сказал, что голова закружилась вдруг, поверили бы с большей охотой. В-третьих — сам факт лжи.

Но как же не хотелось верить!

И в-четвертых... А что мы, собственно, о нем знаем? Очень мало, практически ничего. Со слов Арии, он порядочный, исполнительный, аккуратный, не жадный до денег. С хорошим магическим потенциалом,

симпатизирует Верине. То, что Грун скромн, воспитан, не болтает лишнего, готов всегда прийти на помощь, смогла убедиться при личном знакомстве.

Как бы я ни старалась найти магу оправдания, все мои попытки трещали по швам.

Спрашивать напрямую не было смысла. Кто заявился в гости с враньем в кармане, тот не будет спешить сознаваться в истинном положении вещей. Так для чего же был разыгран столь неумелый фарс? Кто он, этот актер? Кто главный зритель? Я или Тельма?

И главный вопрос: какова цель?

«Знахарка упомянула Готуар... «Он родом из Готуара», — если быть точной, прозвучало так. Складывается впечатление, что все дороги мира, в котором оказалась, ведут в это беспокойное государство», — продолжала я мысленное рассуждение, наблюдая в окно за возней воробьев на лужайке перед домом. Мимолетная догадка пронеслась в голове, успела ухватить лишь её кончик: а если это месть? Конкретно моей знахарке или всем ведьмам подряд? Наверное, для фанатиков это неважно. А Тельма, к сожалению, в Злавике и не скрывала своей сущности.

Как я уже знала, маги в стране террора и инквизиции успешно приветствовали и почитали культ, прославляемый этим мерзавцем и проходимцем... как его, господи... Цестием Милостивым. Не могла ли моя баронесса Брайт чем-то насолить-навредить, а то и погубить в прошлом близкого человека нашего адепта? Вполне. Тогда мы имеем в дальних покоях помышляющего о вендетте колдуна?

И при этой мысли становилось не просто страшно, а жутко до одури.

Страбор проспал до самого вечера. Знахарка запретила мне входить к «больному», сама отнесла ему ужин, споила еще одну кружку настоя и, спросив у Офры ключ, закрыла на ночь комнату с магом. Неплохая идея: продержат подозрительную личность в состоянии невменяемости до прихода... Кого? Служителей правопорядка? Так мнимый больной пока еще ничего не сделал.

На мое «Давай выведем его на чистую воду, и пусть катится ко всем чертям!» женщина только покачала головой: «Если он действительно задумал недоброе, его нельзя отпускать». И... села

строчить кому-то письмо.

Офра с Тибором подозревали, что в доме творится что-то странное, но благоразумно не вмешивались.

Тревога дня разбавилась хорошей новостью — очнулась Мирта, только вот из-за сильной слабости была действительно оставлена в постели. Счастливый отец рассыпался в благодарностях ведьме и все порывался что-то делать, куда-то бежать. Ну и побежал... в деревню приводить себя в порядок и на всякий случай проверить крепость браги, охлаждающейся в погребе.

К вечерней трапезе кухарка подала перепелов, чудесным образом появившихся на кухонном столе. Перри, запертый в клетке во владениях домоправительницы во время подготовки дичи, сдал ее таинственного поставщика с потрохами. Оскорбленный за всю пернатую живность, обозвал лесника мордой бородатой и... далее по списку из морского репертуара.

А я за всеми этими детективными страстями вспомнила, уже готовясь ко сну, что так и не дождалась письма из Виннета.

Рихард и Лео молчали...

Ночью долго не могла уснуть. Было душно, неудобно, тревожно. Накрутила себя с вечера и как следствие получила бессонницу. Тишина в доме и за его пределами давила на нервы. Оглушала. Даже бой напольных часов из холла второго этажа сегодня слышался каким-то... придушенным. Когда после очередного короткого «вжика» заводного механизма пробило три раза, я психанула. На себя — за то, что такая мнительная. На погоду — хоть бы ветерок какой просвистел за окном, или дождик звуками падающих капель разбавил это гнетущее безмолвие ночи. Распахнула ставни, глотнула от души свежего воздуха и легла считать зверушек.

«Один розовый слоник, второй розовый слоник... Просила же по-человечески, пишите обо всем, что у вас там происходит! Обещали чуть ли не клятвенно, а сами... Пять розовых слоников... девять...»

Что-то невесомо легло мне на грудь. «Потопталось», ощупывая грудную клетку, скрытую под сорочкой. Скользнуло, поглаживая, в ложбинку между грудями. Мягким движением щеотно прошлось по шее под рюшами на вороте. Я замычала и раздраженно отмахнулась от нарушителя сна, перевернулась на живот. Мозг только вяло возмутился:

с таким трудом уснула! Что и кому надо среди ночи?! Воздух колыхнулся рядом с лицом, потревожил тонкий волос на виске. Желобка под носом коснулось что-то холодное, скользкое. Рецепторов достиг неожиданный резкий и неприятный запах. Отпрянула в панике, распахивая глаза, и, толком ничего не успев увидеть, уплыла. Тяжелые веки, словно налитые свинцом, сомкнулись, сознание сделалось мутным, слух пропал. Стала эфемерной, легкой и понеслась по лабиринту красочных тоннелей, уносясь все дальше и дальше с огромной скоростью, пока этот цветастый калейдоскоп не закончился и я не ухнула во тьму.

Знакомый двор в родном городе. Каруселька, лавочка, ряд железных гаражей... все до боли знакомое. И посреди игровой площадки Рихард Моран колет дрова. Размашисто, с какой-то остервенелостью. Ставит на толстый чурбак полено и бьет по нему здоровенным колуном. Замах, удар — резкий, беспощадный, и две полешки свалились на траву по обе стороны от колоды. Стою шагах в пяти, смотрю. Равнодушно, холодно, словно на незнакомца. А мужчина уже вновь замахивается и, вдруг заметив меня, криво улыбается: «Ты была права, я поторопился!» Инструмент с длинным топорщиком, как в масло, врезается лезвием в новое полено. Раздается громкий хруст, я вздрагиваю и...

— Анна! — Чей-то голос, сопровождаемый хорошей встряской, ворвался в сновидение. — Анна, проснись!

— Что случилось? — Открыла глаза и поморщилась, стоило только повернуть в сторону зовущего голову, которая гудела, к слову сказать, словно натруженный колокол.

— Слава богам, очнулась, — выдохнула Тельма, приложив руку к груди.

В наспех накинутом халате до пят, в чепце для сна, из-под которого торчали растрепанные седые пряди, она являла собой воплощение бабы Яги.

— Не слышала... Спала крепко, вчера долго не могла уснуть. — Хлопнула глазами недоуменно, уставившись на баронессу. — Ты чего? — Виски прострелило тысячами игл. — Ох...

— Почему не закрылась на ночь? — строго спросила ведьма.

— Я... не знаю. Не помню. А зачем? — Мозг все еще тормозил.

— Затем что в доме посторонний человек!

— Так он же постоянно спит, — проямлила, оправдывая свою опрометчивость.

— Твоя беспечность, девочка, меня порой поражает! Спускайся к завтраку!

За баронессой хлопнула дверь. За очень сердитой и очень раздраженной баронессой. Я растерянно огляделась. Утренний свет лился в комнату через распахнутое окно. Легкий ветерок колыхал шторы из тонкого шелка. Все вещи на своих местах... вроде бы. И все же было необъяснимое чувство, что что-то не так. Едва уловимое ощущение чужого присутствия витало в воздухе.

Вяло отмахнулась от этого душевного дискомфорта — паранойя! А вот почему так черепушка раскалывается, хотела бы я знать? Было похоже на похмельное состояние. Или больше, как после сильного наркоза. Только с какой такой стати? Накануне капли в рот не брала, да и наркотик... Это не про здесь, не про сейчас и не про меня вообще!

Что снилось, не помню. Остался осадок — тяжелый, неприятный, как серый густой туман, заполнивший ограниченное пространство и не позволявший что-либо рассмотреть сквозь его тяжелую завесу.

— Пожалейте меня кто-нибудь, дайте пилюлю от головной боли, — проскрипела жалобно, усаживаясь за накрытый к завтраку стол и прикладывая ладонь к темечку. — Или топор.

— Уже пожалели, — проворчала «тетушка», не глядя на меня. — Кружка перед тобой.

— Тельма, обещаю, больше так не буду. Не сердись, пожалуйста. — Невыносимо было терпеть устроенное знахаркой нерадивой племяннице показательное наказание посредством сурового взгляда и холодного тона. — Чем порадует нас новый день?

— Радоваться нечему. — Голос женщины смягчился, и на меня соизволили даже посмотреть. Без гневных искр в очах. — Ума не приложу, что делать с нашим гостем?

— Поговорить.

Да, я считала, что надо дать парню шанс раскрыться. Поведать нам о причинах своего визита.

— Попробуем. — Баронесса тяжело вздохнула. — Ближе к вечеру проснется — будем проводить беседу. Или пытаться.

— Связать заранее надо будет, чтоб проникся серьезностью момента. — Нервно хихикнула и прислушалась к себе. Голова больше не тревожила тяжестью и звоном. — Спасибо, Офра! — окликнула негромко кухарку, заметив мелькнувший в кухонном проеме силуэт, и отставила от себя пустую чашку из-под чая. Да, этот дом порадовал, правда, скудным, но ассортиментом, как и количеством малюсеньких баночек — аж три штуки! — с высушенными листьями чайного дерева. И то праздник.

— На обед будут фазаны! — Веселый голос домоправительницы заглушило хриплое шипение из клетки.

Перри после нашего возвращения из леса вообще вел себя странно. По большей части молчал, не скандалил, не дерзил, ничего не требовал. Что настораживало.

— Угу. — Кивнула равнодушно.

Лесник аккуратно следовал своему обещанию. Только у гостыи поместья «Бережины» это не вызвало никакого восторга. Хочется ему — пусть носит.

— Офра, мышь не прилетала?

— Нет, бесса Анна, — виновато ответила та и поспешила скрыться с моих несчастных глаз.

Настроение скатилось до отметки ноль.

— Никто меня не любит. — Махнула рукой. — Я на чердак, — известила «тетушку», поднимаясь из-за стола, и замерла от неожиданности.

В столовую тихо вошла Мирта.

Легкая бледность, чуть заметные синяки под глазами, смущенная улыбка.

Встала, в нерешительности сцепив пальцы перед собой. Запоздало присела в коротком неуклюжем книксене.

— Поднялась уже? — обрадовалась Тельма. — Проходи, не стесняйся. Офра, будь любезна, кашу нашей ведьмочке! Как себя чувствуешь? — вернулась к девчонке.

— Хорошо. Правда хорошо, — ответила та и нахмурила тонкие бровки. — В доме маг?

Огорошила, ничего не сказать. С одинаково вытянутыми лицами переглянулись со знахаркой и уставились на горничную.

— Откуда ты знаешь? — вкрадчиво поинтересовалась баронесса.

— Чувствую.

— Как интересно, — протянула та пораженно. — Кто же ты у нас такая, милая?

Глава 7

— У такого отца такой непутевый сын уродился.

— Ну, что же поделаешь, Тимофей Кондратьич, гримаса природы!
(х/ф «Солдат Иван Бровкин»)

— Зачем вы меня связали? — Возмущение молодого мага было настолько неподдельным, что я чуть было не уверовала в его святость и пушистость.

— Чтобы глупостей не наделали, — ответила ведьма, присаживаясь на стул у кровати. — Страбор Грун — это ваше имя?

— Да! — Парень, недовольно сопя, дернулся в путах.

— Кем вам приходился лорд Энвер Грун? — Тельма, сцепив руки на коленях, смотрела на «больного» спокойно, чуть укоризненно, давая тому понять, что знает о нем все и лукавить нет смысла.

Связанный отвел глаза, играя желваками на скулах.

— Отцом, — процедил сквозь зубы.

— Без сомнений — дитя своего отца... — На лицо старушки набежала мрачная тень. — И деда.

— Я не имею никакого отношения к делам отца и этого мерзавца, которого вы называете моим дедом!

— Тогда зачем вы здесь?

— Развяжите, и я все вам расскажу. Это, в конце концов, унинительно.

— Ничего, мы потерпим, — вставила я свое слово в этот странный диалог, в котором всплыли факты и фамилии, известные только двоим из всех присутствующих при... допросе.

Да, именно так можно было назвать начало разговора, при котором моя бабулька волшебным образом преобразилась в невозмутимого Аниськина.

За моим правым плечом согласно хмыкнул Тибор. Его руками был спеленат спящий лазутчик. Не желая оставлять женщин наедине с незванным гостем, он тихонько стоял, подпирая плечом дверной косяк.

— Откажетесь рассказывать нам, будете беседовать с верховной, — прибегла к угрозам баронесса. — Ну же, молодой человек, выхода из

этого дома у вас только два. Выбирайте: один — после полного раскаяния — за ворота этого поместья. Второй — если не прислушаетесь к доводам разума — следом за лордом Элиасом Нотбеком. Или все-таки сказать: за дедом?

Пленник долго молчал, сверля злым взглядом веревки на своих запястьях. У меня, стоящей за спиной ведьмы, от тягостного ожидания в надежде на положительный исход нашей затеи заломило поясницу. Гостя никто не торопил, все понимали, что парню нужно привести мысли в порядок и отважиться на откровенность, разобраться со своей совестью, довериться. Перспектива попасть в подвалы Селесты следом за родственником должна была подтолкнуть его к верному решению.

— Откуда вы знаете моего отца?

— Встречалась с ним в Готуаре.

Адепт упрямо посмотрел на знахарку.

— Он не имел ничего общего с культом Цестия.

— Не имел, — кивнула Тельма покладисто, — но на его совести десятки жизней ни в чем неповинных женщин. Скольких он выдал жрецам? Не знаешь... Ты спросил, откуда мне известно имя твоего отца? Меня и еще больше двадцати белых ведьм он лично преследовал до самой границы с Лагосом.

На такое заявление Страбор отчетливо скрипнул зубами, и у меня от этого по спине пробежал неприятный холодок.

— Значит, его вынудили это сделать, — пробормотал тот еле слышно.

— Ничего личного, только благополучие семьи — так, наверное, это звучало из уст вашего родителя в свое оправдание? — Я скептически хмыкнула.

Грун промолчал, не собираясь комментировать мою версию.

— Так зачем вы здесь? — повторила вопрос баронесса. Парень продолжал хранить молчание. — Что мне с вами делать? — устало вздохнула ведьма. — Я не хочу губить вашу жизнь — вы еще так молоды! Вижу, вы колеблетесь. Бойтесь. Действовали неумело, порывисто. Попались на нелепой лжи и не поняли, что вас раскусили...

— Все я понял, — удивил пленник.

Тельма тихонько охнула, осененная какой-то догадкой.

— Что у вас с собой?

— Универсальное противоядие.

Женщина уважительно промычала.

— Дорогое удовольствие. Не спал, значит, ночью, — и посетовала в сторону, не дожидаясь ответа. — Да-а, обвели тебя, ведьма, вокруг пальца. И кто? Сопливый адепт! — «Сопливый» цинично усмехнулся, совершенно не обиравшись на ярлык, навешанный старухой. — Что еще?

— Выжимка из корня лознака.

— Сумасшедший! — гневно рявкнула баронесса так неожиданно, что я подпрыгнула, а Тибор потерял опору в виде локтя и чуть не встретился лбом с дверным косяком. — Ты хоть понимаешь, что это такое? Сильнейшее снотворное зелье! Лишний вдох, и человек никогда не проснется!

Негодую, ведьма поднялась со стула и нависла над «больным». А я непроизвольно схватилась за голову, вспомнив вдруг странный полет по красочным лабиринтам в бездну, после которого с трудом проснулась с невыносимой головной болью. И то чувство чужого присутствия...

— Вы были у меня ночью? — спросила тихо. От страха за свою жизнь волосы на затылке встали дыбом. — Что вам было нужно?

— Я не собирался причинять вам зла, мне всего лишь нужен был... — Парень замолчал на миг и, словно решившись, выпалил: — Таурон.

— Таурон...

— Таурон.

На три голоса в унисон прозвучала в комнате причина столь наглого и самонадеянного визита Страбора Груна в Бережины с целью грабежа.

В комнате повисла звенящая тишина.

— От деда узнал? — первой нарушила молчание знахарка.

— Догадался, — без какого-либо раскаяния в голосе признался молодой маг. — Элиас показывал мне свою коллекцию артефактов. И все сетовал, что этому ценному собранию не хватает заключительного штриха. Показал рисунок. Рассказал, на что способна вещица... Я видел ваши глаза, бесса, когда нес вас в лавку после столкновения с лошадью. Вернее, их отсутствие. Это не была чернота, это была пустота. И я знаю, чем занимается госпожа Ария. — Прозвучало иронично. — Сложить все осколки от одной детали не составило труда.

— Это вы сказали родственнику про Анну? — Её милость вновь

перешла на вежливо-официальный тон.

— Нет. И это правда. Он сам узнал, побывав в той таверне, где вы жили какое-то время, но потом исчезли. Знаете... лорд Нотбек давно хотел меня приобщить к поискам тауруна, но... Как-то в один из дней нашел «своего внука» в Академии. Первый раз в жизни я услышал от него в свой адрес такое обращение. Безумный взгляд, сбивчивая речь, руки трясутся. «Он вернулся!» — только и твердил, как сумасшедший, напугав меня фанатичным блеском своих глаз. Я чувствовал, что он что-то задумал, и помогать ему не собирался ни при каких условиях. Даже после того, как понял, какую тайну вы скрываете.

— Почему? — полюбопытствовала Тельма.

— Я знаю, на что этот человек способен ради достижения своих целей. И убийцей в угоду прихотей выжившего из ума старика становиться не собирался.

— Ты узнал про Асту? — Баронесса мягко и аккуратно подтолкнула Груна к дальнейшей откровенности.

— Я был в том подвале... уже после случившегося.

«Пустое помещение, каменные стены. Тусклый свет с улицы пробивается в маленькое зарешеченное окошко под потолком. Сыро и холодно. Оголенные плечи зябнут. На запястьях железные оковы. Режут краями кожу до крови. Жалобно звякает цепь, стоит только пошевелить ногами... в колодках».

Мне стало плохо. Настолько плохо, что тошнота подкатила к горлу. В глазах зарябило. Пол поплыл. Подскочивший Тибор успел подхватить моё слабое тело. Ведьма кинулась к кувшину с водой. На мгновение замялась.

— Она чистая, — спокойно бросил «пленник», правильно оценив ситуацию.

— Ноги вырву, — пообещал ему наш дворецкий, имея ввиду не прозвучавшее «если соврал».

Теплая жидкость потекла в горло, не доставляя удовольствия. Выхлебала всю кружку буквально за несколько секунд, давясь большими глотками.

Перевела дыхание.

— Знаешь, что самое смешное? — Посмотрела открыто, чуть жалостливо на парня. — У меня его нет. Так что зря старался. Тратился на зелья и конфеты. — Решила наплевать на приличия и тоже перейти

на «ты». Лежит такой весь невозмутимый, ни грамма раскаяния на морде лица! — Кстати, начинка у трюфелей поди тоже с сюрпризом?

Стервец хранил молчание, во взгляде скрытая издевка, расслаблен, будто уверен, что мы ему ничего не сделаем. Проникнемся, так сказать, его правдивостью и раскаянием.

Состязание в гляделки я проиграла. Глаза заслезились. Маг самодовольно усмехнулся. Не поверил моим словам. По роже вижу — не поверил.

— Жаль, — легкая усмешка скользнула по губам адепта, — было бы интересно посмотреть на вещицу, из-за которой лорд Нотбек буквально сошел с ума и поискам которой посвятил остаток своей жизни. Его же казнили, верно? — спросил, переводя взгляд на Тельму.

— Старейшины еще не вынесли приговор, — ответила женщина и отошла к окну. — Убийство ведьмы они не простят. Даже работа на руднике для него слишком легкое наказание. — Грун кивнул, принимая сказанное с пугающим равнодушием. — Где он держал Асту? — вдруг спросила она глухо, сдавленно. — Где это место?

— На северной окраине Нонтера, в подвале старой полуразвалившейся каплицы.

Нонтер!

Знакомое название населенного пункта. Кажется, там хотел поселить нас с «тетушкой» Леонард. Тогда какое-то предчувствие не позволило мне согласиться на его предложение. Вот тебе и на, получите причину той необъяснимой тревоги. Получается, коллекционер все это время рыскал по округе, кружил вокруг Виннета, практически не скрываясь и не торопясь удалиться как можно дальше от места своего преступления. Настолько был самоуверен и нагл? Нет, его держала на одном месте новость, которую он наверняка получил от старой ведьмы под пытками ли или другими способами. Возможно, Аста призналась мучителю, что таурон вернулся домой. Не знаю, можно только догадываться. Но вот от ясного понимания, что, отмахнись я тогда от настойчивых трансляций оберега о пребывании в сырых стенах подвала старой городской часовни, они вполне могли бы стать явью. Дальше думать было просто страшно.

— Ты ведь не откажешься от своей идеи заполучить оберег? — задала вопрос напрямую. Надоело ходить вокруг да около.

А баронесса продолжила уже с уверенностью:

— Ты пришел с целью выкрасть его, и как бы сейчас ни распинаясь о том, какой ты хороший в отличие от родственников, соблазн держать в руках артефакт перевешивает доводы разума. Зачем он тебе? Обладание им ни славы, ни богатства тебе не принесет.

— Отчего же, даст. И даже больше. — Вот и все, адепт решил снять маску благородного вьюноши, и стало ясно, что это обыкновенный корыстолюбец, интересант, при этом очень опасный. — Смею думать, что вы, обладая таким сокровищем, понятия не имеете, на что оно способно! — Грун весело рассмеялся, откинув назад голову. Мы с ведьмой сцепились напряженными взглядами, прекрасно понимая, о чем он говорит. Путешествие по мирам — это, судя по всему, не предел возможности оберега. — Это власть, это могущество. Остановить время, исчезнуть и вновь появиться, когда никто этого не ожидает, открыть окно перехода в любую точку планеты, а то и других миров! О, Аста была великим артефактором! Жаль, старуха оказалась упряма. Рассказала бы сразу все по-хорошему, не пришлось бы страдать и мучиться, осталась бы жива. Хотя... Нет. Думаю, не осталась бы.

Господи, да он же больной на всю голову!

А вот откровенность его очень уж напрягла. С чего бы ему сейчас делиться с нами секретами оберега, если... Если только он, связанный по рукам и ногам, не имеет туза в рукаве? И этот «туз» прямо на моих глазах начал медленно расплавлять путы на его запястьях! Веревки толщиной с мой палец просто распадались на моих изумленных глазах.

С кривой улыбочкой и взглядом обманчиво-наивным этот гад развел свои конечности и, вскинув брови, тихо сказал: — Ой!

— Тельма! — вскрикнув, отпрянула я от кровати и быстро попятилась, запнувшись о край ковровой дорожки и налетела спиной на Тибора.

Ведьма резко обернулась и кинулась к столу, хватая с него маленькую коробочку, но даже раскрыть её не успела, как в неё полетела какая-то серая дрянь. Нечто, похожее на туманный сгусток, врезавшись в грудь женщины, растеклось по её телу с молниеносной скоростью, заставив ту всхлипнуть, закатить глаза и бесформенной массой осесть на пол.

Я задохнулась от ужаса. Убил!

— Да жива, жива твоя старуха. — Маг небрежно отмахнулся, снимая путы с ног и вставая с постели. — Ну а теперь ты, лакей.

Дядечка, надо отдать должное, быстро взял себя в руки, дернул меня за плечо и вытолкал в коридор.

— Беги! Зови на помощь! — успел только крикнуть и захлопнул дверь перед моим носом, оставшись один на один со свихнувшимся адептом.

Какую помощь?! От мага? Что может помочь от прицельно летящих заклятий?

Паника затопила мое сознание, и, совершенно не представляя, что делать, я понеслась в сторону кухни. Там Офра! Там Мирта!

— Есть в доме оружие? — Влетела в помещение, напугав кухарку и девчонку своим видом: руки трясутся, безумный взгляд.

— Есть, — раздался спокойный голос из коридорчика, ведущего на задний двор. Ходер показался в проеме. В одной его лапище топор, в другой — целая задняя кабанья нога в серо-бурой шерсти. — Что случилось, госпожа?

— Там...

Договорить не успела. В глубине дома хлопнула о стенку дверь, распахнувшись. Как будто её с ноги открыли.

— Бес-са Ан-на! — нараспев, издевательски, позвал Грун, и мой взгляд лихорадочно заметался в поисках спасения.

— Ну-ка, девоньки, на улицу. — Лесник, оценив мое смятение, ринулся на разборки, закинув топор на плечо и взяв поудобнее окорок чуть выше копыта, словно толстую булаву.

Опомнившись, вцепилась в куртку мужчины, задерживая его.

— Не ходите, он магией швыряется, он совсем с катушек съехал! Что ему ваш томагавк!

— Тибор! — ахнула, побелев, кухарка.

Ходер молча, с философским спокойствием развернулся, нырнул буквально на доли секунды в подсобку и вышел оттуда с огромным арбалетом, заправляя его стрелой.

— Я сказал: бегом отсюда! — рыкнул шепотом он на нашу девичью монументальную группу, взял на прицел и шагнул из кухни навстречу большой проблеме по имени Страбор Грун.

Никто не сдвинулся с места. На подоконнике в клетке встрепнулся Перри, забил крыльями. Тихо завывала, заголосила Офра. Я затаила дыхание, пытаюсь через плач кухарки расслышать, что происходит в другом конце дома. Мирта просто стояла, рассеянно хлопая ресницами.

И вдруг раздался громкий грохот, прокатившись гулким эхом по всему зданию. Очень похоже, как если бы уронили здоровенный шкаф на пол. Мы все трое вздрогнули. Офра даже стенать перестала, а вот девчонка, очнувшись, ни с того ни с сего кинулась следом за лесником с воплем:10ff63

— Не убивайте его! Это не он! Он хороший!

Я вообще перестала что-либо понимать. Кто хороший? Маг — хороший?!

— Трупы за борт! — гаркнул птиц, и мы со стряпухой не сговариваясь рванули следом за ведьмочкой.

И страх куда-то подевался, в голове только вспыхнуло залихватское, шальное: «Вот сейчас там все дружно и поляжем от ядерных «лизунов»!»

Вбежали друг за дружкой в коридор у комнаты Страбора и неожиданно закашлялись от едкого желтого дыма. Проход загоразивала тумба, упавшая навзничь. Рядом осколки некогда большой вазы в луже воды с рассыпавшимися вокруг цветами. Там, где была дверь в соседние покои, зияла огромная дыра. Окна в комнате тоже не было, будто снаряд большого диаметра влетел в помещение и прошел его насквозь. Дальше по коридору гора из неподвижных тел. Ходер лежал на животе, и из-под него торчали босые ноги мага, придавленного могучим торсом лесника. Над ними согнулась Мирта, пытаясь столкнуть смотрящего охотничьих угодий с Груна. Покачиваясь, из спальни вышли Тибор с Тельмой. И было непонятно, кто кого поддерживает. Офра со слезами бросилась к ним, резво перебравшись через завал из мебели. А я не могла сдвинуться с места, с ужасом глядя, как пальцы девчонки, вцепившись в ткань куртки Ходера, безрезультатно тянут на себя мужчину без признаков жизни. Уши заложило. Голоса слились в какофонию глухих звуков. Не разобрать, кто что говорит, кому что кричат, кого утешают...

Это очень страшно, когда приходит осознание непоправимости случившегося. Из-за тебя погиб человек. Хороший человек. Не будь меня здесь, все были бы живы и здоровы. Будь проклят тот будильник, из-за которого я проспала! И который дал старт всем событиям, что происходят сейчас с моим участием. Я в этот мир принесла уже третью смерть! Наемник, Бушар. Теперь вот Ходер... Не хочу!

Я почувствовала, как меня начало трясти крупной дрожью. Лучше

бы уж кричала, даже истерика не была бы такой жуткой, как то, что происходило со мной.

Чьи-то сильные руки развернули меня за плечи на сто восемьдесят градусов. Пораженно уставилась в лицо мужчины.

— Лео...

Губы виконта двигались, но слов не могла разобрать. Одно сплошное жу-жу-жу. Думала, голова отлетит, когда меня словно куклу безвольную сильно встряхнули, приводя в чувство. Тихий хлопок в ушах, тонкий свист, и слуха достиг обеспокоенный голос Карре:

— Анна, ты меня слышишь?!

— Леонард, скажи ей, что все живы! — крикнула сзади «тетушка». — Уведи её отсюда!

Что-то успокаивающе гудел за моей спиной Тибор своей всхлипывающей жене.

Скулила Мирта:

— Он не виноват! Он не хотел! Его принудили! Госпожа, вы же видите, на нем чары! Видите?

Застонал Ходер, и меня прорвало. Лео, подхватив меня под руку, куда-то повел.

— Надо было тебя с собой забирать... — разобрала тихое брюзжание мужчины сквозь собственный вой. — Говорил же ему! Нет, он как лучше хотел! Гарантии ему нужны, уверенность... Если бы не пострадал головой, сам бы отвернул начисто...

Слезы мгновенно высохли.

— Кому отвернул? — спросила, икнув.

— Кузену драгоценному.

— По... почему она пострадала?

— Потому что балкой пришибло. Потому что полез куда не надо, — зло, раздосадованно выдал его милость, усаживая меня в кресло у камина в столовой.

И икота прошла разом. И отошли на задний план развороченный особняк, злодейский адепт, странное поведение Мирты...

— Что случилось? — прохрипела.

Икота прошла, а голос отказал.

Карре присел передо мной на корточки.

— Я за тобой приехал, Аннушка. Случилось... В общем, ты предупреждала — мы не прислушались, и произошло непредвиденное:

амулет сошел с ума и... — усмехнулся нервно, — сжег нашу библиотеку.

— А Рихард? — Даже дыхание задержала в ожидании ответа.

— Рич... — мужчина отвел взгляд, — Рич второй день не приходит в себя. Никто ничего сделать не может. Маги разводят руками. Бредит, мечется, постоянно зовет тебя. — Вскинул на меня глаза, полные надежды. — Поехали?

Глава 8

— Я услышал крики. Доел булочки, допил кофе и сразу примчался!
(х/ф «Сенсация»)

Лео воспринял информацию обо всем, что случилось в поместье, настолько бурно, что нам с «тетушкой» пришлось туго. Виконт орал не своим голосом. Рвался добить адепта, чтоб не мучился. А уж когда узнал, чьим родственником тот является... Только повиснув на нем с двух сторон, смогли удержать мужчину от совершения наказания путем отрывания головы без суда и следствия, желанием коего пылала вся его праведная натура.

Ходер, сидя на кухне у Офры, страдал за кружечкой браги — исключительно в целях лечения, щупал осторожно обожженную щеку и сокрушался, что недооценил противника и тем самым подверг опасности жизнь молодой госпожи. Что она о нем теперь будет думать? Так оконфузиться!

— Ты понимаешь, я в него целюсь, а он улыбается! — оправдывался лесник. — Улыбается и варганит какую-то бурую дрянь на ладонях. Я ему: «Брось шутить так, парень», а он замахивается и швыряет в меня этим комком не то грязи, не то слизи.

— Так ты что ж, стоял и смотрел, как в тебя эта штука летит? — ахнула благодарная слушательница, пододвигая ближе к рассказчику тарелку с мясной нарезкой.

— Выстрелил, а то как же! Прямиком в шар этот, да только стрела так и увязла в нем, как щепка в смоле. Сам глазам не поверил! Вот же магическая зараза! Просвистела мимо, только лицо опалила, а за спиной так громыхнуло, что уши заложило. И в спину толкнуло, словно двинул кто со всей мочи. Успел только объятия раскрыть навстречу вашему гостю, и все... Как налетел на него да с ног свалил, уже не помню.

— Хорошо ты на него налетел, всем своим внушительным весом. Еще и арбалетом приложил от души. Уронил поганца и чуть не раздавил. То-то он сейчас шишкой на лбу с твой кулак похвастаться может.

Бородач хохотнул. Вошел Тибор со штофом из темного стекла.

Кухарка возмущенно уперла руки в боки, одарила мужа тяжелым взглядом.

— Наливочка, — сообщил благоверный невозмутимо. — Что? Я тоже пострадавшая сторона!

— Слышь, Офра, — понизил голос Ходер, отвлекая стряпуху на себя, — а что его милость, никак жених госпожи Анны?

— Да не-е, — зашептала кухарка, покосившись на открытую дверь в столовую, — сам хозяин имеет интерес. Угу, как с драгоценностью хрупкой обходится. На руках носит, а смотрит как!

Мужчина на это только тяжело вздохнул. А попугай, выпущенный из клетки размять крылышки, вдруг опустился на плечо лесника. Ходер с опаской покосился на пернатого.

— Одиночество — сволочь, одиночество — скука. Я не чувствую сер-рдце, я не чувствую р-руку... — выдал пересмешник, подражая грустному голосу хозяйки, и, сочтя две строчки из подслушанной песни достаточными и самыми подходящими к ситуации, закрутил заезженной пластинкой по новой. Ходер совсем сник, глядя в свою кружку с напитком. Офра прослезилась, а Тибор хмыкнул, махнул своей наливочки, крикнул и полез целоваться к жене.

Как бы я ни рвалась всей душой в поместье Виннет к Рихарду, но оставались нерешенные проблемы в Бережинах. И как бы Лео ни спешил вернуться к брату, он понимал, что будет не по-хозяйски оставлять людей без указаний и наставлений в разгромленном доме Морана.

Дворецкому поручили решить вопрос с временной закупоркой гостевого крыла и наймом мужиков из деревни. Заделать в стене дыру с улицы, законопатив её хоть чем-нибудь до поры до времени, а точнее до капитального ремонта. Но во главе угла стоял вопрос с магом.

Время шло, а Грун не приходил в себя. Не передать словами, как я дергалась и психовала! Эта задержка лишила сна и аппетита. Сама готова была, чтобы поторопить время, таскать доски и махать молотком — все казалось, что мужики медленно работают. Ну и отвлекись от навязчивой идеи пойти лично прибить гостя — главную причину нашей задержки.

Страбор очухался с первыми лучами солнца, ничего не помня о последних десяти днях. Вот так. Полная амнезия. Выглядел откровенно

недоуменным, узнав, что находится в Бережинах, а не в столичной академии, куда, собственно, и планировал отправиться более недели назад. Будучи ужасно растерянным и подавленным, лепетал извинения. Краснел, бледнел и мучился от тошноты. Тельма отпаивала его какой-то ядреной гадостью болотного цвета, которая вызывала у парня целую бурю неприятных ощущений. И рвотный рефлекс был не самым кошмарным.

Нечаянно заглянув в приоткрытую дверь новых покоев, выделенных магу, увидела непривлекательную сцену его страданий, как организм избавлялся от дурмана, успевшего раствориться в крови и почти полностью завладеть сознанием парня.

Чем его накормили? Когда? Ответ был один: «Я не помню».

Когда виделся последний раз с лордом Элиасом Нотбеком? — Только на одно это имя у Страбора срабатывала необъяснимая реакция, и его начинало буквально выворачивать наизнанку. Вот тут меня накрыло жалостью к нему. Совсем уж бездушной я не была. Такие мучения не дай бог испытать самой.

Мирта, сопереживая молодому человеку, не отходила от него ни на шаг, чем смущала того еще больше. Меня же посещали смутные сомнения относительно его непричастности к деяниям коллекционера. Все в этой истории было странным и подозрительным. Возможно, он и не хотел. Допустим, был не согласен. Может быть, даже сопротивлялся настойчивым уговорам родственника, соблазнявшего разжиться уникальной вещицей. В итоге строптивца опоили, обкурили, заставили. Но, если подумать, в тайных своих помыслах юноша все же желал обладать тауроном. Мечты-то были. Еще как были! Все подленькие поступки, все алчные мыслишки вылезли наружу, стоило только затуманить мозг правильным зельем, и получился заколдованный принц, только вот... жутко гниющий изнутри, хоть и великолепно пахнущий.

Тельма поджимала с досады губы, глядя на измученного парня.

«Сильная магия. Я не смогу помочь. Все мои отвары лишь добавляют ему мучений. Удерживают, но не уничтожают заразу, что бродит в нем».

«А кто сможет? — с надеждой в глазах спрашивала Мирта. — Я вижу, чувствую, он хороший, не злой. Он все понимает, он борется, но это сильнее его!» — шептала неистово, а потом отворачивалась или

вовсе убегала, пряча слезы.

После этого разговора моя бабулька долго стояла у окна, о чем-то раздумывая. Придя к решению, спустилась в погреб, а через четверть часа поднялась оттуда с мышью в руке. С обыкновенной серой домовою мышью. Мертвой. Черканула записку и, скрутив её в маленькую трубочку, вложила в распоротое брюшко выпотрошенного грызуна. Сунула тушку в лапки летуну-почтальону и вышла на улицу.

— Селесте? — спросила её по возвращении в дом. — Почему не письмом?

— Пока письмо это дойдет до верховной... — проворчала женщина недовольно. — Там, знаешь ли, волокитой, как и везде, страдают. Через пять рук пройдет, пока адресату на стол ляжет. А так хоть пошевелиятся. — Понятно: бюрократия имеет место и в других мирах. Подумать только — в Ковене ведьм! — А вы не ждите, езжайте, — это уже нам с Лео, — к ночи верховная прибудет.

— А если нет?

— От такого послания не отмахнется.

Баронесса настаивала на нашем скорейшем отъезде, уверяла, что справится с таким-то количеством помощников, а я колебалась в сомнении. Все тянула, тянула время. А ну как опять разум мага замутится, и возобновит этот придурок отстрел всех, находящихся в поле видимости? Испытывая душевную тревогу за Рихарда, чувствовала, что разрываюсь надвое.

Давно перестали стучать молотки, визжать пилы. Только какая-то далекая птичья трель нарушала тишину вокруг. Мы с Карре стояли на крыльце. Состояние подвешенности было обоюдным.

— Мы не можем больше ждать, Аннушка. Я волнуюсь за брата.

— Да. Надо ехать. Скажи Тибору, пусть закладывает коляску.

— На лошадях быстрее.

— Три часа верхом? Лео, я не выдержу.

Вместо ответа он указал подбородком в сторону ворот.

— Кто это?

К дому спешил человек. Подходил все ближе, едва не срываясь на бег.

— Хм, местный чеботарь? — Вглядевшись, узнала в молодом парне со свертком под мышкой весельчака Стафа. — Неужели

справился раньше срока?

— Денёчка доброго, господа! — выкрикнул тот за несколько шагов и на ходу махнул картузом в поклоне.

— Никак сшил? — Улыбнулась в ответ.

— Смотрите... — С этими словами развернул передо мной холстину, удерживая на ладонях пару туфелек.

Я ахнула. Не то чтобы копия моих стареньких мокасин, но очень похожие. Из замши верблюжьего цвета и с бантиком спереди. Обула, потопталась. Не сдержала эмоций:

— Супер!

— Кто? — не понял мастер.

Лео рядом не то кашлянул, не то подавился.

— Бог мастерства! Стаф, это великолепно! Сколько я должна тебе? Боже, как в тапочках, даже снимать не хочется! — Ноги блаженствовали.

Парень на миг замялся, польщенный похвалой, из-под челки сверкнул лукавым взглядом.

— Я много не возьму, всего один серебряный. Только вот... если бы вы мне сказали, где найти мастера, что шил ваши... тапочки, — начал нерешительно и вытащил из-за пазухи мой синий растоптанный экземпляр. — Такая работа! Я бы настойчиво попросился к нему в ученики.

Виконт вообще отвернулся, сдавленно хрюкнув и предоставив мне самой выкручиваться из щекотливой ситуации.

— Увы, это невозможно. Его нет на этом свете, — огорчила юношу и тут же поспешила сгладить возникшую паузу после печальной новости. — Но могу сказать тебе со всей откровенностью: у тебя для первого раза получилось просто здорово! — Подумала немного и решила благодетельствовать весельчака. — Дарю. Используй сей образец для оттачивания своих профессиональных навыков!

Прозвучало из моих уст слегка насмешливо и покровительственно, и традиционная туфля американских индейцев из другого мира осталась в руках чеботаря. Теперь уже навсегда.

Собиралась в спешке. В саквояж с горем пополам упихала белье, юбку с блузой и платье. Больше ничего не влезло. Жако бесновался под потолком передней, не желая оставаться в доме без меня. Кидался на

закрытую входную дверь. Не давался в руки. Такая преданность подкупала. Но там, куда я отправлялась, совсем не к месту и не ко времени было бы присутствие такого сопровождающего. Отчаянным душераздирающим криком он буквально давил на мою жалость. Я уже посматривала на клетку, готовая сдаться, когда на выручку пришел Тибор. Дворецкий вошел, держа на вытянутых руках петуха — бессменного спарринг-партнера Бейла Ореста. Маленький птиц купился на уловку, переключив свое внимание на соперника, чем я и воспользовалась, улизнув на улицу, где меня ждал Карре. Дружочек не простит мне такого подлого коварства.

Тельма с Миртой вышли проводить.

— Тебе бы с нами поехать, — почти умоляющим тоном сказала я ведьме, прислушиваясь к тому, что происходило за закрытой дверью внутри здания, и передавая свою поклажу виконту. — Может понадобится твоя помощь.

— Мне не соперничать с магами, голуба. Напишешь о состоянии его сиятельства, что говорят лекари, будет нелишним вмешательство знахарки — приеду. Но, думаю, все обойдется. Поспешите.

Улыбнулась мне ободряюще и вдруг замерла, посмотрев на небо поверх моей головы и прислушавшись.

— Там! — Девчонка вскинула руку в сторону леса.

— Предложи ей в ступе летать! — невольно вырвалось у меня от несказанного облегчения при взгляде на приближающийся к поместью шар из нетопырей.

Прибыла! Как и говорила «тетушка». И как же вовремя для успокоения моей души и совести! Теперь можно ехать и не переживать за оставленных в Бережинах дорогих мне людей и питомца, что уж говорить, с зомбированным колдуном, чья дальнейшая судьба абсолютно не волновала. У меня любимый человек лежит в тяжелом состоянии в Виннете. Туда стремилась я всей душой. Вот о ком болело сердце.

Мыши, спустившись к самой земле, оставили посреди двора женщину в темных одеждах. Но в этот раз помощники не разлетелись в разные стороны, а кружили, громко шурша крыльями, вокруг хозяйки, создав идеальное кольцо, вращающееся по часовой стрелке. Заораживающее зрелище. Эта дама любит эффектное появление.

— Баронесса Брайт, я в последнее время вижусь с тобой чаще, чем с собственным отражением в зеркале! — беззлобно возмутилась верховная ведьма и взмахнула руками. — Кыш! Позову, поохотьтесь пока.

Живой обруч из вампиреньшей тут же взмыл в вышину и рассеялся, будто их и не было.

Тельма хмыкнула, не скрывая сарказма.

— Я ей таких персон буквально на блюдечке преподношу, а она еще и недовольна!

— Это да, — согласилась вновь прибывшая, взойдя на крыльцо и обведя всех присутствующих заинтересованным взглядом. На мне лишь ненадолго задержалась, ответила легким мимолетным кивком на приветствие Леонарда, а вот на Мирте подвисла. Лицо у женщины вытянулось. — Видящая? — чуть сипло произнесла, словно не веря своим глазам. — Удивила, Серая. Где нашла такое чудо?

Молодая ведьмочка смотрела на пассажирку рейса Ковен-Бережины мышинных авиалиний широко раскрытыми глазами и, кажется, даже не дышала. И столько восхищения и почтения плескалось в них. Я бы сказала — благоговения!

— Она сама меня нашла.

— О-о, так она уже... Как давно?..

— Четыре дня...

— В грозу?

— В самый пик.

— И ты сама справились?..

— Не впервой.

Их странный разговор был быстр, тих и лаконичен, и можно было только догадываться, насколько эти две колдуньи хорошо знают друг друга, что даже понимают с полуслова. Речь, надо полагать, шла об инициации.

— Но не она главная причина, по которой ты меня вызвала, — не спрашивала — утверждала Селеста.

— Все расскажу. Мирта, приглашай в дом гостью, я не задержусь. Племянницу вот только провожу.

— Племянницу? — Женщина затормозила в дверях, и изумленно оглянулась на меня. — Откуда? У тебя же не... Ой, умеешь ты преподносить сюрпризы, баронесса! Веди меня, девочка, веди сразу на

кухню. Чую, чую запах жареного кабанчика! У тебя, Тельма, входит в привычку выдергивать меня из-за стола! Вечер у камина за партией в кости пришлось отложить, — закончила ворчливо.

Не успела за ними захлопнуться дверь, как тишину первого этажа взорвало нахальное:

— Офр-ра, пр-рячь жр-ратву!

А следом негодующее:

— Тьфу! Напугал, паразит! Кто это у вас?!

У меня кровь от лица отлила. Быстро чмокнув в щеку свою старушенцию, с одинаковой прытью рванули с виконтом к коляске.

Тикать, тикать, чтоб не краснеть за хамоватого питомца!

Лошади летели по тракту — гривы развевались от быстрой скачки. Нас нагоняла ночь, буквально наваливаясь на запятки двухместной пролетки с людьми, спешившими в Виннет. Я несколько не удивилась наличию подобного транспортного средства в сарае при конюшне поместья графа Морана. У хорошего хозяина все должно быть про запас. На все случаи жизни.

Малиновый тихий закат таял, растворялся, протянувшись узкой полосой вдоль горизонта. Еще чуть-чуть, и поздние сумерки тяжелыми серыми красками наполнили пространство вокруг. За спиной с востока надвигалась тёплая спокойная тьма. А вскоре наступающая чернота ночи вдруг расступилась под неярким блеском одной из лун, выступившей дозором своих небесных владений. Догоняя сестрицу, и вторая, крупнее, вынырнула справа из-за высоких деревьев, окутала все пространство голубым светом, позволяя путникам хорошо видеть дорогу. Приглушенный цокот копыт и мягкая болтанка убаюкивали. Сказались бессонные сутки и стресс, беспокойство и нервозность.

Сидящий на козлах Лео оглянулся, поймал мой осоловевший взгляд в никуда.

— Поспи! — крикнул. — Будем подъезжать — разбужу.

Подтянула плед, укрывая плечи, и, устроившись удобнее на сиденье, закрыла глаза. Уже скоро. Скоро я увижу его. Моего графа Рихарда Морана.

Глава 9

— Итак, объявляю вас бывшим мужем и бывшей женой, можете ненавидеть друг друга до конца ваших дней.
(х/ф «Любовь живет три года»)

— Уже скоро! Видишь тот холм? — Виконт указал в сторону некой возвышенности, больше похожей на маленькую остроконечную гору, черным силуэтом выделяющейся на фоне бесконечной равнины, освещенной серо-голубым светом луны. — Обогнуть его, и будем на месте.

В животе в преддверии встречи не то что бабочки летали — внутренности скрутило до неприятной щекотки. И вдруг разом пришло понимание, что дом наверняка полон народу. Что предстоит знакомство с хозяином поместья — графом Карре, невестой Лео — леди Софией и... о, боже — кандидаткой на роль графини Моран!

«...Виконтесса Розина прелестная девушка! Утончённая, воспитанная. Красавица! Граф будет покорён...»

Его милость вообще понимал, в какую неудобную ситуацию меня поставит? Ну почему я не обсудила этическую сторону вопроса с ним в дороге? А ещё лучше в Бережинах. Времени было навалом!

— Лео, как ты меня представишь гостям и отцу? Он знает, за кем ты поехал?

От волнения к внутренним спазмам добавилось жжение в гортани — здравствуй, изжога! Скоро начнет потряхивать.

— Из гостей осталось только семейство Бикерстафф — милейшие люди! И батюшка, поверь, будет рад знакомству с тобой.

Это вся информация? Вот не утешил ни разу! Кто такие Бикерстаффы? Родственники Розины? Можно подумать, эпитет «милейшие люди» погасит накрывающую меня панику. Мне бы спросить его об этой девице, интересующей меня больше всего, но почему-то язык онемел.

— Ну вот и Виннет!

Мама дорогая! Какая же эта усадьба? Это замок настоящий!

Впереди черным силуэтом стояло что-то монументальное и ребристое. С темными окнами. В окружении густого леса. Нет, скорее

всего, сада за высокой кованой оградой. Высоченные роскошные ворота — ажурное полотно. Глядя на эту красоту, отливающую серебром в лунном свете, на время забыла о своих страхах.

Из сторожки вышел человек с лампой. Высоко подняв её над головой, всмотрелся в ночных визитеров и, после властного от виконта: «Открывай!», суетливо бросился разбираться с замком. Звякнул цепью, клацнул засовом и с силой толкнул створки ворот. Те открывались тяжело, словно нехотя. Моему взору открылась длинная, обсаженная невысоким стриженным кустарником подъездная дорога. Она доходила до какой-то конструкции — не то колодца, не то фонтана, впотьмах не разобрать. Огибала её по кругу и у самого крыльца расходилась в разные стороны.

Зашуршали колеса по светлой щебенке. В ночной тишине мне показалось, это звучало слишком громко. В узких окнах по обе стороны от массивных входных дверей замелькал тусклый свет. Только поднялись по лестнице, как, чуть скрипнув, открылось узкое оконце на уровне глаз.

— Кто такие? — прозвучало глухо, недовольно.

— Мартин, это я, — негромко отозвался мой спутник и приобнял меня за плечи.

Своевременно. С того момента, как въехали на территорию особняка, я окончательно растеряла свой пыл.

— Кто «я»?

— Виконт Карре! — Лео недовольно дернулся.

Брякнул засов, небольшая заминка с той стороны, и вот мы уже стоим в большом холле дома Леонарда.

— Простите, милорд, не признал со сна. Мы вас еще вчера ждали до обеда.

Слуга, пожилого возраста дядька с пышными седыми бакенбардами в накинутой наспех ливрее, закрыв за нами двери на массивную задвижку, предстал пред ясны очи молодого хозяина.

— Это наша гостья — бесса Ньер. Мартин — дворецкий этого дома.

Старик учтиво мне поклонился.

— Здравствуйте, — пролепетала робко. Дядька мне понравился, такой он был весь домашний.

— Что мой брат? — спросил Леонард в нетерпении.

— Вечером открывал глаза, говорят, ненадолго, но ни на что не реагировал. В остальном все так же. Продолжает в бреду звать эту странную Анну.

— Ясно, — посмурнел пуще прежнего молодой мужчина. — Разбуди конюха, — с этими словами меня потянули в сторону широкой парадной лестницы. — Да, и скажи ему посмотреть Декара. Мне кажется, он захромал на заднюю правую. Кристу тоже подними. — Остановился и обернулся ко мне. — Аннушка, не откажешься от позднего ужина?

Слуга сдавленно охнул, услышав мое имя. Сообразил, что за девица прибыла в компании наследника графа.

— Скорее уж от раннего завтрака. Нет, спасибо, — и добавила шепотом: — А можно я сразу к Рихарду?

Мужчина поджал губы в сомнении.

— Ты устала. Отдохнула бы, а с утра... — Столкнувшись с моим умоляющим взглядом, продолжать не стал. — Конечно. Покажу тебе твои покои и провожу. Мартин, передай Кристе — пусть соберет в комнаты кузена что-нибудь легкое перекусить.

— Возьмите лампу, ваша милость.

Карре протянули светильник — копия нашей керосиновой лампы со стеклянным цилиндром, расширяющимся в той части, где горит фитиль. Емкость для масла — такая пузатая расписная ваза с ручкой. Занятная вещь. В моем мире такие предметы — чаще музейный экспонат.

Шурша подошвами по каменному полу, слуга исчез в одном из проходов первого этажа.

— Там же темень непроглядная! — забеспокоилась я о старике.

— Мартин этот дом знает, как... — замялся виконт, подбирая подходящее сравнение.

— Свои пять пальцев — так говорят. Фразеологизм моего мира.

— Точнее не скажешь! И много ты знаешь таких фразе... лизмов?

— Много, — рассмеялась тихо, — это особенность русского языка.

Принюхалась. В воздухе витал слабый запах пожара.

— Сильно горело?

— Одна треть библиотеки — в пепел. Станным образом пламя

охватило только территорию читальни. Стол, в котором лежал артефакт, полыхал как демонов факел! Перегорела потолочная балка, и в тот момент, когда вбежал Рич, она рухнула. Я бы не сказал, что она его сильно зацепила, даже не плашмя, а по касательной, но кузен упал и отключился.

— Ожоги?

— Нет! — Развел руками Карре.

— А что с оберегом?

— Таурон лишился своего шнура, но, что удивительно, даже не закоптился! Когда его нашли среди останков стола — заметь, из дерева, зачарованного магией от возгорания! — он сиял, как и прежде, нагло и вызывающе.

За разговором незаметно добрались по длинному коридору до комнаты.

— Устраивает? — с легким беспокойством поинтересовался Лео, пока я осматривала просторную гостиную. — Спальня слева, будуар рядом с ней. Напротив — гардеробная и ванная с... в общем, разберешься. Мои покои в хозяйском крыле. Это в другой стороне от лестницы. Если что-то понадобится, третья дверь справа. Мартин сейчас принесет твои вещи. Располагайся. Зайду за тобой через полчаса. — Мужчина улыбнулся и вымелся из апартаментов.

Немного растерялась в большой гостиной с кучей дверей, мебели, избытка текстиля начиная от сложных портьер с ламбрекенами, обивкой софы и кресел у камина и заканчивая множеством маленьких подушечек на них. Провела рукой по стене — шелк. Но назвать комнату девичьей было бы ошибкой. Выдержанные тона от темно-серого до темно-синего придавали комнате холодный сдержанный характер. Барышни, как правило, предпочитают теплую палитру. Полумрак сгущал краски, но не думаю, что при свете дня настроение комнаты кардинально менялось.

— Проходи, — шепнул Лео.

Ему пришлось чуть-чуть подтолкнуть меня вперед, замершую в нерешительности на пороге спальни Рихарда. Слабого янтарного света лампы на столике у изголовья кровати хватало, чтобы увидеть приоткрытые пересохшие губы больного и влажный от пота лоб. От вида мужчины — бледного, осунувшегося, с перевязанной головой —

бывшееся в тревоге сердце вдруг болезненно сжалось. Так сильно, словно его стиснула огромная лапа.

— Милорд? — прошелестел в тишине голос из темного угла.

С тихим вздохом из кресла поднялась... сиделка?

— Отпусти женщину, пусть отдыхает. Я останусь, — попросила виконта, определив пожилой возраст служанки, и двинулась к ложу.

— Иди, Цинна, — распорядился тот и, дождавшись, когда служанка покинет свой пост, перетащил освободившееся кресло ближе к постели. — Так будет удобней?

— Спасибо, а...

Не договорила. Бочком, бочком, стараясь не шуметь, в приоткрытую дверь апартаментов втиснулась еще одна работница дома Карре с подносом в руках. Бросила в нашу сторону заинтересованный взгляд.

— Тихой ночи, милорд, госпожа. Вечерняя выпечка и салеп. Подкрепитесь.

Быстро сервировала столик в гостиной и так же тихо испарилась без лишних разговоров, как и сиделка. У меня с губ сорвался нервный смешок.

«Опять этот приторный салеп! Ну да, популярный в этом мире напиток, что поделаешь».

— Что ты хотела сказать? — спросил Леонард.

— Останешься? — На лице мужчины промелькнуло растерянное выражение. Ему и оставлять меня одну вроде как не хотелось, и в то же время усталость валила с ног. Ни к чему эти жертвы. Я хотела побыть с дорогим мне человеком наедине. — Ступай, я справлюсь. — Отпустила его, добавив в голос твердости.

Склонилась над пострадавшим и поцеловала в уголок рта.

— Здравствуй, Рихард.

На столике у кровати стояло несколько пузырьков, рядом с ними стопка салфеток, графин, ложечка в стакане и глубокая чаша с водой. Стараясь не сильно тревожить, смочила мокрой тряпицей сухие губы графа, протерла лоб, шею, грудь. Показалось, или мужчина вздохнул с облегчением?

Обняла ладонями его теплую руку. Массивное мягкое кресло, бесспорно, было удобным, но из-за своих размеров вплотную к кровати вставать не желало. Промучившись с этим монстром, махнула рукой и

перебралась на край постели. Совсем другое дело! И к телу ближе и, если сморит сон, можно под бочок графа ненадолго пристроиться. Только дать себе установку: пять минуточек... ладно — десять. Больше не надо! «Больше» — мы можем, Анна Ильинична, попасть в пикантную ситуацию. Доказывай потом, что не замышляла дурное. Неприличное!

Горе-сиделка вырубилась довольно быстро в обнимку с рукой Рихарда. Только почувствовала в какой-то момент, как эту самую руку кто-то тихонько, но настойчиво пытается вытянуть из её захвата. Промычала сонно что-то типа «Отвалите все». Пусть скажут спасибо, что не послала нечленораздельно далеко и надолго. Но все равно получилось грубо. Так удобно щекой лежала на сгибе чужого локтя! После моего невменяемого монолога борьба за дорогую мне конечность прекратилась. И я вновь, видимо, погрузилась в сон, пока кто-то, громко стуча каблуками об пол, не вошел в комнату, совершенно не стремясь придерживаться правил посещения больных и соблюдения тишины. Возмутительно!

— Милорд...

— Кто это? — спросил изумленный мужской голос.

— Я не знаю, кто эта девушка. Её привез ночью ваш сын. Мне было велено уйти, — полупшепотом оправдывалась женщина.

— Цинна, разбуди Леонарда, — последовал приказ, — я буду в кабинете.

Послышались шелест ткани и быстро удаляющаяся тихая поступь. Открыла глаза. Мужчина в домашней мягкой курточке со стегаными обшлагами и манжетами из золотистого атласа стоял в двух шагах от кровати и — я даже поморгала, не привиделось ли? — забивал табаком курительную трубку!

— Удивлены? Я так полагаю, вам знакома эта вещица? — не глядя на меня, спросил тот, на кого ужасно был похож Лео.

Внутренние часы дали сбой. Черт, черт, черт... Я проспала больше десяти минут, определенно. Тусклый свет триберийского утра проникал в окно спальни графа Морана через приоткрытые шторы. Очень раннего утра.

Медленно села, спустив ноги на пол, прочистила горло но, так и не сумев избавиться от першения, прохрипела:

— Знакома. Здравствуйте. Простите, что в таком виде... поздно приехали... — мямлила что-то невразумительное, умирая от смущения, жажды, песка в глазах и легкого головокружения. — Я — Анна.

— Догадался уже, — прозвучало немного иронично. — Мне стоит представляться?

Глянул мельком исподлобья. То ли действительно мой внешний вид его смущал, то ли хорошо понимал состояние неожиданной гостьи, застуканной в чужой постели. Нервно поправила на себе одежду, пригладила дрожащими пальцами слегка растрепанные волосы.

— Вы отец Леонарда, граф Гектор Карре, — ответила уверенно, достойно прилежной ученицы.

— Ваш визит... Неожиданно, надо сказать. Мой сын поступил несколько самоуверенно, не посчитав нужным посоветоваться со мной, когда поехал за вами, и тем самым поставил вас в неудобное положение.

Больше того, ваше сиятельство: я испугана, голодна и не выпалась!

Хозяин поместья недоверчиво взирал на ту, что явилась в его дом среди ночи. Но не это меня смутило, а то, каким тоном он со мной говорил. Спокойным, но недовольство буквально можно было почувствовать на уровне ультразвука. Когда уши не слышат, а воздух в помещении неуловимо вибрирует.

А еще стало обидно. Вот до слез. Что ж я сделала такого, за что удостоилась столь холодного приема?

— Если вам будет угодно, я уеду.

Замолчала, не зная, что еще сказать. Приехали, называется.

Батюшка Лео вызвал странные эмоции. Страх в сочетании с уважением. Он давил своей аурой, но не подавлял. Сталкиваясь с такими личностями в прошлом, всегда терялась, тушевалась и забывала порой, как говорить. Как же мне сейчас не хватало моей ведьмы! Одно её присутствие рядом внушало мне уверенность. А сейчас, среди незнакомых людей, я чувствовала себя потерянной и растерянной.

Карре-старший, не ответив, развернулся и направился к выходу из спальни. Задержался на пороге.

— Я надеюсь, вы не откажете мне в беседе. Очень много вопросов накопилось, знаете ли. А пока не изволите ли присоединиться к нам за завтраком через полчаса? Лакей зайдет за вами.

И вышел, оставив меня в полном раздрае.

Сидела и, бездумно глядя в одну точку, поглаживала руку спящего Рихарда. Неосознанно перебирала его пальцы. Не хотела оставлять одного. Куда-то запропастилась сиделка, да и, наверное, без сопровождения не найду выделенные мне покои.

— Рихард, ты меня слышишь? — склонилась над мужчиной.

Попытаться стоило. А вдруг откроет глаза, вберет в себя воздух полной грудью, пробуждаясь. Но нет — ровное тихое дыхание. Не трепещут ресницы. Мерный сердечный ритм. Лишь иногда под сомкнутыми веками очень быстро начинали двигаться глазные яблоки. Сон ли беспокойный его одолевал, или испытывал боль, которой не мог противиться и ни с кем не мог поделиться.

Опять сухие губы. Опять покрылся испариной. Да что же с ним? Почему так долго не приходит в себя? Навечный магами сон или кома?

В отчаянии обхватила ладонями его лицо. «Как тебе помочь?» Легким касанием губ целовала колючие щеки, подбородок.

— Очнись же ты! Я здесь, я рядом, — всхлипнула, уткнувшись лбом в грудь Морана. — Ты звал, я приехала. Позови еще раз. Пожалуйста.

— Аннушка!

Лео ворвался в покои больного, застав неприглядную картину рыдающей над телом кузена девицы.

— Много людей соберется за столом? — спросила виконта, роясь в саквояже в поисках пудры от Аррии и... мандражируя.

Мужчина, опершись плечом о дверной косяк будуара в выделенных мне комнатах, слегка иронично и насмешливо наблюдал за паникершей.

— Кроме меня и отца будет семейство Бикерстафф в неполном составе: виконтесса Розина, её отец — виконт Тедерик Бикерстафф, два её брата-близнеца и тетушка Фиона — какая-то там родственница в роли гувернантки.

— А твоя невеста? София, кажется?

Поймала в отражении, как мгновенно изменился взгляд Карре и нервно дернулась щека.

— Моя милая невеста снова сбежала! Теперь уже прочно и навсегда!

— Что значит снова? — опешила я.

— О, ты же не знаешь... Если коротко, наш договор один раз уже

был на грани разрыва, когда эта женщина закрутила бурный роман с актером королевского театра. Причем открыто и нагло, не скрываясь. Вмешательство её родных и самой принцессы не позволило поставить точку в этом фарсе под названием помолвка.

— Ой, Лео, мне так жаль... — Это все, что я могла сказать.

— Меня за что жалеть? — откровенно удивился собеседник. — Её пожалеть надо! Она не столько меня опозорила, сколько свою влиятельную семью. Отец — промышленный магнат, мать — бывшая фрейлина её величества. Дочь — прости за прямоту — потаскуха! Увольте меня от такого «счастья»! А также от счастья воспитывать ребенка какого-то комедианта!

У меня от такого заявления кисточка выпала из рук.

— Она что, быстрым браком с тобой хотела скрыть беременность? Но как ты узнал?

— Знаешь ли, утаить интересное положение от нашей экономки оказалось ей не по силам. Кого-кого, а госпожу Смарт обмануть трудно.

— Госпожу... как? — Хихикнула. Нет, ну надо же, какую фамилию дали боги!

— Экономка наша, госпожа Смарт, — растерянно повторил мужчина, не поняв моего веселья. Отмахнулась: объяснять долго.

— А где она сейчас? София?

— Понятия не имею, — фыркнул пренебрежительно Леонард. — На второй день после нашего с Рихардом приезда в Виннет она устроила мне сцену ревности, закатила публичный скандал прямо во время бала, обвинила меня в лицемерии, якобы я оттягиваю дату свадьбы, имея вполне определенный расчет, окатила всех презрением и уехала. Подозреваю, к своему лицедею. Боюсь, лорд Драгош не простит ей этой выходки. В худшем случае лишит наследства, в лучшем — отлучит от рода. Ну, или наоборот. Меня это не волнует. Помолвка расторгнута, я свободен и вправе выбирать себе жену по душе...
17f3563

— Не знала, что у тебя были такие коллапсы личного характера. И слава богу, все разрешилось благополучно. По крайней мере для тебя. Блин, такая прелестница и такая... Вы были бы красивой парой.

— ...и я влюблен.

— Что?

Нет, я накрашусь сегодня или нет? Карикатурным мазком кисточка

для нанесения помады проехала по щеке ото рта до самого уха.

— Когда успел? И кто она?

— Розина Бикерстафф.

Пока я глупо пялилась на довольного виконта, тот «выстрелил» совершенно неожиданным:

— Как думаешь, она понравится твоему питомцу?

Глава 10

— Родители живы?

— Умерли.

— Великолепно!

— Братья и сестры есть?

— Нет.

— Я пожалуй ему титул и состояние.

(х/ф «Обыкновенное чудо»)

— Я выгляжу нищенкой, да? — в который раз пригладив кружевной воротничок донельзя скромного платья, спросила у Лео.

— Ты выглядишь скромно, но не бедно, — ответил тот, бегло оглядев меня с ног до головы, и потянул дальше по коридору к парадной лестнице.

— Уф, ладно, мне с этими людьми, в конце концов, детей не крестить, — выдохнула и, собрав остатки храбрости, расправила плечи.

Спустились на первый этаж, свернули налево, прошли метров десять по широкому арочному переходу и остановились у высоких двухстворчатых дверей. Лакей услужливо распахнул их перед нами.

Та-дам! У них не принято ждать? Или это демонстрация всеобщего порицания к опозд... к припозднившимся? Ну как назвать те две-три минуты, как не «припоздниться»!

Гости и хозяин, расположившись за столом, уже вовсю трескали какую-то кашу желтого цвета. На несколько секунд ложки повисли в воздухе, и головы обернулись на вошедших. И никаких эмоций на лицах! Полное безразличие, словно не люди только что вошли, а сквозняком случайно двери открыло.

— Извините за опоздание. Приятного аппетита, — вежливо сказала больше графу Карре, чем гостям, усаживаясь на стул, который выдвинул для меня виконт.

По одну руку — пожилая леди, по другую — молодой человек лет шестнадцати-восемнадцати. От одного пахло холодным равнодушием, от другой — приторным букетом из лаванды и старости. Подошедший служка, не спрашивая, плюхнул мне на тарелку... нет, не

«овсянка, сэр», но что-то очень похожее. Та же размазня, только цыплячьего цвета. Оглядела присутствующих. Лео сел от отца по правую руку. Рядом с ним мужчина с сединой в волосах цвета меди. Далее молодой человек — копия моего соседа. Все усиленно двигают челюстями. Подивилась: что там жевать? Младший Карре, поморщившись, успел отказаться от блюда, мне же не оставили выбора. Крупку, сваренную на воде и без масла, в процессе употребления я так и не смогла распознать. Съедобно — и слава кухарке!

Трапеза проходила в полном молчании, лишь периодическое тихое позвякивание ложек о дно фарфора да чуть насмешливый взгляд его милости на меня нарушали идиллическую картину завтрака замороженных аристократов.

Когда последний гость отложил столовый прибор, хозяин дома соизволил заявить, обращаясь ко всем:

— Господа, хочу представить вам новую гостью, которая, я думаю, с удовольствием присоединится к нам. Бесса Анна — хорошая знакомая моего сына и племянника.

Семь пар глаз обратились ко мне, и четыре из них с легким недоумением. Вся мужская часть семейства Бикерстафф и старуха уставились, словно только что увидели меня, а до этого момента место за столом попросту пустовало. Станные люди. Более чем странное поведение. Я бы, наверное, даже запаниковала, потому что мелькнула мысль о душевной болезни, разом накрывшей благородных господ с одной фамилией.

— Это замечательно, не откажетесь составить мне компанию, пока мы пребываем в Виннете? Здесь такой чудесный сад! Если вы не против, мы могли бы прогуляться после завтрака, — радостно защebetала рыжеволосая девушка, склоняясь над столом и выглядывая из-за своей пожилой то ли родственницы, то ли компаньонки. К слову сказать, ароматная тетка была вылитая Вайолет Кроули из «Аббатство Даунтон». Даже прическа была один в один!

— Буду рада, — улыбнулась в ответ на её неподдельное дружелюбие и ужасно обрадовалась: хоть кто-то в этой семье нормальный! Девчонка мне понравилась. Она была как яркий цветок среди серой плесени.

— Розина!.. — зашипела сквозь зубы «графиня Грэнтем»,

одергивая подопечную.

Та, лукаво блеснув мне глазами, приняла прежнюю позу, сложив руки на коленях и опустив ресницы, — само послушание и кротость.

— С кем вы прибыли, дитя? — спросил меня мужчина лет пятидесяти, сидящий напротив.

У старшего Бикерстаффа был приятный с хрипотцой голос, но вот надменность в тоне и в выражении лица портили все впечатление.

— Одна.

Если я правильно поняла вопрос, он имел в виду сопровождение незамужней девицы.

— Возмутительно! — Дама рядом на такое даже руки водрузила на стол, сцепив пальцы. — Кто ваши родители? Почему допустили подобное?

«Ну, началось...» — мысленно застонала и покосилась на графа и никак не ожидала увидеть во взгляде мужчины откровенное веселье. Лео рядом с отцом прикрылся салфеткой, старательно изображая поперхнувшегося человека.

Опять мне одной выбираться из этой неловкой ситуации.

— Моя тетушка, баронесса Брайт, подъедет позже, задержали дела, — ответила невозмутимо и чуть отклонилась влево, позволяя слуге забрать пустую тарелку. Его место тут же занял другой, с чайничком. Пахнуло салепом. — Извините, можно мне танат? — поспешила с просьбой, пока мне не плеснули надоевшего напитка.

Гувернантка отпрянула от меня, как мне показалось, вместе со стулом. Скрип ножек по полу я отчетливо услышала. Его сиятельство кашлянул. Три раза. Братья девушки переглянулись и скривились, но мгновение спустя их физиономии вновь изображали скучающее безразличие. Ну как же, девица изволила заказать какую-то гадость, недостойную к употреблению среди титулованных особ.

Бедная, бедная Розина!

Закруглялся завтрак в трагическом молчании. Мне было все равно, что подумали обо мне эти снобы, а вот реакция хозяина дома удивила. Приятно удивила. Не такой уж он холодный и властный, как показалось при знакомстве.

— Вы закончили, бесса? Тогда прошу ко мне в кабинет. — С этими словами хозяин поместья встал и, не дожидаясь, когда я выползу из-за стола, направился к выходу из залы.

— Я не приглашал тебя, Лео. — Граф попытался выставить сына за дверь кабинета.

— Позволь остаться, отец. Тем более я знаю, о чем ты хочешь поговорить с Анной.

Упрямо поджав губы, виконт устроился напротив меня во втором кресле. Карре старший хмыкнул, но препятствовать больше не стал.

— Итак, милая девушка, я хотел бы знать всю вашу историю. Леонард мне рассказал кое-что, в общих чертах мне стало известно, что вы прибыли издалека. Вас, оставшуюся сиротой, нашла тетушка, баронесса Брайт. За вами вел охоту лорд Элиас Нотбек... Все правильно?

В ожидании подтверждения слов на меня смотрели оба Карре. Один — с тревогой и виновато, второй — с плохо скрываемым жадным интересом.

— Не совсем, — вздохнула я, решив сдаться на милость судьбе и хозяину дома. — Меня зовут Анна Ильинична Векшина. Я из другого мира. В тот день я спешила на работу и ...

В процессе повествования виконт несколько раз подавал мне стакан с водой, чтобы смочить губы и убрать сухость во рту. Меня не перебивали, а я старалась как можно подробнее изложить все то, что со мной приключилось с того злополучного утра. С момента встречи с пожилым мужчиной в шляпе трилби на аллее парка родного города.

— ...во-от, а вечером прилетела Селеста. Я не знаю, что решили ведьмы относительно этого Страбора Груна, мы с Лео уехали. Все.

Рассказ меня вымотал и морально, и физически.

— Вижу, вы устали, но разрешите несколько уточняющих вопросов? — Граф давно уже стоял у приоткрытого окна, набивая табаком курительную трубку.

— Да, конечно, — ответила хрипло и опустила голову, поникнув плечами.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три, — ответила без лишней скромности.

Было уже не до этичной стороны вопроса. Воспоминания опустошили меня. В некоторых моментах глаза начинало щипать от слез, и тогда виконт брал меня за руку и сжимал несильно, стараясь поддержать таким вот простым жестом.

— Вы были замужем?

— Нет.

— Дети? Простите, что спрашиваю о таких вещах. Поверьте, это не праздное любопытство.

Невольно покраснела: это что, завуалированный вопрос о моей невинности?

— Я понимаю. Будь я на вашем месте, тоже бы устроила допрос с пристрастием странной девице-инопланетянке, вошедшей в мой дом и назвавшейся хорошей знакомой сына...

— ...и которая не сходит с уст племянника, даже учитывая, что он без сознания, — добавил граф, испытывающее глядя на меня и нисколько не задетый моими словами.

— Нет, у меня нет детей. И не было.

— По документам вы...

— Подданная Триберии, бесса Анна-Лаэта Ньер.

— Ньер — это вымышленная фамилия?

— Нет, это казенные аристократы из Готуара.

— Даже так... — Мужчина в удивлении вскинул брови.

— Барон Остун Ньер был братом моей названной тетушки Тельмы.

— У вас есть связь с артефактом?

Я задумалась. Как сказать милорду, что порой подозревала в тауроне наличие души? Не сочтет ли меня его сиятельство за раненую на всю голову, тем более прецедент был? И что он подразумевает под связью? Колдовских талантов у меня нет. Оберегом как таковым я управлять не умею. Те два случая с переносом и обучением грамоте не считаю за безоговорочную власть над волшебной вещицей. Он мне не подчиняется в полной мере.

— Вы знаете, когда артефакт был со мной, я всегда чувствовала его живое тепло. Будете смеяться, но в трудную минуту будто ощущалась дружеская поддержка с его стороны. Пусть это и абсурдно звучит. Хотя... магия вашего мира — для меня до сих пор необъяснимое, фантастическое, не укладывающееся в голове явление. Вот вы сказали — связь... — Хмыкнула, вспомнив несколько ярких эпизодов. — Я долго не могла понять его странное поведение: то он насылал на меня видения жутких картин с моим участием, то ни с того ни с сего резко нагревался, обжигая кожу. И все эти действия можно было расценить как предупреждение — он чувствовал опасность, предупреждал о

неприятностях. Он заставлял задуматься и не совершать ошибки. Вы думаете сейчас, что я идеализирую какой-то обыкновенный кругляш желтого цвета, а я уверилась в своих догадках. Теперь я знаю о некоторых способностях таурана, но договариваться с ним — это нужно иметь недюжую выдержку и терпение.

— Вы сказали, он нагревался при опасности? Ну тогда мне понятно, почему сгорела половина моей библиотеки! — неожиданно весело высказался лорд Гектор. — Я просто уверен, что эти два события — ненормальный поступок вашего гостя в Бережинах и вспыхнувший стол в Виннете — произошли в одно и то же время!

— На таком большом расстоянии почувствовать угрозу хозяйке? — вклинился в беседу Лео.

— Парадокс. — Улыбнулась криво.

— Что? — хором спросили Карре.

— Ситуация, не имеющая логического объяснения, — поправилась я и подняла глаза на хозяина дома. — Можно задать вам вопрос? Откуда у вас курительная трубка?

Граф усмехнулся, кивнув головой, словно давно ждал проявления интереса с моей стороны.

— Из вашего мира, милая бесса. — Виконт при этих словах издал сдавленный горловой звук, а я некрасиво выпучила глаза. — Дело в том, что муж моей сестры, отец Рихарда, был первым владельцем таурана. Для него создала артефакт Аста. Его научила всему, на что способна вещьца. Вилмар Моран мог... путешествовать в другие миры. Это был безумный шаг, но граф рискнул, и у него получилось. Ваш мир был пятым и единственным, где он задержался на целый месяц. Мы все тогда страшно за него испугались. Местечко, где он оказался, называлось... недалеко от... м-м, сейчас вспомню... Брусэль!

— Брюссель, — всхлипнула, не сумев сдержать эмоции. Голова пошла кругом, — Бельгия.

Боже мой, это же... Сердце заколотилось в сумасшедшем ритме. Неужели это возможно? Это же шанс!.. Который я не использую по определенным причинам. Одна из них сейчас лежит без сознания в спальне на втором этаже дома Карре. Я уже просто не смогу оставить его. Не смогу! Чем бы ни обернулись последствия травмы, буду рядом в любом случае. До конца.

Не думать о печальном, не думать! Он обязательно очнется, и все

будет хорошо!

— Совершенно верно! — продолжал граф, будто не заметив моих слез. — И впоследствии еще не раз возвращался на вашу... Землю. Рассказывал удивительные вещи, но никогда ничего оттуда не переправлял. Трубка мне в подарок — это единственное, что он позволил себе из всех невероятных, опасных и чудесных изобретений чужого мира. Из последнего путешествия, спешного и необдуманного, он так и не вернулся, — с грустью в голосе задумчиво закончил его сиятельство.

— Отец, почему я ничего не знал?! — вскипел в возмущении Леонард.

— В то время это были опасные знания как, впрочем, и сейчас. Вы были детьми. Глупыми. Стоит ли говорить, что даже при строжайшем сохранении тайны владения таким артефактом информация все равно просочилась из дома Моран и попала к человеку, из-за которого семью настигла трагедия. Мой зять пропал, прихватив с собой верного слугу; моя сестра, не выдержав разлуки, сгорела за пять лет от постигшего её горя. Рихард остался сиротой. Асту — ведьму, которая служила роду и была хорошей подругой графини, спустя столько лет и ту догнало проклятие своего же изобретения. Вот так, — закончил длинный монолог мужчина и тяжело вздохнул.

Страшная тяжесть навалилась мне на грудь и не давала дышать. Я очень ярко представила красивую женщину, убитую горем. С каждым днем все больше увядающую, теряющую смысл жизни в бессмысленном ожидании любимого человека. Ах, если бы только знать, почему граф не вернулся! Что могло случиться во время его последнего путешествия на Землю? Да мало ли! От «подхватил опасный вирус» до «попал под машину»!

— А где вы берете табак? — Решила направить в другое русло печальные мысли присутствующих.

— Контрабанда из Шудара, — лукаво улыбнулся его сиятельство, и в его глазах мелькнула благодарность, — там это растение используют в каких-то ритуалах, а я нашел нелегальный канал поставок. Кстати, Хьюго — тот самый слуга Вилмара в свое время помог. Он ведь был родом оттуда.

Помолчали немного, словно все темы исчерпали себя, и каждому осталось только анализировать все услышанное за эту длинную беседу.

— Господин Карре, вы вернете мне оберег? — Я отважилась на вопрос, который держала в себе с первой минуты встречи в кабинете.

— Как бы мне не хотелось этого делать, но я не вправе хранить его у себя. С одной стороны, боюсь — справитесь ли со своенравным артефактом? С другой — хочу сохранить поместье потомкам. Но выходит, что он выбрал себе нового хозяина, вернее хозяйку, и остается только уповать на ваше благоразумие, милая бесса Анна. — Сказав это, он отложил трубку и вставил маленький ключик в замок небольшой шкатулки из серебристого металла, стоящей на краю стола. — Это антимагический короб. Пришлось перерыть хранилище, чтобы найти, — за ненадобностью убрали его в самый дальний угол, — пояснил он назначение элегантной шкатулки.

— Ох! — невольно вырвалось у меня одновременно с пучком яркого света из нутра коробочки.

— Демон! — Милорд от неожиданности отпрянул, налетев спиной на высокий сундук-бар. Глухо звякнули бутылки в его чреве.

— Ничего себе! — на высокой ноте вскрикнул Леонард, вскочив на ноги. — Опять?!

А меня как магнитом потянуло к вещице. Нестерпимо захотелось взять её в руки. Погладить, успокоить. Без страха вынула оберег из ящичка, и меня словно теплой волной окатило с ног до головы.

— Соскучился? Тебе новый шнурочек сделали? Хороший мой, ну чего ты злишься? — ворковала, как с маленьким ребенком. Понимала — глупость несусветная! Что он может понимать? Однако ж... Жар, обжигающий ладони, уменьшился, поутих слепящий свет, и через несколько секунд в моих руках был все тот же невзрачный кругляш из желтого металла, ставший уже таким родным и привычным на шее.

Хозяева поместья смотрели на меня по-разному: виконт — умиленно-восторженно, как на неразумное дитя, его батюшка — задумчиво-оценивающе.

— Можно, я пойду? — Стушевалась под их взглядами.

— Последний вопрос, если позволите, — встрепнулся граф. — Какие чувства вы испытываете к моему племяннику?

Я смутилась еще больше и задумалась. Понятно, что дядя волнуется о судьбе родного человека, вот только я оказалась не готова к откровениям такого рода. И только было открыла рот, чтобы ответить, как внезапно рывком распахнулась дверь кабинета, и не знакомая мне

взбудораженная женщина, тяжело дыша, выпалила:
— Ваше сиятельство, лорду Рихарду плохо!

**Вайолет Кроули, вдовствующая графиня Грэнтем — Дама
Маргарет Натали (Мэгги) Смит, британская актриса.*

Глава 11

— Я бы дал ему день. От силы два дня.

— Отлично. Ты будешь часами. Все остальные будут докторами.
(м/с «Доктор Хаус»)

Как я бежала, останется в памяти лакея и мадам Фионы — тетушки Розины — на всю оставшуюся жизнь. Первого я просто снесла с дороги, вторую, встреченную на лестнице и попытавшуюся пристыдить за неподобающее истинной леди поведение, совершенно нечаянно машинально послала. Жаль, что она никогда не узнает, кто такой черт и какой дорогой к нему идти. Граф и Леонард выскочили из кабинета следом за мной, но куда там поспеть за девчонкой!

Рихард в бреду метался на ложе. Повязка сползла с головы, влажные волосы торчали во все стороны, руки стаскивали с себя одеяло, которое то и дело возвращала на место сиделка. Хриплым голосом мужчина нес какую-то околесицу про людей в масках. Все пытался их остановить, призывал одуматься, не совершать зла. Из бессвязной речи выделила свое имя, и сердце болезненно сжалось. С такой тоской и надрывом оно было произнесено, что ноги сами понесли меня к кровати. Не обращая внимания на причитания Цинны, отодвинула ее в сторону и, присев на край постели, перехватила руки Морана, цепляющиеся за постельное белье в попытке выдрать его из-под себя или разорвать. Прижала их к его груди, навалившись всем корпусом. Почувствовала силу напряженных мышц больного, дрожь во всем теле, жар, идущий от оголенных участков кожи. Лицо Рихарда оказалось очень близко, в нос ударил сильный неприятный запах кислятины и пота. У меня внутри поднялась волна негодования: они его вообще обтирают?

Метнула в сиделку злобный взгляд: ни на шаг больше не подойдет к пострадавшему. Не подпущу!

Мужчина рвался из моих объятий, запрокидывая голову назад и выгибаясь дугой. Бред сменился рычанием. Лео кинулся мне на помощь, обхватив ноги брата выше колен. Краем глаза заметила, как посторонился замерший на пороге комнаты граф Карре, пропуская в

комнату пожилого дядьку. Тот, обойдя кровать с другой стороны, водрузил на неё раскрытый саквояж и склонился над ним, сверкнув блестящей лысиной в обрамлении седых перышек волос.

— Римус, сделай что-нибудь! — нетерпеливо потребовал старший Карре, встав в изножье постели.

Подавшись вперед и вцепившись в резную стойку с набалдашником, он напряженно наблюдал за племянником.

— Вы доктор? Скажите, что с ним? — спросила у незнакомца.

Тот бросил на меня быстрый взгляд исподлобья и извлек из сумки три маленьких пузырька. Перебрал, читая внимательно надписи на этикетках, выбрал один из темного стекла.

— Не стоит поднимать панику раньше времени. Такое случается при сильном ушибе головы. Мне нужна помощь... Господин Леонард, можете отпустить ноги, приподнимите милорду голову, будьте любезны.

Надавив Рихарду на подбородок, лекарь влил содержимое флакона ему в рот. Его сиятельство резко мотнул головой, вырываясь из цепких пальцев лекаря, замычал.

— Тш-ш, тихо, мой хороший, тихо, — успокаивая, зашептала над ухом пострадавшего. — Сейчас все пройдет, сейчас будет легче. Потерпи, милый.

Больной заскрежетал зубами, а потом вдруг обмяк.

— Можно отпускать его, — устало сказал Римус и дрожащей рукой слегка похлопал по плечу бессознательного пациента.

Медленно разогнулась и с трудом расцепила побелевшие от напряжения пальцы, которыми удерживала запястья дорогого мне мужчины. Вгляделась в немного бледное лицо. Страх потихоньку отступал: сейчас передо мной лежал погруженный в глубокий сон человек — молодой, красивый и спокойный. Ничего в его облике, кроме крупной испарины, выступившей на коже, и сухих приоткрывшихся губ, не напоминало о только что перенесенной ужасной муке. Сзади с облегчением вздохнул Леонард. Шмыгнула носом сиделка.

— Что вы ему дали? — Моя натура требовала подробностей.

— Успокаивающее зелье, сдобренное хорошей порцией магии, — самое подходящее средство в этой ситуации.

— И все? И это все лечение? — От возмущения чуть не поперхнулась.

— Что вы от меня хотите, милейшая? Такие случаи в практике нередки, но и способа избавить пациента от последствий подобной травмы еще не нашли. Остается уповать на милость богов и здоровье самого графа. Мы можем только облегчить переход, убрать боль...

До меня с трудом доходило сказанное эскулапом. Какой такой переход? А когда дошло — ужаснулась.

— Вы серьезно? И какова смертность? — выдавила из себя, испугавшись своего вопроса.

Брызгать слюной и требовать от врачевателя большего бесполезно. Закостенелый консерватизм. И никакая оплата сверх положенного не изменит печальный факт устоявшихся методов борьбы с таким недугом.

— Большая, — убил меня тихим ответом лекарь, — одному-двум из десяти удавалось выжить.

— Где же ваши хваленые супермаги?

— Анна... — предостерегающе произнес виконт одновременно с громко кашлянувшим отцом.

— Что? — Обернулась к ним. — С тобой они же сделали невозможное — вернули зрение!

— Аннушка, он и есть маг, — с укором сказал Леонард и с кривой извиняющейся улыбкой покосился на лысого дядьку.

— Магистр высшей магии и целительства третьей ступени к вашим услугам, госпожа Анна, — представился Римус, оскорбленный недоверием со стороны какой-то девчонки.

— Господи... — Я задохнулась от отчаяния, что наконец-то накрыло мое сознание. Слезы крупными каплями сорвались с ресниц. Из горла вырвался судорожный стон. — Нет, не может быть... — Замотала головой, отрицая происходящее. — Надо сюда Тельму. Лео, пошли восточку ведьме. Я знаю, я верю, она что-нибудь придумает. Она поможет.

— Ведьма? — со скепсисом переспросил лекарь. — Сомневаюсь. Если уж магия бессильна...

Щелкнул замок саквояжа, словно точку поставили в приговоре молодому сильному мужчине.

— Анна?.. — неуверенно позвал виконт, то ли спрашивая меня что делать, то ли прося о смирении.

— Отправь вестника, — упрямо прошептала так, чтобы слышал только он.

Как же быстро они все успокоились, приняв кошмарный вердикт от этого магистра целительства! Неужели даже мыслей не было оспорить или попробовать другие методы?

Что-то вполголоса спрашивал у лекаря граф. Тот отвечал, но я не слушала. Пусть весь мир поднимет лапки, сдаваясь, но не я. До последнего буду бороться за жизнь этого человека!

— Лео, — позвала виконта, убирая мокрые пряди со лба Рихарда, — распорядись принести сюда таз с теплой водой, сменную одежду и свежее постельное белье. Поможешь мне?

— Зачем? Цинна справится. Я пришлю людей ей в помощь. — Его милость правильно понял мою задумку.

— Не надо, я сама, — твердо и решительно отказалась, не собираясь больше оставлять больного на попечении старухи. — Надеюсь, господин Карре не будет возражать? — громко поинтересовалась у хозяина дома.

— Не думаю, что вам нужно мое высочайшее одобрение, — нарочито сварливо пробурчал Гектор. — Цинна, отдыхай пока, заменишь бессу Анну... — я вскинулась в немом протесте, и граф продолжил, будто сомневаясь, — когда потребуется. Можете обращаться с любой просьбой, я предупрежу слуг о незамедлительном исполнении. Господин Римус, — перевел он свой взор на лекаря, — думаю, вам следует перебраться из флигеля в свободные покои на этом же этаже. Кристе немедленно будет отдано распоряжение.

— Да, я думаю, это разумная мысль после сегодняшнего внезапного ухудшения. Мы рано успокоились, приняв состояние покоя и глубокий сон его сиятельства за медленное восстановление здоровья.

Мне этот доктор окончательно разонравился!

Прошло двое суток. Два дня и две ночи надежд хоть на какие-нибудь изменения в состоянии Рихарда. За окном вставало и садилось солнце. Дул ветер, качая верхушки деревьев в саду. Кажется, был кратковременный дождик — барабанил по железному отливу, оставляя на стеклах мокрые дорожки. Ничего не запечатлевалось в памяти, забывалось как неважное, ненужное. Стрелки часов меняли свое положение очень медленно, словно жизнь в доме застряла в безвременье. Дни слились в одно бесконечно длинное серое и беспросветное ожидание.

Гнетущее настроение накрыло старое поместье Виннет. И что больше всего меня поразило и не поддавалось осмыслению — словно только с моим появлением в этом доме до людей наконец в полной мере дошло происходящее. Будто все разом очнулись, оглянулись, прониклись. Мрачные, скорбные лица слуг. В глазах обоих Карре — вина и обреченность. Даже замороженное семейство Бикерстафф вдруг обрело человеческие эмоции. Гувернантка Розины за обедом и ужином все чаще вздыхала, покачивая головой в унисон своим грустным мыслям. Близнецы обменивались непонимающими взглядами и были похожи на растерявшихся беспомощных щенков. Виконтесса кусала губы, исподтишка поглядывая с жалостью на графа Карре. Лорд Тедерик тихонько кряхтел и елозил на стуле. Начатые за столом разговоры стремительно затухали, и оттого ощущение неловкости сказывалось на общем настроении присутствующих. Гости явно чувствовали себя лишними. Им бы уехать, но обещание остаться на просьбу Гектора держало их на месте. На мой вопрос «зачем?» услышала ответ Лео: «Чтобы дом не превратился в мрачный склеп». Люди, пусть и посторонние, разбавляли тягостную атмосферу в поместье. На мой взгляд, выходило плохо.

Пару раз к трапезе присоединялся лекарь. Был молчалив и сосредоточен на еде. Единственный, кто не являл собой скорбящего и сожалеющего. Живой невозмутимый взгляд, отличный аппетит, блестящая лысина — как вызов всем, хоть немного переживающим по поводу болезни молодого графа.

Я, невзирая на уговоры виконта немного отдохнуть, постоянно находилась подле Рихарда. Вглядывалась в лицо, прислушивалась к дыханию. Целовала, держала за руку, тормозила. Даже щекотала. Совсем легонько в области подмышек — проверить реакцию. Господи, да что только не делала!.. И ждала. Страшно боялась надолго оставлять его одного. Казалось, стоит только покинуть покои, как он очнется, а меня рядом не будет. Почему-то это было для меня важно — видеть его пробуждение и как он отреагирует на мое присутствие.

Послеобеденное время третьего дня моего пребывания в Виннете ознаменовалось прибытием Тельмы. Это было неожиданно для графа Карре, радостно для меня и шумно для всех остальных. «Шумно» — это я преуменьшила масштаб потрясения, которое испытали обитатели

дома, когда на весь большой холл гаркнуло и разнеслось по всем пустующим коридорам голосом Перри:

— Пр-рячьте все ценное, скр-ряги!

Ах, эти высокие потолки! Я оценила стиль эпохи Ренессанса и акустику.

Тетушка Фиона не успела покинуть столовую. Охнула, покачнулась, закатила глаза и лишилась чувств прямо на пороге, «заблокировав» тем самым выход из помещения для остальных своих родственников.

Я повисла на своей старушке, заливая её плечо горячими слезами.

— Ну что ты, что ты, голуба. Я приехала, я с тобой. — Теплые ладони ведьмы гладили меня по спине, утешая. — Вместе мы справимся.

Конечно справимся! У меня с плеч будто неподъемный камень свалился, и ковер на винтажной лестнице заиграл яркими красками. Тёплые солнечные лучи вдруг пробились сквозь высокое стрельчатое окно и одарили помещение янтарным светом, веселыми бликами на мраморном полу замельтешили «зайчики».

Чувство эйфории от первых секунд встречи с Тельмой разбилось о тяжелую поступь и суровый голос хозяина дома.

— С кем имею честь?

— Баронесса Брайт. Тетушка этой милой девушки. — Ведьма склонила голову с грациозной почтительностью.

— Вы... — Граф замялся, не решаясь обозначить неофициальный статус женщины.

— Ведьма. Все верно. Серая ведьма. Знахарка и травница. Я знаю о вашей беде, милорд. Позвольте мне взглянуть на его сиятельство...

— Кто? Кто ее сюда пустил?! — Негодующий крик мага раздался с лестничной площадки второго этажа. — Пусть убирается!

Все находившиеся в это время в холле с недоумением воззрились на Римуса. Дядька являл собой разъяренного сумасшедшего. Мне показалось, даже его седые перья на голове встали дыбом.

Баронесса заломила бровь.

— Римус Фьёрен? — В её голосе звучало невыразимое удивление. — Ты еще не всех уморил в этом доме?

— Не слушайте её, милорд! Она шарлатанка и мошенница!

Моя бабулька, округлив глаза, как наивная девица захлопала

ресницами.

— Кто? — Еще пара взмахов. — Я?!

— Не подпускайте её к племяннику! Вы совершите страшную ошибку! — Магистр коlobком скатился по ступенькам и, подскочив к Гектору, запыхтел в гневе. — Ваше сиятельство, я вас уверяю, для господина Морана только лечение магией может принести результаты.

Я аж подпрыгнула от такого заявления.

— Вы же сказали, что все бесполезно! Что ничего не поможет! Да вы ему переход какой-то безболезненный готовите! Каплями опаиваете тошнотворными, чтобы умер в сладких грезах! — Голос от гневного возмущения сорвался на хрип. — Человек три дня лежал, а вы даже не удосужились распорядиться сменить ему белье!

— Я не собираюсь обсуждать свои методы лечения с человеком, далеким от целительства! — рявкнул мне в лицо лысый, так что я невольно отпрянула. — Пострадавшего нельзя ворочать, двигать и перемещать!

— Да с чего вы взяли?! — У меня глаза чуть из орбит не вылезли. И, простите, Векшину понесло. — Тельма, ты представляешь, все эти дни они его даже не кормили! Он запретил! — Чуть не плача обвинительно ткнула пальцем в сторону лекаря. — Вливал в него только свои зеленые микстуры, и все!

— Гр-рыжу ему в чер-реп!

Как всегда гений точных комментариев оказал услугу всем, прекратив разгорающийся некрасивый скандал. Лакей, державший клетку с питомцем, так сильно дернулся, испугавшись, что чуть не отбросил её от себя подальше.

Возмутительно спокойный старший Карре качнулся с пятки на носок и оглядел застывших в изумлении Бикерстаффов. Благородное семейство сгрудилось в сторонке, поддерживая под руки полуобморочную Фиону. О, какие у них были физиономии! Одно только вытянутое лицо уважаемого Тедерика чего стоило. Затем хозяин поместья элегантно в приглашающем жесте повел рукой в направлении кабинета и, обращаясь к ведьме с лекарем, сказал:

— Прошу, господа. Побеседуем приватно.

Меня не пригласили, но я пошла с Тельмой как приклеенная.

Разговор не продлился и полчаса. После того как моя старушенция выложила перед Гектором неоспоримые факты преступной врачебной

небрежности уважаемого магистра Римуса — при этом были названы даты, титулы и фамилии, коих на памяти «дотошной старухи» оказалось целых четыре, за оскорбленным и уязвленным в самое сердце эскулапом захлопнулась дверь. Дверь дома Карре.

Я с нескрываемым изумлением смотрела на свою бабульку. Вот откуда у неё столько информации? Очень подозрительно: практически на всех магов, за редким исключением, у неё было досье.

— Не расстраивайтесь, милорд. У меня на примете есть талантливый маг-целитель и большая умница, прозябающий в маленьком городке Шкорно, не далее как в одном дне пути на север. Тамошний барон не жалуется молодого лекаря. И совершенно зря! Напишите ему. Сошлитесь на мою рекомендацию, и он с удовольствием примет ваше предложение.

Вот! Еще одно подтверждение!

Тельма мягким движением рук ощупывала голову Рихарда. К чему-то долго прислушивалась. Неожиданно принялась, склонившись низко к его плечу. Удивленно хмыкнула.

— Вишня и миндаль? — Насмешливо посмотрела на меня.

— Э-э, да, — сконфуженно выдавила из себя и покосилась на младшего Карре, — виконт хвойный экстракт предлагал, а я терпеть не могу этот запах.

Был грех. В воду для обтирания Морана добавили ароматического масла. Хотя и не к месту и не ко времени, но шутливая перепалка о вкусовых пристрастиях немного разрядила напряженную обстановку.

Далее баронесса приподнимала веки больного. Считала пульс. Все это время я стояла рядом и безумно переживала. За спиной сопел Леонард. Граф замер как обычно в изножье кровати, и только по играющим желвакам можно было понять, сколь сильно он волнуется. Не уставала удивляться его завидной выдержке и хладнокровию.

Надежда, что вспыхнула в душе с приездом ведьмы, таяла при взгляде на лицо женщины, что с каждой секундой становилось все мрачнее и мрачнее. Старушка задумчиво окинула взором пустые флакончики из-под зелий на столике. Взяла один, принялась. С тяжелым вздохом опустилась в кресло. В ожидании вердикта знахарки в комнате надолго повисла вязкая тягостная тишина.

— Время упущено. — Хриплый голос прорезал воздух помещения,

словно ножом.

— Что? — У меня кровь отлила от лица. — Нет... не-ет!

— В одном Римус прав: тут только магическое вмешательство излечило бы пострадавшего. Но... своевременное, я бы даже сказала сиюминутное вмешательство, — проговорила Тельма тихим упавшим голосом. — Подозреваю, целитель не спешил? — спросила и сама же себе ответила, как-то обреченно махнув рукой: — Он никогда не спешит. — А потом чуть слышно добавила: — Сожалею, но нам придется принять...

— Тельма! — Я не выдержала и, глядя во все глаза на ведьму, просипела: — Что ты такое говоришь?

— Увы, деточка...

глава 12

— Что бы ты ни выбрала, я буду с тобой, и ты победишь,
но в любом случае ты что-то потеряешь.
(х/ф «Если я останусь»)

— Виктор Сергеевич, вы умеете первую медицинскую помощь оказывать?

— Последнюю умею. Медными пятаками глаза закрывать.
(А.Иванов «Географ глобус пропил»)

*«В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...»*

*Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнiet совсем...»**

Дальше второго куплета я не помнила слов, потому и «крутила» эти два четверостишия по кругу с небольшой паузой, в которой просто тихо мычала Рихарду мелодию грустной и трогательной песни. Три дня пересказывала ему перед сном сказки Шарля Перро. Какие знала. Изложение гайдаевских комедий не пошло — не то настроение, а вот Толкиена после завтрака приходили слушать даже близнецы Бикерстаффы. Сидели в уголке мышками с горящими глазками. Живой интерес на физиономиях. Шахерезадой себя чувствовала, но такое внимание льстило, что ни говори.

Зарядили дожди. Небо хмурилось и плакало, будто сама природа печалилась вместе с людьми, вытягивая из них последние капли сил и надежды. Спальня Морана погрузилась в беспросветные сумерки, навеявая тоскливые песни моего мира.

— Это колыбельная? — прозвучал девичий голос от дверей.

Вздрыгнула от неожиданности и резко выпрямилась. Мышцы на пояснице, растянутые от неудобной позы, с облегчением приняли анатомически правильное положение. А ведь казалось, что устроилась более-менее удачно, оставаясь попой в кресле, а верхней частью тела на постели больного, уложив щеку в широкую теплую ладонь мужчины, как в колыбель.

На пороге нерешительно замерла Розина с букетом садовых цветов.

— Ты меня напугала, — посетовала, вставая, чтобы немного размяться. — Откуда такая прелесть?

— Простите, я не хотела. — Не хочет переходить на «ты», ну и не надо! — Садовника попросила срезать. У нас так пышно розы не растут на открытом воздухе. Только в оранжереях.

Девушка прошла вглубь комнаты и огляделась в поисках вазы.

— На подоконнике, — подсказала, где искать емкость. — Так почему не растут?

— Земля скудная и холодно. Наше графство расположено на север от Тормонда. Море, пустоши, сильные ветра. А вы откуда?

Как-то я не была готова к таким открытым вопросам, потому и с ответом задержалась, бросив сухо:

— Из Готуара.

— О... — стушевалась гостя, — я слышала, там тяжелая жизнь.

— Наверное.

Вздохнула недовольно, не желая продолжать неудобную для меня тему. Сказать по правде, я вообще не представляла о чем с ней говорить, а потому схватила кувшин и сбежала в ванную комнату за водой для цветов. Выходя с наполненным сосудом, замерла на полпути от представившейся картины. Девушка Бикерстафф стояла над моим графом и вглядывалась в его лицо. И такие у неё были глаза, что у меня невольно дрогнули руки, и ревность царапнула когтистой лапой в груди. От мысли, что вонзилась в голову, сделалось дурно: а не увлечена ли виконтесса Рихардом? Мало ли что там Лео пел о своей любви? Кто нравится самой Розине, я не знала, и об ответном чувстве с её стороны виконт не говорил.

С такой нежностью и болью не смотрят на мужчину, к которому равнодушна!

— Как жаль, такой молодой...

От её тихого шепота кувшин мелко затрясся в руках, грозясь

расплескать жидкость через край. Мысли заполошно заметались в панике. Что же это делается? Ведь достаточно только одного её слова, и помолвке с Карре не быть. И как же ему тогда жить дальше? А мне? Знать, что где-то есть женщина с разбитым сердцем.

О, какая же самоуверенность! Осколки, возможно, придется собирать мне. И свои, и виконта.

Запуталась и поразились: то есть я даже мысли не допускала, что Морану могла приглянуться эта барышня? Любовь слепа. Карре, пронзенный стрелой Амура, мог и не видеть, какие чувства возникли меж этими двумя!

Остановись, Анна! Остановись, пока не отравила себя ревностью!

— Как чувствует себя ваша тетушка? Все еще мучается мигренью? — Шаркнув подошвой туфли об пол, заявила о своем возвращении в спальню.

Гостя даже не дернулась! Медленно, словно нехотя развернулась в мою сторону. Улыбнулась грустно.

— Ей лучше. Баронесса заварила ей какие-то травы... — оборвав себя на полуслове, Розина вдруг заметно занервничала. — Бесса Анна, я хотела у вас спросить: его сиятельство сказал, что вы хорошая знакомая его сына и племянника, это так?

— Про хорошую он, конечно, немного преувеличил, но... да, знакомая.

— Какой он?

— Кто? — Моргнув, непонимающе уставилась на виконтессу. Буря в душе набирала обороты.

— Леонард Карре.

Я от облегчения прикрыла глаза, матюгнувшись под нос. Чуть не разрыдалась, ощутив себя сдувшимся шариком, из которого выпустили ядовитый газ.

— Он очень хороший. И как человек, и как друг, и как брат. Порядочный и добрый, — заливалась соловьем на радостях, что не моего графа касается интерес. — Почему вы спрашиваете?

— Отец настаивал на помолвке с его сиятельством, а я не хочу. Мне понравился другой, но он оказался обручен с леди Софией.

— Договор расторгнут.

— Я знаю, но папенька с тетушкой не одобрили мой выбор, — совсем уж убито проямлила Розина.

— Это еще почему? — Моя сущность встала на дыбы: чем это Лео им не угодил?

— Его связи с женщинами... До моих опекунов дошли слухи о неблагонадежности его милости.

Ясно. Слава о твоих победах на любовном фронте, виконт, бежит впереди тебя.

— И вы сомневаетесь. Боитесь.

Излишне нервно наполнила водой вазу, водрузила букет.

— Я не знаю, но очень хочу поверить.

Вот и я не знала, что сказать девчонке. Кто я такая, чтобы с пеной у рта уверять её в благородстве обсуждаемой личности? Заверять в его искренней любви? А если я ошибаюсь? А если в один прекрасный день, как в песне, перейдет ему дорогу красивая и смелая? Махнет хвостом, и... вся любовь к златокудрой розочке-Розине растает как дым.

Растерянно посмотрела в глаза виконтессы.

— А если он первый раз в жизни полюбил? Полюбил так сильно, что готов измениться? Уже изменился. Дайте ему шанс!

Девушка от моей пылкой речи густо покраснела и, тихо улыбнувшись, промолвила:

— Вы очень хороший друг. Я вижу, как трепетно он к вам относится. Прислушивается к вам, делится мыслями, спрашивает советы. Это невольно зарождает зависть. Да, я завидую вам. Вашим отношениям. Свободному общению.

— Что вам мешает?

— Анна... — тихим шелестом донеслось со стороны кровати.

Бросилась к Рихарду. Пусть разбираются сами, кому что мешает, мне сейчас нет дела до чужих страданий — мой граф зовет меня!

Лицо мужчины исказила болезненная гримаса. Суетилась над больным, а у самой холод по спине подбирался к шее. Кожа на лице Морана стремительно бледнела, скулы заострились, а глаза будто вваливались, синяя вокруг век. Сиплое дыхание вырывалось из горла.

Что? Что такое?!

— Найди Тельму! — крикнула девице. — С ним что-то происходит. Быстро! — Застучали часто каблучки виконтессы, удаляясь по коридору. — Где больно, милый? Что тревожит? Скажи что-нибудь! Очнись!

Затравленно обвела взглядом спальню. Очередное сипение Рихарда ударило по нервам. Сорвалась с места в бесполезной попытке что-то делать, куда-то бежать. Металась по помещению, хватая что ни попадя.

Где все? Почему так долго идут? Зачем прижимаю к груди какую-то книгу?

Споткнулась.

Что я вытворяю?

Вернулась. Обхватив голову любимого руками, неистово зашептала:

— Не смей, слышишь! Не смей меня бросать! Борись! Ты сильный, борись!

— Позвольте, госпожа! — Меня мягко, но решительно оторвали от графа.

Безропотно отошла на два шага, уступая место незнакомцу. Я пропустила чей-то визит? Замуровала себя в покоях Морана и знать не знаю, что творится в доме.

Между тем мужчина... да какой там — молодой парень быстро осмотрел больного, схватил ложку со столика, ловко разжал ею стиснутые судорогой челюсти и молниеносно просунул между ними какую-то пастилку серого цвета. Так же шустро убрал пальцы и столовый прибор, удачно избежав клацнувших зубов.

— Успели, — удовлетворенно выдохнул незнакомец и разогнулся, позволив себя рассмотреть.

Он был высокий, худой, нескладный, сутулый, носатый и в очках. В кругленьких таких, а-ля Гарри Поттер. В мокром плаще с пелериной и потертым донельзя маленьким чемоданчиком. Гадать не надо — прибыл новый лекарь, о котором говорила моя ведьма.

Оглянулась на шум за спиной. Комнату заполняли люди, слуги столпились в дверном проеме. Расталкивая всех, сквозь толпу пробился Гектор Карре.

— Разойтись! — рыкнул он на собрание зевак. — Гантер, что? — Вперил в эскулапа острый взгляд.

— Он пойдет на поправку? Что вы ему дали? У вас был опыт лечения таких травм? — посыпались из меня вопросы.

У Рихарда выровнялось дыхание, цвет лица стал ненамного, но все же близок к живым краскам.

Парень, покосившись на хозяина дома, нерешительно откашлялся,

продолжая держать запястье Морана, словно определял его пульс.

— Позвольте мне привести себя в порядок с дороги и обследовать пациента. Я ничего не скажу вот так сходу.

Я ждала чуда. Все ждали чуда. Но его не произошло. Молодой маг-целитель не привез с собою панацею. И на дне его дряхлого саквояжа не завалилась надежда. Силы оставили меня. Беснадега накрыла с головой. Остались нескончаемые слезы и боль, что разрывала сердце. Удушливым туманом заволокло все в груди, не позволяя легким вздохнуть в полную силу.

Ноги несли меня на улицу, подальше от людей, из этой комнаты. На воздух! Мне нужен был воздух. Свежий, в большом количестве. В огромном! Проглочу весь. Захлебнусь. Может, тогда станет легче.

Задышалась от накатывающей истерики. Бежала от свидетелей и утешения. От участливых и скорбных взглядов, крепко зажав рот рукой, из которого рвались жуткие звуки.

Мокрый сад представлял унылую картину. Капли падали на лицо, смешиваясь с солеными дорожками на щеках.

Не дойдя несколько шагов до беседки, остановилась. Пусть небесная влага оmyвает меня. Тяжёлым взмахом налетал ветер, чаще и гуще бил косой дождь, хлестал по плечам, бил по спине тысячами плетей. Сдавленный, полный боли нечеловеческий звук оцарапал горло. Была страшно, долго, пока не сорвала голос.

Сколько я так простояла, дрожа всем телом и промокнув до самых штанов, не знаю. Целую вечность.

Грудь запекло. Оберег нагревался медленно, но неотвратимо. Не двигалась с места, пока кожу не начало обжигать настолько, что стало невозможно терпеть.

Заскочила под крышу садового строения.

— Что тебе нужно? — Вытянула кругляш из-под ворота, растерла дождевую влагу со слезами по лицу. Амулет пульсировал свечением в рваном ритме. — Хочешь мне что-то сказать?

Зажала в руке горячий кусок металла, и явь подернулась серо-фиолетовой рябью. Я только успела понять, что оседаю на деревянный настил беседки, и сознание мягко уплыло туда, где неяркий мягкий свет настенного бра ложился на кухонный стол...

...За которым сидят двое за беседой. Кофейный аромат вперемешку с ликерным витает в воздухе, просачиваясь сквозь неплотно закрытые двери. Летит, достигая прихожей. Прохладная стена за спиной. Стою за углом, вся обратившись в слух.

— Алина, отказали в «Востоке», давай обратимся в «Капитал-Банк»! У них и процент ниже, и сроки приемлемые.

Женщина тяжело вздохнула, звякнула ложечка о край чашки.

— Три миллиона, думаешь, хватит?

— Вполне. Чего ты боишься? Мы отобьем эти деньги за год!

— А кто выступит гарантом, Серёж?

— Я найду людей. Надежных.

— Мне нечего предъявить в качестве залога, кроме машины и квартиры. Если что-то пойдет не так, мы с дочерью останемся на улице.

Меня начинает бить крупная дрожь.

Откуда-то понимаю, что «пойдет не так» — это слишком мягко сказано. Все рухнет. Не останется ничего. Будет страшная беда.

Но откуда? Может быть, подсознательно чувствую в предложении Сергея Ширяева подвох. А может быть, у меня предвзятое отношение к маминому другу и коллеге? Но если быть до конца откровенной с собой, то этого козла я терпеть не могла. Хитрый прищуренный взгляд, слащавая улыбка...

Нет, нет, здесь другое. Упрямая, абсолютная, прочная уверенность в трагическом исходе дела.

— Разрешить остаться? — понизив голос до шепота, спрашивает мужчина.

— Серёж, дочь дома, — женщина виновато пытается отказать.

— Поехали ко мне.

— Поздно уже, — неуверенно сопротивляется мать соблазну...

Виски неожиданно прострелило болью, успела только подумать: зачем артефакт показывает мне прошлое, к чему мучить меня тягостными воспоминаниями, как вдруг произошло то, чего никогда не было в тот поздний вечер...

Вот я отрываюсь от стены и захожу в кухню.

Ловлю чуть растерянный и вопрошающий взгляд матери.

Прикипаю к нему. Что-то говорю. Горячо убеждаю, держа за руки родного человека. Делаю обвинительный жест в сторону гостя, отчего мужчину буквально перекашивает.

Родительница смотрит на Ширяева. В её глазах вопрос.

Друг меняется в лице и со злой снисходительной улыбочкой выдавливает:

— Ты будешь слушать эту чушь? Нет, ты только вдумайся, Алин, что она несет! Это же бред сумасшедшего! Обвинить меня в мошенничестве! Она у тебя вообще с головой не дружит?..

— Пошел вон, — звучит тихий глухой голос матери, вклинивается шилом в эмоциональную речь гостя. Её не столько цепляют слова дочери — до женщины не успел дойти их смысл, сколько затронул насмешливый тон и выражение лица старого друга. Чужое, наглое, презрительное. Она будто только сейчас разглядела его и поразилась собственной слепоте.

Смена кадра, и вот господин Ширяев что-то кричит уже в коридоре. Мне не слышно, не разобрать. Только по каменному лицу родительницы и губам её коллеги по работе могу определить, чем сейчас он награждает «дуру Векшину». Какую гадость выплескивает на головы хозяек квартиры.

Дверное полотно с грохотом захлопывается.

Тишина. Не успеваю осмыслить увиденное, как перед глазами стремительно замелькали события, словно нарезка кадров кинофильма о благополучной жизни двух женщин. Дом, море, выпускной в университете, открытие маленького бутика кожгалантереи в дорогом торговом центре, свадьба... мамина свадьба с каким-то дядькой! Я держу за руку парня, а на моем безымянном пальце обручальное колечко. Лица не вижу, только чувствую безграничную нежность к своему избраннику и душевное тепло, исходящее от него. И везде мы вдвоем с мамой. Неразлучно, неразрывно. Счастливые и обе любимые...

Вобрав, впитав в себя весь этот сумасшедший калейдоскоп из жизни, которой не было, но вполне себе могла быть, почувствовала, как подступает тошнота и я тону, тону, тону в вязком сизом мареве, зависаю в нем, как в киселе. Барахтаюсь, нелепо дергая руками и ногами, потом замираю в тщетной попытке освободиться. Весь учинённый оберегом бардак в моей голове потихоньку устаканился, давая возможность

понять и проанализировать видения. Прийти к мысли, от которой задохнулась: артефакт предлагал мне вернуться в прошлое и изменить его! Господи, это так просто! Вот он, шанс, его тебе милостиво вкладывают в руки, подталкивают к правильному, но рискованному решению. Оказаться в своем мире на два года назад и спасти жизнь родному человеку. Кто же от такого подарка откажется?

И я, потерявшаяся в своих мечтаниях, сказочных грезах, забыв обо всем на свете, уже готова была согласиться, принять предложение берега, как внезапно субстанция как живая выплюнула меня на нескошенный луг с высокой травой. Или я сошла с ума, или отчетливо услышала смачный звук, сопровождающий это действие.

Ромашка — желто-белым ковром стелется, куда ни кинь глаз! Ни конца ни края этой солнечной роскоши!

Зачем я здесь? Растерянно оглядываюсь в поисках ответа.

— Догоняй! — Звонкий детский голос нарушает идиллию покоя на поле под голубым небом с пушистыми облаками.

Захлебнулся жаворонок в вышине, метнулся в сторону. Малыш в белой рубашонке бежит — одна темная головенка торчит над высокими стеблями цветов. За ним, подобрав длинную юбку, несется... несусь я! Раскрасневшаяся, растрепанная, счастливая!

— Я больше не могу! — кричу вдогонку мальчугану и, тяжело дыша, падаю звездой в мягкие травы.

Большая серая птица пролетает над той Анной, устремляясь за пацаненком.

— Р-рич, Р-рич! Нюр-рка капитулир-ровала! Нюр-рка капитулир-ровала! Дер-ржи Р-ромку!

Мое сердце забилось, заколотилось как сумасшедшее. Рихард живой? Но как? Как такое возможно?!

Вздрыгнула от неожиданности, когда за спиной всхрапнула лошадь. Это же Ахалаш!

— Орест, следи за ним! — кричит всадник вслед попугаю, преследовавшему ребенка.

— Я здесь! Не затопчите меня своими копытами! — немного испуганно орет другая Аннушка из своего укрытия и, вскинув руку, машет, вырисовывая кистью круговые «пируэты».

А я во все глаза смотрю на Морана и не могу поверить в то, что

вижу. Пораженная, изумленная, боюсь даже громко подумать об очевидном.

Мужчина молча спрыгивает с коня и со словами: «Дружочек, карауль!» ныряет рыбкой к женщине. Цветы скрывают пару от моего взора. Заливистый смех — той девчонки из другого мира — разносится по округе.

Семья. У нас семья. И этот темноволосый карапуз со звонким голосом — наш сын?..

Перед глазами все закружилось, враз стирая видение безмятежного иллюзорного будущего.

Застонала, приподнимая тяжелую, как чугун, голову. Отползла задом к ограждению беседки, откинулась на решетчатую стенку из тонких реек. В ушах затихал шум, словно волны при отливе медленно покидали берег, шурша галькой. Взгляд прояснялся. Сняла с шеи оберег.

— Выбор, говоришь? — Усмехнулась зло. — Жестоко, не находите, мистер Таурон?

С ненавистью сжала в кулаке артефакт.

Аста, Аста, какое же чудовище ты создала! Монстра, что играет судьбами людей и ставит их перед выбором. Трудным. Мучительным. Сколько же можно испытывать своего владельца на прочность? Неужели я не заслужила твоего доверия, подлый кусок металла?!

Вернуться в прошлое или... Или спасти Рихарда. Третьего не дано. Такая вот непростая дилемма.

— Ты безнравственная дрянь! — С яростным шипением швырнула от себя таурон. Рывком поднялась и пошатнулась, слабость еще не покинула тело. — Ненавижу, гад! — Каблук с силой опустил на оберег. — Это нечестно! Ненавижу! Ненавижу!..

Каждое слово сопровождалось жесткой экзекуцией магической вещицы. Как же удачно я выскочила на улицу в туфлях на маленьком толстом каблучке! И сейчас он остервенело втапывал, вбивал, вколачивал артефакт в мокрый от дождя деревянный пол садовой беседки.

Выдохлась и поникла, склонившись вялым мокрым чучелом над невозмутимо поблескивающим кругляшом на кожаном шнурке. Казалось, ни царапинки, ни выбоинки, ни скола на нем! Удивительная

живучесть ведьмовского изобретения!

Подумалось отстраненно: за такое отношение к вещи можно ведь её благосклонности лишиться! И тогда...

— Господи, что же я делаю? — выдохнула пораженно и подняла оберег, когда мысль наконец дошла до меня. — Извини меня, родненький. Прости дуру психованную, не держи зла... — Я, наверное, окончательно свихнулась, потому что шептала слова прощения, гладила, баюкала оберег, и меня ничуть не трогало, что выглядело это более чем странно. И тут случилось такое, от чего просто обмерла от ужаса. — Ой, мамочки!..

Артефакт в моих руках взял и развалился на части!

Точнее сказать, расслоился. Словно когда-то склеенные монетки отвалились друг от друга, и теперь две детальки таулона висели на одном шнурке.

Рядом захлопали крылья. Бейл Орест влетел в беседку, вынырнув из-за стены дождя, и опустился напротив. Мокрый, хоть отжимай! Вперевалочку проковылял ближе. Заурчал гортанно, склонив голову набок, рассматривая результат нервного срыва «пр-ишлой» в её ладонях.

— Перри, это как это? Я же... а он... взял и... — Сглотнула вязкую слюну и выдавила хрипло: — Что же теперь будет?

— Швар-ртуйся, пр-риплыли.

* «В горнице» — слова: Н. Рубцов, музыка: А. Морозов.

Глава 13

— *Есть сражения, которые ни в коем случае нельзя проигрывать, хотя проиграть было бы так легко, так сладко...*
(Макс Фрай)

Трудно описать словами мое состояние, стоило только войти в дом и встретиться лицом к лицу с ведьмой. Я себя еще никогда не чувствовала так неудобно. А уж смотреть в глаза Гектору Карре было и вовсе невыносимо. Они все собрались в холле — и хозяева, и гости, кроме разве что слабонервной дамы Фионы, тетушки Розины, и близнецов. Волнение и укор во взглядах — переживали. Возможно, кто-то даже видел меня в беседке не в качестве человека здравомыслящего.

— Голуба, — жалостливо выдохнула баронесса, — что же ты с собой делаешь?

Её теплые руки обняли, привлекая к себе.

Мой мокрый дрожащий вид не оставил равнодушным даже сдержанного в эмоциях господина Бикерстаффа.

— Юной бесе не плохо бы чего-нибудь... кхм... горячительного внутрь принять.

— Р-рому ей в глотку! — поддакнул жако, слетев с моего плеча.

— Неплохая идея, — хмуро согласился хозяин поместья. — Лео, принеси ликер.

Леонард, словно находясь в сильном обалдении от моего жалкого вида, заторможено кивнул.

— Ликер? Да-да, конечно. А где он? — Он состряпал страдальческую физиономию и вопросительно уставился на отца.

— Тьфу ты, Всемогуший, наакался зелья, — нервно отмахнулся милорд от сына и его вопроса. — Я сам!

И печатая шаг удалился в сторону кабинета.

— Тельма, я совершила непоправимую вещь, — прошептала, боясь признания и отстукивая зубами дробь. Знахарка потянула к лестнице, увлекая за собой в выделенные мне покои.

— Потом расскажешь, — оборвала решительно рвущееся из «племянницы» раскаяние.

— Ох ты ж! — выскочивший из коридора хозяйского крыла лекарь испуганно и драматически всплеснул руками, увидев меня. — В горячую ванну её! Немедленно! Я за микстурой! — выкрикнул и помчался куда-то вниз по ступеням.

— Беги, беги, демон длинноногий, — проворчала беззлобно старушенция, — пока тебя ждали, искали, дитяtko, всех умудрился залечить чуть не до смерти.

— Ка... как? — «отстучала», кляца челюстью.

— Каплями своими успокаивающими в лошадиных дозах. Виконт наш аж осоловел, сердечный.

Зажатый в ладони таурон — то, что от него осталось — едва-едва отдавал теплом, слабо пульсируя и покалывая кожу. Было страшно разжать пальцы, будто это простое движение окажется фатальным для берега.

Сидела в ванне, прислушиваясь к невнятным звукам, доносящимся словно извне и проникающим в голову шуршащим говорком. Недовольство, вздох, фырканье, смешок...

— Чьи это голоса? — спросила у женщины, что аккуратно обливала мои плечи теплой водой из ковшика.

И вдруг все стихло.

— Нет никого здесь кроме нас, дорогая, тебе кажется. Это все переутомление. Успокойся...

— Странно, — не спешила соглашаться с ведьмой, — но я слышала!

Судорожный вздох названной тетушки смешался с новым всплеском, и руку с зажатым кулачком окатило теплым, почти горячим потоком из черпака. Наверное, в моей ситуации лучше молчать о всяких неясностях. Накачают каким-нибудь аминазином производства душки-Гантора и пропишут постельный режим! Строгий. С ремнями, фиксирующими конечности...

— Расслабь руку, милая.

— Не могу.

— Что у тебя там? Ну же, покажи мне! — Меня настойчиво взяли за запястье и потихоньку, один за другим начали разгибать будто судорогой сведенные пальцы.

Закрыла глаза, ожидая реакции Тельмы на зрелище от

раскуроченного артефакта. И дождалась.

— Дохлый жрец, ты что с тауроном сделала?! — заковыристо выдала оторопевшая бабулька, забыв на минуточку, что она баронесса.

— Покалечила. — От стыда и досады за свой поступок вспыхнули жаром уши, да так, что кончики защипало. — Может быть, удастся склеить?

— Чем? — На меня посмотрели, как на неразумное дитя.

В кабинете графа Карре на полу лежал мягкий круглый ковер приятного песочного цвета. Мой отрешенный взгляд блуждал по узорам, обводил разбросанные бутоны полураспустившихся желтых и красных роз — работу искусных мастериц.

— Вы знаете, у меня такое впечатление, что изначально это были два артефакта, — с сомнением в голосе произнес лорд Гектор, рассматривая вещицы через большую лупу. — Лео, посмотри.

Виконт с готовностью перегнулся через плечо отца, склонившегося над объектом исследования.

— Вижу. Ушко каждого плоское внутри и слегка выпуклое снаружи. Если их соединить вместе, то канавка должна была явственно просматриваться. Аннушка? — Меня отвлекли от ленивого созерцания обстановки комнаты.

— Нет, я не видела. Не приглядывалась. — Пожала плечами.

— А что с рисунком? — подала голос Тельма из глубокого кресла в углу комнаты.

— Переплетение «змеек» на аверсе — если считать этот выдавленный рисунок лицом таурона — не совпадает. Тот, который раскрылся нам, имеет более тонкие нити и не такой запутанный клубок. Да, без сомнения — это два парных артефакта... — Граф задумчиво продолжал рассуждать о странностях находки, а я бездумно скользила взглядом по книжному стеллажу во всю стену напротив меня.

Толстые старые фолианты с потрепанными и потертыми корешками, на которых с трудом можно было прочесть названия. Издания посвежее в несколько томов в одинаковом переплете с позолоченной или посеребренной витиеватой аппликацией. Несколько совсем тонких, больше похожих на брошюры или...

— Милорд, скажите, пропавший граф Моран вел дневник? — задала вопрос и затаилась в ожидании ответа.

А вдруг? Человек, путешествующий по мирам, непременно должен был где-то записывать свои открытия и впечатления. Вдруг нам повезет, и мы узнаем все секреты таулона, обо всех его возможностях, характере и... чем черт не шутит, способе управлять им, чтобы не своевольничал.

Три пары глаз заинтересованно уставились на меня.

— Почему я сразу об этом не подумала? — растерянно обронила ведьма.

— У нас сохранилось три дневника. Но проблема в том, что мы не смогли их открыть. — Лорд Гектор развел руками.

— Позволите? — Оживилась баронесса.

— Конечно.

Из сейфа в стене за вставленной в деревянную рамку масштабной картой, по всей видимости, герцогства с его графствами, баронствами и уделами других землевладельцев, входящих в состав маленького государства в государстве Триберия, Карре изъясил три толстых тетради. Доставал очень аккуратно, словно самую большую ценность, хранимую в семейном тайнике. Все присутствующие сгрудились вокруг стола. Наследие исчезнувшего отца Рихарда. В кожаном переплете с круглыми позолоченными вставками-бляшками на обложке, вдавленными в мягкую структуру материала. Боковой обрез также был выкрашен под золото. Листы настолько плотно прилегали друг к другу, что казалось, будто сплошная пластина из драгоценного металла закрывает доступ к страницам.

Осторожно взяв в руки один из дневников, Тельма внимательно рассмотрела его со всех сторон. Провела пальцем по окружности тиснения размером с десятирублевую монету. Хмыкнула удовлетворенно.

— Замечательная работа. Только хороший артефактор, коим и являлась Аста, мог создать такой замок. Теперь понятно, почему вы не могли их открыть, ваше сиятельство. Здесь нужен ключик.

— Этот? — Подняла я со стола за шнурок один из двух обоев. Меня охватило такое волнение, что пальцы начали мелко трястись.

— Возможно, — ответила бабулька с трепетом в голосе и перехватила у меня вещь. — Или другой. Не попробуем — не узнаем.

— А нас не шандарахнет? — вмешался с предостережением Леонард, когда таулон уже почти лег в углубление, идеально подходящее ему по размеру.

У ведьмы на мгновение дрогнула рука.

— Молчи, мальчишка! — Резанула его гневным взглядом и наконец прижала оберег реверсом к дневнику.

Ни вспышки, ни щелчка, ничего из ожидаемого мною не произошло, и тетрадь, к сожалению, не открылась. Раздался разочарованный слаженный вздох склонившихся над столом людей.

— А если по-другому? — Я решительно перевернула таурон другой стороной. Тот же результат.

В следующие минут десять мы так и этак крутили, вставляли, меняли местами, положение артефактов, пока задумчиво сидящий в своем кресле граф не сказал:

— А почему вы их по отдельности прикладываете? Ведь до сегодняшнего дня он был цельным.

— Черт! Ну конечно!

С затаенной радостью наше маленькое собрание наблюдало, как мягко засветился и потух оберег, стоило ему только соприкоснуться с позолоченным медальончиком на обложке. Как над первым листом, исписанным мелким почерком, поднялась верхняя крышка переплета, движимая моими пальцами. Как с тихим шелестом вспучились страницы, потянулись за форзацем, словно намагниченные, и опали.

— Предлагаю взять по одному, — выступил с предложением виконт и добавил чуть тише: — Надеюсь, кому-то повезет найти что-нибудь важное.

— Располагайтесь здесь, — одобрил слова сына граф и отошел к окну с трубкой. Ему одному не досталось занимательного чтения.

Знахарка вернулась в кресло, а мы с Лео устроились рядышком на монстрообразном диване. Уткнулись носами в ровные строчки.

Волнение переполняло меня, и немудрено — в этих коротких абзацах-заметках, вышедших из-под пера первого владельца таурана и путешественника по мирам, я надеялась найти ответы на многие вопросы. Но то, что прочел Лео в самом первом, судя по дате, дневнике графа Морана, повергло всех нас в шок.

— У Асты, оказывается, были... дети?

— Что в этом такого? — Повела плечом, не понимая реакции присутствующих на эту новость: Тельма замерла, не закончив движение руки, тянувшейся перелистнуть страницу доставшегося ей бесценного экземпляра. Его сиятельство обернулся, не донеся курительную трубку

до рта. Младший Карре изумленно хлопал глазами.

— Я об этом не знал, — растерянно сказал Гектор.

— И я никогда и ничего не слышала о её детях, — вторила ему моя старушенция.

— Двойняшки. Мальчик и девочка, — продолжал Леонард, вчитываясь в рукописный текст исчезнувшего лорда. — Вот здесь Вилмор Моран пишет, читаю: «Боги были более чем жестоки к несчастной женщине, лишив её сначала любимого супруга, а затем забрав детей. Двух очаровательных двойняшек. Лисбет и Танор, пятнадцати лет отроду. Горе этой поистине талантливой ведьмы было безграничным. Моя драгоценная Элин старалась как могла утешить и поддержать убитую горем мать...» М-м... граф не пишет, от чего они умерли. А вот самое интересное: «...Решилась на ритуал призыва душ. Сложный и опасный. Не будучи уверена в своих действиях, Аста вложила столько своей внутренней силы, что опустошила себя, вычерпала до дна. Глядя после на эту женщину, никогда уже нельзя было назвать её истинный возраст... Я со своей милой Элин был свидетелем этого ритуала... Два созданных ею артефакта вобрали в себя души умерших детей. Были соединены силой магии, стали единым тауроном. Как неразлучны были несчастные при жизни, так и после смерти они должны были стать одним целым...»

— Одним целым, — эхом повторила за Лео упавшим голосом. — А я их разделила. И суперклей в этом мире не найдешь, чтобы склеить. — Поднялась с места и робко подошла к хозяину поместья, стоящему у окна. — Почему вы не раскуриваете, ваше сиятельство?

Гектор вынырнул из своих дум и не сразу понял, о чем я его спросила.

— Табак... Последняя щепотка. Все не решаюсь.

Понятливо кивнула. А я бы вот не отказалась вдохнуть фруктового дыма. Даже сейчас рядом с мужчиной ощущала головокружительный букет из дорогого парфюма и тонкого, легкого аромата табачной смеси, исходящего от курительной трубки. От его рук.

Усмехнулась про себя: пресытилась ты, Анька, чистым воздухом Планиды. Соскучилась по вонивым выхлопным газам, по амбре от горячего асфальта, плавящегося на жарком солнце, по запаху сигарет...

На улице совсем стемнело. Когда закончился дождь, никто не

обратил внимания.

— Спасибо вам, — прошептала, опустив голову. Не стала пояснять за что. Думаю, милорд понял: за то, что принял в своем доме; за то, что терпим к закидонам странной гостыи и её компании; за то, что идет навстречу её просьбам, не вяжущимся с этикетом и нормами поведения, принятыми в аристократических домах; за...

— Вы вернули мне сына. Спасли его, заботились о нем, не бросили раненого незнакомца на произвол судьбы. Но главное — встреча с вами изменила его. Признаться, я думал, что здесь не обошлось без колдовства. Давал магам письмо, написанное вами от лица Леонарда, чтобы они проверили на... Не знаю, что я хотел найти. Приворот или другое какое вмешательство. Мне с трудом верилось, что мой циничный, эгоистичный, избалованный сын способен на такие человеческие слова. Признаться, только увидев вас, понял: это ведь не он вам диктовал то послание о помощи. Это была ваша инициатива. Но стоит признать: старого лорда проняло до глубины души. Маленькая записка в несколько строк всколыхнула надежду на то, что наследник рода Карре не потерял для семьи. Так что вам ли благодарить меня?

Я от смущения не знала, куда глаза девать. До чертиков приятно было такое слышать. Не зря я тогда самым наглым образом подменила послание...

Легким движением руки граф выдвинул верхний ящик стола и протянул мне знакомый серый конверт. Да, это оно. Узнаю свои старательно выведенные каракули.

«Здравствуйте, отец!

Назовете меня глупым мальчишкой, читай идиотом, и будете абсолютно правы. Не надо было мне никуда ехать. Готов признать перед вами свой необдуманный поступок как полную дурость, за что, собственно, и поплатился. По заслугам мне. Простите меня, отец. Простите своего непутевого сына, но мне нужна ваша помощь. Нахожусь в деревне Маревики на постоялом дворе «Усталый путник». Подвергнувшись нападению грабителя, получил множественные травмы, в том числе и головы, в результате чего потерял зрение.

Поверьте, никогда в жизни я так не хотел оказаться рядом с родными людьми и ощутить тепло отчего дома.

Любящий вас сын Леонард Карре».

— Про идиота, это я, конечно, лишнего... — заливаясь краской,

промямлила и покосилась на виконта. Он и Тельма, увлеченные чтением дневников, не обращали на нас никакого внимания. — Разозлил его милость меня тогда сильно.

— Зато правдиво. — Гектор по-доброму усмехнулся, осторожно забирая у меня из рук письмо и закрывая его в столе. — А Рихард? Его сердце оттаяло. В глазах появилась жизнь. С детства не видел его улыбающимся, казалось бы, без причины.

Рихард! Боже мой, со всеми сегодняшними страстями не видела его с обеда!

— Простите, ваше сиятельство, поздно уже. Я, наверное, пойду.

— Конечно. Отдыхайте, Анна, у вас сегодня был тяжелый день.

Сгребла со стола обереги и направилась к выходу.

— Этих ребятишек возьму с собой. Подумаю. Может, получится наладить общение... Господи, сама себе не верю, что такое говорю!

Три пары глаз молча проводили меня задумчивым взглядом.

Хороший мужик все-таки этот граф. Свинтус Лео! Столько лет портил кровь родному человеку!

— Привет, милый. — Скинула на ходу туфли, входя в спальню, и бесцеремонно забралась на постель. И плевать, о чем там недовольно закудахтала сиделка, спеша покинуть свой пост. — Как ты сегодня?

Внешний вид Морана не изменился. Все та же бледность, темные круги под глазами. Чуть приоткрытые сухие губы. Не смогла удержаться — поцеловала.

— А я вот натворила дел с утра... Об этом после. Слушай хорошую новость: мы сумели открыть дневники твоего отца! Представляешь? Вот очнешься, и будем вместе читать. Он пишет интересные вещи. О том, как первый раз перенесся в мой мир. Как таурон однажды закинул его в страшное болото среди вековых деревьев. — Осторожно положила голову на мужское плечо. — С их ветвей свисал неприятного вида зеленый мох, а из темной, покрытой ряской воды торчали корни деревьев, похожие на змей. Как он наткнулся на огромного аллигатора. Тот, словно старое бревно, показался из воды и до смерти напугал графа. Подозреваю, таурон промахнулся, и путешественник попал в болото Манчак недалеко от Нового Орлеана. Где это, я тебе расскажу подробно, ты только очнись. Пожалуйста. Открой глаза. Хоть на секундочку. — Всхлипнула, не в силах удержать слезы, прижав

тыльную сторону его ладони к своим губам. Вспомнив о другой немаловажной новости, вздохнула. — И вторая новость... Неясно, правда, к какой категории её отнести, к хорошей или плохой. Наследие Асты сегодня подверглось истязанию с моей стороны. Так уж вышло, что я переусердствовала, и теперь у нас не один, а два таурана. Вот, знакомься: оберег Лисбет и оберег Танор. Как так получилось? О, не спрашивай — женщина в гневе способна и не на такое! И что мне теперь с ними делать — ума не приложу.

Неожиданно меня пронзила шальная мысль. Настолько абсурдная, что я даже отлепилась от мужчины и села, в замешательстве глядя на магические вещицы в руках.

— Славный мой, хороший, твоя Анька — тупица, ей богу!

В моей голове начался такой бедлам вкупе с паникой, что стало по-настоящему не по себе. Почему я до сих пор не приняла этот странный мир в полной мере? Потому что он нелогичен? Со своими магами и ведьмами, с колдовством, с кляксами-ловушками и авиакомпанией «Мышь Эйр». Ибо трудно поверить в противоестественное, даже если тебе не раз доказывали, что волшебство реально. Ты оказалась в сказке! Пользуйся! Принял тебя таурон? Помогает, оберегает, предупреждает? Властвуй или подружись. С обоими вариантами пока все сложно, но мы ведь только в начале нашего пути, верно?

— Кто из вас показал мне здорового Рихарда? — Обереги легли на две ладони. С толстыми «змейками» и шнурком в правую, с тонкими — в левую. — Ну? Чего молчите? Напихали мне в голову трейлеров про светлое будущее, так теперь имейте смелость сознаться, чья идея?!

«Клипмейкеры» хранили молчание. А по мне плачет клиника. Психиатрическая. Но главное — не растерять сейчас уверенность в своих действиях. Не начать сомневаться. «Наши сомнения — это наши предатели. Они заставляют нас терять то, что мы, возможно, могли бы выиграть, если бы не боялись попробовать»*. А сейчас я готова была челом бить перед волшебными штуковинами, с меня не убудет.

— Поймите, мне очень дорог этот человек. Настолько дорог, что я готова на все, только чтобы он выздоровел. Я просыпаюсь и засыпаю с мыслью о нем. Я полюбила с первого взгляда, всем сердцем и душой, так, что самой страшно. А еще страшнее будет его потерять. Мне не нужна жизнь на этой земле, в этом мире без него. Но... если это не в ваших силах, верните меня домой... На два года назад... Ай!

Обереги внезапно обожгли кожу ладоней. Один невыносимым холодом, другой жаром. Ощущения были настолько сильными, что я, зашипев, резко одернула руки. Кругляши, сброшенные с ладони, скатились по складкам покрывала и замерли, блеснув короткой вспышкой света, веселыми искорками.

— Это да или нет? Я не понимаю, — застонала натужно в отчаянии. — Пожалуйста, помогите. Не будьте так жестоки!

И такая эмоциональная усталость навалилась на мои плечи. Уже ничего не хотелось — ни гадать, ни думать, ни говорить, ни плакать.

Оберег-мальчишку на шнурке разместила на груди Рихарда. Сползла под бочок к своему мужчине и накрыла ладошкой таурон, прижимая его к телу графа. «Девчонку» зажала в другой руке, сжав пальцы в крепкий кулачок. Все получится. Эта уверенность возникла внезапно, как будто время пришло. А я с какой-то пугающей отрешенностью её приняла. Боролась с отяжелевшими веками, что смыкались сами собой, и ждала чуда. Сопротивлялась накатывающей дреме — вязкой, настойчивой, ласковой.

Безуспешно.

Комната поплыла, неподвижно застыл огонек в лампе на столике в радужном ореоле. Явились неясные тени: бегущие ли по ночному небу облака закрывали луну, или сознание моё меркло и погружалось в неотвратимый сон, в котором возникла женщина. Так близко, руку протяни — и можно коснуться плеча!

Родное лицо, теплая улыбка. Она отдаляется все дальше и дальше от меня, уплывает в пространстве, растворяясь в белой мгле. Истончаются знакомые с детства черты, и вслед ей спокойно и уверенно звучит мой голос:

— Мама, я обязательно вернусь.

* Уильям Шекспир

Глава 14

— Пришли... Разбудили... Вымыли зачем-то...
(м/ф «КОАПП»)

— Да что у вас здесь творится?!
— Ты что, не видишь? Творится любовь...
(м/ф «Унесенные призраками»)

Он внезапно открыл глаза среди ночи и удивился: вроде спал крепко, а тут раз — и сна ни в одном глазу. Ощущение полного умиротворения. Голова не затуманена дремотной мутью. Свежа, ясна, бодрa. Такое бывало пару раз в его жизни, но так давно, что причину и не вспомнить. Единственно, в чем ощутил дискомфорт — это боль в спине. словно долго лежал в одной позе без движения. Мышцы неприятно ныли, ягодицы онемели. Пошевелившись, беззвучно охнул — крестец прострелило, будто иглой прошило. Массируя затекшую поясницу, поднялся, принимая сидячее положение. Вот тут-то и обнаружил дополнительные странности в своем состоянии: он в одних пижамных штанах; во рту горечь с привкусом мяты; горло першит и требует влаги, а губы сухие и обветренные. Ко всему прочему от него исходит аромат вишни с чем-то... Он не разобрал, сколько ни принюхивался к коже на своем предплечье. Приятно, но... Откуда?

Глаза нехотя привыкали к темноте. Маленький огонек в лампе на столике абсолютно не справлялся со своей задачей по освещению пространства комнаты.

Кто заходил к нему в спальню? Зачем оставили гореть светильник? И вот убейте, совершенно не помнил, чтобы ложился в постель полуголым!

Размял шею, пытаясь воскресить в памяти события, предшествовавшие тому, как ночные духи сновидений накрыли его пологом покоя. Да, да, те самые, мягкие и пушистые, о которых ему рассказывала в детстве мать. Они смыкают детям и взрослым веки невидимыми ладошками и насылают сказочные грезы. Никаких видений-снов в этот раз он не... Как же, видел!

Видел! Очаровательную девушку! Ту, что вошла в его сердце. Ту, о ком думал постоянно, ежечасно, ежеминутно. С чьим именем на устах засыпал и пробуждался. Анна. Любимые глаза. В них необъяснимая мука. Почему? О чем она говорила ему с лицом, искаженным беспокойством и безмерным отчаянием? Плакала, молила — но он не понимал её, не разобрал ни слова. Тревога и раскаяние всколыхнулись в груди. Сколько дней он ей не писал, окунувшись в проблемы дома и сумасшествие, связанное с прибытием гостей и этим, будь он не ладен, балом?!

А следом обожгло воспоминанием: таурон... пожар в библиотеке... рухнувшая балка!

Силился выковырять из головы последующие события, но тщетно. Полная амнезия. Невольно приняхался к воздуху в помещении: ничего даже отдаленно похожего на запах гари он не почувствовал. Странно. Как успело за такой короткий промежуток времени все выветриться? В поисках ответа машинально перевел взгляд на окно и дернулся от неожиданности. На самом краю кровати, спиной к нему, кто-то лежал. Этот кто-то... Хозяин апартаментов пригляделся и изумился еще больше — женщина... Благополучно почивала, заняв треть его ложа. Отвоевав у владельца постели малую часть одеяла, умудрилась натянуть его на плечи и голову. На что, видимо, хватило.

«В одежде на белых простынях!» — в нем возмущенно вякнул педант.

«Округлость бедра приятна глазу», — констатировал эстет, обласкав фигуру оценивающим взглядом.

И тут же здравомыслие врезало хороший подзатыльник: «Стыдись!»

Он, и впрямь устыдившись своего низменного любопытства, стушевался как юнец, протянул руку к незнакомке с целью разбудить и... И что? Отчитать за неподобающее поведение? Полюбопытствовать, какого демона она здесь делает? Узнать, в конце концов, кто это?

«Кто же решил покончить со своей репутацией?!» — захлебнулся в недоумении поборник нравов.

С опаской покосился на закрытую дверь спальни, прислушался, и мысли лихорадочно заметались, вычленив из всех приглашенных в поместье молодых особ. А заодно и не молодых, но рьяных. Словно наяву перед глазами с томной улыбкой и алчностью во взоре встала

баронесса Сент-Олер. Дама, скрывающая свой истинный возраст и имеющая неодолимое желание выйти замуж. Его передернуло от отвращения. Запоздало спохватился: что если свидетели уже стоят со свечами перед его покоями, ждут момента, чтобы войти под предлогом поисков чьей-то дочери, покинувшей среди ночи свою постель? Ах, она у вас! И надо же, вы в одних исподних! О, какой пассаж!

А в храме уже ждет жрец, дожидается. На алтаре чаши со свадебным вином с места на место в нетерпеливом волнении переставляет... Тьфу! И поди ты докажи, что спал и знать не знал, ведать не ведал о проникновении дамы в его логово.

Паршиво, гадко стало на душе от такого предположения. Поползут слухи... Несчастный схватился за голову и чуть не застонал. Не поползут — полетят, опережая самых быстрых мышей-почтальонов! А когда достигнут Бережин, нетрудно представить, как поступит Аннушка, узнав подобные новости. Больше всего на свете он не хотел причинять боль любимой, но и себя выставить дураком не собирался.

Повременил пока будить женщину. Шум поднимет — блюстителям морали верный сигнал. Неплохо бы сначала осторожно разведать обстановку за пределами его апартаментов.

Спустил ноги на пол, рывком поднялся. А колени возьми и подкосись. Плюхнулся обратно, с удивлением глядя на свои нижние конечности. Вообще перестал что-либо понимать. Что за беда? Отчего слабость такая? Что с ним случилось?

Не мог же он отравиться дымом до потери памяти? Или мог?

За спиной тяжело вздохнула во сне незнакомка. Маленькая ножка в светлом чулке выглянула из-под подола темного платья, показав хозяину апартаментов лишь изящную узкую ступню до щиколотки. Несколько раз трогательно сжала и разжала пальчики. Его как магнитом потянуло прикоснуться к ним, помассировать, согреть в ладонях...

Отвернулся, избавляясь от наваждения. Необъяснимое желание не поддавалось осмыслению, и злость, что начала стихать, вспыхнула с новой силой.

«Вот еще напасть на мою голову!»

Доковылял до гардеробной и, рывком сдернув с крючка халат, надел. Фитиль в лампе тоненько зашипел, затрещал и потух, выпустив напоследок струйку прогорклого дымка. Как некстати!

Пока пальцы нервно вязали узлы на поясе, пытался впотьмах разглядеть спички на прикроватном столике. И не находил. Раздражение готово было выплеснуться в заковыристое ругательство.

Дверная ручка от нажатия на нее издала глухой щелчок. Створка и раскрыться-то полностью не успела, как по глазам, привыкшим к полумраку, резанул, ослепил яркий свет от масляного светильника в чьей-то неведомой руке, что держала его на уровне лица. Моран и поздний посетитель, не ожидая столкнуться нос к носу, отпрянули друг от друга в нешуточном испуге.

Хозяин покоев от ужалившей его досады — как чувствовал! вот тебе и явились... с-свидетели — ринулся, сжав кулаки, на отступающего вглубь гостиной визитера, пока тот не уперся спиной в резную этажерку.

— Рич?.. — хриплым голосом, полным безграничного изумления и радости, выдал... кузен.

— Чтоб ты провалился, Лео, какого ты шарахаешься по чужим спальням среди ночи? — от души отчитал виконта граф, выдохнув с облегчением.

— Пришел тебя проведать, — растерялся тот, при этом во все глаза жадно рассматривая Рихарда, как если бы давно не видел. — Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

— В... три часа ночи ты пришел справиться о моем здоровье?! — возмущенно прошипел Моран, метнув взгляд на часы на каминной полке.

— Ну да, — ответил тот как само собой разумеющееся. — В это время я её сменяю. Приходится, иначе она доведет себя до полного изнеможения. — При этих словах он посмотрел поверх плеча графа в сторону спальни, давая понять, кого пришел сменять.

— Не понял, — откровенно обалдел его сиятельство, услышав подобное заявление от родственника, — вы еще и очередность установили?! — Вот уж чего не ожидал от братца и... Стоп! Его осенило догадкой: уж не девица ли Бикерстафф сейчас мирно посапывает на его ложе? — Так это в моей постели... Подожди, подожди! — остановил он оправдания Карре, выставив перед собой руки, и отошел от него на два шага, словно боялся заразиться тем же безумием, что несло от слов молодого человека.

Но безумным на тот момент Леонард отнюдь не выглядел, скорее

потерянным каким-то. Таким он видел его один раз — в детстве, когда от маленького виконта сбежал лягушонок и «утонул в пруду».

Уж не колдовским ли чарам подвергся брат? И как давно он чудит? Рихард с подозрением взгляделся в лицо собеседника. Когда это началось? И почему он не заметил происходящих с ним изменений? Но даже если так, то как понимать спящую в соседней комнате виконтессу? Безумие заразно?

— Лео, ответь мне на один вопрос: что она здесь делает? — поинтересовался граф у брата тоном, как если бы говорил с душевно больным, и демонстративно ткнул пальцем себе за спину в сторону спальни.

— А что она там делает? — Вопрос Морана смутил и озадачил виконта.

— Кто позволил ей здесь быть? — отчеканил тот членораздельно.

— Да, собственно, она и не спрашивала... А что случилось?

— Начнем с того, — не сдержавшись, повысил голос его сиятельство, — что я практически голый, и если её увидят в моих покоях, на моей кровати — это будет скандал!

— Какой скандал? Не могу понять, о чем ты?

Рихард нервно потер шею. Складывалось ощущение, что разговор ведется на разных языках, либо кто-то из них двоих каким-то немыслимым образом овладел за короткий срок неизвестным диалектом триберийского, и оттого они перестали понимать друг друга.

— О том, что отец, тётка, братья этого прелестного создания консервативны до неприличия! Послушай, Лео, тебе улыбнулась удача встретить замечательную девушку... И то, что вы тут вытворяете... Все это не укладывается у меня в голове.

— Чей отец, чьи братья? — еще больше растерялся виконт.

Рихард понял, что начинает терять нить разговора, и замолчал, не находя больше слов. Голова слегка кружилась. Надо заканчивать с этим фарсом. Он устал от этого странного спора. От тупости дорогого родственника. От ситуации в целом.

Вздохнул, прикрыв глаза, и обессилено упал в кресло.

— Уходи. Забирай свою спящую красавицу и проваливай из моих покоев.

Радость Лео от пробуждения кузена вмиг сменилась обидой и непониманием. Он так старался совершить для него по-настоящему

благородный поступок. Чуть коня не загнал, летел за той, о ком бредил умирающий, чтобы как можно скорее доставить её в Виннет, а он очнулся и... не рад сюрпризу? Не рад Анне?

— Я тебя не узнаю, кузен. — Моран на эти слова скептически скривился: кто кого не узнает, еще вопрос. Но виконту было не до гримас милорда. — Упавшая балка отшибла тебе память? Или ты, оклемавшись, вдруг понял, что ошибался, назвав эту девушку своей любимой и забрав её сердце? Морочил ей голову? Неужели эти десять дней забвения, в котором ты провалялся, изменили тебя, превратив в последнего мерзавца?

— Какое сердце? Что ты несешь? Я с ней и пары слов не обмолвился за все время. — Рихард скривился, будто у него разом заболели все зубы. — Какой любимой? — Вдруг глаза графа округлились, а брови поползли вверх. — Сколько провалялся?!

Леонард нервно хохотнул. Очевидное недоразумение между ними выглядело со стороны идиотской комедией, которую разыграли два бездарных актера. И тут, заметив в темном дверном проёме спальни отчаянно зевающую в кулачок заспанную бессу, протянул насмешливо:

— А я понять не могу: что за ахиною несусветную ты тут несешь? Про приличия. Про скандал. Да об одной ли и той же особе мы с тобой толкуем, милейший?

— Лео, что ж вы так орете? Весь дом разбудите, — неожиданно раздался тихий с хрипотцой голос за спиной Рихарда, открывшего рот для хлесткого ответа кузену.

— Нет, если ты передумал, я с удовольствием пересмотрю кандидатуру на роль госпожи Карре, — не обращая внимания на укоризненно-красноречивый взгляд девушки «я кому говорю!», продолжал ёрничать виконт, наслаждаясь вытягивающейся физиономией бывшего больного. — Аннушка, зачем он тебе такой нужен — ушибленный на всю голову?

Та моргнула непонимающе и уставилась на высокую спинку кресла, над которой виднелась только чья-то темная растрепанная макушка. До её сознания медленно доходило, что не такая уж она и неизвестная, эта макушка, а очень даже знакомая! До кома в горле, до судорожного вздоха, до жжения от слез в уголках глаз. До готового сорваться вскрика радости.

Разбуженная далеко не тихими голосами неизвестных спорщиков,

что, забыв о деликатности, имели наглость устроить в гостиной пострадавшего настоящую свару, она скатилась с постели и, смаргивая сонную пелену с глаз, поспешила прекратить это вопиющее безобразие. И когда из кресла медленно, очень медленно стал подниматься хозяин темной всклокоченной шевелюры, у неё ослабли ноги. Сомневаясь в своем рассудке, оглянулась назад — постель пуста. Руки безвольно повисли вдоль тела. Она проспала его пробуждение! Не почувствовала, не услышала! И даже когда сползала с ложа, не обратила внимания, что больной отсутствует на своей половине.

Стояла с беспомощным видом, глядя, как самый любимый человек на свете, её боль и тоска последних дней, делает первый шаг в её сторону. Заметила, как его глаза вспыхнули сумасшедшей радостью, и уже не могла оторваться от них. Двигался он странно — скованно. Она успела только подумать, что у него наверняка болят мышцы после долгого лежания, как предмет её нежной любви сделал резкий рывок. Она оказалась в кольце сильных рук, прижатая к телу Рихарда. Его губы прижались к её лбу в какой-то отчаянной тоске. Ладони графа заскользили по девичьей спине вверх-вниз, то судорожно, то мягко.

— Боги, Анна, как я соскучился! Кажется, что прошла целая вечность с момента нашей разлуки. Когда ты приехала? Ты мне снилась. Это был самый долгий, тревожный и мучительный сон.

Он все говорил, говорил, а девушка слушала его низкий, срывающийся от волнения баритон, беззвучно роняя слезы счастья, пропитывая ими мягкую ткань халата.

— Ты так долго спал, — прошептала с горечью, крепко обвив его руками. — Ты бесконечно, преступно, бессовестно долго спал! — А потом её словно прорвало, и слова полились бурным бессвязным потоком: — Зачем ты встал? Ты очень рано встал! Тебе нужно лежать! Голова не кружится? Не болит? Господи, какие у тебя синяки под глазами! Чувствуешь слабость? — Отстранившись, щупала, гладила мужчину по лицу, плечам, шее, не замечая его слегка изумленного и растерянного взгляда. — Ты, наверное, голодный? Конечно, ты голодный! И горячий. Почему ты горячий? У тебя температура? — Привстала на цыпочки и, настойчиво притянув к себе его голову, коснулась лба мягкими устами. — Ваши лекари — коновалы! Не могут лечить, а все туда же, в магистры! Десять дней неизвестности! А этот лысый тебя уже похоронил, представляешь? — Бесса заплакала,

вцепившись руками в лацканы его халата и уткнувшись носом в основание шеи. — Ты дышишь, супчик глотаешь, а он... а они все... все не верили! Авиценны недоделанные. Я буду жаловаться в ваш Минздрав!

В сторонке хрюкнул виконт и развел руками на пораженный взгляд Рихарда.

— Именно так. Сегодня одиннадцатый день пошел после пожара. Тебе поставили неутешительный диагноз. Ты уходил за грань, Рич. Только вот она не верила. Она единственная не сдалась, боролась и... скандалила.

— Не может быть... — тихо прошептал мужчина.

— Аннушка, наш граф сейчас в некотором... неадеквате. Ты сама расскажи ему, что случилось, а я пойду... отца обрадую. Ну и Бейла Ореста заодно, пожалуй. Вот кто больше всех возликует-то!

— Стой! — встрепенулся Моран. — Не спеши разносить столь радостную весть по дому. Дай мне пару часов, чтобы понять, что я уже не сплю.

— Нет, я, конечно, все понимаю... — пропел издевательски Лео, — радость встречи и все такое, но не пристало, как ты сам говорил, девице находиться в комнате одинокого мужчины слишком долго! Ах, как это аморально и непристойно, господин хороший! Вы ставите под сомнение репута...

— Уйди, Лео. Богами заклинаю, уйди!

С лица Карре вдруг враз слетела показная маска насмешника и балагура. В два шага преодолев расстояние до замершей парочки, он с самым серьезным видом заключил обоих в крепкие объятия.

— Я рад, что ты снова с нами, старший.

Анна, оказавшись зажатой меж двух мужчин, почувствовала себя попавшей под пресс. Сдавленно крякнула, потом булькнула и, тихо рассмеявшись, пискнула тоненьким голоском:

— Раздавите, сумасшедшие!

Виконт, улыбнувшись, отстранился, дружески хлопнул по спине Морана и пошел на выход.

— Четыре часа вам даю от щедрот моих душевных. Надеюсь, хватит... наговориться.

Прозвучало двусмысленно, к тому же совершенно возмутительным покровительственным тоном.

Дверь закрылась, Анна смутилась, граф полез целоваться. Не затягивая это дело, потому что давно хотелось. Потому что стоять рядом с этой женщиной и не касаться её уст, не ощущать своими губами бархатистость кожи на лице, не вдыхать только её сводящий с ума запах — было мучением. И так он к этому процессу подошел ответственно, что Векшиной ничего не оставалось, как расслабиться и потеряться в ощущениях. Из головы начисто вылетело и собственное имя, и где она, зачем, какое время года, день или ночь — вообще все! Остались только руки любимого, его дыхание, стук сердца, жар тела. В голове её сделалось пусто и легко. Томлением наполнилась душа — делай он сейчас с ней, что ему вздумается, даже не дернулась бы.

Стоять посреди комнаты было уже невмочь. У обоих подкашивались ноги. Опьяненных сладостными эмоциями, их штормило и пригибало к полу. Не сговариваясь, они слаженно шагнули в сторону спальни. Как превосходный партнер, Рихард не спеша вел свою даму в танго, увлекая в темную комнату, к мягкому ложу. Возбужденный, страстный, горячий. Каким-то чудом Морану удалось — не иначе сноровка — не зацепиться плечом за дверной косяк, не споткнуться о ковер, не снести вставшее на пути кресло, не промазать мимо кровати и бережно уложить на неё свое сокровище. Оно, сокровище, и не сопротивлялось, покоряясь его силе и превосходству над собой. Его неистовому натиску и невыразимой трепетности одновременно.

Давая себе и ей короткую передышку от этих дурманных, ненасытных, неистовых поцелуев, Рихард что-то шептал без особой надежды быть услышанным. Она отвечала, не разбирая его слов, лишь только понимая их смысл. По тембру голоса, по срывающемуся дыханию, по той нежности, которыми была пропитана каждая фраза.

Платье мешало, давило.

Пуговички, как издевались — не хотели расстегиваться.

Пояс на халате не желал развязываться.

Все было против них! Это раздражало и злило.

— Помоги мне! — сорвалась с губ девушки просьба, граничащая с отчаянием.

— Мы безумцы... — прохрипел граф, не глядя хватаясь за узел, который сам же и умудрился основательно затянуть, разве что не морским способом.

Полутораметровая деталь одежды была наконец небрежно отшвырнута в сторону, повиснув на дверной ручке убитой змеей.

— Не мы — мир, — на грани слышимости прошелестела бесса, чувствуя, как непослушные поддрагивающие пальцы мужчины расправляются застежкой на лифе её платья.

Долго. Как же долго! Нестерпимо! Невыносимо!

Анна разочарованно застонала и принялась торопливо, с остервенением стягивать с его плеч длиннополый шлафрок, тем самым мешая ему разоблачать себя.

Обнаружив на её теле под платьем кружевной бюстгальтер, его сиятельство судорожно вздохнул, выпустив воздух сквозь плотно сжатые зубы.

— Я думал пуговицы — это пытка. Я ошибался.

А дальше началось настоящее безумие.

Как еще назвать те чувства безграничной страсти, неистовства, томления, блаженства. Невозможного головокружительного счастья.

Все вот-вот должно было случиться, как вдруг правая лопатка Анны коснулась чего-то обжигающе холодного, вмиг отрезвляя её опьяненное сознание.

— О боже, что же мы делаем? — простонала девушка и, вывернувшись из объятий Рихарда, слепо зашарила руками по измятой постели, что-то разыскивая среди складок простыни и одеяла. — Им нельзя это видеть — это же дети!

Моран оторопел.

Какие дети?!

А в это время его бесценная иномирянка ползала по кровати в поисках чего-то, известного только ей. Растрепанная, взволнованная, в одном приспущенном чулке; в странном, но таком умопомрачительном бюстье и... панталончиках? Нет, он не знал названия того ажурного нечто, что обтягивало её попу. Сдохнуть можно, что за соблазнительное непотребство на ней было надето! Демоновы тряпочки! От одного их вида его повело, а в венах вскипела кровь. Граф даже испугался: как бы пар не повалил у него из всех щелей. От такого зрелища может. Но это не беда — беда была в пижамных штанах! Ему показалось, что он слышал треск ткани, разошедшейся по швам в области паха.

— Ага! — Анна издала торжествующий вопль. — Вот вы где! Спрятались?

Моран сморгнул и заставил себя сосредоточиться на том, что оказалось в ладони девушки.

— Два... — каркнул мужчина севшим голосом и откашлялся, — тауруна? Откуда?

— Он был собран из двух половинок. Брат и сестра. Подростки... Понимаешь? — растерянно пробормотала бесса, засовывая артефакты глубоко под подушку. — Это долго рассказывать... Они не должны видеть то, что здесь... что мы... в общем... — Совершенно стусевавшись, заглянула Рихарду в глаза и, виновато скривившись, тихо спросила: — Я испортила весь настрой, да?

Ах, если бы! Настрой его был — ого-го какой! Лишь с одной разницей: схлынула сумасшедшая страсть, и на её место пришла щемящая нежность к этому невозможному созданию из другого мира. Дарить ласки, дарить свою любовь ей оказалось настолько приятным, что вряд ли когда он это делал с такой увлеченностью и самозабвением. Сдерживать себя было еще сложнее. Её тихий всхлип и ногти, впивающиеся ему в спину. И как бы осторожен он ни был, прозвучавшее в комнате в этот ранний утренний час её жалобное «ой» начисто снесло голову. Теперь она была его миром, воздухом, жизнью, счастьем, единственной.

А уж как грудь распирало от осознания, что он первый у этой женщины... которая еще и утешать его принялась! Кошмар! Его! За то, что не предупредила о своей невинности. За то, что не видела, с её слов, «фейерверк» и «звездочки под закрытыми веками». Что «не рассыпалась на осколки». Но, однако ж, «в космосе побывала». Только за все эти глупости хотелось залюбить её до смерти! И просить, просить прощения... И снова любить.

Стрелка часов неумолимо приближалась к семи. Сквозь опущенные ресницы Рихард следил за подрагивающей железной деталью механизма, готовящейся перепрыгнуть на следующее деление, и люто ненавидел её. Обнимая расслабленное тело Анны, молил богов остановить бег времени. Но, увы...

— Я тебе руку отлежала, — прошептала девушка и забавно потерлась носом о его грудь.

— Отлежала. И коленкой острой впила мне в бедро, — усмехнулся Моран и вопреки претензиям еще крепче прижал её к

себе. — Скажи, тебе понравился Виннет?

— Очень.

— Я тебя, наверное, напугал своей маленькой смертью?

— Очень.

— Ты сильно волновалась за меня?

— Очень.

— Ты любишь меня?

— Очень... Фи-и, как не совестно, милорд. Нечестно играете!

Его сиятельство расплылся в довольной улыбке и тут же охнул, получив ощутимый щипок за бок.

— Анна... — Тембр голоса Рихарда изменился. Стал низким, тягучим. — Я всем сердцем желаю прожить с тобой жизнь. Назвать своей графиней. Что ответишь мне, Анна-Лаэта Ньер?

Девушка тихонько вздохнула. Предложение на скомканных простынях после ночи любви?

Здравый смысл графа все еще в нирване. Но ведь глаза не могут лгать. Объятия не могут быть притворными. Такие — нет.

— Я отвечу «да», но позволено ли тебе будет? Неизвестная бесса, за душой ни гроша. Ни дома, ни... Другими словами — бесприданница сомнительных кровей с иномирной пропиской.

— Я услышал все, что хотел, а остальное... тебя не должно волновать. Сегодня же объявим... Что? Что случилось? Куда ты?

— Надо вставать. Скоро сюда нагрянет целая делегация во главе с твоим братом. Посмотри, во что мы превратили постель! Где мое платье? — Анна за мнимой суетой пыталась скрыть волнение, смятение и свою простодушную радость со слезами.

Они собирались в суматохе. Сталкивались, смеялись, целовались и, с видимым сожалением отрываясь друг от друга, вновь кидались на поиски вещей.

— За креслом. А ты пижаму мою случайно не видела?

— Посмотри под кроватью.

— Интересно, как она туда попала? Теперь не могу найти пояс от халата!

— На дверной ручке. Застегни мне пуговички сзади.

— Как называется эта кружевная прелесть?

— Бюстгальтер... Я не могу найти обереги!

— Язык сломать можно... Под подушкой.

— Ага, а подушки на полу...

— Возможно, закатились?.. Вижу!

— Не кряхти. Достал?

— Держи.

С сожалением сжала в кулаке обереги. Наверное, надо было рассказать Рихарду о том экзамене, что устроили ей близнецы. Рассказать о своей несмелой мечте, но... Терзать ещё и его чувства она не хотела, достаточно, что сама испытывает горькое сожаление о невозможности изменить их с матерью земное прошлое. Если бы на этом свете не стало её графа, она бы не задумываясь в тот же миг заставила, умолила ребят вернуть её обратно. Какой смысл жить в этом мире без него? Но он, к великой радости, очнулся, и выбор сделан. Не все мечты исполняются разом, некоторые можно отложить на потом. Разве нет?

— Ай! — вскрикнула от неожиданности Векшина.

Две половинки таурана на её ладони словно намагниченные притянулись друг к другу и вспыхнули обжигающим золотом, ослепляя.

— Что происходит? Анна! — На лице графа отразились тревога и страх, когда любимая на глазах вдруг стала... растворяться! Сообразив, что происходит что-то нехорошее, необъяснимое, он бросился к девушке с рыком: — Брось артефакт!

— Не могу... — беззвучно вымолвили её губы, — Рич...

Ужас и непонимание происходящего охватили обоих. Моран пытался выбить из её руки колдовскую вещь, но пальцы прошли сквозь тело, будто сквозь фантом.

Анна Векшина медленно и неумолимо исчезала.

Таяли в воздухе милые черты, как если бы дым развеивался, оставляя после себя только воспоминание.

— Нет! Вернись!!!

Нечеловеческий крик отчаяния разнесся по всему дому, до седых волос напугав всех его обитателей.

Последнее, что успела увидеть землянка, прежде чем провалиться в непроницаемую тьму, стать сгустком призрачной материи, — упавшего на колени Рихарда с лицом, искаженным от невыразимой боли, хватающего руками воздух там, где было ее тело.

Пришелица из другого мира покинула Планиду.

На утреннем небе в этот час дерзкой яркой точкой вспыхнула маленькая звездочка.

Вспыхнула и продолжала гореть до тех пор, пока солнечные лучи не затмили её своим величественным светом.

Глава 15

— Док, а как же все эти разговоры, что нельзя менять будущее?
Про пространственно-временной континуум?
— Да я подумал — ну его к чёрту, этот континуум!
(х/ф «Назад в будущее»)

Специфический запах зоомагазина всегда вызывал у меня чувство брезгливости вплоть до тошноты. И вот кто бы меня спросил сейчас, какого черта меня занесло в лавку, торгующую животными, — ответить не смогла бы, хоть пытай. Не рыбки, не черепашки, не шиншилла привлекли моё внимание, а большой серый попугай в клетке, подходящей разве что паре канареек. И то не факт, что им там было бы комфортно из-за малых размеров временного пристанища.

— Интересуетесь птичкой?

Прямо передо мной материализовался продавец, моложавый дядечка неопределенных лет с живым пронизательным взглядом и именем Антон на бейджике. Глянула на него и усмехнулась.

«Сейчас будет впаривать мне «залежалый товар».

С такой участливой физиономией смотрят только на потенциального лоха, не разбирающегося в возрасте джунгарика. Были, были прецеденты со знакомыми.

— Сколько стоит красавец? — кивнула на клетку с жако.

— Бурохвостый? — Мужчина оглянулся на предмет торга. — Пятьдесят. Это девочка.

У меня глаза вывалились из орбит. Сколько?!

А собственно, на кой ляд я интересуюсь? Ведь откуда-то прилетела мысль узнать цену серому говоруну, стоило только увидеть его через стекло витрины. Такого несчастного... пардон, несчастную, одинокую и печальную. Как магнитом потянуло в этот отдел, забыла о цели визита в торговый центр. И крутится в голове навязчивый образ похожей птицы на моём плече. То ли сон навеял, то ли воображение разыгралось в очередной раз.

— Девочка, говорите? — С необъяснимым самой себе сомнением покосилась на продавца. Новость о принадлежности к слабому полу гостыи из Африки почему-то очень обрадовала.

— Видите: у неё голова небольшая, округлая. Ободок вокруг глаз чисто белой окраски. У самцов — голова широкая, утолщённая. Большой клюв. Они крупнее, неуклюжее. Ободок вокруг глаз темновато-серый. Ну и ещё пара-тройка признаков, по которым можно отличить даму от кавалера...

— Да-да, я знаю... — рассеянно отозвалась, слушая дядьку краем уха и попутно соображая, откуда мне это известно. Про клюв, про морщинки вокруг глаз...

А консультант-продавец уже заливался соловьем, расписывая товар с самых лучших сторон, не обращая внимания на мой глубоко-задумчивый вид.

— ...Такие птички у нас долго не задерживаются. А эта барышня, ко всему прочему, уже знает несколько слов и предложений... Ну что, девушка, надумали?

Я сморгнула и недоуменно уставилась на мужчину. И одна только мысль упрямо, назойливо долбилась в мою черепушку: купи!

Зачем? Надо!!!

— А вы можете её придержать до вечера? — спросила больная на всю голову Векшина.

Антон пожал плечами: почему нет?

Чувствуя себя более чем странно, ровно в девятнадцать ноль-ноль я выходила из торгового центра «счастливой» обладательницей большой клетки, в которой сидела немного встревоженная попугаиха по кличке Аша.

«Что я маме скажу?» — сознание периодически начинало метаться в панике от предстоящего объяснения с родительницей.

Разместив покупку на заднем сиденье автомобиля, села за руль и вновь задумалась над своим поведением. Что со мной происходит? Откуда эти нелепые, а порой пугающие своей сумбурностью и необдуманностью действия, желания?

— Бр-риц-ца будеш-шь? — Раздалось вопросительно-нежное в тишине салона.

От неожиданности подпрыгнула в кресле и рассмеялась.

— Хо-хо, Перри оценит!

Смех резко оборвался, а я замерла нелепым изваянием с широко открытыми глазами и ртом. Кто такой Перри? Откуда взяла это имя? Прозвище? Ник?

За последние полгода подсознание все чаще стало мне подкидывать такие вот сюрпризы и загадки. Были и сны. Странные, цветные, занимательные. Но они начались много раньше...

В тот обычный, совершенно непримечательный вечер я первый раз в жизни без особой причины потеряла сознание во время... кормления виртуальных рыбок! Тогда аквариум очень даже реалистично поплыл перед глазами. «Коротнуло» в голове резко, словно вспышка, больно, до ярких звездочек и... все. Очнулась, уткнувшись лбом в клавиатуру. В носу почему-то стоял запах жженого сахара и металла. Слабость во всем теле, пальцы дрожат. Испугалась, конечно, не на шутку. Только открыла рот позвать родительницу, как раздалась трель дверного звонка. Поздний визитер вдобавок к общему нездоровому состоянию добавил приступ раздражения и неприязни. Я помню, как прикрыла веки, умиряя душевный дискомфорт, и вдруг явственно осознала, что этот приход старого друга матери принесет в наш дом большие неприятности. Огромные! Непоправимые! От накатившего ужаса сделалось еще хуже. Ни себе, ни матери так и не смогла потом объяснить, откуда взялась эта твердая уверенность в крахе семьи. Подслушанный тихий разговор на кухне только утвердил меня в этой уверенности. Отринув всякий пиетет к человеку, глубоко и давно мною втайне презираемому, бросилась к родительнице с твердым намерением убедить, уговорить, вымолить — а если придется, то и выплакать, дабы не совершила поступка, к которому её склонял господин Ширяев, — взять большой кредит на открытие кафе. Совместный бизнес, как и совместное проживание были темой вечернего визита.

Дальше помню смутно. Что говорила, какие доводы приводила. Все было за гранью моего восприятия. Будто и не со мной вовсе. Очнулась уже в прихожей. Мама, оглушенная взрывом негодования Сергея, чередующего возмущения с оскорблениями в наш адрес, стояла посреди коридора и с холодным равнодушием смотрела на дорогие ботинки гостя и грязные следы от подошв, оставленные на светлом ламинате.

Она долго потом переживала потерю «друга». Чувствовала ли я свою вину? Нисколько! Единственное, что меня смущало да и по сей день смущает — это молчаливый испытывающий взгляд родного человека, в котором читался вопрос: «Ты что-то знаешь, дочь? Что ты скрываешь?» С огромным трудом мне удавалось оставаться невозмутимой, не сорваться на откровения, в которых Ширяев выглядел

еще более отвратительным перед ней. Встречаться с матерью и скрывать от неё связи с другими женщинами — это ли не подлость? Откуда знаю? Пф-ф, город маленький! Одна только Алина Векшина пребывала в блаженном неведении.

Но время шло, и об этом случае в нашей квартире больше не заговаривали. Вымели все неприятные воспоминания из дома, словно мусор. Но главное, мы стали близки, как никогда до этого. Мать и дочь. Две подруги — не разлей вода. Две сообщницы. Две единомышленницы.

Неприятные воспоминания двухгодичной давности нет-нет да и всплывали в памяти непрошеными гостями. И как бы я ни хотела откреститься от них, должна была признать: произошедший со мной в тот вечер необъяснимый пугающий случай и стал началом ночных грез, которых не спугнули ни успокоительные таблетки, ни каторжный труд на поприще знаний и во славу красного диплома, ни томография мозга. Увы, пришлось поддаться уговорам матушки, дабы та убедилась, что дочь её находится в полном здравии и ясном уме.

Проснувшись, я до мельчайших подробностей помнила все, что приснилось. Эти видения преследовали меня и мучили порой своей сумбурностью и непоследовательностью. Первые, еще не яркие, расплывчатые, я рассказывала маме, на что она скептически хмыкала и отмахивалась, объясняя это причудами уставшего мозга.

Случалось это редко, но оттого каждый был будто сюжетом фэнтезийного романа или повести, в котором я проживала один день своей вымышленной жизни, навеянной Морфеем.

— А ты их записывай, — посоветовала как-то родительница, посмеиваясь, — может, и правду говорят, что все самое гениальное приходит к людям во сне. Глядишь, получится бестселлер. Прославишься.

И я записывала. За два года мой мозг выдал невероятных по своей сути историй на целый киносценарий сказки. С ведьмами, летающими шарами-мышами, злыми колдунами... и да, говорящим наглым попугаем жако. Вот откуда, по всей видимости, всплыло это странное имя Перри.

Но если еще несколько месяцев назад мои «путешествия» в неведомый мир случались раз в неделю, а то и в две, то в последнее

время это происходило с пугающей частотой. За редким исключением ночь пролетала, не показав мне очередную серию «киноленты» о жизни и приключениях девицы в магической стране, волею судьбы заброшенной туда из другого мира. Было такое, что утром бросалась к компьютеру, штудирюя бесчисленные сонники в попытке расшифровать хотя бы что-то из увиденного. Такой глупости начиталась — глаза на лоб лезли. Если следовать толкованиям «специалистов», быть мне нищей, но жить в вечной праздности со смертельно больными родственниками, весело проводя при этом время и тоннами получая подарки. От них же.

Чушь несусветная! Изыскания прекратила, но с каждым новым днем во мне вдруг стало нарастать необъяснимое чувство тревоги. Источник душевого беспокойства был неизвестен. Это пугало и мешало наслаждаться размеренной жизнью. Даже когда строила планы на будущее, меня будто кто-то неведомый безапелляционно одергивал, путая мысли и обрывая на полуслове.

Самое странное со мной начало происходить не далее как месяц назад. Я ловила себя на том, что в каждом встречном высоком молодом мужчине искала схожие черты с неким шикарным аристократом из сна. Он нравился мне безумно. Своей харизмой, темной густой шевелюрой и легкой насмешкой на красивом лице. Понимала, что глупо влюбляться в того, кого не существует, создавать себе идеал, но ничего не могла с собой поделать. Все больше и больше меня затягивало в сети влечение к кареглазой иллюзии. О нем писала с особым трепетом, а после, умирая от стыда, роняла голову на руки, костеря себя — дуру редкостную, сентиментальную — на чем свет стоит. Чай не девчонка сопливая уже, сохнуть по сказочным принцам! А вот поди ж ты, туда же. И смешно, и печально.

В каждой седовласой старушке ожидала распознать ведьму-знахарку, порой приводя пенсионерок в недоумение своим въедливым сканирующим взглядом.

Подсматривала за компаниями парней, выискивая среди них знакомый лукавый прищур некоего симпатичного смешливого джентльмена.

А вечерами, с трудом приводя свои чувства в относительный порядок, склонялась к мысли, кроме шуток, посетить психиатра.

Как с такими «тараканами» в голове я умудрилась защитить

диплом, одному богу известно.

— Аш-ша — деф-фачка, — вновь картаво прошелестела пернатая дама с заднего сиденья, заставив меня улыбнуться.

— Хорошая девочка, — согласилась я с ней.

— Ты мой холёс-сий... Иди, пацалую.

Я, не сдержавшись, взорвалась хохотом, здорово напугав серую говорунью.

— Поехали, дефачка, буду тебя с мамой знакомить. — Все еще посмеиваясь, провернула ключ зажигания. — Авось обойдется, и нас не выгонят на улицу после твоего «иди, пацалую»!

Прошла неделя. Птица осваивалась, привыкала к новым хозяевам и по утрам и вечерам орала страшным голосом. Мама хваталась за сердце, а я за яблоко — единственный способ заткнуть нового жильца надолго.

— Дочь, как прошел день?

— Нормально. — Пожала плечами на вопрос родительницы и устроилась за кухонным столом, наблюдая за её руками, помешивающими разогреваемый ужин. — Все приветливы и милы. Охранник строил глазки, несмотря на то что лысый и женатый. Кассирша хвасталась новыми сережками «с брульянтами». Администратор докопалась до какой-то мелочи. Ничего страшного — рабочий процесс, — сказала и загляделась на неё: тонкий стан в коротком домашнем платье, опрятные красивые волосы цвета золотистого шампанского, ноги... Со спины и не подумаешь, что перед тобой женщина, чей возраст перевалил за сорок.

— Мам... у тебя никогда не было такого чувства, что вот-вот произойдет что-то такое... не знаю даже, как объяснить... глобальное. Подсознательное ожидание какого-то большого события, перемен.

— Опять сон видела? — Проницательная собеседница, стоя у плиты, обернулась через плечо. Во взгляде мелькнула обеспокоенность.

Уныло кивнула в ответ.

— Трагичный и безнадежный.

— Расскажешь?

Просьба удивила — давно меня не просили о таком. Собралась с мыслями и не торопясь начала свое повествование.

— Предмет моих мечтаний умирает, и никто ничего не может

сделать. Я в полном отчаянии и в последней надежде вроде как прошу о помощи... какой-то артефакт. Знаешь, только сейчас вдруг вспомнила, что эта вещичка была со мной во всех снах. Странно...

— Ну и как? Помог?

— Помог. А вот потом... Счастье омрачилось какой-то страшной трагедией. Я хорошо помню лицо мужчины: в глазах боль и невыносимая мука, рот в беззвучном крике и протянутые ко мне руки. Жуть. Проснулась — сердце колотится, на щеках слезы. И чувство... Оно такое острое, что становится не по себе. Будто меня вырвали из собственного сна, как из реальности, насильно, и я должна быть не здесь, а там, с ним. Будто моя жизнь, настоящая жизнь, не в этом мире, а в том.

— Дочь... — Алина Векшина села за стол напротив меня.

О, опять этот взгляд!

— Я знаю все, что ты сейчас скажешь, — перебила её, опережая отповедь, как вредно и опасно для молодого неокрепшего мозга прислушиваться к сомнительным чувствам, навеванным фантазиями взбудораженного событиями дня, и идти у них на поводу. — Все понимаю, но это сильнее меня. Я не могу это прекратить. Не знаю как.

— Я очень надеюсь, что это скоро само пройдет, — вздохнув, сказала женщина, поднимаясь и ставя точку в этом неприятном для неё разговоре. — Ложись сегодня пораньше и будильник поставь. Завтрака не будет.

— Как это? — Вскинулась возмущенно.

— А вот так! Я в отпуске. Буду бессовестно дрыхнуть до обеда, — припечатала матушка.

Будильник не прозвенел, машина не завелась, маршрутка не ехала, а ползла — день начался погано! Я опаздывала, катастрофически опаздывала!

Широкая аллея через парк. Встречные граждане, такие же служаки и трудяги, бодро шагали с вдохновенными лицами, будто неся самих себя бесценных на производственные подвиги. Мягкие мокасины заботливо «обнимали» ступню, позволяя чувствовать комфорт и уверенность в беге. Мимо на скорости пронёсся велосипедист в бандане. Проводила его завистливым взглядом и поднажала на своих двоих.

Обогнав двух оживленно беседующих женщин и толстяка с портфелем, не снижая скорости свернула на боковую дорожку с выходом на улицу, застроенную офисными зданиями. Взгляд зацепился за пожилого мужчину в плаще. Он брел никуда не спеша и заложив руки за спину по направлению к скамейке. Бросилась в глаза его элегантная, из светлого фетра шляпа трилби на седой голове.

«Сейчас оступится и начнет падать...» — пронзила внезапная мысль, застав меня врасплох.

И тут старика действительно как-то странно повело в сторону. Неловко взмахнув рукой, он попытался переступить ногами для лучшей устойчивости, но только еще сильнее пошатнулся и, окончательно потеряв равновесие, стал заваливаться набок.

Замерла на миг в изумлении. Я что, это предугадала?

Подоспела вовремя, чтобы подхватить его под локоть, подставив плечо.

— Тихо, тихо, дедушка, сейчас дойдем, сядем. Голова закружилась? Сейчас, сейчас...

Продвигаясь маленькими шажочками, достигли лавочки. Дед, успев крепко ухватить меня за запястье, осторожно опустил на парковую скамейку и откинулся на реечную спинку.

— Спасибо, внучка, — с теплом в голосе сказал он, не торопясь отпустить мою руку.

— Может, «скорую»? — Присев рядом, заглянула в лицо мужчине.

— Старость! — Он небрежно отмахнулся от предложения.

Минуты две мы просто молча сидели. Я — не зная, о чем говорить-спрашивать, а дедок — приходя в себя. Оставить его одного в таком состоянии не хватило совести.

Неожиданно старик встрепенулся и сухонькой морщинистой рукой как-то спешно и суетливо нырнул в карман своего выдавшего виды бежевого плаща.

— Возьми, внученька, это, кажется, теперь принадлежит тебе, — сказал и вложил в мою ладонь потертый тонкий кожаный шнурок с блестящим желтым металлическим кругляшом размером с юбилейную десятирублевую монету.

Я сморгнула... Неожиданно сделалось дурно, меня замутило, повело, глаза закатились, с головы до ног обдало горячей волной. Тело безвольно повисло на руках старика. То, что произошло дальше, ничем

другим, как озарением, прозрением назвать было нельзя. В сознании отчетливо замелькали картинки из моих снов. Удивительный кусок из жизни Анны Векшиной с момента такой же вот встречи с незнакомцем у этой лавочки и до последней минуты в чужом мире. Настолько яркие, будто только вчера испытала невыносимую боль расставания с дорогим сердцу человеком. Душа наполнилась горечью.

— Ну что ты, что ты... — Теплая сухая ладонь бабушки гладила по плечу. Ласковый голос утешал. — Вот тоже удумала, сознание терять. Испугалась? Вспомнила? Все вспомнила?

— Это было на самом деле? — Я не узнала свой голос — таким хриплым, надломленным он был. — Мы уже общались с вами... здесь, на этом самом месте?

— Общались.

Туман в голове медленно развеивался, но мысли при этом не желали собираться воедино.

— Вы кто?

— Хьюго Вуд. Слуга его сиятельства графа Морана. Ну, вспомнила?

— Воргул? — спросила и жалобно всхлипнула.

— Воргул, воргул, — с радостной улыбкой подтвердил старик.

— Я не понимаю... Господи... — схватилась за голову, — два года! Прошло два года! Я же не... ничего не помнила. Я думала, это просто сны. Меня водили по врачам! Мама до сих пор смотрит подозрительно, наверное, считает меня блаженной. Я запуталась. Перемещение во времени? Туда — обратно? А как же эффект бабочки и все такое?

— Глупости! Никем и ничем не доказанная теория, — отмахнулся дед слишком небрежно, как от чего-то нелепого. — Это все магия, деточка! И в твоём случае артефакт вернул тебя на Землю в твоё прошлое с какой-то определенной целью. Подумай.

— Не знаю... — протянула с сомнением, — звучит невероятно, но я склонна вам верить. Значит, было что-то. Мне даже в голову не приходит, что это может быть.

— Твое самое большое желание.

— Хох, их столько! Хотя... После инфаркта у мамы — её здоровье было главной заветной мечтой. Вы думаете...

— Очень даже вероятно.

— Да, но она до сих пор больна.

— Но жива!

У меня от сказанного по спине мороз побежал. Нет, нет, ни думать, ни верить не хотелось в эту страшную вероятность.

— Это оберег мне надо благодарить? — спросила и посмотрела на предмет в своей руке. — Откуда вы все знаете? Вы — провидец? Предсказатель?

— Воргул, — просто ответил старик. — Здесь, на Земле, подобных мне зовут оракулами.

— Только одно во всем этом непонятно: меня должно быть сейчас две. — Я растерялась, окончательно заплутав во всей этой схеме путешествий во времени. — И потом, куда делся сам оберег?

— Душа твоя прилетела, а тело... Материальная оболочка распалась на атомы, и возможно, из этих частиц тебя и тауруна великий космос собрал что-то новое. Это может быть маленькая планета или звезда, метеор или хвостатая комета, кто знает? С его силой это может быть все что угодно. Не забивай себе голову.

Приличные люди не думают матом. Я всегда себя считала приличным человеком, но вышесказанное оказалось заблуждением.

— Легко сказать, — проворчала тихо. — И что мне теперь делать?

— Для начала повесь таурон на шею. Молодец. Зажми в кулачке, почувствуй связь.

Выполнила наставления и замерла, прислушиваясь к себе.

— Он будто нагревается, — замороженно прошептала, — пульсирует в такт биения сердца. Это нормально?

— Хорошо, все правильно. — Дедок блеснул серыми влажными глазами. — Попробуй наладить с ним связь. Разговаривай с ним. Мысленно, вслух — неважно. Он теперь твой по праву признания. Спасет в трудную минуту и спрячет. Подскажет выход из сложной ситуации и поможет. Теперь он твой преданный слуга и самый верный друг.

Старик замолчал, прикрыв веки и подставив лицо теплым солнечным лучам. Я же погрузилась в думы. Вспомнила, как не хотела в прошлый раз брать волшебную вещицу из рук незнакомца, как приняла его слова за бред выжившего из ума пожилого мужчины...

— Боже мой, я же на работу спешила! Нас же сейчас грабить будут!

Возвращение в реальность было сродни падению с небес на

твердую землю.

Лихорадочно набирая номер полиции, боялась одного — опоздать. Посматривая на часы, заорала в трубку:

— Алло! Пятеро грабителей совершили налет на филиал банка «Восток» на Парковой! Аноним говорит!.. Да проверяйте, сколько хотите!.. Вас не убедил сам факт налета или количество человек, в нем участвовавших? Слушай, кто ты там по званию, а если я скажу, что в здании заложена бомба, ты наряд пошлешь?!

Удовлетворенно щелкнула крышкой мобильного. Очень хотелось верить, что своим действием предотвратила преступление. Даже загордилась собой. Влетит, конечно, за «бомбу», а еще надо будет как-то объяснить свою осведомленность... Ойи-и-и...

Эйфория от «подвига» сменилась унынием.

— На работу ты сегодня не пойдешь, — категорично заявил старик, не успевшая эту самую мысль сформулировать в голове.

— Почему? — Опешила от его проницательности.

— Потому что тебе надо сегодня вернуться на Планиду. Тебя ждут.

— А как же мама? — Меня накрыло паникой.

— Куда ж без мамы? — усмехнулся дядька в шляпе трилби. — Маму обязательно надо взять с собой. Жизнь так хрупка, что любое расставание для вас может оказаться вечным.

— А вы? — Вцепилась невольно в рукав его плаща.

— А я не хочу, — капризным тоном выдал старикан. — Нравится мне на этой планете. В этой стране, в этом городе. Телевидение... Интернет... Я еще в Южной Корее не был, — протянул мечтательно.

— Но как же... Мне столько нужно у вас спросить. Про графа. — Сердце моментально сжалось, стоило только вспомнить безграничную печаль в глазах Рихарда Морана, когда тот говорил об отце. — Про то, что случилась с вами, как вы жили. Ведь они там страдают от неизвестности!

— Свидимся еще, — улыбнулся собеседник. — Я каждый день здесь прогуливаюсь в это время. Попросишь таурон, он вмиг перенесет.

— Так просто?

— Так просто. Беги, девочка, беги. Да пребудут с тобой боги обоих миров.

Глава 16

*Лучше не трогать вещи, оставленные кем-то,
Наверно, людям свойственно верить в эти приметы.
Все, что есть твое, на полке сложил аккуратно,
Я, как и все, буду верить, что вернешься обратно...
(CENTR — Сопли (ft. Тато) «Легенды Про...»)*

Новости о неудавшемся ограблении банка каким-то непостижимым образом за короткое время разлетелись по городу со скоростью звука, заполнили свободные ниши в сетях, накрыли информационной волной сродни цунами. События восхищали, поражали своей дерзостью и тупостью. Опережая заявление официальных органов по телевидению, проникали в дома и офисы, в квартиры пенсионеров и лениво нежащихся в своих кроватях отпускников.

Пока я стояла в прихожей с растерянно-глупой физиономией, пытаюсь понять, каким образом мама узнала о случившемся — прошло не более трех часов! — она в это время дрожащей рукой отмеряла в стакан нужное количество капель валокордина.

— Я тебе звонила! — обиженно, с укором выкрикнула родительница. — Раз двадцать!

— Мамуль, на виброрезонатор поставила, не слышала. Ну прости меня, я же не знала, что...

— Соседка тетя Соня заходила. Брат у неё в полиции служит, — перебила она вялое оправдание, разбавляя лекарство водой. Бледная, зареванная, с мокрым полотенцем на голове.

— ...Да и не было меня там! Я опоздала на работу. Маршрутка сломалась. А потом оцепление не подпустило. Все хорошо!

Как не вовремя! Как некстати. Как теперь сказать главную... нет, наиглавнейшую новость дня, что мы уходим, если она уже в предынфарктном состоянии? Вот, кстати, как преподнести ей, куда мы уходим?

— Я откуда могла знать? Что это? — Вышедшая из кухни родительница указала на предмет возле меня.

— Чемодан. Купила. Новый.

— Зачем? Да ещё такой огромный. Ты куда-то едешь? — изумилась она моему неожиданному приобретению.

— Мы едем, — осторожно ответила, наблюдая за её эмоциями.

— Куда? — Мать вытаращилась на меня в крайнем недоумении, кажется, напрочь позабыв о переживаниях первой половины дня. — Ты же только устроилась!

— Устроилась и уволилась.

Собеседница похлопала ресницами и вдруг успокоилась.

— Может, оно и к лучшему, — философски пожала она плечами. — Найдешь себе более безопасное место.

Я тихонько выдохнула: «Да уж, знала бы она, в какое «безопасное» место собирается её тащить собственный ребенок, пузырьёк сердечных капель не выпускала бы из рук».

Проводив взглядом скрывающуюся в зале родительницу, кинулась к шкафу. Кажется, она вообще не придавала значения моим словам о какой-то там поездке, занявшись своими делами и давая мне возможность спокойно собрать вещи. Свои и её.

В раскрытый чемодан спешно, но аккуратно укладывалось нижнее белье, обувь, косметика, длинные вечерние платья... Все, что может пригодиться на первое время.

Черт, главное не забыть!

— Мам, а где золотые слиточки, что ты приобретала?

— Откуда ты знаешь? — В дверном проеме показалось подозрительное и хмурое лицо.

— Тоже мне, тайна, — хмыкнула. — Видела сертификат.

Отмахнувшись от маминых вскинутых бровей, продолжила утрамбовку баула на колесиках.

— Да где все драгоценности — в шкатулке в сейфе... Дочь, а что происходит? — спросила она растерянно, следя за моими действиями.

— Переоденься в это, — не давая опомниться, сунула матери в руки одежду, в которой она выпендривалась на новогоднем корпоративе, и рванула в спальню к железному ящику.

— Зачем?! — полетело в спину.

Вернувшись, скептически её оглядела: леггинсы, туника, красные тапочки-шлепки на танкетке с большими меховыми помпонами. Ах, какая в них ножка у мамы! Смешно, но подсознательно уже сватала её за... да хотя бы и за графа, не меньше. Дядька-то интересный, и

характер... Да что там, классный мужик! Я была бы не против их союза.

Но тут вспомнила обморочную даму Фиону с её «Возмутительно!», а еще представила реакцию его сиятельства Гектора Карре... на помпоны.

Ой-и...

— Мамуль, просто примерь, я прошу. Вдруг ты поправилась за полгода!

— С чего бы это? — возмущенно вспыхнула родительница, поддавшись на провокацию.

Пока она переодевалась, бурча что-то негодующее себе под нос, поставила перед ней туфли на шпильке, да такой, что «убиться — не встать»!

— Отлично! — Оценила её внешний вид. — Норковый палантин! Где он? Накинь, пожалуйста.

— Ну что, убедилась? — На меня посмотрели с вызовом, поправляя «шкурку» на плечах.

— Ты у меня — супер! Нет-нет-нет, не снимай! — Запротестовала, замахала руками.

— Ну и к чему ты меня заставила во все это вырядиться? Рассказывай, что за блажь на тебя нашла? Зачем тебе золото? Что это за срочные сборы? И куда мы едем вдруг в вечернем платье и с чемоданом, полным косметики, нижнего белья и нарядов в пол? Нас нечаянно пригласили на великосветский уикенд? О, а аптечка-то вся зачем? Три пачки табака? Для чего? Кому?

«Багаж» подвергся тщательному досмотру, пока я носилась по жилплощади, напоминая электровеник, чтобы собрать необходимую в иномирном быту жизненно важную мелочевку.

— Я все объясню! Потерпи чуть-чуть.

— Хорошо. Терплю. — Мама покладисто кивнула и присела на диванчик с воистину царственным снисхождением во взоре к причудам дочери. — Туфли позволишь снять? — спросила нарочито елейно.

— Лучше чулки надень, чтобы образ истинной леди сложился полный.

— О как! А сама-то?

— У меня все подходящие случаю вещи там. Хотя... Ты права, форменные брюки стоит заменить. — Сняла с вешалки трикотажную юбку, единственную в моем гардеробе. Узкая, правда, зараза, но это все

же не штаны. — У них строгий кодекс одежды. Не родилась ещё вторая Амелия Блюмер.

— Где «у них»? — Голос родительницы уже звенел от негодования. Похоже, она сдерживала себя из последних сил.

Наконец, захлопнув крышку чемодана, решила, что пришла пора раскрыть Алине Векшиной великую тайну стихийных сборов. Присев рядом, обняла её за плечи, оплела руками, сцепив пальцы в замок. Для надежности. Вздохнула, настраиваясь на трудный разговор. Внутри все скручивалось от волнения. Поймала взгляд.

— Мамуль, ты только не бойся. Верь мне. Это трудно будет объяснить, еще труднее понять, но все что сейчас произойдет... будет казаться сном или бредом сознания. Ты, главное, сильно не паникуй. Помни, что у тебя сердце, — выделила интонацией последнюю фразу.

— Аннушка, ты меня пугаешь. Что это за разговоры? Сумасшествие какое-то... — проворчала в сторону.

— Вот если ничего не случится, можешь смело сдавать меня в психушку.

— Сдать не сдам, но специалисту покажу, будь уверена, — угрожающе предупредила она, сбросив маску доброжелательности.

— Согласна, сама побегу. — Покорно кивнула. — Смотри. Это оберег. — Достала из-за пазухи артефакт. — Таурон. Он нас с тобой сейчас перенесет в другой мир...

— Куда? — Осторожное подозрение о вменяемости дочери красноречиво читалось в глазах родительницы.

— Сны. Помнишь, я рассказывала сны. Так вот, это не вымысел, не фантазии уставшего мозга или результат моей излишней впечатлительности. Это правда. Другая реальность или... не знаю что, но существует такая планета. И люди все, которых я видела, существуют...

— Всё, — не выдержала мама, вырываясь и вскакивая с места, — знать ничего не желаю и слушать ничего не хочу. Довольно! — Её глаза наполнились слезами. — Взрослый человек, а несешь какую-то ахинею! Я устала, Анна, — разочарованно прошептала она и вся как-то поникла. — Я устала не замечать всех странностей, что происходят с тобой в последнее время! Нюточка, как все это понимать?

Пряча досаду в глазах, опустила голову. Плохо. Все очень плохо. Не такой реакции я ждала от неё. Больше нельзя терять ни минуты,

иначе я сама погрязну в сомнениях и, хуже того, разругаюсь с матерью, лишусь последней капли её доверия. Может, и лучше, что она сейчас на взводе, пусть лучше ругается, кричит, выплескивает негативные эмоции... Ашу бы не забыть взять с собой!

Мама опять что-то капала себе в стакан, когда я протиснулась в кухню с клеткой и чемоданом. Подобрала сброшенные ею туфли, молча запихала их внутрь кожаного баула: не велика беда, если предстанет перед аристократами босая. Не по одежке встречают, как говорится.

— Мам, — оторвав её от счета, сказала устало, — подыграй мне. Притворись всего на несколько минут сумасбродной девчонкой под стать мне. Один раз. Я больше ни о чем подобном тебя не попрошу, честное слово. Никогда.

Пусть сердится или считает меня полоумной, ненормальной, пусть грозит клиниками, но только не отталкивает! Не отстраняется. Разочарование в глазах — это я переживу. Все изменится, стоит только перенестись на эту чертову Планиду, где остался дорогой мне человек. Любовь и судьба.

— Я в такие игры не играю, дочь.

Прозвучало глухо и резко. Она даже не обернулась ко мне!

Очень хорошо понимала её в этот момент. Были у нас минуты, когда мы и шутили, и дурачились, разыгрывали друг друга, предавались беззаботному озорству, получая от этого обоюдное удовольствие. Но то, что происходило сейчас, было для неё за гранью. Непонятно и неприемлемо. Настораживало и ставило в тупик.

— Знаю. — Помолчала немного и, глядя взглядом её плечи в меховой накидке, мысленно уговаривала, заклинала довериться. — Давай не будем ругаться. Просто обними меня. Мне сейчас нужно твое тепло, твоя поддержка. Ты мне сейчас нужна, как никогда!

Сама бы это сделала, да длинная ручка чемодана переброшена через руку, а в кулачке с намотанным на запястье шнурком, словно живой, пульсирует таурон. Он готов. Он ждал этого дня. Он понял, что я от него хочу. В другой конечности зажато кольцо от клетки. Притихшая птица, нахохленный вид. Сюрприз для Перри.

Родительница развернулась ко мне. Оглядела снисходительно с ног до головы. Издала нервный смешок. Я видела, что она колеблется. Ей трудно принять весь этот бред. Гложут сомнения, и все же... что-то

мелькнуло в глубине её глаз. Благодаря этой искорке замешательства мне становится легче изображать из себя капризного ребенка. Пусть.

«Пожалуйста...» — произнесла одними губами. Поставила бровки домиком — сама невинность.

Взглядом молила: ну же, сделай эти два шага по диагонали, от стола до двери! Меня там ждет Рихард! Там Перри и Тельма. Там лекари, которые вылечат твоё сердце, мама! Пожалуйста...

Она сделала эти два шага. Сделала так стремительно, порывисто, словно этим действием давала понять, что не допускала и мысли на другой исход. На долю секунды ощутила крепкие объятия, окунулась в родной запах, как вдруг темнота накрыла нас так внезапно, что я, откровенно говоря, даже не успела подготовиться морально. Мама вздрогнула всем телом и невольно прижала меня к себе еще сильнее. Душноватый воздух кухни сменился на прохладу. Появилось ощущение большого помещения. Гулкого, просторного. Звуки от нашего «прибытия» в пока еще неизвестное мне место прокатились чередой эха: от упавшего плашмя чемодана, от звонкого перебора металлических прутьев покотившейся клетки по каменному полу, от пронзительного и резкого вскрика испуганной птицы. Этот последний аккорд от Аши взметнулся высоко вверх и рассыпался под неразличимым во мраке потолком, уносясь в разные стороны протяжным затухающим отголоском.

— Мам, — позвала шепотом, — ты меня задушишь. Уже все. Переместились. Отпусти меня, надо осмотреться.

Родительница всхлипнула и немного ослабила хватку.

— Что это такое бы... было? Почему темно? И... холодно?

— Сейчас узнаем,пусти меня, — повторила просьбу, аккуратно разводя её руки в стороны, прилагая при этом некоторое усилие. Спихватилась: — Голова не кружится? Не тошнит?

Себя я чувствовала преотлично, но это не значит, что мои «попутчики» тоже в полном здравии.

Мне в ответ промычали что-то невразумительное, но довольно бодрое.

Огляделась. Были большие подозрения, что «ввалились» мы, судя по акустике, в дом Карре. В холл. Среди ночи. Большое окно не пропускало свет от лун. Густая облачность была тому причиной или

какое другое природное явление, я не знала.

— Нет! Не отходи от меня! — запаниковала мать и словно наручниками оплела пальцами мое запястье.

— Я никуда не денусь, я рядом. Успокойся.

Из темного прохода справа послышались шаркающие размеренные шаги, а следом оттуда в пятне света от масляной лампы показался человек.

— Кто здесь? — прозвучало знакомо глухо и недовольно.

— Здравствуйте, Мартин. Это я, Анна Ньер.

Откликнулась и затаила дыхание: а ну как таурон забросил нас из вредности или каких-то собственных соображений в то время, когда меня ещё не знали в Виннете.

— Бесса? Вы как сюда попали? — Дворецкий поднял над головой светильник, всматриваясь в две сцепившиеся женские фигуры, замершие посреди залы. Перевел взгляд на разбросанный багаж. — Разве было не заперто?

А я выдохнула от облегчения.

— Кто сейчас есть в доме, Мартин? — спросила старика, игнорируя его последний вопрос. — Граф Моран здесь?

Пока ждала ответа, деловито распутала на запястье шнурок с оберегом и повесила его себе на шею.

— После того как вы покинули нас, все разъехались, — молвил тот, не спеша двигаясь по периметру помещения и поджигая свечи в канделябрах, стоящих на тумбах. Холл постепенно озарялся мягким светом, выдавливая темень под куполообразный потолочный свод. — Его сиятельство граф Карре у себя. Его милость виконт тоже наверняка изволит отдохнуть. По крайней мере, с вечера никуда не отлучался. А вот граф Моран отбыл еще три дня назад в свое имение. В Бережины. Во всяком случае, мы так его поняли.

— Отбыл... — растерянно произнесла. — Три дня...

— Совершенно так, — невозмутимо согласился мужчина, проверяя задвижку на входной двери.

— Он уехал в тот же день, как очнулся?

— Нет, что вы, два дня после своего выздоровления сидел взаперти.

Бедный Рихард...

Невольно представила измученного мужчину с пустым

безжизненным взглядом. Душу затопили тоска и сожаление.

— Так вы не уверены, что он в своем родовом поместье?

— Нет, госпожа. Он умчался в таком состоянии, что и лишний раз переспрашивать страшно было.

Получается, оберег перенёс нас на пятый день после моего исчезновения из этого мира?

— Госпожа?.. — подала слабый голос мама, молчавшая все это время. Ох, сколько же было в нем изумления!

Напряженно замерев на месте, она с широко распахнутыми глазами наблюдала за слугой в ливрее и с пышными седыми бакенбардами.

— Я все обязательно объясню, — шепнула доверительно, заметив неестественную бледность на родном лице, видимую даже при свете огня от нескольких свечей. Потянула к диванчику. Насильно усадила. — Господи, ты же босиком, — проворчала недовольно, подозревая, как сильно замерзли её ноги от пребывания все это время на холодном полу.

Вырвав руку из захвата, кинулась к чемодану. От моего резкого движения встрепенулась птица, забилась испуганно, хлопая крыльями.

— Вы, полагаю, прибыли в коляске? — Дворецкий прошаркал ближе и осторожно поднял клетку с говоруньей. И вид у мужчины был такой, будто подобное его нисколько не удивляет, и босые леди со своими домашними питомцами вламываются в этот дом каждую ночь. — Тогда стоит разбудить конюха. И госпожу Смарт, пожалуй, тоже. Ваши покои, бесса, насколько я знаю, остались за вами. О поклаже не беспокойтесь.

— Конюха не будите, Мартин. Мы... нас подвезли до поместья, — предупредила старика, пока тот не скрылся за поворотом в коридор для слуг, при этом постоянно поглядывая на мать. Мне категорически не нравилось, как она выглядит.

— Аннушка... — сдавленно просипела родительница, — я ничего не понимаю. Кто это? Где мы? Какая бесса?

— Мамуль, тебе плохо?

Её состояние буквально вопило о приближающемся сердечном приступе.

— Давит в груди. Больно, — ответила она тихо, прерываясь после каждого слова на вздох.

Я запаниковала так, что помутилось в глазах.

Аптечка — дрянь такая! — все норовила выскользнуть из рук.

— Что, что тебе дать? Валидол? Аспирин? Корвалол? Что?!

Названия лекарств расплывались перед взором. Пальцы дрожали, лихорадочно перебирая упаковки.

— Там... — прошептала она невнятно, вяло махнув ладонью, на миг оторвав её от груди и, недоговорив, вдруг завалилась набок.

— Помогите! — сорвалась я на крик, заталкивая ей сквозь плотно сжатые губы капсулу нитроглицерина. — Кто-нибудь! Лекарь! Как тебя там, господи-и... — взывала не своим голосом. — Гантер!!!

Не прошло и минуты — мне она показалась целой вечностью — как со всех сторон слышались быстрые шаги множества ног и возбужденные голоса.

— Кто кричал?

— Что случилось?

— Кому плохо?

— Анна?!

— Помогите... — рыдала, видя перед собой только безжизненное лицо матери.

Дура. Какая же я дура! У меня было в запасе еще несколько часов, чтобы как-то подготовить родного человека к таким «сюрпризам». И вот чего добилась своей поспешностью. Все бессмысленно.

Как наяву перед глазами в мареве сизого тумана всплыл надгробный памятник с выгравированными буквами, покрытыми сусальным золотом. Фамилия, имя, отчество, дата рождения, дата смерти. Тупым ужасом накрыло с головой понимание, что это уже было, что я теряла самого родного мне человека. Случился этот кошмар два года назад. Это, наверное, единственное, что я так и не вспомнила в момент просветления от прикосновения с тауроном.

От страха стало трудно дышать, будто ошейником сдавило горло.

Чьи-то сильные руки встряхнули меня за плечи.

— Что с ней?

Невидящим взглядом уставилась в смутно знакомое лицо перед собой.

— Сер... сердце, — с огромным трудом, преодолевая спазм, выдавила из себя.

— Лео, аккуратно отцепи её от женщины, — прогудел рядом голос графа Карре.

Мои скрюченные в судороге пальцы оторвали от руки

родительницы. Кто-то подхватил под мышки, оттаскивая в сторону.

— Все будет хорошо, Аннушка. Гантер справится, — ласково увещевал мне на ухо Леонард. — Он хороший маг. Самый лучший. Он спасет.

Широкая спина лекаря закрыла от меня маму. Я было дернулась, но попытку пресекли твердо и безапелляционно. Беспомощно оглядела присутствующих и не нашла среди них ту, которую хотела бы видеть сейчас рядом с собой. Лица знакомые и не очень. На каждом печать сочувствия или хмурой грусти. Чужие. А мне нужна была Тельма.

Уехала?

Все правильно. Какой смысл ждать землянку, пребывая в неизвестности, — вернётся, не вернётся?

Что там делал этот эскулап, не знаю, но в какой-то момент распластанное на диванчике тело дернулось раз, второй, третий и обмякло. Окружившие слуги дружно и как-то пораженно выдохнули. Гантер приложил голову к груди Алины Векшиной, попутно прощупывая пульс у неё на запястье.

Секунды бежали. Я тихо скулила. Протяжно, на одной ноте. Виконт шептал мне слова утешения в макушку, согревая кожу горячим дыханием.

— Ну вот и всё, — неожиданно сказал молодой целитель спокойным тоном и наконец выпрямился, а у меня подкосились ноги от этого его «всё». — Случай, конечно, запущенный, но не критичный. Еще пару сеансов, и здоровье полностью восстановится. Госпоже следует хорошо отдохнуть и, как проснется, вкусно покушать.

Как он сказал? Наверное, ослышалась.

— Что с мамой? — глухо спросила не своим голосом.

Парень обернулся и улыбнулся.

— Спит. Просто крепко спит.

А я... просипев «спасибо», лишилась последних сил и повисла тряпичной куклой, беззвучно плача от счастья на крепких и надежных руках его милости.

В течение нескольких минут парочка «виконт — попугай» испытывала меня на прочность. Даже сквозь плотно закрытую дверь в спальню слышен был их «великосветский» диалог в приглушенных тонах.

— Лео самый лучший. Скажи: Лео. Самый. Лучший.
— Аш-ша деф-фачка...
— Лео краси-ивый.
— Щ-щас плюну!
— Даме не пристало так выражаться! Ай, смотри какое яблочко! Вкусное, сладкое! Или ты персики любишь? Ням-ням, ум-м... Скажи...
— Подавис-сь!
— М-да, сдается мне, красавица, вы с Перри будете отличной парой.

Утренний свет заливал помещение. Солнечно, ярко. Глубоко вздохнула и огляделась, снова знакомясь с комнатой, в которой меня когда-то — два года назад! — разместили. Или прошло всего пять дней? Память стерла многие детали интерьера, да, собственно, я их особо и не помнила. Все свободное время проводила возле Рихарда. И ночи. За редким исключением, когда Лео прогонял меня оттуда хоть немного поспать в нормальных условиях, а не скрюченной в кресле у кровати больного.

— Доброе утро, Виннет! — мурлыкнула зелени за окном, траве, деревьям, кустам. Небу — высокому, чистому, синему, без единого облачка, почти прозрачному.

В гардеробной на полу обнаружился чемодан. На вешалке-каркасе моя синяя юбка и голубая блуза, приобретенные еще в Ливике. На полке саквояж-несессер. Белье... Все, что было со мной в день приезда в поместье Карре. Все, кроме платья с рядом пуговиц на спине, которые, спеша и волнуясь, сначала расстегивал, а потом застегивал граф Моран. Помню, как дрожали его пальцы. Как трепетно они касались моей кожи и пробегались по кружеву на бюстгальтере. Сердце заходило в неровном ритме от этих прикосновений и сбивалось дыхание...

Тельма ничего не забрала. От мысли, что ей их просто не отдали, сделалось жарко: этаким романтический поступок Рихарда — сохранить вещи в память обо мне? Или... Нет, я желала именно этих розовых фантазий! Именно таких: он верил, что я снова появлюсь в его мире.

С языка сорвалось шепотом Ашинское:

— Встретимся — зацелую!

Двое за дверью подозрительно притихли: слышали, что я встала? Затаились!

Торопливо приводя себя в порядок, вспомнила о главном: мама! Как она там? Что я за дочь?! Наверняка, проснувшись в неизвестном месте, она если и не истерит, то тихо паникует себе во вред. Да ещё меня рядом нет! Предстоит столько всего объяснить!

Спешно выскочила из комнаты и замерла, встретившись взглядом с обращенными на меня глазами виконта. И столько было в них радости! А ещё затаенной обиды.

Улыбнулась немного смущенно — неужели успела отвыкнуть от этого человека?

— Здравствуй, Леонард.

Увидела, как он вздохнул с облегчением и расслабился.

— Я рад, что ты вернулась. Очень рад. Ты так внезапно исчезла. Не простившись. Дом... заболел. Стал пустым и холодным. И Рич... Он сравнялся цветом с землей, Аннушка. Словно, уходя, ты забрала с собой его тепло, душу, жизнь.

Говоря все это, мужчина медленно приближался. Шаг за шагом. Крадучись, будто боялся меня испугать резким движением.

— Я не хотела уходить так внезапно. Таурон решил по-своему.

— Но ты думала об этом? У тебя было такое желание? — Мужчина с каждым сказанным словом все больше и больше заводился.

— Думала. Но... только в том случае попрошу оберег об услуге, если... Рихарда не станет.

— Пять дней существования за гранью, Анна. Для него это было пять дней... Он и сейчас там, потому что не знает, что ты здесь. Он думает, что ты исчезла навсегда! — в словах виконта сквозил упрек. Неприкрытый, терзающий, жестокий.

Разве я его заслужила? Стало обидно.

— Лео, я прожила в своем мире два года, не помня ничего о жизни на Планиде. Вообще ничего. Только видела странные сны: одни и те же лица, волшебный мир, старая эпоха, колдуны, ведьмы... Я думала, что схожу с ума.

В носу защипало от подступающих слез.

— Два года? — Его милость неверяще уставился на меня во все глаза.

— Я вернулась в свое прошлое. Без таулона, без воспоминаний.

Виконт зажмурился, с силой провел руками по лицу, сдирая с себя маску безжалостного холодного судьи.

— А как же...

— В том же месте, в тот же час встретила Хьюго — слугу графа Морана. Я рассказывала. Он ждал меня с артефактом. Оракул. Всевидящий. Предсказатель. Не пожелал переместиться со мной. Но обещал, что мы еще не раз встретимся.

— Прости меня. Я в своей скверной манере опять накинулся на тебя с упреками.

— Ты не знал, — сказала тихо, коснувшись его предплечья в примирительном жесте.

Леонард осторожно обнял меня, по-братски поцеловал в лоб и, пожевав нижнюю губу, будто в раздумье, как преподнести информацию, выдал:

— Я рано утром послал гонца в Бережины, но... Прилетела мышь от госпожи Брайт. Пишет, что ждет тебя. Рихард ушел в лес. Два дня рыскал по своим охотничьим угодьям и... пропал.

Не передать, как я встревожилась.

— Едем, — решительно направились на выход из покоев. — Ты со мной? — Меня одарили скептическим взглядом «что за вопрос?» — Только маму предупрежу. Надо узнать у лекаря, не вредна ли ей будет тряска по вашим дорогам? Покажешь, где вы её разместили?

— Твоя матушка... — растерялся Лео, следуя за мной по пятам, — она в трапезной была. Завтракала с отцом.

— О... А ты?

— А я кормил птичку. И ждал тебя.

Улыбнулась.

— Слышала я вашу «кормежку»!

— Эти попугаи все такие нелюбезные?

— Не обижай Ашу, — нарочито возмутилась, двигаясь по коридору в сторону лестницы. — Наябедничает Бейлу Оресту — будешь в его вечных врагах.

Виконт хохотнул:

— А то сейчас это чудовище преисполнено ко мне трепетной любовью!

— Как он?

— Сначала бесновался. Потом притих. А когда баронесса уезжала, обозвал нас всех из кареты какими-то морскими монстрами. Дословно: не уследили за пр-ришлой, тр-ролли донные! Ты случайно не знаешь,

кто такие тролли?

В обеденной зале было пусто. Служанка убирала стол после трапезы на двух персон. Увидев нас с Лео, присела в коротком книксене и со словами: «Минутку, господа, сейчас подам свежее» скрылась с подносом за неприметной дверью.

— Отец показывает парк твоей матушке, — заметил виконт, подходя к окну.

Присоединилась, встав рядом.

По подъездной дорожке, удаляясь от дома, шла пара. Женщина в длинном красном платье, совершенно отличном от здешних нарядов, и мужчина в белой рубашке, жилете и светлых брюках смотрелись со спины так гармонично, что невольно залюбовалась этой картиной. Но вот очередной поворот на боковую аллею, и они неспешно свернули, скрывшись за высоким стриженным кустарником.

— У тебя красивая мать. Вы с ней похожи.

— Красивая... — Вздохнула, соглашаясь с ним, и оглянулась на тихо звякнувший сервиз, что служанка расставляла для нас на столе. — Только этот факт принес ей одно разочарование в жизни. На её пути встречались лишь беспринципные потребители и аферисты. А так хочется видеть её счастливой! — Помолчали немного, думая каждый о своем. — Что у вас с Розиной? Согласились её родные с выбором девушки?

— К алтарю богов через четыре месяца. — Криво, но самодовольно улыбнулся его милость.

— Ух, поздравляю! — искренне порадовалась за Лео.

— Простите, — нашу беседу прервал заскочивший в помещение Гантер, — я хотел бы с вами переговорить, бесса Анна. Насчет вашей матушки.

— Я, по правде, тоже собиралась вас искать, — удивилась такому совпадению. — Мы сегодня собираемся отправиться в Бережины...

— Исключено! — Лекарь в возмущении смешно всплеснул руками. — Два дня никаких поездок, никаких прогулок, никаких переживаний! Покой и сон! Нельзя прерывать лечение!

— А... — растерянно оглянулась на окно, из которого мы только что наблюдали нарушительницу постельного режима. Моя рука сама сделала неопределенный жест в сторону застекленного проема. — Вы

сказали ей об этом?

— Что? — Гантер проследил за моим пальчиком и со словами негодования сорвался с места. — О каком здоровье можно говорить, когда пациенты делают что хотят!

Под конвоем двух мужчин родительницу ввели в дом. Лекарь вполголоса недовольно высказывал ей свои претензии, а хозяин поместья раздосадованным взглядом косил на домашнего эскулапа. Увидев меня, мама сделала страшные глаза — «Дочь, нам надо поговорить!», а потом мило улыбнулась его сиятельству.

— Спасибо за прогулку, господин Карре.

— Был рад, — коротко ответил Гектор и поцеловал ей ручку. Краска смущения залила щеки Алины Вячеславовны Векшиной.

Вот уж не думала, что от мужского внимания она заалееет как девчонка.

— Мам, мне надо ненадолго уехать, — выпалила я и испугалась от выраженной паники на лице родного человека. — Здесь совсем близко, в трех часах на двуколке. Мы... найдем графа Морана и вернемся. Ваше сиятельство, вы позволите остаться?..

— Конечно. Располагайте моим домом, насколько вам будет угодно.

— Это неудобно, — смешалась мать, — может быть...

— Не может, — отрезал граф. — Я склонен доверять авторитетному мнению господина Гантера.

Вот так, не дав женщине опомниться, её настойчиво отправили в выделенные ей покои в компании лекаря.

Его сиятельство задумчиво смотрел, как мама поднимается по лестнице, поддерживаемая под локоток молодым магом, и тут же, заметив проходящего мимо дворецкого, вполголоса отдал ему какое-то распоряжение. Расслышала только «...посыльного к портнихе», «ткани», «...завтра с утра».

Ай да милорд! Как у нас говорят, взял быка за рога. Еще больше заужала этого мужчину.

Младший Карре многозначительно хмыкнул и, развернувшись на каблуках, бодро отправился распоряжаться насчет коляски, а я поспешила за «больной» в гостевое крыло. Мамин взгляд, мельком брошенный на меня, сулил ремень, выговор и неделю без сладкого.

— ...Я жить без него не могу. Мы должны его найти. Мам, у меня душа не на месте, когда я думаю, как он страдает. А если с ним что-нибудь случилось?

— Ох, Аннушка, все понимаю — я тоже когда-то влюблялась. Но возможен ли вообще ваш союз? — Зашептала «открывая тайну»: — Они все титулованные особы! А ты?

— А я бесса Анна-Лаэта Ньер, представительница древнего дворянского рода из Готуара. Это сопредельное государство с Триберией, в которой мы сейчас с тобой находимся.

— Господи, откуда?

— И документ есть. Познакомлю тебя со своей здешней тетушкой, баронессой Брайт. Вот только найдем графа Морана...

— Нюточка, — простонала родительница, схватившись за голову, — я осознаю, что мы оказались где-то в другом мире, но принять не могу. И все эти люди... Как долго ты была здесь, что уже и тетушкой успела обзавестись? Как все это случилось? А как же наш дом? И надолго мы здесь? Голова пухнет от вопросов.

— Ты же понимаешь, что беседа будет долгой, а времени нет. Я вернусь, и можешь хоть целый день пытаться меня с пристрастием! А пока... Представь, что ты в элитном санатории. Служанки, личный доктор, рябчики в ананасах. Красота! Сосед опять же — брутальный дядька, который тебя ангажирует.

— Скажешь тоже... Вот его-то персону меня больше всего смущает. Да и чувствую я себя здесь не в своей тарелке! Все эти настоящие аристократы, дворецкие, лакеи... маги. Действительно маги или как наши шарлатаны?

— Настоящие.

— Мне сегодня господин Карре показывал сад, обмолвился, что фруктовые деревья вообще не подвержены болезням и паразитам. Какие-то там чары... не придавала значения словам. Прямо сказка какая-то... Он говорит, а я молчу. Он смотрит на меня, а я чувствую себя дура-дурицей. И что странно, перед нашей богемной интеллигенцией не роптала, перед министрами да олигархами не тряслась, а перед ним онемела, отупела. С мыслями собраться не могла.

— Ма-ам... — протянула насмешливо-снисходительно.

— Езжай уже к своему Рихарду! — сдалась родительница. — Разберусь.

Получив благословение, вышла из покоев родительницы и остановилась в нерешительности, а потом, ведомая каким-то мазохистским чувством, прошмыгнула в покои Морана. Место, где последний раз виделась с графом. Место, где отдала себя этому мужчине. Где познала радость единения душ и тел. Где меня любили, и сама любила... как в последний раз.

Аккуратно заправленная постель.

Задернутые шторы.

Ни пылинки, ни соринки. Идеальный порядок. Горничные, казалось, убрали даже сам дух хозяина спальни.

Он провел здесь два дня в затворничестве. О чем думал? Наверняка прощался навсегда и умирал от неизвестности.

Глава 17

— Как же я без указательного пальца, дядь Вить, жениться-то буду?

— А что ты с женой указательным пальцем делать будешь?

— Ну, я точно не знаю. Я человек ещё молодой.

(х/ф "ДМБ")

Три часа размеренной скачки, болтанки и предвкушения встречи. Ближе к Бережинам меня начало колотить от волнения. «Быстрее, быстрее», — мысленно подгоняла лошадок. Кусала губы и всматривалась вдаль, пытаюсь рассмотреть за деревьями крышу двухэтажного строения. И когда она наконец показалась, впиалась взглядом в чердачные окна. Где-то в третьем справа вдруг да мелькнет солнечный блик в стеклышке маленького телескопа, направленного в сторону дороги. Но нет. Все окошечки наглухо закрыты, да и светило уже перевалило на другую сторону дома, оставляя фасад здания в тени.

Наш экипаж на полной скорости влетел на территорию особняка и не успел затормозить у парадной лестницы, как на крыльцо вывалились по одному все обитатели дома. Удивленная Офра, вытирающая руки о передник. За ней Тибор, поправляя, видимо, в спешке надетый сюртук. Последней вышла Тельма. Как же долго я её не видела! Смешно сказать, но она совсем не изменилась! За два-то года моего отсутствия.

Приятно до слез было очутиться в её теплых объятиях. Услышать ворчливый, срывающийся от переполнявших эмоций, но такой знакомый ласковый голос!

— Еще один! — Вскрик кухарки отвлек от милой встречи.

Прижав ладони к груди, женщина ошалело взирала на птицу в клетке в руках Леонарда.

— Одна! — не без гордости ответил он на вопрошающий взгляд Офры. — Принцесса для пирата.

И словно в подтверждении его слов из полуоткрытых дверей раздался нахальный голос Перри:

— Танцую только с кор-ролевой!

Аша отреагировала мгновенно:

— Ты мой холес-сий... Иди, пацалую.

Бейл Орест хотел вякнуть что-то, но запнулся на первом слоге и подозрительно замолчал.

Для всех блуждания милорда вот уже второй день по лесам с охотничьим ружьем и арбалетом наперевес не являлись чем-то необычным. Это, как выяснилось, вполне в духе графа Морана — заядлого добытчика и просто любителя пострелять. Ну не взял с собой Ходера — который, кстати сказать, не далее как накануне вечером наведывался в деревню — ну и что такого? Не впервой. Бывало, господин по три дня не выходил к людям. Только вот настроение у него тогда было совершенно другим.

А я к концу дня места себе не находила. На мое предложение рвануть с утра в эти дебри, добраться до домика лесника ответили отказом. Ведьма многозначительно указала на хмурое небо. Лео поддакнул: будет дождь. Не стоит переживать, сам выйдет к завтрашнему обеду.

Но ни к завтрашнему, ни к послезавтрашнему Рихард не появился. Небеса обрушили на землю ливень, не прекращавшийся ни на минуту.

С кружкой горячего танака в руках устроилась в кресле у камина в столовой и бездумно смотрела, как огонь пожирает поленья. Тепло от очага мягко и горячо окутывало небольшое помещение, даря уют и насылая дремотное состояние. Карре, сидя за столом и подперев голову рукой, откровенно клевал носом над чашкой салепа. Ведьма напротив него, подслеповато щурясь от плохого света, читала какую-то книгу. На посудном комодке стояли две клетки с говорунами. Аша, игнорируя соседа, пыталась разгрызть какой-то крупный орех, похожий на грецкий, а Перри, просунув лапку сквозь прутья, старался-пыжился подцепить коготочками кольцо на дверце металлического «домика» пернатой гостыи. Получалось плохо. Но он повторял это действие раз за разом, не оставляя попыток освободить «принцессу» из «темницы». В другой день я бы посмеялась над трогательной настойчивостью жако, но не сегодня.

Тревога, засевшая в душе занозой, не давала расслабиться. Таурон хранил невозмутимое спокойствие, сколько ни спрашивала, что он чувствует, и посылал сны о ромашковом поле. Не было в этих видениях ни графа на Ахалаше, ни маленького мальчика, ни меня, бегущей за

ним, а только бескрайнее бело-желтое море под тяжелыми грозовыми облаками, висящими над землей низко, хмуро, пугающе.

— Здесь есть где-нибудь в округе большой луг? — На мой вопрос Лео с Тельмой заинтересованно подняли головы.

— Есть, — ответил виконт. — В часе ходьбы на восток от поместья. Зачем он тебе?

— Не знаю... Чувствую, туда мне надо. Оберег что-то пытается сказать... показывает одно и то же место: большое нескошенное поле в ромашках.

— Как давно? — спросила знахарка, нахмурившись.

— Каждую ночь со дня приезда.

— Если завтра распогодится, поедем на лошадях, — кивнул Леонард. — В ту сторону дороги нет, только узкая тропа, коляска не пройдет.

— Поедем, даже если не распогодится, — сказала, как отрезала, и... словно отпустило меня.

— Голуба, ты же не умеешь верхом!

— Да как-нибудь, потихоньку, — махнула рукой и улыбнулась тайной надежде.

Только забрезжил рассвет, а две лошади с всадниками уже двигались неспешным шагом по старой дороге, что вела на обширные пастбища и сенокосные луга, принадлежавшие феодалу Рихарду Морану. Тележная колея бежала, сворачивая то влево, то вправо, огибая холмы-курганы, покрытые низким кустарником, похожим на багульник. В воздухе стоял тяжелый запах мокрой земли и травы. Из-за отсутствия ветра было душно и влажно. Путь занял чуть больше часа. Виной тому была моя боязнь быстрой скачки и отсутствие опыта верховой езды. Да какой там опыт, когда я на лошади сидела третий раз за всю свою бытность в обоих мирах! Катание по лесу на Сольвик с Браской вообще в расчет не принимала — это было в другой жизни. Я даже не помню своих ощущений от того путешествия к озеру по триберийским дебрям.

Дорога, сделав очередной поворот, миновала невысокие каменистые пригорки и нырнула в лес. Чем дальше мы забирались вглубь, тем деревья становились старше и выше. Пышная растительность давила с обеих сторон, визуально сужая тропу для

гужевого транспорта. Минут через десять впереди показался просвет. Вырвавшись наконец из плена этих джунглей, мы с Лео оказались на краю огромного луга.

Стояли перед широкой, ровной, как стол, целиной в окружении деревьев, а впереди... Конца и края не было видно этой ромашковой плантации, побитой ливнем! Убегающий вдаль простор, а за ним стоял темной линией, как отдаленным забором, другой лес — хвойный. Острыми верхушками-пиками смыкаясь с небом на горизонте.

Я такой сюрреалистической картины никогда в жизни не видела. Не передать словами открывшийся вид. Над головой зависло тяжелое покрывало, сбитое из разномастных облаков — серых, синих, черных. Впечатление, будто ветры согнали в одну точку всю небесную тяжелую армаду. Как если бы это место чем-то провинилось перед небесной канцелярией, и с минуты на минуту грянет суровое наказание.

Жуткое зрелище и восхитительное одновременно. И не ясно, отчего сердце сжимается, от восторга или от страха.

— Куда дальше? — спросил, оглядываясь вокруг, Леонард.

— Понятия не имею, — растерянно отозвалась. — Помоги спуститься с Сивки-Бурки.

Не сказать, что я измучилась, сидя в седле, но ноги соединить хотелось до зуда во всем теле уже минут через десять, как выехали из поместья.

— Что или кого ждать? И с какой стороны?

— Ждать твоего кузена, а вот откуда, не имею представления, — пробурчала, разминаясь. — Но зато у меня вот что есть, — сказав, вытащила из седельной сумки замотанный в ткань телескоп. Он же — подзорная труба с чердака. — Забирайся обратно на коня, будешь Наполеоном Бонапартом*. «Прочесывай» окрестности.

— Прекрасная бесса, вы не перестаете меня удивлять!

— Да, я такая. Надеюсь, ты знаешь, как наводить фокус.

Карре только фыркнул на мой скепсис.

Сверкнула молния, а следом громыхнуло. Но где-то далеко, потому и не так тревожно. Стоять на месте не хватало никаких нервов. Закутавшись плотнее в плащ, ежилась и зевала.

Рассеянно посматривая на небо, все пыталась определить: похоже оно своим цветом и хмуростью на то, из сна?

— Горизонт чист, — отрапортовал виконт, продолжая всматриваться в окрестности через окуляр оптики. — Ни одной живой души.

А что я хотела увидеть?

Наверное, Рихарда, стоящего посреди поля и призывно машущего нам руками.

Сжала в руке оберег.

Зачем ты показал мне именно это место? Что здесь должно произойти? Ждать кого-то или начинать искать самим? Возможно, мы рано приехали, а возможно — поздно.

— Я думаю объехать луг по краю с двух сторон, — задумчиво предложил мужчина.

Меня кольнуло сомнение: объехать не проблема, но вот если человек лежит где-то среди травы — не увидишь его ни простым глазом, ни в подзорную трубу. Здесь бы радиоуправляемый беспилотник-квадрокоптер пригодился. А за неимением оного...

— Ты как, дружок? Живой? — Из другой седельной сумки выудила на белый свет спеленатого Бейла Ореста. Карре подавился воздухом и отчаянно закашлялся. — Угу, я полна сюрпризов. Сами мы до китайской пасхи будем прочёсывать эту плантацию.

Улыбнулась и ойкнула, когда освобожденный жако больно цапнул за палец в отместку за подобное обращение с собой и за коварство: обещала только погладить, а сама?.. Обманщица!

— Я начинаю жутко завидовать брату, — задумчиво сказал его милость, глядя на меня с жадным интересом.

— Давай для начала найдем его. Лети, Перри! Ищи Рихарда. Ищи Морана! — Подбросила попугая, но тот, лишь пару раз взмахнув крыльями, опустился мне на плечо, крепко вцепившись когтями в ткань плаща, отказываясь выполнять просьбу.

— Что ты хочешь от глупой птицы? У неё мозг чуть больше фасолины! Только и может, что ругаться как грузчик, — вмешался мой спутник, цепляя говоруна обидными словами.

Пернатый питомец покосился на Лео и, «расправив плечи», вдруг выдал, подражая неизвестному женскому голосу:

— Шо сказал? Жубы лишние?

— Все? Выяснили, кто круче? — перебила я словесных дуэлянтов, злясь на них и на ситуацию. — А теперь, пожалуйста, лети! Ищи

своего... — Отошла на пару метров от виконта, чтобы он не слышал от меня слов скверных, и тихо добавила: — Бздуна.

Птиц встрепнулся, словно разминаясь, и стартанул, жестким крылом ударив меня по щеке. Не-ет, все-таки он большая умница!

Пришлось снова забираться на коня — с готовностью сразу же сорваться с места, если «разведчик» что-то заметит и — я была уверена — подаст знак.

— Где он, я не вижу?

Серый питомец быстро растворился в хмуром пространстве над лугом.

— Летает туда-сюда, — откликнулся Леонард, зорко следя за ним в трубу. — Сейчас завис на одном месте... Нет, дальше полетел... Теперь кругами, увеличивая радиус... Почти у самого леса мечется... Стайку птиц вспугнул... Возвращается.

Спина невольно напряглась в ожидании, руки сжали повод и... разжали разочарованно, когда Перри спокойно и молча опустил на холку моей лошади. Но был в этом и хороший знак: в ромашках графа нет!

Общим решением было остаться на месте. Если пойдет дождь — густая крона деревьев укроет, стоит только отступить на несколько метров назад.

Время шло. Поднялся ветер, погнал тяжелые тучи. Гроза быстро удалялась от нас в сторону далеких высоких гор в сизой дымке. Заколыхались островки травы, устоявшие, не придавленные ливнем к земле; зашумела листва, сбрасывая остатки влаги. Где-то в стороне сквозь небесную завесу прорезался столб солнечного света. Будто кто пальцем наугад ткнул в черное покрывало над головой, прорвав дыру.

Я только мельком глянула на восхитительное зрелище и вновь сосредоточилась на главном. До рези в глазах всматривалась вдаль, вскидываясь от малейшего движения теней меж зарослей кустов и деревьев. Взгляд то и дело метался налево, направо, далеко вперед.

— Может быть, не сегодня? — робко спросил Карре спустя время.

— Может быть, — ответила устало, передавая ему флягу с водой.

Тучи ушли, подгоняемые теплым ветром, небо прояснилось, и обрадованное солнце от души заливало землю своими расплавленными лучами.

Было что-то неправильное во всем этом. Во сне я видела совсем другую картинку.

Опоздали?

Но внутренний голос говорил, что нет. Тогда... Что-то случилось с Мораном? Что-то помешало ему выйти к нам? Или моё воображение сыграло со мной злую шутку, приняв обыкновенный сон за некую подсказку о том, где произойдет наша встреча?

Должна была признать, что да, сыграло, но упрямо отправляла нашего пернатого дружочка в дозор. Перри облетал луг по периметру и возвращался ни с чем. Получал награду в виде орешков и снова улета, безропотно смирившись с прихотью хозяйки.

— Домой? — Виконт посмотрел на меня с сочувствием.

— Домой, — ответила глухо, скрывая слезы.

Сморгнула каплю с ресницы и, разворачивая лошадь в обратный путь, бросила последний взгляд вдаль, на темную стену густого леса, как вдруг... Померещилось? Какое-то движение, черная размытая точка появилась там, где секунду назад еще ничего не было, кроме частокола стволов.

— Лео, что это?

Ёкнуло сердце.

Мужчина, успевший замотать трубу в холстину, принялся суматошно разворачивать её обратно.

— Это конь, — пробормотал с сомнением и, подкрутив колёсико настройки фокуса, привстал в стременах. — Это... Ахалаш?.. Хромает и без седока. — Изумление в его голосе сменилось тревогой.

А потом он, неожиданно резко пришпорив коня, рванул с места и понесся навстречу скакуну брата. Жако сорвался следом. Моя же кобыла... пошла пешком. Я от такого поворота даже растерялась.

— Меня забыли! — пискнула в отчаянии.

Неумело понукала животное, чтобы хоть немного ускорить его. Но только больше злилась и наверняка причиняла ей боль своими корявыми действиями.

«Господи, господи, почему без седока?» — подгоняли меня последние слова виконта — «Где он потерял хозяина?»

Ладонью звонко хлопнула по крупу лошади. Та подо мной всхрапнула недовольно и сменила шаг на рысь. Мне осталось только вцепиться в луку седла и постараться не свалиться в мокрую траву на

полном ходу.

Я видела, как Лео подскочил к Ахалашу, как спрыгнул со своего Декара и... какая-то возня началась у самой земли.

Когда подъехала, от увиденного на миг потеряла дар речи. А потом меня затрясло так, что руки заходили ходуном.

— Что с ним? Лео, не молчи, он живой? — вскрикнула, поддавшись панике.

— Живой. Помоги. Я его приподниму, а ты ногу вытаскивай.

Оказывается, вышедший на луг с разодранной до крови задней ногой конь Морана волок по земле опрокинувшегося бесчувственного хозяина, чья конечность застряла в стремени.

На первый взгляд никаких повреждений у Рихарда я не увидела. Грязная мокрая одежда. Бледное лицо, несколько мелких царапин на щеках и подбородке, и лоб рассечен несильно у самой кромки роста волос. Весь в траве и хвое, что успел собрать на себя, пока скакун тащил его по лесу.

Общими усилиями освободили графа из плена стремени. Виконт мельком глянул на рану Ахалаша и сказал:

— Кто-то укусил его. Хорошая хватка, на волчью похожа.

— У вас же здесь нет хищников! — С подозрением оглянулась на Карре, смачивая носовой платок водой из фляги.

Даже Перри, казалось, проникся ситуацией и тихо сидел на Декаре, поглядывая сверху на происходящее.

— Нет. И если учесть, что случилось это совсем недавно, то... Демон, даже не знаю... на секача могли напороться. Сейчас кабанчики подрастают, — рассуждал он, пока я протирала лицо бессознательного Морана, с жадной нежностью разглядывая его.

Таким ли я его видела в своих снах, те ли черты я трепетно хранила в фантомной памяти, доставшейся от той Анны, что ушла из этого мира незадолго до моего возвращения сюда же? Вот ведь парадокс: чувствовала смертельную тягу к этому человеку и одновременно предусмотрительную осторожность и стеснение, как к незнакомцу, который откроет глаза и спросит вдруг: «Ты кто? Не это лицо я целовал, не в этих глазах звезды считал». Тогда я была красавица, а сейчас... О, я прекрасно знаю, как выгляжу без грима.

— Почему он не приходит в себя? — спросила чуть не плача, когда попытка растормошить мужчину ни к чему не привела.

— Мог головой удариться...

— Опять?! — взвыла с досады и провела рукой по волосам пострадавшего. — Рихард, миленький, очнись, а? Ну что ж так не везет тебе на голову? Недавно только отошел, и снова здорово. А в следующий раз что, совсем её себе оторвешь? Ой! — испугалась сказанного. — Не надо следующего! Это я не подумав. Ты мне с головой нужен. Лео, чего стоишь? — На нервной почве меня понесло. — Перевяжи коня, мучается животное! Где тряпка, в которой был телескоп? Вот ею и замотай рану. Как мы его повезем? В Бережинах лекаря нет! Как быть? Через седло перекидывать? Ты слышал? — Резко прекратила причитания. — Он застонал, ты слышал?

Виконт так низко склонился над братом, что ухом буквально прильнул к губам кузена. Прислушался.

— Рич, эй, дружище!

— Убери от меня свою рожу, — хрипло выдохнул граф.

Меня затопила такая радость, что, всхлипнув, отползла от лежащего, чтобы спокойно и беззвучно разреветься в сторонке.7bcsf23

— Придурок! — Скрывая за суровостью колоссальное облегчение, виконт отпрянул от родственника. — Где тебя носило? Что случилось?

Рихард тихо застонал.

— У Вороньего Лога стадо кабанов встретили. — Сделав попытку привстать на локтях, Моран скривился в болезненной гримасе. — Кажется, ногу сломал.

— Я так и думал, — кивнул Леонард. — Всего лишь лодыжку — это не смертельно.

— Лютый вепрь оказался... — проговорил, прикрыв глаза и еле шевеля губами. — Ахалаш понес. Помню только поваленное дерево на пути, и все. — Хмыкнул раздосадованно: — Даже оружие не успел взять. Как он там?

— На задней правой рана глубокая. Хромает сильно. Видно, мышцу повредил серьезно, кожа лоскутом висит.

— Вот ведь... — тихо выругался его сиятельство. — Где мы сейчас? Ты как меня нашел?

— Луг недалеко от Бережин. — И, видя, что тот его не понимает, пояснил: — За холмами, на восток. И нашел тебя не я... — выдержав томительную паузу, посмотрел в мою сторону, — а она.

Моран медленно оглянулся через плечо и замер. Кажется, даже

дышать перестал.

— Здравствуй, — сказала, глядя в любимые глаза.

— Анна, — прошептал он одними губами.

Дернулся, извернулся и, забыв о пострадавшей ноге, рванулся встать. Тут же, взыв от боли, повалился набок.

— Что ты, что ты! — Подскочила и, придержав за плечи, уложила обратно. — Не надо вставать. Сейчас что-нибудь придумаем.

— Поищу в лесу палки подходящие — зафиксируем твою «оглоблю», — прокричал Лео, поднимаясь с колен, и деликатно оставил нас одних.

— Аннушка... Анна... Моя бесса... Душа моя, Аннушка... — все повторял его сиятельство, словно не верил своим глазам и, взяв в плен мои руки, целовал, целовал, целовал.

— Я вернулась, а тебя нет, — упрекнула, скрывая волнение.

— Ты исчезла, и меня не стало, — сказал глухо, спрятав свое лицо в моих ладонях.

— Я два года к тебе возвращалась.

Посмотрел пытливо, чуть нахмуренно.

— Для меня эти дни были ночами. Непрекращающимися холодными ночами.

— Я волновалась...

— Я люблю тебя, моя графиня.

Прерывисто вздохнула. По плечам приятный озноб прошелся, и низ живота свело.

— Бесса.

— Это недолго исправить. Завтра же...

— С больной ногой?

— Ты скажи только «да» — ползком поползу!

Щемящее чувство заполнило моё сердце.

— Я люблю тебя, Рихард Моран.

**Анна имела в виду сходство со знаменитым персонажем на картине Ораса Верне «Битва при Ваграме 6 июля 1809 г.»*

Эпилог

— Здравствуйте, уважаемый Хьюго! — весело поздоровалась я со стариком в шляпе трилби.

— А-а, здравствуй, девонька! — обрадовался мне мужчина.

— Второй день хожу, вас застать не могу. Уже беспокоиться начала, не случилось ли чего. Вы бы хоть мне адрес оставили. Как здоровье ваше?

— Воргулы долго живут, — пространно ответил и улыбнулся хитро. — «Проездом» в наших краях?

— Вроде того.

— Опять будешь уговаривать вернуться?

— Буду. Или у вас в планах посещение Сейшельских островов?

— Одному скучно, — шутливо отмахнулся собеседник. — Вот если бы в компании с молодой красивой женщиной...

— Увы, я бы с удовольствием, но в другой раз.

Дедок нарочито несчастно вздохнул.

— Жаль, госпожа Моран... Что? — Поймав мой удивленный взгляд, опустил глаза на мои руки и поспешил исправиться: — Я поторопился. Надо же, второй раз ошибаюсь, — проворчал досадливо в сторону. — Видать, и впрямь годы берут свое.

— Пока еще невеста, — скромно кивнула, покрутив на пальце кольцо. — Забыла на минутку, что вы все знаете наперед.

— Всё да не всё. Вот, например, что сегодня придёшь — не знал. Ждал неделю назад. Что задержало?

— Жених не пускал, — отмахнулась, поддерживая шутливый тон собеседника.

— Как банально, — фыркнул старик, а я рассмеялась. С каждым сказанным словом мне все легче и свободней давалась беседа с Хьюго, словно знала его давно и надёжно. — А когда же браслет суженый оденет?

— Да он-то хоть завтра!

— Но?..

— Но у нас возникла небольшая... размолвка.

— Какая прелесть! — восхитился собеседник, продолжая

потешаться.

Достал из кармана плаща кусок булочки, завернутый в платок, и принялся кормить голубей, тактично позволяя мне окунуться в воспоминания.

Сейчас на ситуацию недельной давности я тоже смотрела с юмором. Давно простила, поняла, приняла, но... продолжала дуться по инерции. Потому что не всегда женщина должна быть рассудительна и сдержанна. Где-то можно и характер показать и высказать свое категорическое «фи». И не надо для этого искать пустые причины, когда они сами приезжают в поместье на правах старых закадычных друзей и... подруг.

Две амазонки и три щёголя прибыли в Бережины аккурат после завтрака. Громкие, возбужденные, при этом до ужаса надменные. Все из себя в предвкушении развлечений — хорошей охоты и веселого застолья. Пока Рихард дохромал до первого этажа, компания по-свойски ввалилась в дом и успела отсыпать горсть распоряжений растерявшемуся Тибору. Мы с мамой вышли из столовой, с недоумением и некоторой робостью наблюдая за гостями. То ли физиономиями своими не вышли, то ли нарядами, но нас на полном серьезе приняли за служанок. Нам на руки полетели перчатки, шляпы, плащи, хлысты.

— Что стоим, красавицы, глазами хлопаем? Где хозяин?

Родительница уже открыла было рот, чтобы ответить хаму, как её перебил бесконечно счастливый голос одной из визитерш:

— Рихард, дорогой, мы ужасно соскучились!

«Дорогой Рихард» озадаченным изваянием замер посреди лестницы. Хмуро оглядел композицию из аристократов, стоящих в ожидании его ответной речи. Нас с мамой, увешанных вещами прибывших. Снова аристократов и скупно выдал:

— Какого демона, господа? Я вас не ждал.

— Рич, дружище, ты что, забыл, какой сегодня день? — жизнерадостно спросил тот, что обозвал нас красавицами.

У Морана дернулся глаз. От внезапной догадки образовались складки меж бровей.

— Охота на оленя, — выдохнул сипло.

Собственно, не мудрено было за всеми случившимися за последний месяц событиями забыть о таком важном и, судя по всему, ежегодном

мероприятии. А их, этих событий, было превеликое множество и разнообразие: знакомство с девицей, спасшей брата, погони, несознательные маги, балка, кома, исчезновение Анны, падение с лошади, сломанная нога, радость встречи, помолвка...

И пока граф собирался с мыслями, откуда-то из-за спины выскочила Офра и, лепеча извинения, сгребла с наших рук гардероб титулованных особ.

Услышав от неё слова «госпожа», «бесса» и «простите за нерасторопность», леди в дорожных костюмах и шляпках с короткими перьями театрально захлопали на нас глазками.

Молодые вельможи вытянули лица в немом изумлении. Кто-то из них сконфуженно кашлянул.

Послышался шум крыльев, и наглый бесенок Перри огласил пространство «приветственной речью»:

— Чьих будете, лахудр-ры?

Немая сцена длилась, как мне показалось, бесконечно долгую минуту. Оживший наконец его сиятельство поспешил представить друзьям, свою невесту и её ближайшую родственницу, окончательно ошелобив тех сногшибательной новостью. Торжественно объявил всем о травме ноги в результате неудачного падения с лошади и с хорошо сыгранным огорчением отменил тусовку.

Ой, как расстроились дамы! Какие славные кислые морды были у кавалеров! Какими полными благодарности глазами я смотрела на любимого! И как было неприятно и тревожно наблюдать на следующее утро сцену прощания одной из гостей с Рихардом: ласковый взгляд Морана, её пальцы, впившиеся в его предплечье... фраза, сказанная тихим низким голосом, печальные глаза леди и горькая улыбка.

Так вот оно какое, прошлое моего мужчины! Красивое.

Мне бы смолчать, сделать вид, что слепенькая и тупенькая, но... обида полоснула по сердцу болью. От слез и необдуманного шага — навсегда свалить к чертям из этого дома, мира — остановили крепкие объятия и нежный поцелуй. Он не оправдывался и ничего не объяснял, но смотрел так, что внутри все перевернулось, и зародилась такая вера в этого человека, что все сомнения, волнения и блажь растворились бесследно. В груди поселилось крепкое чувство, нет, железобетонное: я — единственная!

— Жарко сегодня будет. — Расслабленно откинулась на спинку парковой скамейки, подставляя солнечным лучам лицо, и протянула тоскливо: — А у нас там опять дожди зарядили.

Воргул хмыкнул неопределенно.

— Утоли любопытство старика, расскажи, что нового в графстве? Чем королевство живет?

Задумалась над вопросами. Столько событий, что и за полдня не перескажешь!

— Начну, пожалуй, с главной новости: в Готуаре убили Цестия. Сейчас там вообще полная неразбериха. Через границу с Лагосом, никем неконтролируемую, хлынул поток магов из тех, кто поддерживал культ. Их встречают, отлавливают, запечатывают. В общем, кошмар что творится. Новость номер два, думаю, она не меньше порадует вас: лорда Элиаса Нотбека казнили.

— Ведьмы? — глухо спросил Хьюго Вуд.

— Они. Оспорили королевский указ о его выдаче как государственного преступника и сами вершили суд. Селеста, говорят, взяла на себя эту миссию. Ещё говорят, что постарела сразу лет на десять.

— Да, — тихо сказал старик, — ведьмы платят днями, месяцами жизни за причинение вреда человеку. А уж смертельное наказание и того паче вытягивает из них годы.

— Я как-то все стеснялась спросить у Тельмы — знахарки, что взяла надо мной опеку в прошлое мое появление в том мире — почему она выглядит совсем старухой при дочери, которая чуть старше меня?

— Не лезь в шкаф ведьмы за скелетами. Не все их истории можно понять и одобрить.

Хороший совет. Если не хочешь, чтобы в душе поселилась искра сомнения, разочарования к человеку, которого искренне уважаешь и любишь.

— Внука лорда, Груна Страбора, поставили на особый контроль в ведомстве магии и целительства. Ой, — опомнилась, — вы, полагаю, не знаете...

— Знаю, — отмахнулся собеседник, — но ты рассказывай, рассказывай. Я ж только короткими фрагментами вижу, саму суть. Подробности мне неизвестны. Это как слайд-шоу из кинофильма, чтобы тебе понятнее было, — добавил продвинутый дедок. — Люди, место,

действия. Череда событий в коротком отрезке времени.

— Ага, — понятиливо кивнула и воодушевилась. — Так вот, взялся за него какой-то важный архимаг-суперлекарь. Голову парню лечит от навязчивой идеи обладания каким-то жутко ценным артефактом. Говорит, подобное бредовое внушение отсроченного действия, да еще и столь длительного срока — случай наиредчайший в его практике. Обещал не превратить адепта в овощ. Все-таки молодой человек — колдун перспективный.

— И все же будь осторожна с тауроном. Ты понимаешь, о чем я. Чем меньше людей знает... — не договорил многозначительно.

Кивнула из вежливости, принимая предупреждение.

— Тельма не прекращает поиски способа, как можно скрыть вещицу от магического зрения.

— Видел, видящая появилась с тобой рядом, — восторженно воскликнул неожиданно дед, — почему её не попросишь?

— Так она только-только как инициировалась! Девчонка совсем! Миртой зовут, — растерялась. — Её Селеста забрала в Ковен на два года.

— Вон, значит, как, — задумчиво произнес собеседник. — Верховная себе преемницу присмотрела.

— Думаете? — спросила оживленно.

— С таким даром ведьмы очень редко рождаются. Будь уверена, глава её уже не выпустит из своих загребуших рук.

— А Мирточка в Груна влюбилась. Теперь страдает. — Печально вздохнула, вспомнив, как дочь Брука переживала за юношу, который, к слову сказать, остался к ней совершенно равнодушен. — Может, увидела что-то в своем будущем?

— Я мало что знаю про ведьм-предсказательниц. Но если Селеста оставит девчонку у себя ученицей, то не видать той ни Страбора, ни кого-то другого.

— Да как же это, — растерялась. — Ей не позволят иметь семью, детей?

— А когда ей их заводить, — фыркнул старик, — если она из Ковена не сможет уйти, пока не пройдет всю Великую школу ведьм?

От этой новости совсем тоскливо стало.

— Это сколько?

— Да, почитай, лет двадцать.

— Ох... — только и вымолвила, от всей души сочувствуя Мирте.

— Ты одна или с матушкой вернулась? — отвлек меня дед от безрадостных мыслей. — Как здоровье родительницы?

— С мамой, — старалась ответить бодро, но кислые нотки все-таки прорвались. — Ей... тяжело было принять все это. Лечение она перенесла стойко, мужественно знакомилась с окружающим миром, но выдержки её хватило ровно до того момента, как я познакомила её с Аррией Флайт — художницей, которая умеет чудесным образом преображать людей при помощи волшебной краски. То, что мастерица сделала с внешностью сорокалетней женщины, осознать оказалось сложнее, чем оздоровление посредством магии. Гантер, личный лекарь его сиятельства графа Каре, за три сеанса потрепанное сердце родительницы превратил в орган — космонавтам на зависть!

Закончила говорить, окончательно сникнув. Надобно ли рассказывать старику обо всех переживаниях родного человека? О не проходящей панике в её глазах на протяжении всего времени пребывания на Планиде? О бессоннице, что измучила Алину Векшину, пока я не стала тайно добавлять в её питье сонные капли? О страхе за свое будущее? Меня, как ни странно, волнение этого рода не коснулось, стоило только познакомить её с Тельмой и Рихардом. Хотя, подозреваю, образ баронессы Брайт сыграл наиглавнейшую роль. Мама была бесконечно тронута заботой пожилой дамы о незнакомой девчонке, попавшей в такую страшную, невыносимую ситуацию.

— Подожди два месяца. — Хьюго Вуд похлопал меня по руке, утешая. — Ровно столько нужно времени, чтобы один сомневающийся мужчина понял свою ошибку, отпустив от себя свое счастье. И ровно столько нужно времени, чтобы одна любящая мать поняла и приняла выбор дочери. Это касается не только её избранника.

Я слушала, затаив дыхание.

— Вы про графа Карре? Удивительно... Ни словом, ни взглядом не выдал своих чувств. Всегда оставался с мамой вежливо-предупредителен, обходителен, учтив, корректен. Вы же сейчас не от доброты душевной?.. Вы видели их будущее, да? — пристала с расспросами к старику, не скрывая своего жгучего любопытства,

— А что, были еще претенденты на руку родительницы? — Заломил седую бровь бывший слуга.

— О, как раз-таки... да! Был.

В двух словах поведала собеседнику комичную историю, которая произошла в лавке Аррии Флайт дней десять назад.

Так уж вышло, что наш визит в Злавику совпал с приездом уважаемого Бай Хайрата — купца из Эмера, давнего поклонника хозяйки. Госпожа Векшина, находясь в некоем пристукнутом состоянии после нанесения мастерицей макияжа, не сразу поняла, что стала объектом пристального внимания вошедшего мужчины в богато расшитом на восточный манер длинном халате. Растерялась, когда уважаемый вдруг ни с того ни с сего возвеличил её имя до Алина-Майсун*; прочитал: «Ты солнцем гордой красоты мой разум ослепила. Ты сердце опалила мне услadoю хмельной...»; тут же не дав опомниться, позвал замуж и, довольный собой, умчался по своим делам.

Пока мама приходила в себя от обрушившегося на её голову счастья, Аррия-Найрият «оплакивала» свою незавидную участь «предпоследней жены» в гареме эмерского купца. «Была» любимой четвертой, и это грело самолюбие, и тут объявилась вдруг неизвестно откуда «соперница», претендующая на место пятой — обожаемой, и вскружила голову её кавалеру одним взглядом серых глаз. Безобразие! Флайт от души веселилась, а маму Верина отпаивала аналогом валерьянки. «Коварная и мстительная» хозяйка художественной лавки на этом не успокоилась. Стоило только на пороге появиться нашему сопровождающему — графу Гектору Карре, ему тут же преподнесли на блюде горячую новость «сватовства пустынного торговца».

Усмехнулась, вспомнив насупленный взгляд и глубоко задумчивое выражение лица милорда. Справился он тогда с собой быстро, развеяв подозрение на зарождающиеся некие чувства к матушке.

Воргул слушал, не перебивая и тихонько посмеиваясь. Казалось, ему доставляет огромное удовольствие беседовать с эмоциональной девицей и самому купаться в её внимании.

— Утомила я вас, дедушка?

— Нет, что ты! — подтверждая мои мысли, вскинулся Хьюго. — Мне было чрезвычайно интересно все, о чем ты мне поведала, как и твоё общество.

— Вы решились? — осторожно спросила, боясь напугать своим напором.

— Ты же не отстанешь?

— Нет.

— У меня кот.

Кашлянула, сдерживая смех: это что, попытка сойти с поезда? Не получится!

— Возьмем с собой.

— Когда?..

— Нам надо сегодня вернуться до вечера, не хочу заставлять его сиятельство волноваться. В запасе часа четыре есть.

Дед задумался.

— Говоришь, лекарь у графа хороший?

— Очень. Большая умница!

— У меня, понимаешь ли, развился артроз коленей, и поясницу к ночи простреливает...

Я улыбнулась. Старики во всех мирах остаются стариками.

— Обещаю, поставим вас на ноги и рванем на Сейшелы... Или в Шудар. Вы покажете мне свою родину?

— Запрещенный прием используешь, девонька, — по-доброму усмехнулся воргул, покачав головой, — уговорила.

Три месяца спустя

Колокол маленькой часовни ударил тридцать четыре раза — ровно столько, сколько было его сиятельству графу Вилмору Морану на момент смерти. Такова традиция погребения ушедших за грань миров жителей Триберии.

Два одинаковых саркофага из белого камня стояли в семейной усыпальнице настолько близко друг к другу, что невозможно было просунуть между ними ладонь. Графиня Элин Моран могла наконец обрести душевный покой — её муж вернулся к ней.

Все находившиеся в этот час на церемонии прощания с его сиятельством в скорбном молчании склонили головы, слушая надрывный звон печального глашатаю, разносившего по округе весть, что ушел из жизни аристократ — отец, зять, путешественник, исследователь и просто замечательный человек. Траур опустился на поместье Бережины.

Решение перезахоронить погибшего в чужом мире милорда было принято всеми родными единодушно. Хьюго Вуд, бывший слуга его сиятельства, поведал печальную историю смерти своего господина от

случайной пули во время криминальной разборки между враждующими наркокартелями в Акапулько.

Мексика... Солнечный полдень, маленькое уличное кафе, тысяча песо в кармане светлого пиджака. Два месяца путешествий по Южной Америке. Вилмор считал, что отвел беду в лице коллекционера от дома, от родных. Они собирались вечером вернуться на Планиду... Пора. Чужой мир надоел до оскомины. Но вмешался случай, обернувшийся жуткой трагедией.

Верный слуга надеялся... нет, запоздалое видение его уверило — тело хозяина вернется домой. Надо только найти того, кто сможет открыть путь при помощи артефакта. Подождать всего несколько лет ту, что станет следующей владелицей таурона. А пока...

Триста метров на северо-восток от Валье-дель-Рио, вдоль реки, название которой он даже не старался запомнить, полагаясь на собственную карту в голове, и потом еще пятьсот шагов на север... Там, у сухого дерева у подножия возвышенности, поросшей непроходимым кустарником, в яме на глубине полутора метров пара нанятых бродяг закопает его бесценный ящик, больше похожий на длинный сундук. Там он последний раз полюбуется на хитрый и жадный блеск глаз амиго, расплачиваясь с ними триберийским золотом, чтобы в следующую минуту... равнодушно закрыть им веки — так полагалось по традиции его и этого мира. Ему не нужны были свидетели.

Люди, отдав последний долг уважения графу Морану, тихо выходили из склепа, оглядываясь на старика в песочного цвета хламиде с капюшоном, преклонившего колени перед мраморным гробом. Уткнувшись лбом в холодную плиту, вытесанную из большого куска горной породы, он что-то быстро шептал речитативом, словно долгую молитву на одном дыхании. В шаге от него замер Рихард, не мигая глядел на плоскую, белую в серых прожилках крышку саркофага с выгравированным именем отца. Застывшее осунувшееся лицо пугало своей безжизненной маской.

Наконец старец закончил скорбный «плач» и тяжело поднялся на ноги.

— Прости меня, мой мальчик, — сказал тихо, повернувшись к молодому мужчине, — за то, что не сберег, за то, что не успел...

Граф прикрыл глаза и еле заметно кивнул на слова воргула.

— Спасибо, что все это время был там с ним, — произнес глухим голосом.

Я, не выдержав, беззвучно заплакала, задержавшись у самого выхода, не решаясь оставить дорогого мне человека в такой тяжелый момент. Шмыгнула носом.

Хьюго, мягко взяв меня под руку, потянул на улицу.

— Пойдем, милая. Сейчас его родители будут слушать только своего сына. Это их час.

Раскидистый клен в глубине парка родового поместья графа Морана дрожал листьями на ветру. Осень еще не коснулась их своей желтой и красной краской, лишь с одного бока длинную ветку чуть припудрила золотой пылью. В тени дерева на скамейке с резной спинкой двое. Мама в темно-синем платье смотрелась бледно — этот цвет совсем ей не подходит. Рядом Леонард. Поникий. Он до последнего держался молодцом. Первый вызвался в это нелегкое путешествие в мой мир за останками графа. С каким-то нездоровым остервенением махал лопатой, выкидывая землю из ямы. Все время находился рядом с кузеном, не давая тому погрязнуть в чувстве горькой тяжелой печали. И вдруг наступил такой момент, когда его выдержке пришел конец. Говорят, мужчины не плачут — они выходят на лестницу покурить. Лео вышел из склепа с первым ударом колокола...

Глядя в одну точку, он слушал, о чем ему тихо говорила госпожа Алина. Пальцы теребили листок с дерева. Рвали его по прожилкам. На коленях тонкая тетрадь — один из дневников графа Морана. Уже зачитанные до дыр, они так и не открыли нам секрет связи «таурон — Вилмор Моран». Близнецы продолжали «общаться» со мной, посылая иногда видения или сны, чаще просто нагревались или становились обжигающе-холодными, но это уже в случае, когда ребята были категорически против чего-то. Поддержку или согласие выражали мягкой пульсацией. Успокаивали, окатывая тело ласковым теплом. Предупреждали — словно дергали током. Мне потребовалось немало времени, чтобы согласовать с тауроном этакий «код ощущений». Но самое главное, как мне показалось, он с большим удовольствием переправлял по желанию из одного мира в другой и обратно меня и всех, кто был со мной рядом. Достаточно телесного контакта с хозяйкой магической вещицы и её «будьте так любезны» — и оказываешься в том

или ином месте. Я все чаще обращалась к оберегу, как к предмету из двух половинок — «Лисбет и Танор», «близнецы», «ребятки».

Присела подле родительницы.

— Что ты хотел найти в нем? — спросила у виконта, указав на тетрадь.

— Ответ на вопрос: можно ли с помощью артефакта совершить невозможное? — Усмехнулся криво, нервно. — У тебя получилось вернуться в прошлое, изменить его...

— Я думала об этом, Лео. Не питай напрасные надежды. Там, в Мексике, на месте захоронения я на какой-то миг почувствовала себя всемогущей: как же, с такой штуковиной мне подвластно все! Обмануть время, вмешаться в события, возвращать, спасать, перекраивать историю... За что и получила по мозгам. Оберег очень хорошо дал понять, что он не будет вмешиваться в то, что произошло много лет назад. Я не могу передать то ощущение, когда голова буквально разрывается от видений жутких катастроф — последствий необдуманных желаний. Да и не все, полагаю, подвластно даже ему.

И будто в подтверждении моих слов артефакт под лифом платья нагрелся, не обжигая кожу, но довольно ощутимо. Мама подтянула меня к себе, поцеловала в висок.

— Моя дочь права: не надо воображать себя богом. Это все может плохо кончиться.

Младший Карре отстраненно кивнул и, извинившись, ушел в раздумьях, оставив нас одних.

— Я переезжаю в Злавику, — как бы между прочим заявила родительница, огорошив меня. — Не смотри на меня так! — Улыбнулась на мой обескураженный вид. — Не могу я быть приживалкой, дочь, не умею! Граф Карре помог мне с покупкой дома с маленькой мастерской. В том же квартале, где лавка Аррии.

— Ты что-то придумала?

— Да. Батик!

— О-о-о... — На большее меня не хватило, настолько невероятной была новость.

Я знала, что мама хорошо рисует. Знала, что давним её увлечением была роспись по ткани. Но ничего серьезного — всего лишь хобби на досуге.

— Я показала Флайт свои последние работы. Те, с лотосом и

сакурой. Помнишь? Она была впечатлена. Если бы ты видела, какие журавли получились при помощи волшебной краски. — Склонившись ко мне, вдохновенно зашептала: — Они как живые крыльями машут, стоит только слегка колыхнуть полотно! Представляешь? — Залюбовалась родительницей: горящий взгляд, предвкушающая улыбка. — Бай Хайрат обалдел, когда увидел! Уже сделал заказ на десять палантинов!

— А ты...

— А я счастлива!

— Я рад, — раздался над нашими головами мужской голос. Обе вздрогнули от неожиданности. На плечи Алины Векшиной лег мягкий плед. — Становится прохладно.

Мама смущенно поблагодарила, накрыв ладонью руку Гектора Карре, которую тот не спешил убирать с её плеча. Я умилилась.

Никто не знает, чем закончится этот их осторожный роман. Но то, с какой нежностью эти двое принимают друг от друга знаки внимания, говорит о большой взаимной симпатии. Об очень большой.

Не так давно родительница в разговоре «между нами, девочками» сказала мне: «Аристократы не женятся на пастушках, Анюта. Это тебе повезло стать бессой, а меня кто удочерит? Но, знаешь, этого человека я готова до самой старости любить даже с такими недостатками, как титул и положение в обществе».

Ну а я просто верила — его сиятельство что-нибудь обязательно придумает.

Можно было бесконечно сидеть вот так, молча, греясь в тепле, исходящем от этих двоих, но тянуло туда, в конец аллеи, где меня уже ждали. К одинокой фигуре человека, безумно дорогого, единственного, любимого.

— Тельма прислала записку.

Талию обвили сильные руки.

— Закончились карточки?

Прислонила голову к мужской груди, слушая размеренный стук сердца.

Пожалуй, с моей стороны было свинством обязать ведьму писать пригласительные на церемонию свадебного обряда, в коем соединятся брачными узами граф Рихард Моран и бесса Анна-Лаэта Ньер. Но не

трудно было представить реакцию уважаемых господ на каракули будущей графини. Упаси Боже от такого позора на головы почтенного семейства!

— Аша сбежала из дома.

Фыркнула в сюртук.

— Не впервой. Перри найдет. Всегда находит. Рич, я тут подумала...

— Я знаю этот тон... — Усмехнулся мне в макушку. — Что затеяла на этот раз?

— Дикий континент.

— Опять?!

— Будет преступлением не собрать оставшиеся самородки! Ты помнишь тот, с мой кулак, я запомнила, куда он закатился... совсем неглубоко! И потом, не каждый же день там землетрясение. Ну да, мы все перепугались в первую минуту, но три-четыре балла — это не девять... Не сверли меня взглядом, я не жадная! Я — дальновидная. — Говорила сбивчиво, волнуясь и теребя пуговицу на его одежде, пока та не повисла на одной ниточке. Рванула и втихаря спрятала в кулачке. — Последний раз, честное слово! Не закатывай глаза!

Обманывать нехорошо. Я и не думала и не собиралась выкидывать из головы идею собрать все, что лежит буквально под ногами!

Хьюго оказался ценным информатором! Он де сам когда-то с покойным графом исследовал оставленный первыми поселенцами материк. Куда только не забрасывал их таурон! Опасен путь первопроходца. Однажды два авантюриста чуть не угодили в жерло действующего вулкана. А сколько раз они чудом избегали острых зубов, встретившись при переносе нос к носу с кровожадными хищниками!

Обширная низменная долина на севере запретных земель открыла им секрет не только на наличие золота. В пойме одной быстрой речки путешественники с удивлением и восторгом обнаружили целые россыпи драгоценных камней.

Я этот факт бессовестно скрыла от его сиятельства. До поры до времени... Ювелир в Ливике вот уже вторую неделю создает шедевр по моему заказу — перстень с большим рубином в подарок жениху.

— Мне порой кажется, что ты задалась целью перещеголять меня в состоянии.

Отстранилась от мужчины в легком недоумении.

— Отнюдь, всё непременно в общую копилку, и потом... я думаю о будущем наших детей.

— Ну-у... до них...

— Ой ли!

Рукой невольно провела по животу. Взгляд Рихарда уловил этот красноречивый жест.

Наверное, солнце еще никогда не светило так ярко, счастье не было таким полным, а выражение лица любимого — таким обескуражено-глупым.

Конец.

**Майсун — мусульманское женское имя означает: обладающая красивым лицом и телом.*

10.03.2018